

ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА
УГОЛОВНОГО ПРАВА И
УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССА

В. М. БОЛДЕНКИНА

НОРМЫ МЕЖДУНАРОДНОГО
ПРАВА В РОССИЙСКОМ
УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ

ЮРИДИЧЕСКИЙ
ЦЕНТР

Валентина Михайловна Волженкина,
кандидат юридических наук,
старший советник юстиции

В 1966 г. окончила ВЮЗИ (Оренбургский филиал).

Работала в органах прокуратуры более 30 лет — старшим следователем, помощником, заместителем прокурора района, заместителем начальника Управления по надзору за рассмотрением уголовных дел в судах прокуратуры Узбекистана, старшим прокурором методического отдела Следственного управления Прокуратуры России.

В 1996 г. перешла на преподавательскую работу в Санкт-Петербургский юридический институт Генеральной прокуратуры РФ.

В 1999 г. защитила кандидатскую диссертацию на тему: «Применение норм международного права в российском уголовном процессе».

В настоящее время — доцент юридического факультета Северо-Западной академии государственной службы.

Является автором работ: «Применение норм международного права в российском уголовном процессе» (1997), «Европейская конвенция о защите прав человека и российский уголовный процесс» (1998), «Международное сотрудничество в сфере уголовной юстиции» (1998), «Оказание правовой помощи по уголовным делам в сфере международного сотрудничества» (1999).

АССОЦИАЦИЯ ЮРИДИЧЕСКИЙ ЦЕНТР

**Теория и практика уголовного права
и уголовного процесса**

В . М . ВОЛЖЕНКИНА

**НОРМЫ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА
В РОССИЙСКОМ УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ**

Санкт-Петербург
Юридический центр Пресс
2001

УДК 343.1 341.492
ББК 67.411+67.412.1
В 67

Редакционная коллегия серии

«Теория и практика уголовного права и уголовного процесса»

Р. М. Асланов (отв. редактор), *А. И. Бойцов* (отв. редактор),
Б. В. Волженкин, *Л. Н. Вишневская*, *А. В. Гнетов*, *Д. И. Мальков*,
Н. И. Мацнев (отв. редактор), *С. Ф. Милюков*, *М. Г. Миненок*,
С. Г. Сафонова, *Н. А. Сидорова*, *М. Н. Становский*, *А. П. Стуканов*,
А. В. Федоров, *Д. А. Шестаков*, *А. А. Эскархопуло*

Рецензенты

В. С. Джатиев, доктор юридических наук,
профессор Владикавказского института экономики, управления и права;
Р. В. Касютина, начальник отдела Главного следственного управления
Федеральной службы налоговой полиции РФ, полковник налоговой службы;
В. Н. Осипкин, кандидат юридических наук, доцент,
зав. кафедрой Санкт-Петербургского юридического института
Генеральной прокуратуры Российской Федерации, ст. советник юстиции.

Волженкина В. М.

В 67

Нормы международного права в российском уголовном процессе. —
СПб.: Издательство «Юридический центр Пресс»; Санкт-Петербургский
юридический институт Генеральной прокуратуры РФ, 2001. — 359 с.

ISBN 5-94201-001-3 (ЮЦП)
ISBN 5-89094-093-7 (СПб ЮИ ГП РФ)

В работе исследуются теоретические основы применения норм международного права в российском уголовном процессе и практические проблемы применения этих норм. Автор предлагает классификацию принципов международного права, применяемых в сфере международного сотрудничества по уголовным делам, а также систему принципов международного сотрудничества.

Для практических работников, преподавателей, аспирантов и студентов юридических учебных заведений.

ББК 67.411+67.412.1

© В. М. Волженкина, 2001
© Изд-во «Юридический центр Пресс», 2001
© Оформление. Санкт-Петербургский юридический институт Генеральной прокуратуры РФ, 2001

ISBN 5-94201-001-3 (ЮЦП)
ISBN 5-89094-093-7 (СПб ЮИ ГП РФ)

Уважаемый читатель!

Вы открыли книгу, входящую в серию работ, объединенных общим названием: «Теория и практика уголовного права и уголовного процесса».

Современный этап развития уголовного и уголовно-процессуального законодательства напрямую связан с происходящими в России экономическими и политическими преобразованиями, которые определили необходимость коренного реформирования правовой системы. Уже вступили в силу новые Уголовный и Уголовно-исполнительный кодексы. Ближится к завершению разработка нового Уголовно-процессуального кодекса РФ.

В этих законах отражена новая система приоритетов, ценностей и понятий, нуждающихся в осмыслении. Появившиеся в последнее время комментарии и учебники по данной тематике при всей их важности для учебного процесса достаточно поверхностны. Стремление познакомить читателя с более широким спектром проблем, с которыми сталкиваются как теоретики, так и практики, и породили замысел на более глубоком уровне осветить современное состояние отраслей криминального цикла. Этой цели и служит предлагаемая серия работ, написанных по актуальным проблемам уголовного права, уголовно-исполнительного права, криминологии, уголовного процесса и криминалистики.

У истоков создания настоящей серии книг стояли преподаватели юридического факультета Санкт-Петербургского государственного университета. Впоследствии к ним присоединились ученые Санкт-Петербургского юридического института Генеральной прокуратуры Российской Федерации и других ведущих вузов России, а также известные зарубежные криминалисты, обладающие большим опытом научных исследований в области уголовного права, уголовно-исполнительного права, криминологии, уголовного процесса и криминалистики.

В создании серии принимают участие и юристы, сочетающие работу в правоохранительных органах, других сферах юридической практики с научной деятельностью и обладающие не только богатым опытом применения уголовного и уголовно-процессуального законодательства, но и способностями к научной интерпретации результатов практической деятельности.

К настоящему времени вышли из печати работы Б. В. Волженкина «Экономические преступления», В. И. Михайлова и А. В. Федо-

рова «Таможенные преступления», Е. В. Топильской «Организованная преступность», М. Н. Становского «Назначение наказания», В. Б. Малинина «Причинная связь в уголовном праве», Д. В. Ривмана и В. С. Устинова «Виктимология».

Предлагаемая серия основывается на действующем российском законодательстве о противодействии преступности и практике его применения с учетом текущих изменений и перспектив развития. В необходимых случаях авторы обращаются к опыту зарубежного законодательства и практике борьбы с преступностью, с тем, чтобы предоставить отечественную систему в соотношении с иными правовыми системами и международным правом.

Ярким тому подтверждением служит предлагаемая Вашему вниманию работа кандидата юридических наук, старшего советника юстиции В. М. Волженкиной «Нормы международного права в российском уголовном процессе», в которой решается множество проблемных практических вопросов взаимодействия национального и международного права в сфере межгосударственных соглашений об оказании правовой помощи в уголовном судопроизводстве.

Надеемся, что найдем в Вас взыскательного читателя, если Ваша принадлежность к юридико-образовательной или правоприменительной деятельности вызовет интерес к этой серии книг.

Редакционная коллегия
январь 2001 г.

ВВЕДЕНИЕ

Проблема преступности как негативного феномена в настоящее время приобрела глобальный характер и практически во всех странах мира становится препятствием социально-экономическому развитию, существенно ущемляет права человека¹.

Ухудшается криминальная ситуация и для Российской Федерации. Распад СССР и образование 15-ти суверенных государств на его бывшей территории повлекли разрушение единой правоохранительной системы и единого правового пространства. Но суверенизация территорий не обеспечила локализацию преступности, а «прозрачность» границ привела к распространению преступлений международного характера. Как и в большинстве стран СНГ, в России нет четкой границы между легальной и теневой экономикой. Сложность переходного периода используют организованные преступные группировки — российские и других государств.

Современная криминогенная ситуация в России феноменальна по структуре, масштабам преступных проявлений и силе разрушительного влияния на деятельность и безопасность страны, права и свободы граждан. Интернационализация организованной преступности с перерастанием в международную создает угрозу не только российскому государству, но и всему международному сообществу, требует принятия комплекса совместных мер, способных противостоять этому опасному социальному явлению. Развитие сотрудничества стран в борьбе с преступностью является важным способом решения этой задачи.

¹ См. об этом: *Лунеев В. В.* Преступность XX века. Мировые региональные и российские тенденции. М., 1997; *Преступность и законодательство* / Отв. ред. А. И. Долгова. М., 1997; *Преступность и реформы в России* / Под ред. А. И. Долговой. М., 1998.

В Концепции национальной безопасности Российской Федерации, утвержденной Указом Президента РФ от 17 декабря 1997 г., среди основных задач внешнеполитического курса России в современных условиях названо «развитие международного сотрудничества в борьбе с транснациональной преступностью и терроризмом»². Указом Президента РФ от 10 января 2000 г. в Концепцию внесены существенные изменения, усиливающие значимость национальных интересов во внешней сфере: «Национальные интересы России как великой державы — одного из влиятельных центров многополярного мира, в развитии равноправных и взаимовыгодных отношений со всеми странами и интернациональными объединениями, прежде всего с государствами — участниками Содружества Независимых Государств и традиционными партнерами России, в повседневном соблюдении прав и свобод человека и недопустимости при этом двойных стандартов. Сотрудничество в борьбе с преступностью является частью социального взаимодействия РФ с суверенными государствами»³.

Отражение государственной политики борьбы с преступностью в правовой системе страны — одно из важнейших условий эффективной деятельности правоохранительных органов⁴.

В результате государственных преобразований и судебной реформы активно развивается кодифицированное конституционное, уголовное, уголовно-исполнительное, таможенное, банковское, финансовое и другие не менее важные отрасли права. Приняты новый УК РФ, Федеральные законы, регулирующие и некоторые вопросы международных отношений Российской Федерации: «О междуна-

² Российская газета. 1997. 26 дек.

³ Российская газета. 2000. 18 янв.

⁴ Известный российский ученый-юрист А. Д. Бойков под государственной политикой понимает «определение задач, принципов и средств той части государственной деятельности, которая объектом воздействия имеет как саму преступность, так и те общественные отношения, которые ее порождают». Он пишет, что для формирования государственно-правовой политики важнейшее значение имеют конституционное положение о приоритете правовой защиты: основ конституционного строя, целостности Российской Федерации, безопасности государства, прав и свобод человека и гражданина в сфере уголовного судопроизводства и правовой системе в целом. См.: *Бойков А. Д.* Понятие и принципы государственно-правовой политики борьбы с преступностью // *Формирование государственной политики борьбы с преступностью: Материалы конференции.* М., 1997. С. 18.

родных договорах Российской Федерации», «О Государственной границе Российской Федерации», «О гражданстве Российской Федерации» и т. д. Конституция РФ 1993 г. учла мировые стандарты в области прав человека и гражданина, закрепила верховенство закона и единство ее правовой системы.

Важным направлением борьбы с преступностью независимой России в качестве полноправного субъекта международного права является взаимодействие с другими государствами на основе международных договоров. В последние годы сложилась определенная система такого сотрудничества, разработаны и действуют процедуры по некоторым вопросам правовой помощи, в том числе и в уголовном процессе. В области прав человека применяется целостная система международных документов и соответствующие механизмы контроля за исполнением их положений. Наиболее значимыми базовыми международными актами являются: Всеобщая декларация прав человека, принятая Генеральной Ассамблеей ООН 10 декабря 1948 г. (имеет рекомендательный характер), Международный пакт о гражданских и политических правах 1966 г., Конвенция Содружества Независимых Государств о правах и основных свободах человека 1995 г., Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод 1950 г., Венская конвенция о праве международных договоров 1969 г. и др.

Российская Федерация — участница более 30-ти международных конвенций и множества двусторонних соглашений и договоров, как заключенных самостоятельно, так и обязательных для исполнения ею в качестве правопреемницы СССР. Международная правовая база в сфере уголовной юстиции в последние годы значительно расширилась за счет активного сотрудничества России со странами Содружества Независимых Государств. Важное значение имеет Конвенция о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам от 22 января 1993 г. (далее — Минская конвенция).

В современных условиях значение института оказания правовой помощи по уголовным делам возрастает и ставит задачу совершенствования форм сотрудничества в целом с учетом реальных перемен в количественных и качественных характеристиках преступности.

Исходя из значимости права в борьбе с международной преступностью, на конституционном уровне определено, что регулятором

межгосударственного сотрудничества в сфере уголовной юстиции выступает специально предназначенный международный договор РФ.

Конституция установила, что международный договор Российской Федерации и общепризнанные принципы и нормы международного права являются частью правовой системы России и наделила преимуществом для применения правила международных договоров в случае их коллизии с нормами российских законов (ч. 4 ст. 15). Это положение воспринимается как данность, с теми или иными вариациями воспроизводится в федеральных законах Российской Федерации и без глубокого теоретического осмысления и проработки практических аспектов его применения приводится в литературе по уголовному процессу.

Между тем указанное положение создает ряд коллизионных проблем, которые требуют законодательного решения. Действующий УПК РСФСР практически не содержит норм, регламентирующих процедуру применения правил международного права в уголовно-процессуальной деятельности. Многочисленные изменения в УПК РСФСР не коснулись неурегулированных аспектов сотрудничества судебно-следственных органов на международном уровне. Не имеет основополагающей концепции фактическое применение уголовно-процессуального законодательства иностранных государств в практике оказания правовой помощи по уголовным делам. Не регламентировано взаимодействие судебно-следственных органов со странами, не имеющими с Россией договоров. Концепция национальной безопасности страны в борьбе с преступностью во внешней сфере пока не получила комплексного целенаправленного и последовательного развития.

Отечественная практика взаимодействия судов и следственных органов соответствующих ведомств не имеет единообразия и нуждается в углубленном изучении с целью теоретической разработки основ применения норм международного права в российском уголовном процессе.

В дореволюционной России вопросы, касающиеся международных отношений, затрагивались учеными-международниками, а также в курсах уголовного и уголовно-процессуального права в связи с рассмотрением проблем действия уголовного закона в пространстве, выдачи преступников, права убежища, гражданства, положения иностранцев и других аспектов. Выдающееся значение имели труды

Ф. Ф. Мартенса, М. Ф. Владимирского-Буданова, И. Я. Фойницкого, Н. С. Таганцева, Н. Д. Сергеевского, В. П. Даневского, П. Е. Казанского, А. С. Ященко и других классиков отечественной юриспруденции.

В советский период истории России был опубликован ряд работ, посвященных международному сотрудничеству в уголовной юстиции и различным аспектам уголовного права и процесса (Н. Т. Блатова, П. Н. Бирюков, А. И. Бастрыкин, Р. Л. Бобров, И. П. Блищенко, С. В. Бородин, Я. М. Бельсон, Р. М. Валеев, Л. Н. Галенская, В. П. Зимин, В. К. Звирбуль, Г. В. Игнатенко, И. И. Карпец, В. Н. Кудрявцев, Л. М. Карнеева, Ф. И. Кожевников, Е. Г. Ляхов, Д. Б. Левин, В. И. Наумов, В. П. Панов, В. И. Руднев, Г. И. Тункин, Д. И. Фельдман, А. Ф. Федоров, М. А. Чельцов-Бебутов, Р. Х. Якупов и др.). Интерес к международно-правовой тематике и соотношению международных и внутригосударственных норм резко возрос в 80–90-е годы. Однако подавляющее большинство исследований было связано с проблемой реализации международных документов о правах человека в российском законодательстве и практике их применения (Л. Б. Алексеева, М. И. Абдуллаев, А. Д. Бойков, И. Ф. Демидов, В. А. Карташкин, В. М. Савицкий, М. Л. Энтин и др.) или проблемами соотношения международного и внутригосударственного права (С. С. Алексеев, Э. М. Аметистов, В. Г. Буткевич, Г. М. Даниленко, В. М. Жуйков, И. И. Лукашук, С. Ю. Марочкин, Н. В. Миронов, Р. А. Мюллерсон, В. К. Собакин, С. В. Поленина, Ю. А. Решетов, А. Н. Талалаев, Ю. А. Тихомиров, О. И. Тиунов, Е. Т. Усенко, С. В. Черниченко, Б. С. Эбзеев и др.).

Только в самое последнее время стали появляться работы, посвященные отдельным вопросам применения норм международного права в уголовном процессе с учетом положений Конституции РФ, Минской конвенции и других документов (Е. В. Быкова, А. Г. Волеводз, Г. В. Дашков, Р. А. Каламкарян, В. Н. Кудрявцев, Е. Г. Ляхов, С. А. Лобанов, Н. И. Марышева, Э. Б. Мельникова, Н. В. Наумов, З. А. Николаева, В. П. Панов, Н. В. Радутная, К. С. Родионов, А. С. Шагинян и др.).

Семилетний опыт действия Минской конвенции и длительный период сотрудничества на основе других международных договоров РФ обнаружил серьезные недостатки, связанные с несовершенством ряда норм и проблемами их применения.

Введение в действие Европейской конвенции о выдаче 1957 г. и Европейской конвенции о взаимной правовой помощи по уголовным делам 1959 г. и Дополнительных протоколов к ним, наделенных приоритетом для применения, значительно осложнит применение на территории Российской Федерации Минской конвенции и ряда других договоров. Требуется корректировка некоторых правил международных договоров. Необходимо принять упрощенный порядок сотрудничества и ввести прямые контакты между учреждениями юстиции России и других государств, установить взаимное признание приговоров судов, конкретизировать порядок заключения под стражу и продление срока содержания под стражей выдаваемых лиц, по возможности исключить бланкетные правила и прецеденты из сферы сотрудничества в уголовном судопроизводстве и принять ряд других мер по совершенствованию оказания правовой помощи по уголовным делам.

Предложенная регламентация вопросов института оказания правовой помощи по уголовным делам и применения правил международных договоров в проекте УПК РФ, принятом Государственной Думой в первом чтении в 1997 г., этих задач не решает. В этом документе не имеется единой концептуальной идеи, не решены некоторые смежные аспекты, обнаруживается непоследовательность и противоречивость некоторых норм. Проект не предусматривает процессуального порядка реализации многих положений, указанных в международных договорах, что крайне осложнит их процессуальное выполнение на практике, выбор и применение соответствующей нормы. В новом УПК России предстоит восполнить пробелы и несовершенство действующих международных норм и более полно отразить вопросы взаимодействия судебно-следственных органов России и других государств по уголовным делам.

В российском уголовном процессе необходимо сохранить кодифицированную форму уголовно-процессуального законодательства, способного наиболее эффективно защитить права человека и гражданина. При этом важно использовать опыт дореволюционной России не только в практике осуществления международных связей, но и их правового обеспечения, а также в вопросах разработки и конструирования правовых норм, как внутренних, так и международных, с учетом национальных интересов России.

Глава I

ИСТОРИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ПРАВОВЫХ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ РОССИИ

Интересы борьбы с преступностью издавна обязывали государства объединять свои усилия, оказывать друг другу правовую помощь.

В дошедших до нашего времени памятниках русского права можно найти многочисленные доказательства этому.

На всех этапах истории России ее народы объединяли общие интересы, что обусловило устойчивость связей между славянами и иными общинами, удельными княжествами между собой, а затем и с церковью как самостоятельным субъектом общественных международных отношений. Указанные обстоятельства определили необходимость сотрудничества, совершенствования форм взаимодействия и требовали быстрого согласования усилий.

Постоянные изменения границ владений Древней Руси, слияние княжеств, переход их под юрисдикцию иноземных правителей сказывались на законодательстве этих территорий. Происходило взаимопроникновение правовых норм. Одни из них становились внутренними, другие — международными, а не востребуемые — прекращали свое существование. Распространение христианства на Руси привело к появлению в русском праве разнообразных уголовных и процессуальных канонических норм. Для разрешения уголовных дел о религиозных преступлениях византийское духовенство, прибывшее в Киевское государство для управления церковью, приняло Градский закон — Прохирон византийского императора Василия Македонского, изданный в VIII в. Применение византийского

права церковниками было необходимо, поскольку Русская Правда, как и другие светские законы, имели пробелы по этим вопросам⁵. В этот период роль и значение церкви настолько усилились, что она стала самостоятельным субъектом международных отношений и получила неограниченную юрисдикцию в регулировании межгосударственных и светских правоотношений. На протяжении последующих веков право существенно изменилось, но религиозные постулаты полностью не исключались из правовой системы русского государства всех политических систем вплоть до 1917 г. Действовали они и во внешнеполитической сфере.

Особенностью древнерусского права является его «соборность» — принятие законов на княжеских съездах — соборах. Древняя Русь представляла собой множество отдельных, территориально обособленных княжеств, как самостоятельных, так и не обладавших полной независимостью. Это обстоятельство вынуждало искать пути к сотрудничеству и принятию общих правовых положений, приемлемых для заинтересованных сторон. Поэтому элементы международного права тесно переплетались с национальными законодательствами и находили в них основу для создания и применения.

Теории о происхождении права на Руси различны⁶. Значимость влияния византийского, скандинавского (нормандского), германского, римского права и иных правовых систем ученые оценивают по-разному. Некоторые исследователи считают, что русское право формировалось самостоятельным путем, воздействие иностранных законов было несущественным.

Анализ древнерусских источников примиряет эти позиции. Русь не существовала автономно от других государств и народов. Будучи многонациональной и окруженная другими странами, подчиня себе другие территории и подвергаясь агрессии, она воспринимала и обычаи своих народов, которые становились законами, и вводила в свою правовую систему законы или их отдельные элементы чужих стран, с которыми сотрудничала. Но и русское законодательство

⁵ См.: Юшков С. В. Общественно-политический строй и право Киевского государства. М., 1949. С. 189.

⁶ См. об этом подробнее: Калачов Н. В. Предварительные юридические сведения для полного объяснения Русской Правды. Вып. 1. 2-е изд. Спб., 1880. С. 25, 44–55, 72–74; Карамзин Н. М. История государства Российского. Т. 1. Спб., 1842. С. 144.

было предметом заимствования иностранными державами. Полемика по истории международного права в сфере борьбы с преступностью продолжается и поныне и имеет множество точек зрения⁷. Но возникновение и развитие международного права как следствие суверенизации государств и взаимной потребности в сотрудничестве особых возражений не вызывает. Идея соблюдения национальных интересов во взаимоотношениях договаривающихся стран прослеживается довольно четко и характерна для всех видов и форм внешних связей, включая уголовную юстицию⁸. Эта идея имеет принципиальное значение в области международных отношений и в наше время и определяет государственную политику в борьбе с преступностью.

Нидерландский ученый Г. Гроций и его последователи разрешение внутренних проблем непосредственно связывали с действием национального права во внешней политике⁹, что присуще и развитию международного права на Руси. Анализируя все виды международных договоров, которые создавались по аналогии с соответствующими внутренними нормами, И. И. Лукашук приходит к выводу: «И в наше время внутригосударственным нормам принадлежит первостепенная роль в регулировании внешних сношений... В процессе формирования международного права основным источником опыта служило национальное право, нормы которого приспособлялись к международной жизни»¹⁰.

Выдающуюся роль в развитии законодательства сыграла Русская Правда. Впоследствии она действовала даже в Литовском княжестве. Введенные этим законом процедурные установления — новеллы великих князей (под более поздним названием «Краткая Правда») с целью охраны администрации княжеского домена положили начало законодательным привилегиям, широко распростра-

⁷ См., напр.: *Левин Д. Б.* История международного права. М., 1962. С. 6; *Поздняков Э. А.* Внешнеполитическая деятельность и межгосударственные отношения. М., 1986. С. 131; *Баскин Ю. А., Левин Б. Д., Фельдман Д. И.* История международного права и его науки до Великой Октябрьской революции: Курс международного права: В 7 т. Т. 1. М., 1989. С. 31.

⁸ *Мартенс Ф. Ф.* Современное международное право цивилизованных народов: В 2 т. СПб., 1898. Т. 1. С. 32.

⁹ *Гроций Г.* О праве войны и мира. Три книги. М., 1956. Прологомены.

¹⁰ *Лукашук И. И.* Нормы международного права. М., 1997. С. 27, 35.

ненным в современном международном, уголовном и уголовно-процессуальном праве и внутреннем законодательстве государств.

Правда Ярославичей была принята в 1072 г. на съезде удельных князей как глав самостоятельных государств, что по современной оценке придает ей характер международного документа. На таких соборах рассматривались вопросы защиты территорий, сбора дани, общего управления и другие проблемы. В принятом правовом документе закрепились достигнутые договоренности и процедурные правила.

Сохранились тексты Краткой Правды 1136 г. и Пространной Правды 1209 г.¹¹, которые объединяли несколько разноименных кодексов и регулировали взаимоотношения и деятельность князей в Киеве и Новгороде. Эти документы содержали процедурные нормы и другие элементы международного права, ибо княжества выступали субъектами суверенных территорий.

Статья 10 Краткой Правды интересна как первая в России уголовно-процессуальная норма, определяющая правовой статус иностранца. Терминами «варяг» и «колбьяк» обозначались иностранцы вообще, независимо от их национальной принадлежности. Иностранцы служили дружинниками, торговали, имели свои дворы, имущество, проживали в древнерусских городах, но не находились в равных условиях с коренными жителями. Им было трудно найти свидетеля для защиты своих интересов. Вину обидчика иностранцы доказывали личной присягой¹².

О статусе жилища в Киевской Руси дает представление ст. 17 указанного Закона. Холоп, укрывшийся в доме своего господина, не может быть изъят оттуда. Понятие неприкосновенности жилища охранялось законом. Правовое обоснование неприкосновенности жилища можно отнести к началу возникновения института иммунитетов в международном праве и создания современных норм. Русская Правда не содержала процедуры обыска. В случае уличения в краже ограничивались показаниями послухов (очевидцев)¹³.

¹¹ См.: *Памятники русского права*. Вып. 1. М., 1952.

¹² См.: *Российское законодательство X–XX вв.*: В 9 т. / Под общ. ред. О. И. Чистякова. Т. 1. Законодательство Древней Руси / Отв. ред. В. Л. Янин. М., 1984. С. 54.

¹³ Там же. С. 56, 57.

Древнерусская Правда содержала множество процессуальных норм. Разрешение споров судом было характерно для Древней Руси и обусловило развитие судопроизводства на всех этапах развития русского государства. Это определило значение процесса для всех отраслей права и его место в правовой системе как необходимого механизма для регулирования внутренних и международных общественных отношений.

Статья 67 Пространной Правды¹⁴ посвящена частично и процессуальному праву. В ней излагались уголовно-наказуемые запреты и процедуры их применения. Специальная ответственность и процессуальная регламентация предусматривалась статьей «О мужи кроваве»¹⁵ при драке иностранцев. В суде они присягали по своей вере и бросали жребий, кто платит потерпевшему ставку, определенную судом.

Краткая редакция Устава князя Ярослава содержала положение, согласно которому церковной юрисдикции не подлежали споры между иноверцами (неправославными) и иностранцами (ст. 3)¹⁶. Оно явилось основой международного договора князя Владимира с немцами в XII в. Немец был неподсуден православному священнику и подлежал светскому суду согласно специальным процессуальным правилам в уголовной сфере и гражданских правоотношениях. Международные договоры Новгорода с Готским Берегом конца XII в. и договор Смоленска с Ригой и Готским Берегом середины XIII в. кроме прочих условий включают соглашение об эквиваленте зачетов в золотой гривне на весь период действия. Это один из первых аналогов в мировой практике введения стандартной единицы межгосударственных расчетов в валюте¹⁷. Совершенными для своего времени правовыми актами были Новгородская¹⁸ и Псковская¹⁹ судные грамоты, сформировавшие фундаментальные положения уголовного, административного, международного права и особенно уголовного судопроизводства. В Псковской судной грамоте была установлена упрощенная процедура для принятия решений по уголовным

¹⁴ Там же. С. 107.

¹⁵ Там же. С. 128, 129.

¹⁶ Там же. С. 175.

¹⁷ Там же. С. 127.

¹⁸ Там же. С. 300–320.

¹⁹ Там же. С. 321–385.

делам в конфликтах граждан Псковской земли с иностранцами (ст. 105). Гражданин Пскова мог присягнуть, что не бил и не грабил иностранца, и тем самым отвести обвинение. Это положение было более льготным для гражданина Пскова, чем ранее установленное ст. 31 Пространной Правды, согласно которой иностранец вправе был представить свидетелей для подтверждения собственного показания в суде под присягой. По Псковской судной грамоте показания псковича лишали иностранца такой возможности.

Таким образом, международное право в уголовном судопроизводстве складывалось на Руси на основе внутреннего законодательства. Преобразование русского права в международное происходило естественным путем. Последнее с момента его принятия становилось национальным законом Древней Руси.

Общность целей, стоявших перед древнерусскими княжествами, способствовала принятию законодательства для решения совокупных задач: обеспечения решения внутренних проблем каждого княжества, разрешения споров между ними и достижения общих политических, экономических и военных интересов. Принятие согласованных законов обусловило унифицированный характер фундаментальных положений законодательства Древней Руси. Правовые акты принимались путем договоренности на основе уже действующего в княжествах внутреннего права. Эти правовые акты можно рассматривать как своеобразные международные договоры княжеств, содержавшие в себе нормы международного и внутреннего права и применявшиеся как национальное право на территории каждого княжества. Элементы международного права тесно переплетались с национальными правилами.

Так, ст. 53 Русской Правды (в редакции Пространной Правды) содержит положения законодательства Владимира Мономаха и представителей городских верхов Киева, Белгорода, Переяславля²⁰.

Договоры отдельных княжеств с иноземными государствами и образованиями дополняли законодательство, регулирующее на Руси международные отношения, и вносили иностранные законы или их отдельные нормы в правовую систему древнерусского законодательства.

²⁰ Там же. С. 103.

Международный договор о военной помощи Византии 1011 г. был заключен на основе брака князя Владимира и княгини Анны — сестры византийских императоров Василия и Константина. В результате этого союза с Византией русская церковь наделялась не только неограниченной юрисдикцией, но и иммунитетом от посягательства на ее полномочия при смене власти или переходе ее по наследству. Расширялось юрисдикционное поле иммунитетов²¹.

Большую роль в развитии международного права в России сыграли посольские миссии, посредством которых издревле разрешались межгосударственные проблемы. Так, в трактате России с Бухарой 1873 г. специально оговорены постоянные представительства сторон при дворах, их полномочия и протокольные церемонии. Уголовная неподсудность дипломатических агентов признавалась уже в XVIII в. как условие, вытекающее из их неприкосновенности, необходимое для осуществления дипломатических миссий, но она имела пределы, ограниченные их служебной деятельностью. Институт консулов установился в XIV в. и перешел с Востока. Первые русские консулы были назначены при Петре I в Голландии в 1717 г. на основании ст. 13 Регламента Камер-коллегии. Первый Консульский устав в России был издан в 1820 г., дополнялся и существенно изменялся в 1858, 1893 и 1903 гг. Главные положения Консульского устава 1903 г. применяются и поныне. Консулы осуществляли защиту российских подданных в стране пребывания. Они были полномочны рассматривать гражданские, торговые и уголовные дела в христианских государствах «по обычаю».

Создание в XVI в. Оттоманской империи на длительный период замедлило развитие самостоятельных межгосударственных связей не только России, но и других государств. Посредником на право устанавливать межгосударственные отношения с турками в силу договоров 1528, 1535 и 1740 гг. стала Франция. Первый договор России с Турцией был заключен в 1783 г., в результате которого все права французов и англичан по посредничеству перешли к России. Россия превратилась в сильную мировую державу и способствовала в дальнейшем осуществлению внешних связей других европейских государств. В этот период Россия наиболее активно сотрудничала с

²¹ Там же. С. 144–146.

другими странами. Были заключены договоры с Персией 1717, 1723, 1729, 1732, 1735, 1813 гг., а также Туркменчайский договор 1828 г. На основании последнего все иски и преступления между русскими подданными, проживающими в Персии, рассматривались русским консулом. Преступления русских подданных против местных жителей разрешались персидским судом, но для наказания осужденные передавались российскому консулу или посланнику²².

Первый договор с Китаем (Поднебесной империей) Россия заключила в Нерчинске в 1689 г. На основании ст. 6 этого Договора взаимно выдавались преступники — китайские и русские подданные — виновные в совершении преступлений на чужой территории, для суда над ними, но по национальным законам. В Кяхтинском русско-китайском трактате 1727 г. был впервые выставлен принцип экстерриториальности русских подданных в пределах Китая. Но только по Кульджинскому договору 1851 г. Россия получила право назначать в Китай своего консула с весьма ограниченной юрисдикцией. Полномочия российского консула были расширены Тяньцзинским трактатом 1858 г., подтвержденным Пекинским договором 1860 г.

В 1855 г. в Симодэ Россия заключила два договора с Японией, но в них права и обязанности консулов были определены недостаточно четко. Расширение консульских полномочий было зафиксировано трактатом с Японией 1858 г.

Институт экстрадиции — выдачи преступников — возник ранее других видов международного сотрудничества.

Ч. Беккариа — классик юридической мысли XVIII в., подверг резкой критике институт выдачи, считая его слабостью государства, не способного бороться с преступностью силой морали и собственных законов. Он считал безнравственной практику вознаграждения за выдачу преступника²³.

В России институт выдачи начал формироваться еще в древнерусском государстве и получил достаточно совершенное развитие. Уже в X в. в Древней Руси заключались договоры, устанавливающие процессуальные правила выдачи русских другими государствами.

²² См.: Мартенс Ф. Ф. Указ. соч. Т. 2. М., 1996. С. 20–24.

²³ См.: Беккариа Ч. О преступлениях и наказаниях. М., 1995. С. 212–214.

В источниках упоминается о трех международных договорах с Византией. Наиболее известен Договор киевского князя Олега 911 г. Примечательно, что ст. 5 этого документа содержит ссылку на «закон русский» и свидетельствует о наличии права в Древней Руси и действии его во внешней политике Киевского государства²⁴. Согласно этому Договору русские, совершившие преступления в Византии, должны быть выданы для наказания отечеству, а греки — отсылаться в Византию. Такое же правило записано в Договоре Новгорода с немцами конца XII в.

В Повести временных лет упоминаются Договоры с Византией князей Игоря (945 г.) и Святослава (971 г.)²⁵, предусматривавшие выдачу. Широкое применение имела статья Пространной Правды «О человеке», устанавливавшая ответственность за получение обманом денег и последующий побег в другую землю и процессуальные нормы возврата беглеца из-за рубежа.

Статья 11 Краткой Правды регламентировала ответственность за укрывательство иностранцами сбежавшего от хозяина челядина и устанавливала уголовно-процессуальные и гражданско-процессуальные правила судебного разбирательства. Эти нормы предшествовали формированию процедурных правил для экстрадиции в будущем. Позднее эти нормы были распространены на всех подданных Древней Руси Пространной Правдой (ст. 26)²⁶. Порядок истребования челядина, приравненного к вещи, не исключал применения «заклича» — объявления на торгу о пропавшей вещи и обязанность в 3-дневный срок вернуть владельцу вещь, т. е. челядина. Правила возврата челядина способствовали в дальнейшем формированию процедур выдачи преступников другим государствам²⁷.

Имелась статья и о выдаче в Краткой Правде. По совету духовенства Владимир Красное Солнышко ввел смертную казнь за «наитягчайшее» преступление — умышленное убийство в разбое. Обязанность выдачи лица, совершившего убийство с разбоем на территории верви (сельской общины), лежала на верви. Община была обязана разыскать преступника и выдать его или уплатить штраф

²⁴ См.: Греков Б. Д. Киевская Русь. М., 1953. С. 520.

²⁵ См.: Российское законодательство X–XX вв. Т. 1. С. 142.

²⁶ Там же. С. 54.

²⁷ Там же. С. 28–54.

князю. Процедуру выдачи преступников предусматривала и Пространная Правда Ярославичей (ст. 5)²⁸.

В Соборном Уложении 1649 г. развитие получили нормы о порядке выкупа пленных (ст.ст. 1–3), на основе которых формировалось законодательство о выдаче. Пленный, добровольно сдавшийся противнику, считался преступником, а совершенное им деяние получало правовую оценку государственного преступления и во все времена жестоко каралось, вплоть до смертной казни. Но выкуп подлежала и эта категория пленных. Россия в данном случае использовала свою юрисдикцию на их уголовное преследование, совершая институт суверенитета. Издавна сложились три основные формы освобождения из неволи: выкуп, поголовный размен, полный размен (независимо от числа пленных с той и другой стороны). Практика знала выкуп государственных и частных пленных. Государственные пленные находились на положении заключенных. Частный плен превращался в особую форму рабства. Был введен специальный налог для выкупа — полоняничные деньги. Они складывались из общих сборов всего населения.

Развитию законодательства о выдаче способствовали также множественные правовые акты о возврате владельцам беглых крестьян и холопов в эпоху крепостничества в России. Законы, регулирующие возврат беглых, отражали государственную политику в этом вопросе.

В крупнейшем памятнике права XVII в. Наказе сыщикам беглых крестьян и холопов 1683 г.²⁹ собрано все законодательство предшествующих периодов, регламентирующее розыск и выдачу беглых крестьян. Система государственного сыска беглых крестьян и холопов включала в себя и уголовно-процессуальные нормы, регулирующие: деятельность сыщиков и сыскных приказов в уездах; писцов по составлению переписных книг, что обеспечивало официальную регистрацию беглых; воевод в уездах; полицейскую слежку за пришлым населением; выборных чинов администрации и т. п. Наконец, в общую систему органически входил сыск самих феодалов. Сыщикам предоставлялись широкие полномочия, включая рассле-

²⁸ Там же. С. 59.

²⁹ См.: *Российское законодательство X–XX вв.* Т. 4. Законодательство периода становления абсолютизма / Отв. ред. А. Г. Маньков. М., 1986. С. 80–92.

дование уголовных дел. В их распоряжении был целый аппарат — Приказ сыскных дел. Процесс сыска и возврата беглых включал в себя значительное число детально разработанных норм и казусов, явившихся итогом многолетней практики сыщиков (ст.ст. 17–30). Статья 32 Наказа устанавливала процедуру оповещения на ярмарке о сыске беглых через баричей и предписывала допрос беглых при поимке, но пытка запрещалась. За прием беглых применялись телесные наказания — кнут. Но была предусмотрена ответственность и сыщиков за нарушение ими законов о сыске беглых. Одновременно были определены меры по защите сыщиков как полномочных представителей государства (ст. 6)³⁰.

Наказ 1683 г. в известной степени заложил основы для множества институтов, регулирующих международное сотрудничество — международный розыск, выдачу, накопление и использование информационных банков данных о личности преступника, передвижении, правила взаимодействия по уголовным делам. Но главной его ценностью является совершенствование национального уголовно-процессуального права в целом и закрепление принципа верховенства законов.

Вопросы о выдаче неоднократно возникали в переговорах с Англией и были решены Елизаветой Английской в 1570 г. в письме к Ивану Грозному.

Процедуры выкупа пленных как разновидности выдачи содержались и в Стоглаве — своеобразном памятнике канонического права XVI в.³¹ Глава 72 Стоглава была названа «О искуплении пленных». В результате непрекращающихся войн России с Крымским ханом в середине XVI в. число пленных у противоборствующих сторон было обоюдно огромным. Международный договор 1473 г. с Крымским ханом о передаче пленных без выкупа в последующий период фактически не действовал. Посредническую миссию взяли на себя добровольно иностранные купцы, которые выкупали русских у неприятеля и привозили в Россию. Выкупить

³⁰ См. подробнее об этом: *Новосельский А. А.* Побег крестьян и холопов и их сыск в Московском государстве второй половины XVII века // Труды института истории РАНИОН. Т. 1. М., 1926.

³¹ См.: *Российское законодательство X–XX вв.* Т. 2. Законодательство периода образования и укрепления Русского централизованного государства / Отв. ред. А. Д. Горский. М., 1985. С. 253–381.

пленных у купцов могли родственники. Но если торг не состоялся, купцы беспрепятственно увозили невольников и распоряжались ими по собственному усмотрению. Проблема приобрела государственное значение, требовала законодательного решения. Первым правовым актом, направленным на упорядочение выкупа пленнх, была Грамота Ивана IV к Новгородскому архиепископу Макарию о взыскании с бояр и монастырей средств на освобождение из плена. Собор, созванный в 1551 г., ввел обязательство о попечении освобожденных из плена. Стоглав установил процедуру передачи пленнх русских. Выкуп пленнх Царьградом, Крымом, Казанью, Астраханью и Феодосией производили послы в местах, согласованных иностранными посольствами. Если частных средств не было, то рассчитывались за счет казны. Для выполнения этих миссий выдавались государевы грамоты. Были предусмотрены правила обязательного выкупа пленнх из неволи, привезенных в Москву греческими, турецкими, армянскими и другими купцами. Согласно Судебнику 1550 г. выкупу предшествовало выяснение обстоятельств пленения (ст. 80)³².

Действовал и применялся международный Московский договор о выкупе перебежчиков со Швецией 1557 г. и 1649 г. По последнему трактату перебежчики разделялись на две категории: 1) перебежавшие с 1617 г. по 1 сентября 1647 г. остаются: шведы в России русскими подданными, а русские в Швеции — шведскими подданными; 2) перебежавшие после 1 сентября 1647 г. должны быть взаимно выданы. Причем обе державы приняли обязательство «заказ большой и крепкий учинить, чтобы никаких перебежчиков не принимать, и с одной стороны на другую не подзывать и не подговаривать». Нарушители этой договоренности должны быть наказаны «безо всякой милости».

В Нерчинском договоре 1689 г. Россия обязалась выдавать Китаю его подданных, а китайское правительство — российских перебежчиков, которые покинут родину после подписания трактата. Но в упомянутых договорах речь шла не о преступниках, а именно о беглых из страны, чем были заложены основы миграционного законодательства.

³² Там же. С. 163.

Свод законов Российской Империи (1832 г.) содержал значительное число норм судопроизводства, которые четко определяли подсудность дел. В отношении иностранных подданных, не имеющих дипломатического иммунитета, действовали положения российских законов. Закон предусматривал также ответственность российских подданных, совершивших преступления против Российского государства за рубежом. В Своде законов (ст.ст. 175–181) эти положения формулировались крайне казуистично, на основе международных трактатов о правовой помощи с Турцией, Персией, Китаем, Португалией, Англией, Швецией, Пруссией, Австрией.

Согласно положениям Уложения о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. в случае установления совершения российским подданным преступления против Российского государства или его подданных до отъезда за рубеж, так и совершения им преступного деяния за границей он мог быть востребован к выдаче для привлечения к уголовной ответственности (ст. 179 Уложения). В ст.ст. 180–181 Уложения говорилось о порядке привлечения к ответственности русских подданных, совершивших преступления за рубежом против государства или подданных страны пребывания, а также об особенностях привлечения к ответственности военнослужащих России и иностранных армий на территории России. Общепризнанным принципом международного права уже в то время был принцип невыдачи политических преступников, не потерявший значения и применяемый в настоящее время³³.

Статьи 354–357 Уложения определяли наказания за нарушения установленного в России разрешительного порядка выезда за границу.

Статья 354 квалифицировала недозволенное оставление отечества с поступлением на службу к иностранному правительству или переход в иностранное подданство как тяжкое преступление, наказывавшееся лишением всех прав, состояния и вечным изгнанием из пределов России. Наказанию подлежали также лица (ст.ст. 355, 366), не вернувшиеся в Россию по вызову правительства, нарушившие срок пребывания за границей. Статья 357 предусматривала ответственность за подстрекательство к переселению за границу. Особо строго каралось подстрекательство военнослужащих и рекрутов³⁴.

³³ См.: *Российское законодательство X–XX вв.* Т. 6. Законодательство первой половины XIX в. / Отв. ред. О. И. Чистяков. М., 1988. С. 324.

³⁴ Там же. С. 360.

Статья 341 Уложения запрещала возвращение в Россию приговоренных к высылке за границу иностранцев, а равно и евреев, и предусматривала уголовную ответственность за нарушение предписания в виде заключения в смирительном доме от года до двух лет с последующей высылкой за границу. Повторное возвращение влекло наказание за бродяжничество. Устанавливалась уголовная ответственность и за укрывательство беглых из-под стражи или с каторги и воспрепятствование их поимке (ст.ст. 343–345). Особая статья предусматривала ответственность шкипера, принявшего на корабль преступника. Аресту подлежало и судно до внесения взноса и штрафа³⁵.

Издревле было понятие убежища, где скрывались беглецы. Как правило, это были священные места (храмы, церкви, монастыри и т. д.). Искали прибежище в них и политические преступники. Политические мотивы длительное время определяли характер выдачи и в России. В союзном договоре России с Австрией 1746 г. говорилось о выдаче бунтовщиков и вводился запрет на предоставление им убежища (ст. 14), а Трактат 1808 г. касался только дезертиров. Действовала Конвенция о выдаче беглых и военнослужащих с Пруссией (1804 г.), и Договор с Саксонией о выдаче людей всякого звания 1808 г. В 1833 г. Россия, Австрия и Пруссия подписали Соглашение в Берлине, касающееся выдачи, наряду с другими категориями, политических преступников. Швеция и Россия приняли Декларацию в 1810 г. о взаимной выдаче беглых матросов.

В 1880 г. была принята Оксфордская резолюция Института международного права, послужившая основой сотрудничества государств по вопросам выдачи.

Наибольшая активность России в расширении международных связей приходится на вторую половину XIX в. Это совпало с обострением криминогенной обстановки в мире, что обусловило увеличение количества видов преступных деяний, влекущих выдачу. В этот период принимается и национальное законодательство, специально регулирующее международную правовую помощь и выдачу преступников.

Россия имела договоры со следующими странами: Австрией — о выдаче (1808 г.) и о наказании политических преступников

³⁵ Там же. С. 359.

(1860 г.), Пруссией — о выдаче (1804 г.) и о выдаче политических преступников (1885 г.), Баварией — о выдаче политических преступников (1869 г.) и о выдаче (1885 г.), а также о выдаче — с Данией (1866 г.), Нидерландами (1867 г. и 1893 г.), Италией (1871 г.), Бельгией (1872 г.) с дополнительной декларацией (1881 г.), Швейцарией (1873 г.), Австро-Венгрией (1874 г.), Испанией (1877 г. и 1888 г.), Монако (1883 г.), Англией (1886 г.), Португалией (1887 г.), Северо-Американскими Штатами (1887 г.), Люксембургом (1892 г.) и ряд других³⁶.

Особые правила международной помощи по уголовным делам были предусмотрены договорами России с Турцией, Персией и Китаем, которые нашли отражение в ее внутреннем законодательстве. В некоторых западноевропейских странах были приняты специальные законы о выдаче (в Голландии, Англии, Дании, Бельгии, Франции).

Начало сотрудничества с США (в то время Соединенные штаты Северной Америки) дореволюционной России исчисляется с первой половины XIX в. Важный для обеих стран международный документ был подписан 6 (18) декабря 1832 г. под названием «Трактат о торговле и мореплавании». Договор определил, что «...консулы и вице-консулы или торговые агенты будут вправе требовать от местных начальств помощи для отыскания, взятия под стражу и заключения в тюрьму дезертиров военных и купеческих судов». Конвенция о взаимной выдаче преступников России и Соединенных Штатов Северной Америки от 16 (28) марта 1887 г. установила перечень преступлений, являющихся основанием для выдачи, порядок передачи выдаваемых лиц, возмещения расходов, процедуру передачи вещественных доказательств и другие условия. При подписании Конвенции стороны внесли поправки, зафиксированные в отдельном документе от 3 марта (19 февраля по русскому календарю) 1893 г., которые подлежали обязательной ратификации. Политические преступления основанием для выдачи не являлись (ст. 3). Не подлежали выдаче и собственные граждане договаривающихся стран (ст. 4)³⁷.

³⁶ См.: Мартенс Ф. Ф. Указ. соч. Т. 2. Спб., 1900. С. 432.

³⁷ См.: Сборник трактатов, заключенных Россией с иностранными державами. Т. 4. Спб., 1893; Сборник важнейших трактатов, заключенных Россией с иностранными державами. Варшава, 1906.

Международные договоры России, заключенные в конце XIX в., содержали следующие принципиальные положения: 1) о невыдаче собственных граждан, а также иностранцев, которые по рождению или иным образом приобрели российское подданство или просто поселились в стране. Понятие «подданство» было расширено неограниченно; 2) если требование о выдаче заявляли несколько государств одновременно, то государство, к которому предъявлено требование о выдаче, было вправе самостоятельно принять решение, чье требование удовлетворить. Преимущество могло получить государство, на территории которого совершено более тяжкое деяние. Исполняющей страной могли быть учтены и иные обстоятельства. Если подлежащее выдаче лицо совершило преступление на территории запрашиваемого государства, то следовал отказ в выдаче; 3) на право выдачи могло претендовать государство, гражданином которого является обвиняемый, и государство, в пределах которого совершено преступление. Из числа преступлений, за которые следовала выдача, было исключено военное дезертирство, но беглые матросы как с торговых, так и с военных кораблей, выдаче подлежали.

Названные договоры содержали и процедурные правила международного и уголовно-процессуального права.

Порядок производства выдачи включал три положения: 1) предъявление требования о выдаче; 2) рассмотрение этого требования судом; 3) осуществление процедуры выдачи. Взаимодействие сторон производилось только дипломатическим путем. В случаях немедленного ареста скрывшегося опасного преступника допускались и исключения из этих правил, и тогда согласие о выдаче достигалось консультациями. По договору России с Пруссией 1804 г. выдача производилась в приграничных районах непосредственно местными властями. Затребованное к выдаче лицо подвергалось предварительному аресту судом. Порядок рассмотрения требований о выдаче не был определен ни в законе, ни в международных договорах. На практике окончательное решение принимали министры юстиции и иностранных дел. Передача выданных лиц производилась непосредственно на границе. Перевозка выданных лиц через территорию третьих стран требовала согласия на транзит. При отказе в транзите возбуждалось новое ходатайство перед третьей страной государством, которому уже был выдан преступник. Договоры со-

держали также перечень положений об отказе в выдаче, схожих с действующими в настоящее время в России.

Кроме выдачи договоры предусматривали и оказание взаимной правовой помощи по уголовным делам, которые касались выполнения и направления отдельных следственных поручений. Выполнение поручений было обязанностью судов. Например, на основании Декларации, принятой Россией и Германией в 1879 г., осуществлялось взаимодействие между Варшавским судебным округом и пограничными прусскими судами. Относительно явки свидетелей, очных ставок, передачи информации, передачи вещей и т. п. были предусмотрены подробные уголовно-процессуальные нормы. Свидетели, которые пересекли российскую границу по требованию ее суда, не могли быть задержаны и притесняться ни за какие деяния, предшествовавшие их вызову. Статьей 14 русско-бельгийской Конвенции 1881 г. кроме того устанавливалось, что свидетели не могут быть арестованы в связи с показаниями, данными ими при вызове³⁸.

По мере развития международных отношений появилась необходимость в расширении уголовной компетенции государств. В течение XVI и XVII столетий государства исходили из права карать не только за преступления, совершенные в пределах их территорий, но и за совершенные за границей, если только преступник находился в их власти (принцип компетенции суда места поимки преступника). Однако в то время не был решен вопрос, за какие же преступления, совершенные на чужой территории, могли быть наказаны в месте поимки как собственные подданные, так и иностранцы. В дальнейшем стали развиваться теории, основанные на убеждении о взаимной заинтересованности государств в сохранении юридического порядка и необходимости преследования преступников общими силами³⁹.

Теоретический масштаб для правильного понимания международной уголовной деятельности государств определяется, исходя из устанавливаемых юридической наукой и практикой государств принципов действий уголовного законодательства в пространстве. Исторически первым получил развитие территориальный принцип действия уголовных законов, ограниченный пределами государства.

³⁸ Мартенс Ф. Ф. Указ. соч. Т. 2. М., 1996. С. 229–262.

³⁹ См.: Там же. С. 225–228.

Любые лица, независимо от подданства, за совершение в границах государства преступления подлежали наказанию по собственным законам государства.

Этот принцип исключал возможность привлечения к ответственности собственных подданных государств, совершивших преступления за его пределами и, наоборот, иностранцев, совершивших преступления против данного государства или против частных лиц, в том числе и подданных этого государства. Поэтому в теории и в законодательстве территориальный принцип был дополнен принципом личной подчиненности подданных отечественным уголовным законам, где бы такие лица ни находились (принцип субъективной национальности, принцип гражданства) и реальным принципом, согласно которому судебная власть государства распространяется на все деяния, совершенные где бы и кем бы то ни было, если только они направлены против его интересов или прав его подданных (принцип объективной национальности, принцип защиты).

Во второй половине XIX в. стала активно развиваться теория универсального действия уголовных законов (космополитическая теория, система всемирного осуществления правосудия), основную мысль которой в свое время высказал еще Г. Гроций. Вопрос не в том, какое государство имеет право наказывать и какого преступника, но в том, чтобы никакое преступление не осталось безнаказанным. Поэтому согласно универсальному принципу судебная власть каждого государства распространяется на все преступные деяния, где бы, кем бы и против кого бы то ни было совершенные⁴⁰.

Указанные принципы в том или ином объеме использовались государствами при заключении соглашений о международном сотрудничестве в области борьбы с преступностью, а также находили отражение в национальном законодательстве. Все международные трактаты Российской Империи требовали обязательной ратификации, но преимуществом для применения перед российскими законами они не обладали.

⁴⁰ См.: *Мартенс Ф. Ф.* Указ. соч. Т. 2. Спб., 1900. С. 386–396; *Лист Ф.* Учебник уголовного права. Общая часть. М., 1903. С. 102–105; *Сергеевский Н. Д.* Русское уголовное право: Пособие к лекциям. Часть общая. Спб., 1910. С. 310–342; *Уголовное Уложение. Проект редакционной комиссии и объяснения к нему: В 8 т. Т. 1.* Спб., 1897. С. 54–73, и др.

Особо ценным законодательным памятником для современного права России, регулирующим международные отношения по уголовным делам по вопросам выдачи, является Уголовное Уложение 1903 г., так и не вступившее в силу. Но многие его положения были использованы в более поздних законах и международных документах. В его разработке принимали участие лучшие умы России — специалисты международного, уголовно-процессуального, уголовного, уголовно-исполнительного, государственного и иных отраслей права: Ф. Ф. Мартенс, И. Я. Фойницкий, В. К. Случевский, Н. С. Таганцев, Н. А. Неклюдов, Е. Н. Розин, Э. В. Фриш и другие известные юристы. Закон принимался в результате тщательного всестороннего анализа действующих и предлагаемых норм и является одним из наиболее разработанных источников права. Учитывались итоги обсуждения проекта закона и мнения ученых и практиков. Были исследованы необходимые отечественные первоисточники: Русская Правда, Свод законов Российской Империи, международные договоры России и других стран, изучен и использован зарубежный опыт наиболее близких правовых систем того времени — Франции, Германии, Италии, и идеи известных зарубежных ученых.

Уложение 1903 г. сохраняло правило, заложенное еще Уложением 1845 г., что действие закона России распространяется на все пространство государства, за исключением Великого княжества Финляндского, имеющего свое законодательство по всем отраслям права. Но в отношении международного сотрудничества Финляндское княжество выступало как часть Российской Империи и не являлось субъектом международного права. Финляндия не имела права заключать международные договоры и в сношениях с другими государствами применяла законы России. В случае совершения преступления финским подданным, он нес ответственность по законам места совершения преступления, а в случае его выдачи зарубежному государству применялся российский закон⁴¹.

Преступные деяния российских подданных, пользующихся за границей экстерриториальностью (правом внеземельности), предлагалось рассматривать как совершенные на территории России и подпадающие под действие Уложения 1903 г.

⁴¹ См.: Уголовное Уложение. Проект редакционной комиссии и объяснения к нему. С. 50–53.

Редакционная комиссия Уголовного Уложения отметила, что вопрос о действии закона за пределами государства относится к числу наиболее сложных, как в силу неустановившихся доктрин, так и из-за несовершенства законодательства отдельных стран⁴².

На основе существовавших в то время теоретических концепций Уголовное Уложение 1903 г. распространяло свое действие на российских подданных, учинивших преступные деяния вне пределов России: «1) если учиненное деяние составляет тяжкое преступление или преступление, и 2) если учиненное деяние составляет такой проступок, наказуемость коего, в случае учинения его в иностранном государстве или вообще вне пределов России, предусмотрена заключенным ею международным договором» (ст. 9). В этой же статье говорилось об ответственности иностранцев за преступные деяния, совершенные вне пределов России в двух случаях: 1) если учиненное деяние составляет тяжкое преступление или такое преступление, коим обвиняемый посягал на права российских подданных или на имущество и доходы российской казны и 2) если наказуемость преступного деяния, в случае учинения его в иностранном государстве или вообще вне пределов России, предусмотрена заключенным ею международным трактатом»⁴³.

Международные конвенции предусматривали отказ в выдаче собственных граждан, исходя из правила: «Подданный, совершивший за границей преступление или проступок против подданного другой договаривающейся державы, по возвращении на родину, по требованию другого правительства, должен подвергнуться суду и наказанию»⁴⁴.

Российское уголовное право при решении вопросов о выдаче иностранцев, совершивших преступления за границей, учитывало следующие положения, закрепленные в ст. 13 Уголовного Уложения 1903 г.: «Иностранец, учинивший тяжкое преступление или преступление вне пределов России, если не был за это преступное деяние в России осужден, оправдан или освобожден от наказания в установленном порядке, подлежит выдаче согласно договору, заключенно-

⁴² Там же. С. 54.

⁴³ См.: Уголовное Уложение, Высочайше утвержденное 22 марта 1903 г. Спб., 1903. С. 3.

⁴⁴ См.: Мартенс Ф. Ф. Указ соч. Т. 2. Спб., 1900. С. 227.

му с государством, требующим выдачи обвиняемого, или установившейся в этом отношении с сим государством взаимности»⁴⁵. Соответственно российские подданные, совершавшие преступления за рубежом, и иностранцы, виновные в деянии против российских интересов, не подлежали выдаче, если: 1) деяние не воспроизведено законом места его учинения; 2) обвиняемый был оправдан или освобожден от наказания по приговору иностранного суда, вошедшему в законную силу; 3) осужденный полностью отбыл наказание по приговору иностранного суда; 4) учиненное преступное деяние относится к числу таких, по которым выдача не допускается.

Таким образом, дореволюционная Россия имела развитую правовую систему регулирования уголовного судопроизводства во внешней сфере. В настоящее время важно не утратить присущие дореволюционному законодательству фундаментальность, основательность, высокий уровень законодательной техники и конструирования правовых норм, системность, кодифицированный характер и развитость отраслевых наук, особенно уголовного процесса.

После Октябрьской Революции 1917 г., смены общественно-политического строя России и образования СССР внешние связи поддерживались на уровне дипломатических отношений, и то не со всеми странами. Вторая мировая война, а затем длительный период «холодной войны» затормозили развитие внешних связей, и лишь хрущевская «оттепель» приоткрыла «железный занавес». После второй мировой войны сотрудничество СССР ограничивалось участием в многосторонних международных договорах политического характера и некоторых гражданско-правовых отношениях, в основном торговых.

Первый договор об оказании правовой помощи по гражданским, семейным и уголовным делам был заключен СССР с Корейской Народно-Демократической Республикой и почти одновременно — с Польской Народной Республикой (1957 г.). Вслед за ними договоры аналогичного названия были заключены с Румынской Народной Республикой (1958 г.), Венгерской Народной Республикой (1958 г.). В 60-е годы заключается единственный договор о правовой помощи по уголовным делам с Югославией (1962 г.). Через несколько лет

⁴⁵ См.: *Уголовное Уложение, Высочайше утвержденное...* С. 4–5.

географию международного взаимодействия СССР дополнили договоры с Ираком (1973 г.), Болгарией (1975 г.) и с Финляндской Республикой (1978 г.) о правовой защите и правовой помощи по гражданским, семейным и уголовным делам.

Наиболее активно взаимодействие при расследовании преступлений стало развиваться с 1980 г. За этот период заключено значительное число новых договоров. Они охватывают бывшие союзные республики, ныне страны СНГ и Балтии. Кроме того, РФ присоединилась к Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод 1950 г. (ратифицирована 5 мая 1998 г.), к Европейской конвенции о выдаче 1957 г. и Европейской конвенции о взаимной правовой помощи по уголовным делам 1959 г., которые еще не вступили в силу, но ратифицированы 1 октября 1999 г. Важной для России является Минская конвенция 1993 г. Участниками ее являются: Российская Федерация, Армения, Беларусь, Казахстан, Кыргызстан, Молдова, Таджикистан, Узбекистан, Туркменистан, Украина. Наряду с этой Конвенцией с Азербайджаном, Молдовой, Грузией, Латвией и другими бывшими республиками СССР заключены двусторонние договоры о правовой помощи, в которых условия взаимодействия по уголовным делам более конкретизированы, но основы не изменены. Действуют также многочисленные договоры в области борьбы с отдельными наиболее опасными видами преступлений регионального, общеуголовного и международного характера, принятые в рамках Устава ООН и других международных организаций. Россия является участницей Конвенции СНГ о правах и свободах человека 1995 г.⁴⁶, а также Европейской конвенции по предупреждению пыток и бесчеловечного или унижающего достоинство обращения или наказания 1987 г., Международного пакта о гражданских и политических правах 1966 г., Международного пакта об экономических, социальных и культурных правах 1966 г. и ряда других важных международных правовых актов.

Россия имеет специальный договор о выдаче с Китаем (1995 г.), ратифицированный в 1996 г., и Договор с Индией, ратифицированный в 2000 г. Сотрудничество по вопросам выдачи предусмотрено

⁴⁶ *Обеспечение прав человека в Содружестве Независимых Государств*. Вып. 1 / Под общ. ред. О. О. Миронова. М., 1999. С. 103–112.

почти всеми договорами о правовой помощи по уголовным делам Российской Федерации (кроме Финляндии, Италии) и охватывает более 50 стран. Экстрадиция предусмотрена также многосторонними конвенциями о борьбе с особо опасными международными преступлениями и преступлениями международного характера, причем юрисдикционное пространство для требований выдачи на основе таких международных многосторонних договоров значительно расширено и может распространяться не только на территории участвующих в них стран, но и в пределах любых государств, в границах которых окажется подлежащее выдаче лицо.

Договора о выдаче с самой развитой страной современного мира — США — Россия не имеет. Оказание правовой помощи по уголовно-правовым вопросам с США осуществляется на основе Правительственного Соглашения 1995 г., в котором перечислены предметы взаимодействия в Приложении к Соглашению со ссылками на многосторонние договоры с участием обеих стран, а также конкретные категории преступлений, при расследовании которых возможно взаимодействие. Следует отметить, что это Соглашение заключено не от имени государств и сторонами не ратифицировано, в силу чего полноправным международным договором оно не является.

В настоящее время в Российской Федерации действуют пять двусторонних договоров о передаче для отбывания наказания лиц, осужденных иностранными судами, в страну своего гражданства: с Финляндской Республикой (1990 г.), Азербайджанской Республикой (1994 г.), Грузией (1996 г.), Латвийской Республикой (1993 г.), Туркменистаном (1995 г.) и Конвенция о передаче лиц, осужденных к лишению свободы, для отбывания наказания в государстве, гражданами которого они являются (Берлин, 1978 г.), а также ратифицированный в 1999 г., но не опубликованный Договор с Кипром (1996 г.), подписанный, но не ратифицированный Договор с Королевством Испания (1998 г.) и также не ратифицированная Конвенция (1998 г.), участниками которой являются Россия, Беларусь, Молдова, Грузия, Армения, Азербайджан, Казахстан, Узбекистан, Киргизия и Таджикистан. Рассматриваются вопросы о присоединении России к Конвенции о передаче осужденных (Страсбург, 1983 г.) стран Совета Европы и Северной Америки, а также о заклю-

чении договоров с Эстонией и Литвой, странами Африки, Латинской Америки, Ближнего Востока и Азии. Легализация иностранных официальных документов осуществляется в Российской Федерации с 17 апреля 1991 г. на основе Конвенции, отменяющей требование легализации официальных документов (Гаага, 1961 г.).

Действующие международные договоры РФ в сфере уголовного судопроизводства не обеспечивают в полной мере потребностей Российской Федерации в регулировании внешних связей, что предстоит восполнить в ближайшее время. Есть основания полагать, что в перспективе международное сотрудничество Российской Федерации в сфере уголовной юстиции будет развиваться на основе сближения законодательства стран СНГ и Западной Европы. Но внешние связи будут эффективными лишь при условии принятия государственной уголовной политики, развитого национального законодательства с учетом специфики состояния преступности и ее характеристик.

Глава II

ОБЩЕПРИЗНАННЫЕ ПРИНЦИПЫ И НОРМЫ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА И ПРОБЛЕМЫ ИХ ПРИМЕНЕНИЯ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ РОССИИ

1. Конституционные положения о соотношении норм международного права и национального законодательства

В России норма о соотношении международного и внутреннего права впервые появилась в Конституции РСФСР 1978 г. с изменениями на декабрь 1992 г.: «Общепризнанные международные нормы, относящиеся к правам человека, имеют преимущество перед законами Российской Федерации и непосредственно порождают права и обязанности граждан Российской Федерации» (ст. 32).

Конституция Российской Федерации 1993 г. пошла в этом вопросе дальше, сформулировав положение о соотношении национального законодательства и норм международного права в ч. 4 ст. 15: «Общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры Российской Федерации являются составной частью ее правовой системы. Если международным договором Российской Федерации установлены иные правила, чем предусмотренные законом, то применяются правила международного договора».

Такая регламентация определяет концепцию действия и применения на территории России международного права посредством признания международных договоров, общепризнанных принципов

и норм международного права внутренними правовыми актами. В этом заложена идея сотрудничества Российской Федерации во внешней сфере.

Вместе с тем, основы такого сотрудничества обозначены неопределенно, что создает ряд проблем, связанных, в частности, с пониманием общепризнанных принципов и норм международного права, их функционального назначения, определением места в иерархии правовых актов и непосредственным применением.

В конституциях большинства европейских государств содержатся нормы, так или иначе касающиеся соотношения национально-го законодательства с международным правом. Так, в п. 2 ст. 10 Конституции Испании (1978 г.) указано, что закрепленные Конституцией нормы, связанные с основными правами и обязанностями, соответствуют Всеобщей декларации прав человека, международным договорам и соглашениям по этим вопросам, ратифицированным Испанией. В Конституции этой страны имеется специальная глава «О международных договорах», где, в частности, говорится, что для заключения международных договоров, затрагивающих права и свободы человека, договоров и соглашений, предполагающих изменение или отмену закона или требующих законодательных мер для их осуществления, необходимо предварительное согласие Генеральных кортесов — парламента Испании (ст. 94); заключение международного договора, содержащего противоречия Конституции, требует предварительного пересмотра Конституции (ст. 95), т. е. договоры, противоречащие действию Конституции, не могут заключаться; международные договоры, заключенные в соответствии с установленными требованиями, становятся после публикации в Испании составной частью внутреннего законодательства (ст. 96)⁴⁷. Однако Конституция Испании не содержит положений о приоритете международных договоров над национальным законодательством.

Согласно ст. 55 Конституции Французской Республики (1958 г.) договоры или соглашения, должным образом ратифицированные или одобренные, с момента их опубликования имеют силу, превышающую силу внутренних законов, при условии применения такого

⁴⁷ См.: *Конституции государств Европейского Союза* / Под общ. ред. Л. А. Окунькова. М., 1997. С. 373, 391–392.

договора другой стороной. Ни одна международно-правовая норма не подлежит применению, если она противоречит Конституции. В этом случае требуется пересмотр Конституции в порядке, установленном ст. 54 Конституции Франции⁴⁸.

Федеральный конституционный закон Австрийской Республики говорит об общепризнанных нормах международного права, которые действуют в качестве составной части федерального права (ст. 9¹ в редакции Закона 1981 г.)⁴⁹.

Общепризнанные нормы международного права являются составной частью и федерального права Федеративной Республики Германии (ст. 25 Основного закона ФРГ от 23 мая 1949 г.). Эти нормы имеют преимущество перед внутрисударственными законами и порождают права и обязанности непосредственно для лиц, проживающих на территории ФРГ. Если в споре о праве возникнет сомнение, является ли норма международного права составной частью федерального права и порождает ли она непосредственно права и обязанности для отдельного лица, суд должен получить решение Федерального конституционного суда (ч. 2 ст. 100). Договоры с иностранными государствами, регулирующие политические отношения ФРГ или касающиеся вопросов федерального законодательства, оформляются федеральными законами (ч. 2 ст. 59)⁵⁰.

В Конституции Греции (1975 г.) записано: «Греция, следуя общепризнанным нормам международного права, стремится к закреплению мира, справедливости, а также к развитию дружественных отношений между народами и государствами (п. 2 ст. 2). Ст. 28 Конституции Греции гласит, что общепризнанные нормы международного права, а также международные соглашения с момента их ратификации законом и вступления в силу согласно условиям каждого из них являются неотъемлемой частью внутреннего греческого права и имеют приоритет перед любым противоречащим им положением закона. Применение норм международного права и международных соглашений к иностранцам обусловлено принципом взаимности; ограничение суверенитета Греции возможно путем принятия закона,

⁴⁸ Там же. С. 676.

⁴⁹ Там же. С. 13.

⁵⁰ Там же. С. 189, 216.

если это диктуется важными национальными интересами, не затрагивает прав человека и основ конституционного строя и производится на основе принципов равенства и с соблюдением условий взаимности; конвенции или соглашения по этому вопросу должны быть ратифицированы Парламентом⁵¹.

Ирландия признает общепризнанные принципы международного права как свои нормы поведения в отношениях с другими государствами (п. 3 ст. 29 Конституции). Однако никакое международное соглашение не должно стать частью внутреннего закона государства, если иное не определено Парламентом (п. 6 ст. 29)⁵².

Очень скупо регламентирует этот вопрос Конституция Итальянской Республики: «Правопорядок Италии согласуется с общепризнанными нормами международного права» (ст. 10). Парламент в законодательных положениях санкционирует ратификацию международных договоров политического характера, а также договоров, предусматривающих арбитраж или судебное урегулирование либо влекущих территориальные изменения, финансовые обязательства или изменения законов (ст. 80)⁵³.

Конституция Португальской Республики (1976 г.) не содержит норм о преимуществе международного права над внутренним, но в то же время в ст. 8 закрепляет следующие положения: «Нормы и принципы общего или обычного международного права являются составной частью португальского права; нормы международных договоров, ратифицированных или одобренных должным образом, вступают в силу после официальной публикации, и их выполнение становится обязательным для португальского государства; нормы, исходящие из компетентных органов международных организаций, в которые входит Португалия, действуют непосредственно во внутреннем праве, поскольку это установлено в соответствующих учредительных договорах»⁵⁴.

В Конституции США сказано, что договоры, заключенные властью Соединенных Штатов, так же как Конституция и законы

⁵¹ Там же. С. 255, 256.

⁵² Там же. С. 343, 344.

⁵³ Там же. С. 424, 436.

⁵⁴ Там же. С. 522.

США, являются высшими законами страны. Они имеют преимущество в случае коллизии перед конституциями и законами отдельных штатов (ст. VI)⁵⁵, но не наделены превосходством перед федеральными законами и Конституцией США. Общепризнанные принципы и нормы международного права в Конституции США не упоминаются.

«Заключенные Японией договоры и установленные нормы международного права,— подчеркивается в ст. 98 Конституции Японии,— должны добросовестно соблюдаться». Одновременно в этой же статье провозглашено, что никакие законы, указы, рескрипты или другие государственные акты, противоречащие в целом или в части положениям Конституции, не имеют законной силы⁵⁶. Иных положений, касающихся международного права, японская Конституция не содержит.

Краткий обзор конституций ряда западноевропейских государств, США, Японии по рассматриваемому вопросу позволяет отметить, что в конституциях, особенно принятых после второй мировой войны, вопросу сближения международно-правовых и внутригосударственных норм уделяется определенное внимание. Общепризнанные нормы международного права и международные договоры становятся составной частью внутреннего законодательства, как правило, после их ратификации. Применение международных норм, противоречащих положениям конституции соответствующего государства, не допускается. Можно сказать, что в конституциях прослеживается идея единства национальной правовой системы. Понятие «общепризнанные принципы международного права» широкого применения в текстах конституций не получило, но в конституциях отдельных государств эти принципы четко определены как принципы международного сотрудничества.

Примерно так же решен вопрос об общепризнанных принципах и нормах международного права в конституциях государств, входящих в СНГ. Так, в ст. 11 Конституции Азербайджанской Республики

⁵⁵ См.: *Соединенные Штаты Америки. Конституция и законодательные акты* / Под ред. О. А. Жидкова. М., 1993. С. 40.

⁵⁶ См.: *Конституции зарубежных государств* / Сост. В. В. Маклаков. 2-е изд. М., 1997. С. 456.

указано, что эта страна строит свои отношения с другими государствами на основе международно-правовых норм и общепризнанных принципов, в том числе следующих: суверенное равенство государств, неприменение силы и угрозы применения силы, территориальная целостность и неприкосновенность государственных границ, урегулирование споров мирным путем, невмешательство во внутренние дела других государств, уважение прав и свобод человека, равенство народов и их право на самоопределение, сотрудничество государств, добросовестное выполнение международных обязательств⁵⁷.

Конституция Киргизской Республики (ст. 16) говорит об общепризнанных принципах и нормах международного права лишь в связи с обеспечением основных прав и свобод человека⁵⁸.

Все государства СНГ и страны Балтии устанавливают верховенство своих конституций, не допускают противоречий им любых законов, нормативных актов, международных договоров и предусматривают обязательность опубликования договоров для их применения. Не все государства признают преимущество международных договоров и содержащихся в них правил над национальными нормами. Это положение не предусмотрено в конституциях Азербайджанской, Литовской, Эстонской, Киргизской Республик, Туркменистана, Узбекистана, Украины.

В тех же государствах, конституциями которых предусмотрено это положение, оно сформулировано так, что подчеркивается приоритет конституции своей страны и необходимость ратификации международных договоров. Только после ратификации договоры становятся составной частью национальной правовой системы. Характерными являются положения ст. 6 Конституции Республики Армении: «Заключенные от имени Республики Армения международные договоры применяются только после ратификации. Ратифицированные международные договоры являются составной частью правовой системы Республики. Если в них установлены иные нор-

⁵⁷ См.: *Новые конституции стран СНГ и Балтии: Сборник документов* / Сост. Ю. А. Дмитриев, Н. А. Михалева. 2-е изд. М., 1998. С. 57.

⁵⁸ Там же. С. 275.

мы, чем предусмотренные в законе, то применяются нормы договора. Противоречащие Конституции международные договоры могут быть ратифицированы после внесения в Конституцию соответствующих поправок»⁵⁹.

Не допускают заключения (вступления в силу) международных договоров, противоречащих конституции, Беларусь (ст. 8), Грузия (ст. 6), Казахстан (ст. 4), Молдова (ст. 8), Украина (ст. 9), Эстония (ст. 123)⁶⁰.

Конституция Республики Молдова (п. 2 ст. 4) отдает преимущество международным нормам только в случаях несоответствия национальных законов пактам и договорам об основных правах человека, одной из сторон которых является Республика Молдова⁶¹.

Таким образом, единого подхода к определению значения общепризнанных принципов и норм международного права в конституционном законодательстве не существует. В конституциях государств не даются разъяснения этих терминов и не содержится их перечень.

Положение ч. 4 ст. 15 Конституции Российской Федерации находит достаточно своеобразное отражение в отраслевом законодательстве России. В каждом принимаемом Кодексе конституционная норма реализуется с учетом особенностей и потребностей данной отрасли права. Так, ст. 7 Гражданского кодекса РФ полностью воспроизводит текст ч. 4 ст. 15 Конституции, но содержит важную оговорку о непосредственном применении международных договоров РФ, кроме случаев, когда из договора следует, что для его применения требуется издание внутрисударственного акта.

Налоговый кодекс РФ (ст. 7) отдает безусловное предпочтение международному договору: «Если международным договором РФ, содержащим положения, касающиеся налогообложения и сборов, установлены иные правила и нормы, чем предусмотрены настоящим Кодексом и принятыми в соответствии с ним нормативными правовыми актами о налогах и (или) сборах, то применяются правила и нормы международных договоров Российской Федерации».

⁵⁹ Там же. С. 106.

⁶⁰ Там же. С. 136, 177, 228, 311, 510, 652.

⁶¹ Там же. С. 310.

Несколько иначе решает эту проблему законодатель в Уголовно-исполнительном кодексе РФ (ст. 3). Прежде всего подчеркивается, что уголовно-исполнительное законодательство России учитывает международные договоры РФ, относящиеся к исполнению наказаний и обращению с осужденными, в соответствии с экономическими и социальными возможностями. Рекомендации международных организаций реализуются в уголовно-исполнительном законодательстве при наличии необходимых экономических и социальных возможностей. В то же время указано, что если международным договором РФ установлены иные правила исполнения наказаний и обращения с осужденными, чем предусмотренные уголовно-исполнительным законодательством России, то применяются правила международного договора. Значимость общепризнанных принципов и норм международного права для уголовно-исполнительного законодательства и практики его применения подчеркивается также тем, что в соответствии с этими принципами и нормами и Конституцией РФ должны соблюдаться гарантии защиты от пыток, насилия и другого жестокого и унижающего человеческое достоинство обращения с осужденными.

Уголовный кодекс РФ, напротив, не признает международные правовые нормы самостоятельным источником уголовного права России. Их влияние на уголовное законодательство состоит лишь в том, что, как отмечается в ч. 2 ст. 1 УК, «настоящий Кодекс основывается на Конституции Российской Федерации и общепризнанных принципах и нормах международного права». Показательно, что при разработке проектов УК предлагалось предоставить превосходство над российским уголовным законодательством международным договорам, ратифицированным Российской Федерацией. Однако международные договоры, содержащие уголовно-правовые нормы, в силу своей специфики (отсутствие санкций или их неконкретность, непроработанность признаков преступления и т. д.) не могут иметь прямого действия на территории России и являться составной частью российского уголовного законодательства. Тем не менее, они существенно влияют на формирование норм национального уголовного права, и поэтому, как пишет З. А. Незнамова, не являясь фор-

мальным источником уголовно-правовых норм, международное право служит их материальным источником⁶².

Действующий Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР, принятый еще в 1960 г., практически ничего не говорит о применении международно-правовых норм в уголовном судопроизводстве. Единственная ст. 32 УПК установила, что порядок сношения судов, прокуроров, следователей и органов дознания с судебными органами иностранных государств, а равно порядок выполнения поручений последних определяется законодательством СССР и РСФСР и международными договорами, заключенными СССР и РСФСР с соответствующими государствами.

Существующий серьезный пробел в уголовно-процессуальном законодательстве должен быть восполнен как положениями общего характера, определяющими сближение национального уголовно-процессуального законодательства и международного права, так и специальными нормами, регламентирующими, в частности, вопросы оказания правовой помощи по уголовным делам.

В Модельном уголовно-процессуальном кодексе — рекомендательном законодательном акте для государств — участников СНГ, принятом Межпарламентской Ассамблеей государств — участников СНГ 17 февраля 1996 г.⁶³, предлагается следующее положение, сформулированное в ч. 2 ст. 5: «Общепризнанные принципы и нормы международного права и положения вступивших в силу международных договоров независимых государств имеют преимущественную силу перед положениями законов, регулирующих порядок уголовного судопроизводства, и других актов. В случае противоречия между положениями международного договора независимых государств и какого бы то ни было закона или другого акта применяется положение международного договора. Регулирующие порядок уголовного судопроизводства положения какого бы то ни было закона или другого акта, противоречащего общепризнанным прин-

⁶² См.: Незнамова З. А. Уголовный закон // Уголовное право. Общая часть / Отв. ред. И. Я. Козаченко и З. А. Незнамова. М., 1997. С. 26–28; См. также: Незнамова З. А. Коллизии в уголовном праве. Екатеринбург, 1994. С. 131–134.

⁶³ См.: Модельный уголовно-процессуальный кодекс для государств — участников СНГ: Приложение к Информационному бюллетеню Межпарламентской Ассамблеи. 1996. № 10.

ципам и нормам международного права, применению не подлежат». Модельный УПК допускает на территории независимых государств применение уголовно-процессуального права иностранного государства органами расследования и судом иностранного государства или по их поручению следователем, прокурором, судом независимого государства, если это предусмотрено договором и при условии, что применяемые нормы иностранного права не противоречат общим началам уголовно-процессуального закона независимого государства (ст. 7). Специальная глава регламентирует вопросы правовой помощи по уголовным делам. Коллизия норм этой главы с положениями международного договора также решается в пользу правил международного договора (ч. 2 ст. 574). В то же время разработчики Модельного УПК сочли необходимым подчеркнуть, что в оказании правовой помощи возможен отказ, если выполнение просьбы иностранного государства может нанести ущерб суверенитету или безопасности либо противоречит законодательству независимого государства (ч. 1 ст. 579).

Нередко принципы применения норм частного международного права переносят на публичное международное право. Базовые положения Модельного УПК для стран — участниц СНГ о превосходстве коллизионных международных норм также аналогичны положениям Конституции РФ и сохраняют неконкретность ее формулировок. Признавая Уголовно-процессуальный кодекс единственным источником регулирования судопроизводства, Модельный УПК включает в него несформулированные общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры, подчиняя им нормы национального УПК и положения «какого бы ни было закона» (ст.ст. 4, 5, 574). Модельный УПК допускает возможность введения в уголовный процесс любых процедур, предусмотренных международным договором (п. 3 ст. 6). Международный договор получает, таким образом, абсолютное право на преимущество применения перед внутрисоциальным отраслевым законодательством государств — участников СНГ.

В ч. 4 ст. 1 проекта Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации фактически воспроизведено конституционное положение: «Общепризнанные принципы и нормы международного

права и международные договоры Российской Федерации являются составной частью права, регулирующего уголовное судопроизводство. Если этими нормами или международным договором Российской Федерации установлены иные правила, чем предусмотренные в настоящем Кодексе, применяются правила международного договора».

Проект УПК России также допускает применение уголовно-процессуального законодательства иностранного государства при исполнении поручений следственных органов другого государства, если это предусмотрено международным договором с данным государством.

Несмотря на исключительную остроту проблемы применения норм международного права в национальном уголовном процессе, ей почти не уделяется внимания в российской уголовно-процессуальной литературе. Немногочисленные и достаточно поверхностные суждения, высказанные по этому вопросу, касаются преимущественно проблем прав человека в уголовном процессе с очевидным креном в сторону обеспечения прав обвиняемого (подозреваемого)⁶⁴.

Конституционное положение об общепризнанных принципах и нормах международного права вызывает бурную полемику. Заложив основы применения международных договоров и их норм, Конституция страны создала сложности в определении статуса и места в иерархии правовых актов как общепризнанных принципов и норм, так и международных договоров РФ. Конституция отказалась от конкретизации концепции международного сотрудничества, не сформулировала понятия общепризнанных принципов и норм международного права, что повлекло произвольное толкование «общепризнанности» и перечня подпадающих под этот признак принципов и норм, предопределила их декларирование в отраслевом законодательстве. Это заставляет более основательно проанализировать понятие общепризнанности принципов и норм международного права и возможность их применения в уголовно-процессуальной деятельности.

⁶⁴ См., например: *Уголовный процесс: Учебник для вузов* / Под общ. ред. П. А. Лупинской. М., 1995. С. 17–18; *Алексеев А. Б., Жуйков В. М., Лукашук И. И.* Международные нормы о правах человека и применение их судами Российской Федерации. М., 1996; *Уголовно-процессуальное право Российской Федерации* / Под ред. П. А. Лупинской. М., 1997. С. 20–22.

2. Понятие общепризнанных принципов и норм международного права

Выдающийся русский ученый Ф. Ф. Мартенс писал, рассматривая основные начала права международного общения: «Международное общение имеет своей задачей служить удовлетворению разумных жизненных потребностей своих членов, как целых государств, так и общественных классов и отдельных лиц. Его цель заключается в устройстве такого международного правового порядка, который обеспечивал бы мирное и всестороннее развитие народов под условием полного уважения их национальных интересов... Международное общение есть правовой порядок между народами, долженствующий обеспечить самостоятельное и полное развитие каждого государства в связи с правами и интересами других... Каждое государство прежде всего обязано иметь в виду собственную пользу и охранять всеми силами неприкосновенность своей самодержавности, ибо оно вступает в общение ради лучшего удовлетворения своих интересов и полного развития национальной самобытности. Международное общение противоречило бы цели своего существования, если б не обеспечивало выгоды, блага своих членов и полную их независимость»⁶⁵.

Согласно определению В. И. Даля, принцип — это научное или нравственное начало, основание, правило, основа, от которой не отступают⁶⁶. Данный термин в понимании С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой означает основное, исходное положение какой-то теории, учения, мировоззрения, теоретической программы⁶⁷. Самостоятельного толкования слова «общепризнанный» в словарях названных авторов не содержится. Но в словаре С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой «обще» толкуется как первая часть сложных прилагательных и в словах «общепризнанный, общеизвестный, общепонятный, общепринятый, общераспространенный, общеустановленный» употребляется в значении «свойственный всем, касающийся всех»⁶⁸.

⁶⁵ Мартенс Ф. Ф. Указ. соч. Т. 1. Спб., 1885. С. 207, 208.

⁶⁶ Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 3. М., 1994. С. 431.

⁶⁷ Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. М., 1997. С. 595, 596.

⁶⁸ Там же. С. 440.

Исходя из определений лингвистов, под общепризнанными принципами международного права следует понимать конкретные идеи, интересы, взгляды, получившие признание всех суверенных государств, установленные для каждого из них и предназначенные для использования всеми государствами мира.

Наиболее полно вопросы о принципах международного права исследованы в трудах Л. Н. Галенской. Она считает, что международное право, как и внутригосударственное, имеет свою систему принципов и характеризует международный принцип как функциональную, основополагающую идею, которая проявляется через совокупность норм права и выступает системообразующим элементом⁶⁹.

Б. М. Клименко полагает: «Принципы международного права — это руководящие правила поведения субъектов, возникающие как результат общественной практики, юридически закрепленные начала международного права. Они являют собой наиболее общее выражение установившейся практики международных отношений. Принципы международного права — это нормы международного права, имеющие обязательный характер»⁷⁰. По мнению Н. Я. Минасяна, принципы международного права, кроме того, являются основой для принятия решения по конкретному делу⁷¹.

Проблемам общего международного права, его принципам и нормам посвящены работы Ф. Ф. Мартенса, В. П. Даневского, Э. А. Позднякова, С. В. Черниченко, С. А. Малинина, М. В. Митрофанова, П. В. Миронова, И. И. Лукашука, В. С. Нерсисянца, Г. К. Дмитриевой, Р. К. Каламкьян, А. Н. Талалаева, Г. И. Тункина, Е. Т. Усенко и многих других.

Ряд специалистов относит общепризнанные принципы и нормы международного права к категории общего международного права и не видит необходимости в их конкретизации. Одни считают обще-

⁶⁹ См.: Галенская Л. Н. Правовые проблемы сотрудничества государств в борьбе с преступностью. Л., 1978. С. 7; См. также: Васильев А. М. О правовых идеях-принципах // Советское государство и право. 1975. № 3.

⁷⁰ Клименко Б. М. Принципы международного права // Международное право: Учебник / Отв. ред. Ю. М. Колосов, В. И. Кузнецов. М., 1998. С. 30.

⁷¹ См.: Минасян Н. Я. Сущность современного международного права. Ростов н/Д, 1962. С. 171–217.

признанные принципы абстрактными идеями, обычаями, отдельными нормами международного права, которые либо существуют сами по себе либо же их в каждом конкретном случае необходимо устанавливать. Другие относят их лишь к правам человека в широком значении. Многие авторы пытаются найти различия между принципом и нормой международного права применительно к положениям Конституции РФ. Распространено мнение, что общепризнанные принципы и нормы международного права отражены в отдельных международных документах общего характера или договорах. При этом называются конкретные международные акты общего или регионального значения.

Так, конституционное обозначение общепризнанности принципов международного сотрудничества как данности, не требующей комментариев, и их приоритетное значение признают Э. Б. Мельникова и Н. И. Марышева, которые утверждают, что общепризнанные принципы могут применяться в конкретных случаях даже вне рамок международного договора⁷². Однако никаких аргументов при этом не приводится.

Много внимания данной проблеме уделяет в своих работах И. И. Лукашук. Он отмечает, что в международной практике под общепризнанными принципами и нормами международного права понимают «обычные нормы, складывающиеся в практике государств и признаваемые ими в качестве обязательных». Он считает, что особая роль в процессе создания общепризнанных норм принадлежит многосторонним договорам, если в них участвует большинство государств. К таковым И. И. Лукашук относит, в частности, Международный пакт о гражданских и политических правах, ратифицированный большинством государств. А вот Международный пакт об экономических и социальных правах ратифицирован сравнительно небольшим числом государств, в силу этого его нормы не могут рассматриваться как общепризнанные. В то же время автор согласен, что, включив принципы и нормы международного права в пра-

⁷² См.: Мельникова Э. Б. Уголовный процесс и вопросы международного сотрудничества // Ларин А. М., Мельникова Э. Б., Савицкий В. М. Уголовный процесс России: Лекции-очерки / Под ред. В. М. Савицкого. М., 1997. С. 259; Марышева Н. И. Международно-правовая помощь по гражданским и уголовным делам: Дис. ... д-ра юрид. наук в форме науч. докл. М., 1996.

вовую систему страны, Конституция не определила достаточно четко их места в этой системе⁷³.

Эту мысль И. И. Лукашук развивает в работе «Нормы международного права в правовой системе России». Вместе с тем, он приветствует положение Конституции о включении общепризнанных принципов и норм международного права в правовую систему страны, поскольку тем самым Конституция обязывает все органы государственной власти следовать этим нормам и принципам. И. И. Лукашук оспаривает точку зрения Е. Т. Усенко и других ученых, возражающих против включения в правовую систему России общепризнанных принципов и норм международного права на том основании, что они предназначены для регулирования только международных отношений⁷⁴. «...Все без исключения нормы международного права, включая договорные, предназначены для регулирования только межгосударственных отношений,— пишет И. И. Лукашук.— Другое дело, что одни нормы реализуются только в международных отношениях, а другие подлежат реализации во внутренней сфере государств, пройдя соответствующую процедуру»⁷⁵.

Исходя из буквального понимания текста ч. 4 ст. 15 Конституции России, некоторые юристы-международники полагают, что, в отличие от международных договоров РФ, общепризнанные принципы и нормы международного права не обладают приоритетом по отношению к противоречащим им внутренним правовым актам⁷⁶.

Оппоненты этой точки зрения обращаются к Постановлению Конституционного суда РФ от 31 июля 1995 г., в котором сказано: «Общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры являются согласно статьи 15 (часть 4) Конституции Российской Федерации составной частью ее правовой сис-

⁷³ См.: Лукашук И. И. Применение международного права судами // Алексеева Л. Б., Жуйков В. М., Лукашук И. И. Международные нормы о правах человека и применение их судами Российской Федерации: Практическое пособие. М., 1996. С. 8, 9.

⁷⁴ См.: Усенко Е. Т. Соотношение и взаимодействие международного и национального права в российской Конституции // Московский журнал международного права. 1995. № 2. С. 18.

⁷⁵ Лукашук И. И. Нормы международного права в правовой системе России. С. 48.

⁷⁶ См., например: Даниленко Г. М. Применение международного права во внутренней правовой системе России: практика Конституционного суда // Государство и право. 1995. № 11. С. 124.

темы и должны добросовестно соблюдаться, в том числе путем их учета внутренним законодательством»⁷⁷. Более определенно по этому вопросу высказывается судья Конституционного суда О. И. Тиунов: «Суд учитывает, что общепризнанные принципы и нормы международного права, а также международные договоры России имеют преимущество перед национальными законами в случае противоречия международно-правовых норм и законодательства»⁷⁸.

Эту мысль, хотя и с некоторыми оговорками, поддерживает И. И. Лукашук. Он безусловно признает приоритет общепризнанных норм о правах человека в правовой системе России. Что же касается других норм международного права, то, по мнению И. И. Лукашука, их превосходство над внутренним законодательством вытекает из принципа добросовестного выполнения обязательств по международному праву. Государства при осуществлении их прав, включая право устанавливать законы и административные правила, должны соотноситься со своими обязательствами по международному праву. «Таким образом, приоритет норм международного права в правовой системе России означает, что все государственные органы, издающие законы и иные нормативные акты, обязаны учитывать обязательства страны по международному праву и не допускать противоречия им издаваемых актов. Более того, эти акты должны служить осуществлению обязательств России по международному праву. Противоречие закона общепризнанным принципам и нормам международного права или ратифицированному договору является основанием для опротестования в установленном порядке... В случае обнаружения противоречия между правилом международного права и правилом закона орган путем толкования стремится согласовать их содержание. Если это не удастся, применению подлежит правило международного права»⁷⁹. Характерна, однако, оговорка, сделанная автором, что формулировка ч. 4 ст. 15 Конституции РФ сама по себе не дает четкого ответа на вопрос о приоритете между-

⁷⁷ См.: Собрание законодательства РФ. 1995. № 33. Ст. 3424.

⁷⁸ Тиунов О. И. О применении Конституционным судом Российской Федерации норм международного права // Первая научно-практическая конференция по вопросам применения норм международного права российскими правоохранительными органами. М., 1996. С. 36.

⁷⁹ Лукашук И. И. Нормы международного права в правовой системе России. С. 56.

народных норм, поскольку она устанавливает не общий приоритет, а лишь приоритет применения правил договора. «В этом видится определенный смысл. В правоприменительной практике в большинстве случаев подобный статус окажется достаточным. Более того, его можно считать оптимальным вариантом, который обеспечит стабильность законодательства и выполнение международных обязательств»⁸⁰.

Что же представляют из себя общепризнанные принципы и нормы международного права, о которых говорит Конституция РФ, многие законодательные акты и ученые, дискутируя об их превосходстве над национальным правом?

В тексте Конституции РФ 1993 г. общепризнанные принципы и нормы международного права кроме ч. 4 ст. 15 упоминаются еще несколько раз. В преамбуле Конституции говорится об общепризнанных принципах равноправия и самоопределения народов. В других статьях Конституции предписывается руководствоваться общепризнанными принципами и нормами международного права: при обеспечении прав и свобод человека и гражданина (ч. 1 ст. 17), при предоставлении политического убежища (ч. 1 ст. 63) и при обеспечении прав коренных малочисленных народов (ст. 69). Какие же конкретно принципы и нормы международного права являются общепризнанными, Конституция не указывает. И. И. Лукашук и А. В. Наумов считают, что общепризнанные принципы и нормы международного права, «среди которых есть немало имеющих прямое отношение к Кодексу (УИК РФ. — В. В.) в целом, отнесены лишь к той части уголовно-исполнительного законодательства, которая касается защиты от пыток, насилия и другого жестокого или унижающего человеческое достоинство обращения с осужденными (ч. 3 ст. 3)... Уголовное право страны должно создаваться и применяться в соответствии с общепризнанными принципами и нормами международного права о правах человека. В случае расхождения национального закона с этими правилами применению подлежат последние.» Наделяя особым статусом общепризнанные принципы и нормы международного права, авторы не учитывают их неопределенности, что исключает не только их приоритет, но и практическое

⁸⁰ Там же. С. 55.

применение таких норм и вынуждает согласиться с тем, что «когда договор о правовой помощи устанавливает какие-либо права и обязанности для человека, то их статус определяется положением самого договора в правовой системе России»⁸¹. Следует обратить внимание, что и международные договоры не содержат перечня общепризнанных принципов и норм международного права, относящихся к правам и свободам человека, и не устанавливают правил для отнесения к таковым соответствующих международных норм. Права граждан, изложенные в региональных международных документах (например в Европейских конвенциях), не могут претендовать на общепризнанность, и принятие самих правовых норм и их реализацию относят к ведению национальных правовых систем.

А. Н. Талалаев термин «общепризнанные принципы и нормы международного права» понимает как прогрессивный акт многих государств и специфический регулятор международных обязательств и внутригосударственных отношений⁸². Существенных различий между общепризнанными принципами и нормами А. Н. Талалаев не находит и относит их к специфическим регуляторам не только международных, но и внутригосударственных отношений, признавая их преимущество в случае коллизии с российским законом невзирая на неопределенность. Вместе с тем, он разделяет общепризнанные принципы и нормы по степени их обобщенности и юридической силы. Общепризнанные принципы он относит к общим нормам, «которые обладают высшей степенью нормативной обобщенности» и образуют общее международное право. Своеобразным кодексом основных принципов и норм А. Н. Талалаев называет Устав ООН как главный международный договор современности⁸³.

Ряд ученых считает приоритетными перед национальными законами не только коллизионные правила международных догово-

⁸¹ Лукашук И. И., Наумов А. В. Международное уголовное право: Учебник. М., 1999. С. 22, 23.

⁸² См.: Талалаев А. Н. Общепризнанные принципы и нормы международного права (конституционное закрепление принципа) // Вестник МГУ. Сер. 11, Право. 1997. № 3. С. 68.

⁸³ См.: Талалаев А. Н. Два вопроса международного права в связи с Конституцией РФ // Государство и право. 1998. № 3. С. 64–70.

ров, но и общепризнанные принципы и нормы международного права, выделяя их в самостоятельную правовую категорию, довлеющую над правовой российской системой в целом⁸⁴. Эта позиция близка к космополитической теории Иеринга, Бьюнчли⁸⁵ и других, разрушающей суверенность государства путем наделения международного права всеобъемлющей юрисдикцией над всеми странами. Такая позиция неприемлема не только для Российской Федерации, но и для всех суверенных государств.

Последователь Гроция Пуффендорф развил эту теорию до крайности и единственным регулятором межгосударственных отношений считал не право, а силу. Эту идею разделяли Гоббс, Спиноза и ученик Пуффендорфа Томазий. Ф. Ф. Мартенс в конце XIX в. резко критиковал подобные направления и впервые в истории России сформулировал положения-принципы межгосударственных отношений, основанные на праве и обозначенные в качестве базовых общепризнанных правил современным международным правом (Устав ООН и др.). Предшественники школы Ф. Ф. Мартенса швейцарец Ваттель, английский юрист Зеч и немецкие ученые Кант, Фихте, Мозер создали для этого правовую основу.

Идея права была выдвинута Ф. Ф. Мартенсом в качестве единственного руководящего принципа при рассмотрении положительных начал международного права⁸⁶.

Представляется, что общепризнанность принципа международного права должна означать его фундаментальность, согласие всех стран на исполнение. Мировая практика не знает ни одного международно-правового акта, получившего согласие на обязательность исполнения всеми государствами мира. Но фактически имеются международные правовые акты, юридическая сила и обязательность исполнения которых признаны большинством государств, что придает им общепризнанный характер. Причем для обозначения содер-

⁸⁴ См., напр.: *Несмеянова С. Э.* Соотношение норм международного права // *Российский юридический журнал.* 1999. № 2. С. 50–61; *Бирюков П. Н.* Взаимодействие органов ФСНП РФ с зарубежными правоохранительными органами при расследовании налоговых преступлений: правовые вопросы. Воронеж, 1999. С. 47, 48.

⁸⁵ *Бьюнчли.* Современное международное право цивилизованных государств, изложенное в виде кодекса / Рус. пер. Л. А. Комаровского. Спб., 1876.

⁸⁶ См.: *Мартенс Ф. Ф.* Указ. соч. Т. 1. М., 1996. С. 124–139.

жащихся в них положений используются и другие наименования: общие принципы, основные принципы, принципы всеобщего значения, общие нормы международного права, основные принципы международного права. Иерархия этих понятий в международном праве не разработана.

Основы международного сотрудничества и наиболее общие нормы международного права содержат Устав ООН, Декларация принципов международного права, касающаяся дружественных отношений и сотрудничества между государствами, принята XXV сессией Генеральной Ассамблеи ООН 24 октября 1970 г. (далее — Декларация принципов), Венская конвенция о праве международных договоров 1969 г., а также правовые акты в области прав человека и гражданина: Международный пакт о гражданских и политических правах 1966 г.; Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах 1966 г.

Значимость Устава ООН чрезвычайно высока. На его основе была разработана правовая база для разрешения как межгосударственных, так и внутренних проблем. Сотрудничество посредством права названо в Уставе ООН средством взаимодействия. Устав ООН имеет обязательную силу для его участников. Этот фундаментальный документ в качестве правовой формы сотрудничества определил только ратифицированный международный договор. Исходя из принципа суверенности государств, установлено правило для признания обязательности международного договора и его юридической силы. Значение акта международного права договор приобретает после признания его правовым актом национального права договаривающейся страны. Таким образом, документ, принятый суверенными государствами на основе согласования, не приобретает статус обязательного для исполнения акта международного права автоматически, а требует его ратификации на основе конституционной процедуры подписавшим его государством. Национальное право государств признано средством реализации ратифицированных международных договоров. Обеспечение выполнения международных обязательств требует от договаривающихся стран исходить из возможностей своего внутреннего законодательства, что подчеркивает вторичность международного права. Названные положения можно отнести к ключевым.

В ст. 2 Устава ООН названы принципы сотрудничества, на основе которых должны действовать государства — члены ООН:

- 1) суверенное равенство членов ООН;
- 2) добросовестное выполнение принятых на себя обязательств по Уставу ООН;
- 3) разрешение международных споров мирными средствами;
- 4) неприменение в международных отношениях силы или угрозы применения силы;
- 5) оказание помощи ООН во всех действиях, предусмотренных ею в соответствии с Уставом, и воздержание от оказания помощи любому государству, против которого ООН предпринимает действия превентивного или принудительного характера;
- 6) обеспечение действий государств — не членов ООН в соответствии с принципами, поскольку это необходимо для поддержания международного мира и безопасности;
- 7) невмешательство в дела, входящие во внутреннюю компетенцию государства⁸⁷.

Принципы сотрудничества государств, изложенные в Уставе ООН, одобрены мировой практикой, признаны фундаментальными основами межгосударственных отношений, хотя в Уставе ООН термин «общепризнанный» не использован.

Декларация принципов и Венская конвенция о праве международных договоров были приняты в развитие Устава ООН и на его основе. Вследствие этого Устав ООН, Декларация принципов и Венская конвенция представляют собой цельную правовую нормативную базу принципов международного права и регулируют связанные с этими принципами вопросы правоотношений между суверенными государствами.

Значимость указанных международных документов спорна. Для Российской Федерации юридическую силу и обязательность для исполнения имеют Устав ООН и Венская конвенция о праве международных договоров, поскольку они ратифицированы. Декларация принципов такого согласия на обязательность применения не имеет,

⁸⁷ См.: *Действующее международное право*: В 3 т. Т. 1 / Сост. Ю. М. Колосов и Ю. С. Кривчикова. М., 1996. С. 9.

но вследствие неразрывности с Уставом ООН обязательность Декларации принципов Россией фактически признается.

Положения Декларации принципов, носящие характер рекомендаций, первоначально не имели юридической силы даже для членов ООН. Признание и обязательность их выполнения для любых стран стали возможны с принятием основанных на Декларации других международных правовых актов. Изложенные в Декларации принципы сотрудничества и ныне могут порождать юридические обязательства не для всех государств мира, а лишь для членов ООН с соблюдением определенных условий. Содержанием Декларации являются принципы, провозглашенные Уставом ООН, подтвержденные мировой практикой сотрудничества государств, что фактически придает им обязательность.

Декларация принципов содержит семь основных принципов международного права, касающихся дружественных отношений и сотрудничества между государствами: 1) неприменение силы или угрозы силой; 2) разрешение международных споров мирными средствами; 3) невмешательство во внутреннюю компетенцию любого государства; 4) сотрудничество государств друг с другом в соответствии с Уставом ООН; 5) равноправие и самоопределение народов; 6) суверенное равенство государств; 7) добросовестное выполнение обязательств, принятых в соответствии с Уставом ООН⁸⁸.

Венской конвенцией о праве международных договоров, провозглашенные Уставом ООН принципы сотрудничества государств были закреплены в качестве базовых положений, регулирующих международные договоры⁸⁹.

Венская конвенция о праве международных договоров — всеобъемлющий основополагающий правовой акт в форме договора, имеющий юридическую силу для его участников, на базе которого создано и развивается международное договорное право. Этой Конвенцией договор признан источником международного права и

⁸⁸ Там же. С. 65–73.

⁸⁹ Венская конвенция о праве международных договоров вступила в силу в 1980 г. — через 11 лет после принятия. Ее участниками являются более ста стран, в том числе и Россия.

средством развития и совершенствования мирного сотрудничества между нациями на основе справедливости, независимо от различий государственно-политического строя. Кодификация и прогрессивное развитие права договоров провозглашены как способы достижения целей сотрудничества. Это положение находит отражение в истории российского права, традиционно кодифицированного, со стройными системами отраслевых наук, где особое место занимает процессуальное право с присущим ему регулятивным механизмом.

В преамбуле указанной Венской конвенции упомянуты принципы международного права, воплощенные в Уставе ООН и Декларации принципов 1970 г., а также принципы всеобщего уважения и соблюдения прав человека и основных свобод для всех. Кроме того, отмечено, что всеобщее признание получил принцип свободного согласия и добросовестности и норма «*pacta sunt servanda*» (договор должен соблюдаться) и что международные споры должны разрешаться только мирными средствами в соответствии с принципами справедливости и международного права⁹⁰.

Следует назвать также десять принципов, содержащихся в Хельсинском заключительном акте совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе 1 августа 1975 г.⁹¹ Хотя данный документ имеет лишь региональное значение, перечень указанных в нем принципов корреспондируется с Декларацией принципов: 1) суверенное равенство, уважение прав, присущих суверенитету; 2) неприменение силы или угрозы силой; 3) нерушимость границ; 4) территориальная целостность государств; 5) мирное урегулирование споров; 6) невмешательство во внутренние дела; 7) уважение прав человека и основных свобод; 8) равноправие и право народов распоряжаться своей судьбой; 9) сотрудничество между государствами; 10) добросовестное выполнение обязательств по международному праву.

Относительно последнего принципа было подчеркнуто, что государства-участники будут добросовестно выполнять как те обязательства, которые вытекают из общепризнанных принципов и норм

⁹⁰ См.: *Действующее международное право*. Т. 1. С. 343.

⁹¹ Там же. С. 73–79.

международного права, так и те обязательства, которые вытекают из соответствующих международному праву договоров или других соглашений, участниками которых они являются. При осуществлении своих суверенных прав, включая право устанавливать свои законы и административные правила, они будут соотноситься со своими юридическими обязательствами по международному праву.

В Итоговом документе Мадридской встречи 1980 г. представителей государств — участников совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе, подписанном 6 сентября 1983 г., утверждается приверженность десяти принципам Хельсинского Заключительного акта и выполнению положений о их закреплении в национальных законодательствах соответственно практике и процедуре каждой страны⁹².

Следует также упомянуть ст. 38 Статута Международного суда, в которой в числе источников международного права, применяемых судами при решении переданных ему споров, названы «общие принципы права, признанные цивилизованными нациями»⁹³.

Российские специалисты⁹⁴, говоря о принципах международного права, имеют в виду именно принципы, сформулированные в Уставе ООН, Декларации принципов 1970 г. и других документах.

Постановление Пленума Верховного суда РФ «О некоторых вопросах применения судами Конституции Российской Федерации при осуществлении правосудия» от 31 октября 1995 г. № 8⁹⁵ не дает разъяснения понятия общепризнанных принципов и норм международного права, но отмечает, что они должны быть закреплены в международных пактах, конвенциях и иных документах — в частности, во Всеобщей декларации прав человека, Международном пакте о гражданских и политических правах, Международном пакте об экономических, социальных и культурных правах (п. 5).

⁹² Там же. С. 80; См. также: Итоговый документ Венской встречи 1986 г. представителей государств — участников Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе // Там же. С. 83–91.

⁹³ Там же. С. 58.

⁹⁴ См.: *Международное право* / Отв. ред. Ю. М. Колосов, В. И. Кузнецов. С. 27–56; *Бирюков П. Н.* *Международное право: Уч. пос. М.*, 1998. С. 16–20.

⁹⁵ См.: *Бюллетень Верховного суда РФ*. 1996. № 1.

Настойчиво звучит утверждение о признании Всеобщей Декларации прав человека международным договором, обязательным для исполнения всеми государствами мира⁹⁶. Но при этом не учитывается рекомендательный характер данного международного акта. Всеобщая декларация прав человека, несмотря на огромную роль в развитии международного права о правах человека, не ратифицирована ни одной мировой державой и не содержит правовых норм, налагающих прямые обязательства для суверенных государств, в том числе и России. В правовую систему Российской Федерации этот документ не входит. Декларация не прошла этапы создания в качестве международного договора как правового акта международного права, не наделена юридической силой национального закона законодательными органами страны, поскольку не ратифицирована, не опубликована в соответствии с законодательством РФ в статусе федерального закона. При таком положении Конституционный и Верховный суды РФ произвольно возводят Декларацию в категорию правового международного акта прямого действия, обязательного для применения в Российской Федерации. Этот документ необоснованно наделяется статусом национального российского закона с доминированием не только над законами страны, но и над Конституцией РФ, что противоречит самой Конституции. Только Конституция имеет прямое действие и обладает верховенством над правовыми актами любой юридической силы, включая международные договоры РФ.

В Конституции РФ, а вслед за ней во многих законодательных актах употребляется термин «общепризнанные принципы» и «общепризнанные нормы» международного права. Однако существенные отличия между этими понятиями вряд ли можно отыскать. Так, П. Н. Бирюков пишет: «...Основные принципы международного права представляют собой основополагающие общепризнанные нормы, обладающие высшей юридической силой... Поскольку основные принципы международного права представляют собой нормы, они

⁹⁶ Конституции зарубежных государств / Автор-составитель В. В. Маклаков. М., 1997. С. 290.

существуют в форме определенных источников международного права»⁹⁷.

Венская конвенция о праве международных договоров говорит об императивной норме общего международного права (*jus cogens*), которая принимается и признается международным сообществом в целом как норма, отступление от которой невозможно. Договор является ничтожным, если в момент заключения он противоречит императивной норме общего международного права (ст. 53)⁹⁸.

Общепризнанные принципы международного права не случайно поставлены Конституцией РФ в равное положение с общепризнанными нормами международного права, что определяет их равнозначный правовой статус. Этот вывод вытекает также и из концепции формирования норм права. Только наделение юридической силой выводит соответствующее положение в правовую норму, обязательную для исполнения. Идея (принцип) становится нормой права таким же путем. Разделяет их лишь степень обобщенности. Для принципа-нормы обобщенность носит более выраженный характер. Общепризнанным принципам международного права предназначена роль общего механизма реализации международных договоров всех видов. Но и принципы и нормы имеют правовую форму. Такой формой является международный договор. Общепризнанные принципы и нормы международного права следует рассматривать в единстве с международным договором. В зависимости от регулятивной функции принципов и норм они могут иметь общеобязательный характер и подпадать под понятие «общепризнанности» или регулировать конкретные отрасли права и относиться к специальным принципам международного права, но также обязательного характера. Однако назначение общепризнанных принципов и норм международного права обусловлено присущей им функцией регулирования правоотношений межгосударственного сотрудничества. В этом их отличие от внутренних принципов права, предназначение которых ограничено территорией государства и его внутренними правоотношениями.

⁹⁷ Бирюков П. Н. Международное право. С. 16.

⁹⁸ См.: Действующее международное право. Т. 1. С. 359.

Представляется неоправданным применительно к основам международного сотрудничества выделять в качестве самостоятельных правовых категорий принципы и нормы международного права. Принципы международного права — это наиболее общие нормы, которые обладают высшей степенью обобщенности. В связи с этим принцип международного права и норма международного права как основы сотрудничества могут быть обозначены термином «принцип» как наиболее употребительным в значении общей руководящей и регулирующей нормы. Сами по себе принципы сотрудничества существовать не могут. Они всегда заключены в каком-то правовом акте, участником которого является государство. В международном праве такой документ — международный договор как источник принципов международного права.

Поскольку принципы и нормы международного права содержатся в международных договорах РФ и наряду с договорами отнесены к правовой системе РФ, то нет необходимости отдельного их упоминания в Конституции РФ для отнесения к системе права. Поэтому в Конституции вполне можно было бы ограничиться указанием, что в правовую систему страны входят международные договоры Российской Федерации.

Положения, регулирующие уголовное судопроизводство РФ, также содержатся в международных договорах. Но ни в одном из действующих международных договоров об оказании правовой помощи нет термина «общепризнанные принципы и нормы международного права».

Анализ документов, принятых мировым сообществом, позволяет заключить, что подавляющее большинство принципов-норм, отвечающих требованиям «общепризнанности», относится к принципам межгосударственного сотрудничества и взаимоотношений между государствами, что полностью соответствует назначению международного права. Что же касается проблем, связанных с уголовным судопроизводством, то к ним в известной степени имеют отношение перечисленные выше принципы-нормы международного права и, безусловно, международно-правовые акты о правах человека и о добросовестном выполнении обязательств по международному праву (*pacta sunt servanda*).

3. Возможность применения общепризнанных принципов и норм международного права в российском уголовном процессе

В действующем Уголовно-процессуальном кодексе России термин «общепризнанные» ни в отношении принципов, ни применительно к нормам уголовного процесса не употребляется.

Признание Конституцией РФ принципов и норм международного права, обладающих признаками общепризнанности, самостоятельными элементами национальной правовой системы вызвало, с одной стороны, разнообразие толкований их сущности, а с другой — необходимость их конкретизации. Главным негативным обстоятельством российского законодательства в свете рассматриваемой проблемы является отсутствие четко сформулированных фундаментальных правовых основ и механизма для сотрудничества России с иностранными государствами в области борьбы с преступностью. Термин «общепризнанные» понимается достаточно произвольно. Отсутствие четких указаний о функциональном назначении общепризнанных принципов и норм международного права порождает споры, столкновения научных взглядов и сложности в практической правоприменительной деятельности.

И. И. Лукашук, отмечая, что единства мнения о сути общепризнанных принципов и норм международного права и конкретного их перечня не имеется, рекомендует правоприменительным органам «прибегать к услугам экспертов», следовать указанию специальных постановлений Пленума Верховного суда РФ по вопросам применения этих принципов и норм и в «особых случаях» обращаться в Конституционный суд. Одновременно он предлагает Министерству юстиции РФ и Министерству внутренних дел РФ издать сборник актов, содержащих общепризнанные принципы и нормы⁹⁹. При этом И. И. Лукашук противоречив в своих суждениях. Так, он пишет: «Трудность с применением общепризнанных принципов и норм состоит в том, что их основной формой существования служит обычай. Однако не стоит и преувеличивать эту трудность. Как показы-

⁹⁹ См.: Лукашук И. И. Нормы международного права в правовой системе России. С. 52, 53.

вадет судебная практика других стран, она вполне преодолима»¹⁰⁰. Но уже на следующей странице автор утверждает: «Не всегда, правда, оценка универсальных конвенций как доказательств существования общепризнанности норм оказывается простым делом. Порой ошибается даже Конституционный суд, в состав которого входят два профессора международного права. Так, Суд не раз ссылаясь на Международный пакт о социальных и экономических правах как на доказательство соответствующих общепризнанных норм. Между тем, в отличие от Международного пакта о гражданских и политических правах, в нем не участвует большое число государств, многие из которых прямо заявили, что содержащиеся в Пакте нормы не являются общепризнанными»¹⁰¹.

А. Н. Талалаев предлагает применять в Российской Федерации общепризнанные принципы и нормы международного права по опыту ФРГ путем обращения в Конституционный суд. Каждый раз в соответствии со ст. 106 Федерального конституционного закона «О Конституционном суде Российской Федерации» Конституционный суд должен давать толкование общепризнанной норме и принципу и определять, создают ли они непосредственные права и обязанности конкретных лиц. Принятые в таких случаях решения предлагается признавать официальными, имеющими обязательную силу для применения на территории всей страны¹⁰².

С такой позицией согласиться нельзя. Применительно к проблемам уголовного судопроизводства Конституционный суд не уполномочен принимать законы, определять статус принципов и норм международного права и вводить их в действие.

В настоящее время решения Конституционного суда РФ о признании несоответствующими Конституции РФ множества норм УПК РСФСР вследствие произвольного расширения собственной юрисдикции подвергается обоснованной критике. Конституционный суд РФ, не являясь законодательным органом, фактически отменяет нормы УПК, прекращает их действие и применение, подменяя зако-

¹⁰⁰ Там же. С. 52.

¹⁰¹ Там же. С. 53.

¹⁰² См.: Талалаев А. Н. Общепризнанные принципы и нормы международного права (конституционное закрепление принципа) // Там же. С. 67.

нодательный орган — Государственную Думу. Внесение изменений в федеральный уголовно-процессуальный закон РСФСР возможно только принятием соответствующего федерального закона Государственной Думой в установленном законом порядке. Созданная Конституционным судом тупиковая ситуация в уголовном процессе России осложнена невозможностью обжалования и опротестования принятых некомпетентным органом решений. Судебным решениям, таким образом, неправомерно придана юридическая сила, равная положениям Конституции РФ, что создает конкуренцию базовым конституционным нормам (ст. 4 и ч. 1. ст. 15 Конституции РФ). Такое мнение высказывают С. П. Ефимычев и П. С. Ефимычев¹⁰³.

Отсутствие формализованного определения понятия общепризнанных принципов и норм международного права и их перечня в Конституции и иных законодательных документах Российской Федерации создало ситуацию, при которой следственные и судебные органы при расследовании и рассмотрении уголовных дел, вопреки требованиям УПК о едином судопроизводстве по делу, должны искать критерии определения «общепризнанности» какого-то правила, не предусмотренного УПК, при этом применять не конкретную процессуальную норму, являющуюся общеобязательной, а произвольно установленную для данного дела относительно какой-то ситуации, что неминуемо превратит кодифицированную процессуальную форму в прецедентное право. И если уж профессора международного права ошибаются (или хотя бы спорят) в вопросе о признании того или иного положения общепризнанным принципом или нормой международного права, то в каком же тяжком положении окажутся рядовые правоприменители — следователи, прокуроры, суд?

Введение прецедентов в уголовное судопроизводство несовместимо с установленной процедурой производства по делу, которая обеспечивает законность и правопорядок в соответствии с требованиями российского уголовного процесса. Согласно ч. 3 ст. 69 УПК РСФСР любое нарушение формально предписанного процессуального действия влечет непризнание установленного факта доказа-

¹⁰³ Ефимычев С. П., Ефимычев П. С. Уголовно-процессуальное законодательство и решения Конституционного суда РФ // Российский юридический журнал. 2000. № 1. С. 26.

гельством и исключает его для обоснования других фактов и обстоятельств преступления. Конституция России не признает такого способа законотворчества, принятие уголовно-процессуального законодательства относит исключительно к ведению Российской Федерации и ее законодательного органа — Государственной Думы. Ни суд, ни следственные органы, ни эксперты такими полномочиями не наделены. Они не вправе определять, является ли то или иное положение международного права общепризнанным и, соответственно, входит ли оно в правовую систему России. Таких взглядов придерживается, в частности, З. Д. Еникеев. Он критикует неопределенность в понятии общепризнанности принципов и норм международного права, названных Конституцией частью правовой системы России, и относит к факторам, затрудняющим их применение в уголовном судопроизводстве¹⁰⁴.

Предложенное в проекте УПК РФ положение о применении норм международного права не будет способствовать целям сотрудничества по уголовным делам, создаст препятствие для признания полученных доказательств судом и приведет к нарушению гарантированных прав и свобод человека в уголовном процессе. Данная норма проекта УПК не регламентирует процедуру признания общепризнанности международной нормы и не называет полномочного в этом вопросе органа.

Декларативность конституционного положения об общепризнанных принципах и нормах международного права как части российской правовой системы, с одной стороны, исключает возможность практического применения этих принципов и норм, поскольку они не сформулированы, а с другой — допускает их произвольное толкование. Следствием этого может быть неограниченное действие норм и принципов международного права, которые фактически не являются общепризнанными, а поэтому не относятся к правовой системе Российской Федерации и не обязательны для исполнения. Вместе с тем, концептуальные положения о действии и применении правовых актов, установленных Конституцией, запрещают приме-

¹⁰⁴ Еникеев З. Д. К вопросу о конституционных основах развития уголовно-процессуального закона России // Российский юридический журнал. 1999. № 2. С. 7.

нять не вступивший в законную силу и неопубликованный нормативный правовой акт (ч. 3 ст. 15). Поскольку «общепризнанные принципы и нормы международного права» не опубликованы и носят абстрактный, неопределенный характер, обозначены не бесспорным по сути термином, то применение их весьма затруднительно без предварительного установления общего понятия и конкретизации в конституционном праве и отраслевом законодательстве Российской Федерации.

Таким образом, «общепризнанные принципы и нормы международного права» не могут иметь преимущества перед национальным правом уже в силу их неопределенности в законодательстве. Необходимость установления самого понятия общепризнанности и относимых к нему принципов и норм международного права препятствует их применению, поскольку неписанный неопубликованный закон применению не подлежит согласно предписанию Конституции (ч. 3 ст. 15).

Исходя из конституционного положения, общепризнанные принципы и нормы международного права должны содержаться в основополагающих действующих международных договорах РФ, регламентирующих сферу уголовного судопроизводства. К таким договорам относятся международные правовые акты общего значения применительно к сотрудничеству России во внешней сфере, включая отраслевое взаимодействие. Другую группу составляют договоры, касающиеся прав и свобод человека. Но эту область взаимодействия регулирует и Конституция, и национальный уголовный процесс, и другое отраслевое законодательство. Таким образом, международное сотрудничество по уголовным делам обеспечивается совокупностью норм международного права и национального права с присущими им самостоятельными функциями.

Предложение о введении в практику Российской Федерации прецедентного права в качестве концептуальной теории, заимствованной из иностранного права с принципиально не совпадающими законодательными и правоприменительными доктринами, для правовой системы России губительно. Концепция конституционного права России допускает для включения в ее правовую систему только такие правовые акты, которые приняты законодательным органом

и наделены юридической силой в установленном российским законом порядке. Не является исключением и процедура в отношении международных договоров, в том числе содержащих общепризнанные принципы и нормы международного права. Опосредование действия и применения общепризнанных принципов и норм международного права на территории России происходит через признание их внутригосударственным законодательством. Это правило установлено международным правом и не противоречит законодательству Российской Федерации. Отсутствие общего понятия общепризнанных принципов и норм международного права лишь усиливает необходимость их конкретизации как на конституционном уровне, так и на уровне отраслевого законодательства. При этом особую важность приобретает признание данных принципов и норм самим государством. Для этого необходимо их четко сформулировать в Конституции, отраслевом законодательстве, включая уголовный процесс. Ситуационные решения Конституционного суда по вопросу общепризнанности тех или иных положений международного права проблему не снимут, а в строго регламентированном уголовном процессе это приведет к негативным последствиям, разрушению самого уголовного судопроизводства.

В силу изложенного общепризнанные принципы и нормы международного права не могут сами по себе рассматриваться как особо значимая часть российского права, а приобретают такое значение лишь в форме международного договора РФ.

Общепризнанные принципы и нормы международного права следует рассматривать как нормы международного права общего значения, содержащиеся в международном договоре РФ. Признание Конституцией РФ принципов и норм, включенных в международные договоры, частью правовой системы определяет их место в иерархии нормативных актов. Исходя из того, что отраслевое право относится к ведению Российской Федерации (ст. 71 Конституции) и регулируется федеральными законами, ратифицированный международный договор РФ как федеральный закон определяет статус указанных в нем общепризнанных принципов и норм и относит их также к федеральным законам.

Признание общепризнанных принципов и норм международного права частью внутреннего законодательства России выводит их из сферы идей и наделяет статусом нормативных правовых положений, которые содержатся в конкретных международных договорах РФ. Только с позиции действующих международных договоров их и следует рассматривать. При этом существенного различия между собой принципы и нормы международного права не имеют. Общепризнанные принципы и нормы международного права определяют содержание других, более конкретных, норм.

Характеристика общепризнанности принципов и норм международного права включает ряд факторов. Они должны войти в международно-правовой документ, облеченный в форму договора, имеющего юридическую силу для большинства государств и непременно для каждого участника — суверенного государства. Обязательность этих принципов и норм для России наступает лишь в случае, если она является участницей этого договора. Общепризнанные принципы и нормы международного права должны быть включены в конкретной формулировке в Конституцию и отраслевое законодательство, регулирующее сотрудничество России, и применяться в порядке, установленном внутренним законом страны. Правовые нормы, связанные с общепризнанными принципами и нормами международного права, должны быть пригодными для исполнения и применения, не могут носить бланкетный характер, не должны прибегать к отсылке и требуют конкретного выражения и точных формулировок как в договорах, так и в Конституции РФ, и в российском отраслевом законодательстве.

Суть принципа международного права как необходимого правового регулятора взаимодействия государств и принадлежность его к основополагающим нормам международного права отражают функциональное назначение принципа. Общий характер принципов международного права обусловлен обязательностью их исполнения всеми субъектами. Они обладают определенной юридической силой в межгосударственных отношениях и универсальным императивным характером. Они регулируют межгосударственные отношения суверенных государств как субъектов международных правоотношений

и одновременно являются основой сотрудничества государства в различных сферах общественных отношений, которые регулируются самостоятельными отраслями права. Универсальный характер и обязательность исполнения определяют статус принципа международного права и требуют неременного правового оформления.

Необходимость конкретного формулирования общих норм права, к категории которых принадлежат общепризнанные принципы и нормы международного права, обусловлена и тем, что применению подлежит только опубликованный закон, имеющий конкретное выражение и функциональную регулятивную направленность. Именно поэтому общие принципы международного права служат охране суверенитета и паритета в полномочиях взаимодействующих суверенных государств, защищают их от вмешательства во внутренние дела и одновременно создают гарантированные условия для правового урегулирования конкретных предметов сотрудничества и исполнения договорных обязательств в отраслевом праве. В связи с этим принципы межгосударственных отношений не могут быть абстрактными. Они должны быть четко выраженными, не порождать двояких толкований, приемлемыми и равнозначными для каждого договаривающегося государства, обязательными для исполнения. Общие принципы сотрудничества необходимо изложить в Конституции РФ, а специальные, регулирующие отраслевое взаимодействие, — в соответствующих федеральных законах.

Основу международного сотрудничества РФ по уголовным делам составляет совокупность принципов:

- 1) принципы международного права, регулирующие сотрудничество государств в целом;
- 2) принципы, изложенные в международных договорах РФ об оказании правовой помощи;
- 3) принципы внутреннего законодательства РФ (уголовного, уголовно-процессуального и государственного права).

В Конституции Российской Федерации должны найти закрепление общие принципы международных отношений ориентировочно в следующей редакции: «Российская Федерация осуществляет сотрудничество с иностранными государствами на основе взаимного соблюдения общих принципов международного права, к которым

относятся: суверенное равенство государств; признание и соблюдение прав и свобод человека и гражданина; неприменение силы и угрозы применения силы; невмешательство во внутренние дела; неприкосновенность границ; территориальная целостность; мирное урегулирование споров; право на самоопределение наций и народов; принцип международного сотрудничества; добросовестное выполнение международных обязательств».

Основополагающие принципы Устава ООН и других международных актов общего значения были приняты в целях разрешения межгосударственных конфликтов, предотвращения войн, защиты мира и безопасности суверенных государств, установления правопорядка в мире. Но они мало приспособлены для регламентации сотрудничества в уголовном судопроизводстве и не отражают особенностей взаимодействия в этой сфере, где проблемы преступности объединяют государства и целью является не разрешение спора, а оказание взаимной помощи в борьбе с преступностью. Главенствующую роль в выполнении Россией международных обязательств об оказании правовой помощи по уголовным делам другим государствам играет национальное процессуальное законодательство, которое применяется на основе заложенных в нем принципов и соблюдения предписаний базовых положений, содержащихся в международных договорах о правовой помощи.

К принципам международного сотрудничества при оказании правовой помощи по уголовным делам, вытекающим из международных договоров РФ, следует отнести: 1) взаимность сотрудничества; 2) добровольность сотрудничества; 3) соблюдение суверенитета и безопасности договаривающихся стран; 4) неременная уступка части суверенности (применение иностранного уголовного процесса); 5) соответствие просьбы запрашивающей страны законодательству исполняющего просьбу государства; 6) равенство полномочий судебно-следственных органов суверенных государств, осуществляющих взаимодействие; 7) обеспечение правовой защиты и равенства полномочий участников уголовного процесса на территории договаривающихся стран; 8) реализация условий договора посредством применения национального законодательства; 9) ограничение

действия и применения международного договора территориями договаривающихся стран; 10) соблюдение прав и интересов третьих стран участниками договорных отношений; 11) обязательность выполнения условий договора; 12) взаимодействие на основе права, предусмотренного международным договором; 13) принцип законности¹⁰⁵.

Н. И. Марышева видит следующие принципы оказания международной правовой помощи (МПП): «1) выполнение действий по оказанию МПП, как правило, на основании законодательства государства, учреждение которого эти действия осуществляет; оценка запрашивающим учреждением полученных путем МПП доказательств на общих основаниях права его страны; 2) применение при оказании МПП присущих процессуальному праву России принципов законности, равенства граждан перед законом, справедливости, гуманизма, состязательности, а применительно к МПП по гражданским делам и принцип диспозитивности; ограничения в применении принципа непосредственности; 3) сотрудничество учреждений юстиции государств при оказании правовой помощи, обеспечение наиболее благоприятного подхода к просьбам об ее оказании; 4) строгое выполнение норм международных договоров в сфере МПП; 5) признание, соблюдение и защита при оказании МПП процессуальных прав граждан; приравнивание иностранных граждан в отношении их процессуальных прав к собственным гражданам данного государства; 6) ограниченность в силу принципа суверенитета государств действий субъектов МПП пределами территорий их государств; 7) невмешательство при оказании МПП в сферу компетенции иностранных учреждений юстиции; 8) допустимость отказа в оказании

¹⁰⁵ Ф. Ф. Мартенс принцип законности связывает с Венским конгрессом, на котором впервые в мировой истории европейскими государствами был принят Акт 1815 г. и в отношениях между ними зафиксирован *principe legitimité*. См.: *Мартенс Ф. Ф.* Указ. соч. Т. 1. М., 1996. С. 105. Законность в качестве важного фактора сотрудничества рассматривает Л. Х. Мингазов со ссылками на многочисленные исследования этого вопроса иностранных специалистов. Соблюдение законности в международных отношениях определяет позитивное начало и степень эффективности сотрудничества. См.: *Мингазов Л. Х.* Проблема эффективности в зарубежной доктрине // *Московский журнал международного права.* 1998. № 2. С. 3–15.

МПП в случае угрозы суверенитету или безопасности государства, к учреждению которого обращена просьба; 9) недопустимость выдачи другому государству граждан Российской Федерации и других лиц, преследуемых за политические убеждения, а также за действия, не признаваемые в России преступлением»¹⁰⁶.

Представляется, что в этом перечне отсутствует ряд положений, действительно имеющих принципиальное значение для деятельности, связанной с осуществлением международной правовой помощи, и в то же время к общим принципам отнесены специальные положения, регламентирующие взаимодействие отдельных видов помощи, например выдачи. К тому же Н. И. Марышева предложила систему принципов международной правовой помощи без разграничения специфики взаимодействия по гражданским и уголовным делам.

Э. Б. Мельникова указывает для руководства в сотрудничестве государств в уголовном процессе два принципа с характеристикой универсальных:

1) соблюдение суверенитета страны, что «означает ограничение действий сторон только территориями их собственных государств и действие законов каждой из стран только на территории данной страны»;

2) невмешательство во внутренние дела страны, с которой данная страна связана правоотношениями международной правовой помощи. «Это означает запрет вмешательства каждой из стран в компетенцию правоохранительного органа, предоставляющего или получающего запрашиваемую правовую помощь».

Кроме того, Э. Б. Мельникова говорит о принципе, вытекающем из внутреннего (национального) права, но имеющем международное признание,— проведение всех процессуальных действий по оказанию международной правовой помощи на базе законодательства исполняющей страны¹⁰⁷.

Сужение круга принципов международного права для сотрудничества государств Э. Б. Мельниковой не аргументировано и не

¹⁰⁶ Марышева Н. И. Указ. соч. С. 26, 27.

¹⁰⁷ См.: Мельникова Э. Б. Указ. соч. С. 263, 264.

согласуется с основополагающими международными актами. Принцип суверенитета обязывает также взаимодействующие в рамках договора страны соблюдать суверенитет третьих стран, что вытекает из предписаний Устава ООН, Венской конвенции о праве международных договоров и других основополагающих правовых актов. Говоря об основаниях отказа выполнить просьбу иностранного государства, Э. Б. Мельникова умолчала о таком существенном факторе, как противоречие законодательству исполняющей страны, содержащееся в просьбе о правовой помощи.

Не мотивировано и не согласуется с нормами УПК РСФСР утверждение Э. Б. Мельниковой об оценке полученных за рубежом доказательств, исходя из требований российского законодательства¹⁰⁸. Предписаний относительно оценки доказательств, полученных за пределами России на основании международных договоров или без таковых, УПК не содержит. Ч. 3 ст. 69 УПК РСФСР не признает юридической силы доказательств, полученных с нарушением закона, и запрещает их использование для обоснования обвинения и доказывания фактов, входящих в предмет доказывания. Проблема использования доказательств, полученных вне рамок международного договора РФ, законодательством России вообще не решена. Поэтому факты, полученные за рубежом вне договора, не могут рассматриваться доказательствами по уголовному делу. В противном случае в российском уголовном процессе будут применяться иностранные законы по просьбе любого дознавателя, прокурора, следователя, судьи не на основе федерального закона, к которому относится международный договор об оказании правовой помощи, а на основе необходимости получения доказательств за рубежом. Такая практика не может быть расценена иначе как грубейшее нарушение законности (п. 3 ст. 342 УПК РСФСР) и приведет к распространению концепции применения в российском уголовном процессе неправовых, близких к прецедентному праву методов расследования уголовных дел.

¹⁰⁸ Там же. С. 264.

Анализ основополагающих принципов международного сотрудничества, принципов международного взаимодействия при оказании правовой помощи по уголовным делам и принципов российского уголовного процесса подтверждает необходимость рассмотрения их только в единстве. Принципы российского уголовного процесса не противоречат принципам международного правового сотрудничества и способствуют реализации его целей. Они распространяются на каждого участника уголовного процесса, независимо от его гражданства, национальности, расы, религиозных убеждений, имущественного положения, и обеспечивают легитимность взаимодействия деятельности судов и органов следствия договаривающихся стран. В этом проявляется взаимодействие норм международного и национального уголовного процесса. Но действие одних правил не заменяет действия других, они взаимно дополняют друг друга согласно функциональному предназначению. Принципы международного права носят общий характер и не могут заменить национальное процессуальное правило.

¹⁰ Мельников Е. А. Указ. соч. С. 26, 27.

¹¹ См. Мельников Е. А. Указ. соч. С. 263, 264.

Глава III

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ДОГОВОР КАК ИСТОЧНИК УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ПРАВА

1. Понятие международного договора РФ

Основным регулятором взаимодействия судебно-следственных органов России с учреждениями юстиции других государств в процессе оказания правовой помощи по уголовным делам являются международные договоры Российской Федерации. Конституция установила генеральное правило их применения на территории России: они должны быть включены в правовую систему страны. Несовпадение правил международных договоров с нормами российских законов влечет преимущество договорных норм. Это конституционное положение требует уяснения понятия международного договора Российской Федерации.

Правосубъектностью для заключения международных договоров, согласно Венской конвенции о праве международных договоров (ст. 6), наделено каждое государство. Федеральный закон «О международных договорах Российской Федерации» от 16 июня 1995 г.¹⁰⁹ дает определение международного договора, совпадающее с определением, содержащимся в вышеназванной Конвенции: «Международный договор Российской Федерации означает международное соглашение, заключенное Российской Федерацией с иностранным государством (или государствами), либо с международной организацией в письменной форме и регулируемое международным правом, независимо от того, содержится ли такое соглашение в од-

¹⁰⁹ Собрание законодательства РФ. 1995. № 29. Ст. 2757.

ном документе или нескольких связанных между собой документах, а также независимо от его конкретного наименования».

И. И. Лукашук и А. В. Наумов к международным договорам относят межправительственные и межведомственные договоры, но различают их по уровням: «Иные договоры также входят в правовую систему страны, но на своем уровне. Утвержденные Правительством договоры обладают приоритетом в отношении правительственных и иных нижестоящих актов. Соглашения межведомственного характера вообще не подпадают под действие ст. 15 Конституции и пользуются приоритетом лишь в отношении актов заключившего их ведомства... В этой связи ...в международном плане издавна принято правило, согласно которому соглашение между ведомствами различных государств, будучи международным договором, тем не менее не может непосредственно создавать прав и обязанностей для частных лиц. Это правило было утверждено Палатой международного правосудия еще в 1928 г.»¹¹⁰. Такие взгляды разделяют С. Ю. Марочкин и П. Н. Бирюков, критикующий противоположную позицию А. Б. Соловьева и А. Г. Волеводза¹¹¹. Противостоят идее признания международными договорами ведомственных актов о взаимодействии правоохранительных органов России и других стран и другие ученые: «Международные договоры по вопросам налогообложения не действуют непосредственно, поэтому для реализации положений, содержащихся в международных договорах, необходимо принятие соответствующих правовых актов на уровне каждого из государств — участников договора»¹¹².

П. Н. Бирюков поддерживает мнение Г. В. Игнатенко в том, что международное и внутреннее право — самостоятельные правовые системы и «...отличаются друг от друга по кругу субъектов, источ-

¹¹⁰ Лукашук И. И., Наумов А. В. Указ. соч. С. 21, 22.

¹¹¹ См.: Марочкин С. Ю. Действие норм международного права в правовой системе Российской Федерации. Тюмень, 1998. С. 31; Бирюков П. Н. Взаимодействие органов ФСНП РФ с зарубежными правительственными органами при расследовании налоговых преступлений. С. 35, 36, 38, 39; Соловьев А. Б., Волеводз А. Г. Методические рекомендации для следователей по вопросам организации взаимодействия правоохранительных органов России и других государств в розыске, аресте и обеспечении конфискации денежных средств и имущества, нажитых преступным путем и находящихся за рубежом. М., 1998. С. 4.

¹¹² *Налоги и налоговое право* / Под ред. А. В. Брызгалина. М., 1998. С. 167.

ников, способу образования правовых норм, способу обеспечения их исполнения», но «...формы права одной правовой системы не могут быть одновременно и формами права другой системы»¹¹³. Соглашаясь с самостоятельностью указанных правовых систем, нельзя игнорировать четкое предписание ст. 15 Конституции РФ о включении в правовую систему России международного права в виде его общепризнанных принципов и норм и международных договоров Российской Федерации. Выделение из всей системы международного права только тех принципов и норм и международных договоров, которые являются обязательными для Российской Федерации, не случайно. Включению в правовую систему страны этих категорий международного права предшествует обязательное признание их национальными правовыми актами соответствующей юридической силы. Именно данное обстоятельство, по мнению авторов, устанавливает и способ их исполнения на территории Российской Федерации. Обязательность их исполнения является прерогативой государства как единственного субъекта международных отношений и порождает императивный характер выполнения взятых обязательств.

Международный договор отличается от любого внутреннего правового акта Российской Федерации по субъекту и предмету регулирования. Международные договорные нормы создаются не в государстве его законодательными органами, а договаривающимися сторонами на основе внутренних законодательств. Международные договоры приобретают действительную силу посредством признания их национальными правовыми актами. Других субъектов международных правоотношений, кроме суверенных государств, международное право не предусматривает. Эта теория досконально исследована Ф. Ф. Мартенсом¹¹⁴.

Согласно ст. 71 Конституции РФ и п. 1 ст. 3 Федерального закона «О международных договорах Российской Федерации» заключение, прекращение и приостановление действия международных договоров находятся в ведении Российской Федерации. Ст. 76 Конституции установила, что по предметам ведения Российской Федерации

¹¹³ *Игнатенко Г. В.* Международное и советское право: Проблемы взаимодействия правовых систем // Советское государство и право. 1985. № 1. С. 67, 68.

¹¹⁴ См.: *Мартенс Ф. Ф.* Указ. соч. Т. 1. М., 1996. С. 177–186.

принимаются федеральные конституционные и федеральные законы. Отсюда следует два вывода: во-первых, правосубъектностью для заключения международных договоров наделена только Российская Федерация; во-вторых, международный договор Российской Федерации должен приобрести форму и статус федерального закона. Поэтому ни межправительственные договоры, ни договоры межведомственного характера под изложенное выше определение международного договора Российской Федерации не подпадают.

Между тем, п. 2 ст. 3, ст.ст. 11 и 13 Федерального закона «О международных договорах Российской Федерации» относят к международным договорам Российской Федерации не только международные договоры, заключенные от имени Российской Федерации, но и международные договоры от имени Правительства РФ, и договоры межведомственного характера от имени федеральных органов исполнительной власти. Это положение заставляет считать включенными в правовую систему страны соглашения, заключенные не от имени Российской Федерации и не имеющие статуса федеральных законов. А ведь Конституция (ч. 4 ст. 15) отдает международным договорам предпочтение перед национальными законами!

Таким образом, признание международным договором межправительственных и межведомственных договоров находится в коллизии с положениями ч. 4 ст. 15, пп. «к», «о» ст. 71, ч. 1 ст. 76 Конституции РФ.

Представляется, что Конституционный суд РФ имеет основание для оценки указанных положений Федерального закона «О международных договорах Российской Федерации» как противоречащих Конституции РФ. Бесспорными претендентами на включение в правовую систему страны являются лишь договоры, заключенные от имени Российской Федерации.

Конституционный и Верховный суды РФ в своей практике придерживаются положения Конституции РФ о превосходстве правил международных договоров над противоречащими им национальными законами. Эту позицию Верховный суд РФ отразил в постановлении Пленума «О некоторых вопросах применения судами Конституции Российской Федерации при осуществлении правосудия» от 31 октября 1995 г. № 8. Судам предложено разрешать коллизии в пользу международного договора, решение на обязательность кото-

рого для Российской Федерации было принято в форме федерального закона. Вместе с тем, в данном Постановлении Пленума повторно положение Федерального закона «О международных договорах Российской Федерации» (п. 3 ст. 5), что официально опубликованные международные договоры РФ, не требующие издания внутригосударственных актов для применения, действуют непосредственно. Таким образом, в уголовное судопроизводство может быть введен в нарушение положений Конституции (ст.ст. 71 и 76) и УПК РСФСР (ст. 1) источник — нератифицированный международный договор, который не является федеральным законом, а относится к иным правовым актам. Тем самым подобный правовой акт ставится выше федерального закона, что несовместимо с иерархией нормативных актов и противоречит Конституции России.

Субъекты Российской Федерации некомпетентны заключать международные договоры по предмету ведения Российской Федерации, но обязаны выполнять международные договоры Российской Федерации в соответствии с п. «о» ст. 72 Конституции РФ.

Расширительное толкование понятия, сферы действия и применения международного договора без учета заключившего его субъекта и способа утверждения не согласуется с принципом международного права об обязательности выполнения международных договоров и ответственности за невыполнение этого предписания. Единственным субъектом ответственности при нарушении данного принципа международных отношений является только государство, что вытекает из правосубъектности государства в международных отношениях и исключает ответственность органов государства при нарушении обязательств. Венской конвенцией о праве международных договоров правосубъектностью наделяется только государство (ст. 6).

Федеральным законом «О международных договорах Российской Федерации» произвольно расширены полномочия Правительства и федеральных органов исполнительной власти на право заключать договор наряду с Российской Федерацией от собственного имени. Согласно ст. 13 названного Закона предоставлены полномочия на подписание международных договоров Правительству, которое, в свою очередь, может наделять таким правом федеральных министров и руководителей иных федеральных органов исполни-

тельной власти в отношении договоров межведомственного характера. Определен перечень должностных лиц, компетентных совершать любые процедуры, связанные с заключением международных договоров РФ, который отличается от Венской конвенции о праве международных договоров (ст. 7) расширением перечня и снижением должностного ранга.

В сфере уголовной юстиции России в настоящее время действуют два вида договоров: 1) ратифицированные межгосударственные, заключенные от имени Российской Федерации или ранее — СССР; 2) нератифицированные межведомственные соглашения, заключенные Генеральной прокуратурой РФ, МВД РФ и другими ведомствами¹¹⁵.

Практика оказания правовой помощи по уголовным делам свидетельствует, что ведомства, вопреки предписаниям законов, превышают свои полномочия и компетенцию при заключении международных соглашений. Большинство заключенных МВД РФ международных соглашений включает положения об оказании правовой помощи по уголовным делам, совместном и самостоятельном проведении оперативно-розыскных мероприятий, связанных с ограничениями прав и свобод граждан, что является превышением предоставленных МВД РФ полномочий и противоречит ст. 15 Федерального закона «О международных договорах Российской Федерации», требующей ратификации подобных договоров¹¹⁶.

¹¹⁵ Проектом УПК РФ (ст. 1) предлагается направление за рубеж поручений о производстве отдельных следственных действий осуществлять на основе международного договора или международного соглашения, без разделения их по статусу. Такой подход повлечет применение на практике, наряду с ратифицированными договорами, ведомственных соглашений.

¹¹⁶ Т. Н. Москалькова и Н. Б. Слюсарь, напротив, полагают: «Договоры, заключенные МВД России с соответствующими МВД других государств, относятся к категории международных договоров Российской Федерации межведомственного характера. Данный правовой статус этих договоров означает то, что они являются составной частью российской правовой системы и обязательны для исполнения сотрудниками органов внутренних дел России». См.: *Сборник международных соглашений МВД России* / Сост. Т. Н. Москалькова, Н. Б. Слюсарь. М., 1996. С. 4. Это было бы допустимым, если бы данный договор не затрагивал права и свободы человека и не имел бы в силу положений ч. 4 ст. 15 Конституции преимущества перед национальным законодательством.

Постановлением Правительства РФ «О заключении соглашений о сотрудничестве между Министерством внутренних дел Российской Федерации и компетентными ведомствами иностранных государств» от 29 июня 1995 г. № 653¹¹⁷ объем сотрудничества конкретизирован. Оказание правовой помощи по уголовным делам и экстрадиция в него не входят. Полномочий на производство самостоятельных вне рамок уголовных дел оперативно-розыскных мероприятий, заключение под стражу разыскиваемых лиц МВД РФ не предоставлено. Вопреки этим предписаниям в заключенных МВД РФ соглашениях объем помощи произвольно расширен, принимаются обязательства по выдаче, розыску, задержанию, заключению под стражу «в необходимых случаях», исполнению приговоров суда, производству процессуальных действий по уголовным делам, затрагивающие права граждан.

Превышение полномочий и объема правовой помощи имеется в следующих Соглашениях МВД России и других государств с соответствующими службами иностранных государств:

О взаимодействии министерств внутренних дел независимых государств в сфере борьбы с преступностью (Алма-Ата, 1992 г.)¹¹⁸ — в части содействия в «исполнении запросов и просьб по уголовным делам...»: задержание лиц, скрывшихся от следствия и отбытия наказания, заключение под стражу в необходимых случаях (ст.ст. 2, 3), выдача лиц для привлечения к уголовной ответственности или для приведения приговора в исполнение (ст. 6);

О сотрудничестве в борьбе с незаконным оборотом наркотических и психотропных веществ (Киев, 1992 г.)¹¹⁹ — в объем сотрудничества включено «проведение оперативно-розыскных мероприятий и процессуальных действий, осуществление непрерывного наблюдения за передвижением сбытчиков наркотиков, располагающих межгосударственными связями» (п. «б» ст. 1);

О сотрудничестве в сфере борьбы с организованной преступностью (Ашгабат, 1994 г.)¹²⁰ — проведение оперативно-розыскных ме-

¹¹⁷ См.: Собрание законодательства РФ. 1995. № 28. Ст. 2705.

¹¹⁸ См.: Сборник международных соглашений МВД России. С. 43.

¹¹⁹ Там же. С. 55.

¹²⁰ Там же. С. 73.

роприятий и процессуальных действий по уголовным делам, связанным с организованной преступностью (п. 2 ст. 2);

О сотрудничестве МВД РФ и МВД Украины (Москва, 1992 г.)¹²¹ — выполнение поручений по уголовным делам, проведение оперативно-розыскных мероприятий, содействие в выдаче и задержании лиц, скрывшихся от следствия и суда, заключение в необходимых случаях под стражу (ст.ст. 3, 4, пп. «б», «в» ст. 6), перевод граждан, осужденных судами договаривающейся страны, для отбытия наказания в страну гражданства (ст. 10) на условиях и в порядке, определенных соответствующим протоколом (ст. 18);

Договор о координации действий между МВД РСФСР и МВД БССР (Москва, 1990 г.)¹²² предусматривает помощь по уголовным делам и в выдаче лиц для привлечения к уголовной ответственности и исполнения приговора (ст. 2);

Соглашения с МВД Республики Кыргызстан (Бишкек, 1992 г.)¹²³ (п. «б» ст. 3) и с МВД Казахстана (Омск, 1993 г.)¹²⁴ (п. «в» ст. 3) — проведение оперативно-розыскных мероприятий и процессуальных действий;

Соглашением о сотрудничестве между МВД РФ и МВД Туркменистана (Москва, 1992 г.)¹²⁵ предусмотрено (ст. 2): проведение оперативно-розыскных мероприятий, выполнение запросов и процессуальных действий; оказание помощи по уголовным делам и иным материалам органов внутренних дел; вызов свидетелей и доставка лиц, содержащихся под стражей в качестве свидетелей; задержание и арест подлежащих выдаче лиц, а также для приведения приговора в исполнение; выдача предметов по уголовным делам. Статьи 3 и 4 данного Соглашения определяют порядок оказания помощи, допуская запросы и в устной форме, что противоречит понятию международного договора, признающего только письменную форму. Ст. 6 этого Соглашения устанавливает: «При сотрудничестве органы внутренних дел сносятся друг с другом непосредственно или через

¹²¹ Там же. С. 118.

¹²² Там же. С. 109.

¹²³ Там же. С. 123.

¹²⁴ Там же. С. 152.

¹²⁵ Там же. С. 130.

свои центральные органы», что нарушает компетенцию Генеральной прокуратуры РФ;

аналогичный перечень видов помощи содержится в ст.ст. 5 и 6 (порядок оформления) Соглашения с МВД Латвийской Республики (Рига, 1992 г.)¹²⁶;

производство допросов является предметом сотрудничества на основе Меморандума МВД РФ с Королевской конной полицией Канады (Москва, 1993 г.)¹²⁷;

производство процессуальных действий по уголовным делам, оперативно-розыскных мероприятий Соглашением о сотрудничестве в борьбе с преступностью между РФ и Финляндией 1993 г., распространено на ведомства, не правомочные принимать решения о их производстве;

в рамках Соглашения Министерств внутренних дел России и Армении 1992 г. новым Соглашением (Ереван, 1993 г.)¹²⁸ расширен объем оказываемой взаимной помощи. Дополнительно включено: выполнение запросов по уголовным делам, доставка содержащихся под стражей лиц для допроса в качестве свидетелей, заключение под стражу подлежащих выдаче лиц, розыск, задержание скрывающихся от суда и следствия, заключение их под стражу «в необходимых случаях», пересылка и выдача предметов, орудий преступления (ст. 5).

Соглашения Федеральной службы налоговой полиции РФ о сотрудничестве в сфере борьбы с нарушениями налогового и финансового законодательства и по другим вопросам как ведомственные правовые акты также не могут быть отнесены к международным договорам РФ. Среди них Соглашения о сотрудничестве в области борьбы с налоговыми и другими преступлениями с МВД Литовской Республикой (1997 г.)¹²⁹, с Главным полицейским управлением Швеции (1997 г.)¹³⁰, об избежании двойного налогообложения в отношении налогов на доходы и имущество с соответствующими

¹²⁶ Там же. С. 135.

¹²⁷ Там же. С. 164.

¹²⁸ Там же. С. 167.

¹²⁹ См.: Налоговая полиция. 1997. № 22.

¹³⁰ См.: Налоговая полиция. 1998. № 2.

службами ФРГ (1996 г.)¹³¹ и множество других. П. Н. Бирюков ошибочно полагает, что оказание правовой помощи при расследовании налоговых преступлений может регламентироваться не только ратифицированными договорами о правовой помощи, но и любыми ведомственными правовыми актами, заключенными с иностранными органами уголовной юстиции — соглашениями между генеральными прокуратурами, министерствами внутренних дел, налоговых служб, юстиции и судами¹³².

Международный договор РФ, заключенный неполномочным органом и не утвержденный в соответствии с требованиями закона «О международных договорах РФ», не может применяться в РФ и относиться к источникам международного права и уголовного процесса. Из названных Соглашений статьи, принятые с превышением полномочий и компетенции заключивших их ведомств и в нарушение Федерального закона «О международных договорах Российской Федерации» (ст.ст. 11, 13, 15) должны быть исключены. Предметами взаимодействия по указанным Соглашениям, наряду с другими, являются вопросы, связанные с правами и свободами человека, производством по уголовным делам, что относится к ведению Российской Федерации и требует ратификации, поскольку регулируется федеральным законодательством. Ведомства не наделены полномочиями по заключению международных договоров, предметом которых являются права человека и оказание правовой помощи по уголовным делам иностранным государствам. Доказательства по уголовным делам, добытые на основе таких соглашений, не могут иметь доказательственной силы. Сотрудничество в этой части цели не достигает и теряет смысл, причиняет ущерб интересам личности и государства. Генеральная прокуратура РФ лишена возможности принести протест на указанные нарушения, поскольку такая форма реагирования в отношении международных договоров не предусмотрена законодательством РФ. Но надзирающие прокуроры обязаны исключать из доказательств факты, установленные за рубежом на основе подобных соглашений.

¹³¹ См.: Бюллетень международных договоров. 1998. № 5.

¹³² Бирюков П. Н. Взаимодействие органов ФСНП РФ с зарубежными правоохранительными органами при расследовании налоговых преступлений. С. 49.

Дискуссионным является вопрос о полномочиях Генеральной прокуратуры РФ заключать международные соглашения. В отличие от МВД РФ, Генеральная прокуратура не является органом исполнительной власти (ст. 129 Конституции РФ) и представляет собой самостоятельный орган власти специальной компетенции с определенными Федеральным законом «О прокуратуре РФ» функциями и полномочиями, не относящийся ни к одной ветви власти¹³³.

Правительство РФ — орган исполнительной власти, но оно не компетентно принимать федеральные законы, регулирующие уголовное судопроизводство, и наделять такими полномочиями федеральные ведомства.

МВД РФ, Генеральная прокуратура РФ, Федеральная служба налоговой полиции РФ и другие ведомства не являются субъектами международных отношений, и заключенные ими межведомственные соглашения не подпадают под понятие международного договора РФ. В сфере уголовного судопроизводства при оказании правовой помощи по уголовным делам такие соглашения применяться не должны.

Таким образом, уголовное судопроизводство могут регулировать лишь ратифицированные международные договоры РФ, заключенные от имени Российской Федерации, признанные федеральными законами в установленном Конституцией порядке. К этой категории относятся договоры, содержащие уголовно-процессуальные правила об оказании правовой помощи по уголовным делам. Они могут иметь основополагающий характер или регламентировать сотрудничество судов и следственных органов по конкретному предмету, касающемуся расследования и разрешения уголовных дел.

2. Создание и вступление в силу международных договоров РФ

Федеральный закон «О международных договорах Российской Федерации» (ст. 6) среди способов выражения согласия Российской

¹³³ См.: Козлова Е. И., Кутафин О. Е. Конституционное право России: Учебник. М., 1996. С. 298, 299; *Комментарий* к Конституции РФ / Отв. ред. Л. А. Окуньков. М., 1996. С. 558, 559.

Федерации на обязательность для нее международного договора называется ратификацию.

Ратификация — акт утверждения договора высшими органами государства, выражающий согласие на его обязательность. Даже Устав ООН как основополагающий международный договор подлежит обязательной ратификации государствами в соответствии с процедурой, установленной Конституцией (ст. 110 Устава ООН). Ф. Ф. Мартенс подчеркивал, что «ратификация необходима для обязательной силы и действия договора»¹³⁴. В ст. 15 Федерального закона «О международных договорах Российской Федерации» указаны международные договоры РФ, подлежащие обязательной ратификации. Среди них названы договоры: а) исполнение которых требует изменения действующих или принятия новых федеральных законов, а также устанавливающие иные правила, чем предусмотренные законом; б) предметом которых являются основные права и свободы человека и гражданина (п. 1). Равным образом подлежат ратификации международные договоры РФ, при заключении которых стороны условились о последующей ратификации (п. 2). Поскольку договоры об оказании правовой помощи по уголовным делам всегда затрагивают основные права и свободы человека, они подлежат ратификации. Ратификация обязательна и в случае изменения договоров, а также по другим основаниям указанной нормы.

В создании ратифицированного международного договора как федерального закона, который применяется в уголовном судопроизводстве, прослеживается пять аспектов: 1) инициатива принятия закона; 2) обсуждение; 3) утверждение; 4) промульгация; 5) опубликование.

Законодательный процесс создания международного договора существенным образом отличается от принятия российских правовых актов. Главным отличием является участие иностранного государства в его создании и выработка согласованием правовых норм. В последующем выполняются условия договора, связанные с признанием его частью права международных договоров и международного права в целом, что определяет его юридическую силу. К их числу относятся формальности об обязательном обмене сторон ра-

¹³⁴ Мартенс Ф. Ф. Указ. соч. Т. 1. Спб., 1895. С. 395.

тификационными грамотами, оповещении других участников о ратификации и вступлении в силу договора на территории конкретной страны, регистрация и опубликование текста договора на территории договаривающихся стран и в международных изданиях.

Вступление в силу означает наступление момента, с которого международный договор начинает действовать как юридический акт. До этого никаких обязательств по договору для подписавшего его государства не возникает¹³⁵.

Вытекающие из договора обязательства для РФ предписано выполнять, то есть фактически применять договор, с «момента вступления его в силу для Российской Федерации» (ч. 3 ст. 31 Федерального закона «О международных договорах Российской Федерации»). Это положение не согласуется с понятием международного договора, который регулируется международным правом, и устанавливает фактически принятие лишь проекта международного договора, но не применение. Признание договора действующим и подлежащим применению связано с вступлением его в силу в качестве международного правового акта на уровне международного права. Средством осуществления этой процедуры является национальный закон страны, участвующей в создании договора. В России это федеральный закон. В сфере уголовной юстиции договор, не имеющий юридической силы, применению не подлежит.

Одновременного признания юридической силы договора всеми сторонами в практике не встречается. Реализация его осуществляется в несколько этапов. Первоначально международный договор должен пройти процедуру вступления в силу по правилам внутренних законов каждой договаривающейся страны с соблюдением условий самого договора. Договор, требующий ратификации, при этом рассматривается лишь в качестве законопроекта, который будет

¹³⁵ Л. А. Комаровский, говоря о значении ратификации международных договоров, указывал, что обязательным для исполнения договор становится непосредственно с момента подписания его уполномоченным лицом, то есть еще до приобретения договором юридической силы, «законной силы трактата». При этом он ссылаясь на практику международных отношений, полагая подписание договора свидетельством достижения участниками согласия о намерении руководствоваться в своих отношениях нормами принятого ими текста международного договора. См.: *Комаровский Л. А. Международное право. М., 1905. С. 5.*

приниматься его участниками в форме внутреннего закона. Такая практика вступления в силу международного договора действовала на территории бывшего СССР.

Международный договор, требующий ратификации, и после обмена ратификационными грамотами с другими государствами может рассматриваться лишь как проект международного правового акта и на международном уровне юридической значимости не имеет. Он вводится в силу и приобретает статус действующего закона в результате официального опубликования текста в соответствующем государственном издании¹³⁶.

«Ратификационные грамоты, документы о принятии, утверждении или присоединении означают согласие государства на обязательность для него договора с момента: обмена ратификационными грамотами между договаривающимися государствами; депонирования у депозитария; уведомления о них договаривающихся государств или депозитария, если так условились» (ст. 16 Венской конвенции о праве международных договоров). Эти положения заложены в каждом действующем договоре РФ об оказании правовой помощи по уголовным делам.

Порядок вступления в силу двусторонних договоров на международном уровне предусматривает обмен ратификационными грамотами и устанавливает определенное время после этой процедуры для признания их юридической силы. Например, вступление в силу Договора о взаимном оказании правовой помощи с Алжиром (1982 г.) произошло по истечении 30 дней со дня обмена ратификационными грамотами. Ратификация договора несколькими государствами требуется для признания вступившей в силу конвенции. Факт заключения двусторонних и многосторонних договоров независимо от способа еще не наделяет их юридической силой и не влечет обязательности для выполнения его условий автоматически. Так, Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод 1950 г. должна была вступить в силу после сдачи на хранение десяти ратифицированных грамот (п. 2 ст. 66). Для тех государств, которые

¹³⁶ См.: например: *Кишкин С. С.* О порядке опубликования общесоюзных законов // Советское право. 1924. М., С. 75–80; *Магазинер Я. М.* Общая теория права на основе советского законодательства // Правоведение. 1998. № 2. С. 67.

ее ратифицируют, момент вступления ее в силу обусловлен датой сдачи на хранение их ратификационных грамот (п. 3 ст. 66), то есть после признания ее внутренним законом. В результате Конвенция вступила в силу 23 сентября 1953 г., а большинство ныне действующих ее Протоколов было принято и вступило в действие с разрывом в десятилетие и более.

Единого срока для вступления в силу международных договоров РФ на ее территории не предусмотрено. Для каждого договора установлен свой срок вступления в силу. Колебания временных периодов весьма существенны. Так, Договором о правовой помощи с Болгарией 1957 г. этот срок ограничен 30 днями после обмена ратификационными грамотами. Протокол об изменениях и дополнениях к аналогичному договору с Венгрией 1971 г. вступал в силу со дня обмена такими грамотами. В международном договоре может быть указано место обмена ратификационными грамотами, которое может не совпадать с местом подписания (заключения) договора. Например, по Договору о правовой помощи с Кипром, заключенному в Москве в 1984 г., обмен ратификационными грамотами был предусмотрен на тридцатый день после ратификации в Никосии, после чего он вступал в силу. Действующим этот договор стал, спустя более трех лет. Обмен ратификационными грамотами состоялся в Никосии 25 февраля 1987 г.¹³⁷

Если Российская Федерация присоединяется к уже действующему многостороннему договору, то вступление его в силу на территории РФ наступает после направления ратификационной грамоты депозитарию и опубликования текста договора.

Применению двустороннего международного договора в РФ предшествует: 1) вступление его в силу на территории России; 2) вступление его в силу в другой договаривающейся стране; 3) вступление в силу договора в качестве международного правового акта, имеющего обязательную силу для выполнения его сторонами.

Применение многосторонних договоров (конвенций) обусловлено: 1) вступлением в силу в РФ; 2) вступлением в силу в необхо-

¹³⁷ См.: *Сборник международных договоров Российской Федерации по оказанию правовой помощи* / Сост. В. П. Кружков, П. В. Крашенинников. М., 1996. С. 132, 163–171, 250–272.

димом числе государств, определенном договором; 3) вступлением в силу договора как международного правового акта, имеющего юридическую силу. Выполнение этой совокупности условий влечет признание договора действующим и обязанность государства соблюдать обязательства, вытекающие из договоров и конвенций.

Процесс ратификации считается завершенным после обмена ратификационными грамотами или (в многосторонних договорах) после сдачи ратификационных грамот на хранение¹³⁸.

Разрыв во времени между вступлением в силу договора в РФ и на территории других стран-участниц неизбежен и вытекает из правил международного договора. Но наделение международных договоров силой даже на уровне международного права не порождает правовых последствий для государств — участников конвенций, на территории которых они не вступили в силу. Это положение характерно для многосторонних договоров, когда конвенции применяются не всеми государствами, а только признавшими их в соответствии с установленным порядком.

С момента вступления в силу договора на территории государства этот документ признается действующим внутренним правовым актом и может применяться только в границах этой страны как национальный закон. Например, Минская конвенция вступила в силу для Российской Федерации 10 декабря 1994 г. Но она не имела значения во взаимодействии России с Туркменистаном и не могла применяться на территории Туркменистана, поскольку этой страной Конвенция длительное время не была ратифицирована, хотя и была подписана одновременно с другими ее участниками 22 января 1993 г. Россия могла сотрудничать на основе этой Конвенции только с государствами, которые ратифицировали ее в установленном своими законами порядке и обменялись с РФ и другими участниками ратификационными грамотами в соответствии с предписаниями Конвенции.

Одностороннее вступление в силу международного договора и только на собственной территории государства лишает смысла его заключение, поскольку он не может быть реализован ни как нацио-

¹³⁸ См.: Лукашук И. И. Международное право. Особенная часть: Учебник. М., 1997. С. 68.

нальный нормативный акт, ни как акт международного права в силу предназначения регулировать международные отношения.

Непосредственная зависимость от внутреннего права создания, действия и применения международного договора в целом и его норм, различие функций международного договора и внутреннего права приводит к выводу о приоритете применения национального законодательства России в процессе сотрудничества по уголовным делам. До тех пор, пока международный договор не имеет юридической силы как национальный закон России, он не может быть признан вступившим в силу как международный договор и не может применяться на территории других его участников.

Законодательные меры только России в этом процессе не могут в одностороннем порядке осуществить его принятие. Необходимы аналогичные законодательные процедуры другой договаривающейся страны или нескольких государств в зависимости от вида договора для завершения периода подготовки заключительной фазы: надления международного договора юридической силой в значении международного правового акта. Если другие государства по своим законам ратифицируют договор и направят депозитарию (хранителю) ратификационные грамоты, то намерения договаривающихся стран приобретут характер правоотношений, что будет являться основанием для надления договора юридической силой и признания его обязательным для исполнения. Придание юридической силы международному акту на территории договаривающихся государств в рамках международного права относит этот документ к проекту международного договора. Только в завершающем периоде создания нормативного международного акта определяется его окончательный статус акта международного права, международный договор наделяется юридической силой и может считаться действующим для каждого участника, на территории которого он вступил в силу. Началом вступления в силу международного договора в значении международного нормативного акта следует считать выполнение условий, предусмотренных для этой процедуры самим договором. Международный договор не может применяться ранее выполнения названных процедур, включая опубликование, вступление его в силу как правового акта международного права. Это положение в равной

мере относится и к применению международных договоров, регулирующих взаимодействие РФ в уголовном судопроизводстве.

Выполнение международных обязательств посредством внутреннего права является движущей силой взаимодействия. Международное право в уголовном процессе выполняет вторичную роль. Главное значение имеет внутреннее отраслевое право как первичный фактор выполнения международных обязательств и применения международных договоров РФ.

Договоры суверенных государств не порождают права и обязанности для третьих стран без их согласия. Как сказано в ст. 35 Венской конвенции о праве международных договоров, «обязательства для третьего государства возникают из положения договора, если участники этого договора имеют намерение сделать это положение средством создания обязательства и если третье государство определено принимает на себя в письменной форме это обязательство». Национальный закон и добровольность международных связей служит охраной государственной независимости.

Ратифицированные международные договоры становятся действующими для договаривающихся стран после завершения формальностей по обмену ратификационными грамотами, выполнения других условий, предусмотренных договором, и опубликования аутентичного текста в официальных изданиях договаривающихся стран. В Российской Федерации публикации подлежит также федеральный закон о ратификации договора¹³⁹.

Признание юридической силы международных договоров после выполнения процедур по обмену ратификационными грамотами и официального опубликования предусматривалось Конституцией СССР 1923 г. Для опубликования договоров, соглашений, конвенций, заключенных СССР, был установлен особый порядок: «а) договоры, соглашения и конвенции, подлежащие ратификации Правительством Союза ССР или вступившие в силу по обмену деклара-

¹³⁹ Исследуя вопросы теории права, Я. М. Магазинер рассматривал международный договор в качестве закона только в силу особого акта отечественной власти. Именно этот акт — как правило, закон — и является формальным источником права. Он возражал против отнесения международного договора к источникам права без признания его законом согласно внутренней процедуре страны. См.: *Магазинер Я. М. Указ. соч. С. 65.*

циями между подписавшими их сторонами, подлежат обязательному опубликованию лишь после обмена ратификационными грамотами или декларациями; б) договоры, соглашения, конвенции, вступившие в силу по подписании их сторонами или по истечении известного срока после подписания или опубликования их в официальных органах Союза ССР, опубликовываются по заключении их»¹⁴⁰.

Эти положения соответствуют международным нормам о признании международных договоров действующими и не потеряли значения и в современном международном праве. Правила опубликования за период существования СССР неоднократно менялись, но обязательность публикации не отменялась.

В настоящее время для применения международных договоров необходимо их опубликование в соответствии с ч. 3 ст. 15 Конституции и ст. 30 Федерального закона «О международных договорах Российской Федерации».

В п. 1 ст. 30 Федерального закона «О международных договорах Российской Федерации» указано, что «вступившие в силу для Российской Федерации международные договоры, решения о согласии на обязательность которых для Российской Федерации приняты в форме федерального закона, подлежат официальному опубликованию... в Собрании законодательства Российской Федерации». Здесь термин «вступивший в силу международный договор» употреблен неправомерно, поскольку ратификация еще не наделяет договор юридической силой международного договора на международном уровне. Согласно Конституции РФ вступление в силу и практическое применение международного договора Российской Федерации в уголовном судопроизводстве определены процедурами, установленными национальным законодательством договаривающихся стран и международным правом, то есть самим договором.

Конституцией РФ предусмотрен запрет на применение неопубликованных законов и обязательность их опубликования. Любые нормативные акты, затрагивающие права, свободы и обязанности человека и гражданина, не могут применяться, если они не опубли-

¹⁴⁰ См.: О порядке опубликования законов и распоряжений правительства Союза ССР: Постановление ЦИК СССР от 22 авг. 1924 г. // Собрание законов СССР. 1924. № 7. Ст. 71.

кованы официально для всеобщего сведения. Эти конституционные положения означают, что в уголовном судопроизводстве, где затрагиваются права, свободы и обязанности граждан, неопубликованные законы и правовые акты не применяются. Поскольку действующий международный договор РФ является федеральным законом, то он подлежит опубликованию и как федеральный закон. Международные договоры, ратифицированные Федеральным Собранием, публикуются одновременно с федеральным законом об их ратификации. Официальным опубликованием федерального закона считается первая публикация его полного текста в «Российской газете» или «Собрании законодательства Российской Федерации».

3. Международный договор и уголовно-процессуальное законодательство Российской Федерации

В настоящее время сотрудничество Российской Федерации по уголовным делам с другими государствами не имеет регламентирующего базового законодательства, способного обеспечить единообразную практику, законность производства по уголовным делам и получение доказательств за рубежом. УПК РСФСР не содержит специальных норм по регулированию этих вопросов, за исключением ст. 32, относящей к определению порядка взаимодействия судебно-следственных органов к международным договорам и законодательству Союза ССР и РСФСР, и ст. 33, предусматривающей единое производство по всем делам о преступлениях, совершенных в России иностранцами и лицами без гражданства, и устанавливающей процессуальные ограничения в отношении лиц, наделенных дипломатической неприкосновенностью.

Конституция РФ подчеркнула господство права и в международных отношениях Российской Федерации. Признание международных договоров РФ частью национального права обеспечило единство ее правовой системы и защиту суверенитета. Базовые положения действия и применения внутренних нормативных актов распространены и на акты международного права.

Как уже отмечалось, вступлению в силу и применению международных договоров РФ предшествует обязательная процедура признания их внутренними правовыми актами в соответствии с россий-

ским законодательством. Это повышает значение внутригосударственного законодательства. Национальное право названо Конституцией РФ средством реализации как общепризнанных принципов и норм международного права, так и международных договоров РФ. Этот фактор обусловил дуалистический характер международных договоров РФ. Они являются одновременно российскими и международными правовыми актами, относятся к системе национального и международного права. Международный договор Российской Федерации не может быть наделен юридической силой и порождать вытекающие из него обязательства для страны, если он не признан внутригосударственным правовым актом.

В связи с этим встает вопрос об обоснованности положения Конституции о приоритете коллизийных правил международного договора над нормами российских законов. Эта конституционная норма приветствуется многими представителями науки международного права, специалистами других отраслевых наук. Большинство из них признают преимущество международных норм как данность. С теми или иными коррективами она часто воспроизводится в различных федеральных законах и иных нормативных актах. Приоритетное положение правил международных договоров закреплено в Федеральном законе «О международных договорах Российской Федерации» (п. 2 ст. 5) и перенесено в проект Уголовно-процессуального кодекса РФ (п. 4 ст. 5). Проект УПК РФ включает три главы, содержащие нормы, регулирующие взаимодействие судебно-следственных органов РФ с иностранными учреждениями юстиции, устанавливает центральные органы и определяет порядок сношений между ними. Но положения этих норм не всегда согласуются со смежными внутригосударственными процедурами, остается пробел в регламентировании ряда вопросов. Проект предлагает основы сотрудничества и их виды, но не создает полной единой системы национальных процессуальных норм для правового обеспечения международного сотрудничества в уголовном судопроизводстве. Источниками уголовно-процессуального законодательства названы: Конституция, Уголовно-процессуальный кодекс, общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры с преимуществом применения правил договоров при несоответствии с нормами УПК, что выходит за рамки конституционного положения,

не предусматривающего превосходства общепризнанных принципов и норм международного права. Соотношение коллизионных конституционных норм и правил международных договоров РФ проектом УПК не определено. Создается новая проблема относительно применения в уголовном процессе ратифицированных международных договоров, которые имеют равный с нормами УПК статус федеральных законов. Остается нерешенной легитимность нератифицированных договоров и возможность их применения при оказании правовой помощи при расследовании преступлений. В предлагаемом проекте УПК преимущество применения перед УПК получает не только ратифицированный договор, но и нератифицированный в статусе правового акта, не предназначенный регулировать уголовное судопроизводство в силу ст.ст. 71 и 76 Конституции РФ.

Подчинив нормы российских законов правилам, содержащимся в международных договорах, Конституция не разграничила эти законы и договоры по их статусу¹⁴¹. Таким образом, применительно к уголовному судопроизводству федеральному закону, каковым является уголовно-процессуальный кодекс, предпочитают не однозначные по статусу международные договоры, как ратифицированные, так и нератифицированные (иные правовые акты). Не учтены различия договоров по субъекту и предмету регулирования, которые обуславливают их юридическую силу и правила применения. Международные договоры Российской Федерации регулируют взаимодействие между государствами и их судебными-следственными органами, а законы осуществляют регулятивные функции внутри страны.

Конституция РФ не определила, какие законы согласно ч. 4 ст. 15 уступают по приоритету международным договорам, ибо под широкое понятие закона подпадает сама Конституция, федеральные конституционные законы, федеральные законы, конституции (уставы) и законы субъектов Федерации. Интересно отметить, что в Федеральном конституционном законе «О судебной системе Россий-

¹⁴¹ На необходимость разрешения проблемы иерархии правовых норм — важнейшего элемента правового государства, обратила внимание заместитель директора Юридического департамента Совета Европы Мари-Одиль Видеркер в выступлении на международном семинаре в Государственной Думе «Подготовка и принятие законов в правовом государстве». См.: *Смеян Н. А.* Международный семинар в Госдуме // *Московский журнал международного права.* 1997. № 4. С. 130.

ской Федерации» от 31 декабря 1996 г.¹⁴² иерархия нормативных актов установлена в такой последовательности: Конституция РФ, федеральные конституционные законы, федеральные законы, общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры Российской Федерации, конституции (уставы) субъектов Федерации, законы субъектов Федерации (ст. 3, ч. 3 ст. 5).

Ю. А. Тихомиров, исследуя концепцию развития российского законодательства, различает законы: федеральные конституционные, федеральные, законы о ратификации международных договоров, законы о поправках к Конституции, законы субъектов РФ. Он отмечает влияние правовых стандартов иностранных государств, а также принципов и норм международного права. Решение проблемы о соотношении отраслей права Ю. А. Тихомиров видит в равномерности их развития и взаимодействии, он утверждает неоспоримость верховенства Конституции над всеми законами правовой системы страны и недопустимость нарушения этой правовой зависимости. Вопрос о соотношении международных и национальных норм Ю. А. Тихомиров предлагает решать на уровне подготовки проекта международного договора¹⁴³.

Конституция имеет верховенство на всей территории Российской Федерации и высшую юридическую силу, которой не наделен никакой другой закон (ч. 2 ст. 4). Ни один закон, любой иной нормативный акт, применяемый в Российской Федерации, не может противоречить Конституции (ч. 1 ст. 15). Федеральные законы не могут противоречить и федеральным конституционным законам (ч. 3 ст. 76 Конституции). Как отмечалось выше, международные договоры РФ и уголовное судопроизводство находятся в ведении Российской Федерации и согласно ч. 1 ст. 76 Конституции регулируются федеральными законами. Статус международных договоров РФ определяет их ратификация. Утверждение международного договора путем принятия федерального закона (ратификация) наделяет его статусом, равным федеральному закону, но международный договор не приобретает преимуществ перед федеральным законом, что выте-

¹⁴² См.: Российская газета. 1997. 6 янв.

¹⁴³ См.: Тихомиров Ю. А. Общая концепция развития российского законодательства // Концепция развития российского законодательства. 3-е изд., перераб. и доп. / Под ред. Л. А. Окунькова, Ю. А. Тихомирова, Ю. П. Орловского. М., 1998. С. 8–17 и др.

кает и из конституционного положения ч. 4 ст. 15. В этом статусе международные договоры входят в правовую систему страны и должны применяться как федеральные законы. Не требующие такой процедуры договоры относятся «к иным правовым актам». В силу иерархии законов и верховенства Конституции все международные договоры РФ не могут противоречить Конституции, подчиняются ей. Они должны действовать и применяться согласно своему статусу: ратифицированные — по правилам федеральных законов, нератифицированные — как иные правовые акты федерального значения на всей территории России. Ратифицированные международные договоры РФ занимают более высокое место относительно иных (нератифицированных) международных правовых актов, а также законов и иных правовых актов субъектов Федерации, но не могут противоречить федеральным конституционным законам.

Верховенство Конституции по отношению к международным договорам подкрепляется положением ст. 22 Федерального закона «О международных договорах Российской Федерации»: «Если международный договор содержит правила, требующие изменения отдельных положений Конституции Российской Федерации, решение о согласии на его обязательность для Российской Федерации возможно в форме федерального закона только после внесения соответствующих поправок в Конституцию Российской Федерации или пересмотра ее положений в установленном порядке».

Высшую силу Конституции РФ категорично подчеркивает и Федеральный конституционный закон «О Конституционном суде Российской Федерации» от 21 июля 1994 г.¹⁴⁴: «Акты или их отдельные положения, признанные неконституционными, утрачивают силу; признанные не соответствующими Конституции Российской Федерации не вступившие в силу международные договоры Российской Федерации не подлежат введению в действие и применению» (ч. 3 ст. 79).

Даже такой сторонник приоритета международных норм над внутренним законодательством, как И. И. Лукашук, не рискует признавать этот приоритет по отношению к российской Конституции. Поставив вопрос о соотношении Конституции РФ и международно-

¹⁴⁴ См.: Собрание законодательства РФ. 1994. № 13. Ст. 1447.

го права, он далее пишет: «Ответ содержится, прежде всего, в самой Конституции, которая установила, что она имеет высшую юридическую силу и прямое действие на всей территории Российской Федерации. Законы и иные правовые акты, принятые в Российской Федерации, не должны противоречить Конституции Российской Федерации (ч. 1 ст. 15). В силу этой статьи ни одна норма правовой системы, в том числе и включенная на основе международного права, не должна противоречить Конституции»¹⁴⁵.

С. В. Черниченко подчеркивает неопределенность положения, заключенного в ч. 4 ст. 15 Конституции РФ, но не наделяет приоритетом коллизионные нормы межправительственных или межведомственных договоров РФ перед российскими законами, оставляя за ними превосходство лишь в иерархии правовых актов правительства и соответствующих ведомств. С. В. Черниченко полагает, что отсутствие законодательного разграничения международных договоров по их уровню, «автоматическая инкорпорация договоров в законодательство государства (и, следовательно, инкорпорация содержащихся в них положений во внутреннее право государства) — кратчайший путь максимальной синхронизации международного и внутригосударственного правотворчества. Она должна распространяться на все договоры, причем с учетом уровня договоров: договоры самого высокого уровня в результате инкорпорации должны иметь статус законов, заключаемые правительством и не подлежащие инкорпорации — статус актов правительства, межведомственные договоры — статус актов, принимаемых ведомствами. Это необходимо для определения приоритета инкорпорированных договоров в зависимости от их уровня перед внутригосударственными актами соответствующих уровней»¹⁴⁶. Конституция применительно к правам человека исходит из нормы *pacta sunt servanda* (ст. 27 Венской конвенции о

¹⁴⁵ Лукашук И. И. Нормы международного права в правовой системе России. С. 36, 37. См. также: Лукашук И. И. Конституция государств и международное право. М., 1998. С. 68. Правда, в последней из названных работ И. И. Лукашук делает целый ряд оговорок и допущений, признавая приоритет над Конституцией международных норм о правах человека (С. 70, 71, 119) и заключает, что концепция абсолютно приоритета Конституции противоречит международному праву (ст. 120).

¹⁴⁶ Черниченко С. В. Теория международного права: старые и новые теоретические проблемы: В 2 т. Т. 2. М., 1999. С. 350, 351, 357.

праве международных договоров) о невозможности ссылаться на положения своего внутреннего права в качестве оправдания невыполнения договора.

Аналогично рассуждает В. А. Карташкин, полагающий, что Конституция России, «признавая приоритет международного права над внутригосударственным законодательством, не распространяет это верховенство на Основной Закон страны»¹⁴⁷. Б. С. Эбзеев, отметив, что международные договоры РФ являются частью ее правовой системы, пишет: «В рамках этой единой правовой системы нет актов, которые по своей юридической силе стояли бы выше Основного Закона. Следовательно, в случае рассматриваемой коллизии также действует правило о высшей юридической силе Конституции РФ»¹⁴⁸.

Анализ федерального законодательства России позволяет утверждать, что и федеральные конституционные законы РФ ставятся выше норм международного права. К такому выводу пришел И. И. Лукашук, полагающий, что ратификации международного договора, устанавливающего иные правила, чем конституционный закон, должно предшествовать внесение соответствующих поправок в конституционные законы¹⁴⁹.

Таким образом, положение ч. 4 ст. 15 Конституции РФ о преимуществе коллизионных правил международных договоров РФ перед внутренним законодательством может быть отнесено только к федеральным законам и законам субъектов РФ. Но и это положение, во всяком случае по отношению к федеральным законам, может быть оспорено¹⁵⁰.

Предмет и субъект регулирования создает предпосылки для деления права на отрасли, каждая из которых имеет свое функцио-

¹⁴⁷ *Карташкин В. А.* Права человека в международном и внутригосударственном праве. М., 1995. С. 17.

¹⁴⁸ *Эбзеев Б. С.* Прямое действие Конституции Российской Федерации (некоторые методологические аспекты) // Правоведение. 1996. № 1. С. 12.

¹⁴⁹ *Лукашук И. И.* Конституция государств и международное право. С. 69.

¹⁵⁰ Ряд сомнений о приоритете норм международных договоров высказывает Ю. С. Марочкин, хотя в целом признает их превосходство. См.: *Марочкин Ю. С.* Юридические условия действия норм международного права в правовой системе Российской Федерации // Московский журнал международного права. 1998. № 2.

нальное назначение и в известном смысле противопоставляется другой. Классическая доктрина разделения права на отрасли не позволяет рассматривать функциональные различия между отраслями права как основания, дающие возможность приоритета одной отрасли права по отношению к другой (другим).

Наделение права международных договоров РФ превосходством для применения при расхождении с нормами российских законов влечет нарушение концепции разделения права на отрасли и правил их применения. Происходит соподчинение отраслей права, которые в силу различия предмета регулирования не могут конкурировать.

Публичное международное право создано для регулирования международных отношений на основе согласованных государствами правовых норм и не предназначено регламентировать внутригосударственные отношения. «Под международным правом,— писал Ф. Ф. Мартенс,— мы разумеем совокупность юридических норм, определяющих условия достижения народами своих жизненных целей в сфере взаимных их отношений»¹⁵¹. Противоположная концепция разрушает идею разделения права на отрасли. Провозглашение приоритета одной отрасли — международного права — ставит в зависимое положение все другие внутригосударственные отрасли права. Международное право имеет целью регламентировать правоотношения между государствами, и его нормы в силу различия регулятивных функций не должны составлять конкуренцию нормам других отраслей права. Слияние функций международного права и внутригосударственного права недопустимо, ибо лишает государство собственной правовой системы и ставит в полную зависимость от международного права.

Приоритет международных норм не согласуется с идеей позитивизма международного права, созданного для служения интересам государств и развития международных отношений. Основанное на единстве интересов суверенных государств для обеспечения правоотношений между ними международное право предназначено не разрушать национальное право, а развивать его. Провозглашенное преимущество применения отраслевых норм международного права не создает позитивных условий для развития других отраслей права.

¹⁵¹ См.: Мартенс Ф. Ф. Указ. соч. Т. 1. М., 1996. С. 16.

Такая ситуация сложилась в российском уголовном процессе, где с момента принятия УПК РСФСР (1961 г.) не введено ни одной нормы для регламентации взаимодействия суда и органов следствия с соответствующими органами иностранных государств.

Механизм создания норм публичного международного права путем согласования правовых норм государствами и реализация их посредством внутригосударственного права характеризует вторичность международного права и отражает его регулятивную специфику.

Конституционное положение о преимуществе применения норм международного договора РФ обострило проблему правового регулирования взаимодействия российских судебно-следственных органов по уголовным делам с учреждениями юстиции других стран.

Полное отсутствие в УПК РСФСР норм, регламентирующих оказание правовой помощи по уголовным делам иностранным государствам, исключает уголовно-процессуальное законодательство России из объектов сравнительного анализа с процедурами международных договоров. Под воздействием Конституции именно этот фактор способствует активному проникновению в российский уголовный процесс несовершенного международного и иностранного уголовного процесса, прецедентного права и процедур, не относящихся к правовым нормам. Закрепленная в Конституции концепция не отражает общей идеи международного права о значении национального законодательства как средства, предназначенного сформировать специальную нормативную внутреннюю базу, обеспечить процессуальную реализацию уголовной политики государств и выполнение международных обязательств. Принятие такого законодательства является обязанностью Российской Федерации в силу ст. 46 Венской конвенции о праве международных договоров.

Анализ международных договоров России в сфере уголовной юстиции показывает их ограниченные регулятивные возможности. Правила международных договоров носят общий характер, не предусматривают детализации процедур оказания правовой помощи при расследовании уголовных дел, не могут без национального уголовного процесса обеспечить эффективность взаимодействия или восполнить его пробелы. Вместе с тем, следует признать, что даже при отсутствии специального регулирования кодифицированное

формализованное уголовно-процессуальное законодательство России обеспечивает оказание правовой помощи при расследовании преступлений российскими судебными-следственными органами, что подчеркивает вторичность международного права в этой области и его несовершенство.

Международное сотрудничество России с другими государствами без национального уголовного процесса осуществляться не может, поскольку реализация международных договоров по условиям самих же договоров возложена на уголовно-процессуальное законодательство государства. В силу этого национальное законодательство является основой для создания и движущей силой для применения международных договоров.

В сфере уголовной юстиции международный договор занимает самостоятельное место, обусловленное регулятивной функцией, вытекающей как из природы договора, так и его назначения, определенного предметом регулирования — международными отношениями. В уголовном процессе международный договор как акт международного права регламентирует общие вопросы оказания правовой помощи государствами. Расследование преступлений и рассмотрение уголовных дел в суде при этом является прерогативой договаривающихся стран и осуществляется их полномочными органами с применением внутренних законов и соблюдением условий применяемых договоров, которые на практике не конкурируют между собой и не восполняют пробелов УПК РСФСР, а выполняют присущую им функцию. В связи с этими факторами международные договоры относятся к самостоятельной отрасли — международному праву, и должны подчиняться правилам применения отраслевого права.

Но предмет международного сотрудничества в уголовном судопроизводстве включает в себя также правоотношения, связанные с уголовным процессом, которые регулируются нормами других отраслей права, что составляет особенность международного уголовного процесса и расширяет его регулятивные функции. Например, вопросы суверенитета страны, гражданства, положения иностранцев относятся к государственному праву. Поэтому эффективность взаимодействия и возможности выполнения международных обязательств зависят от развитости не только уголовного и уголовно-

процессуального права, но и конституционного, гражданского и других отраслей национального права.

В связи с этим положения Конституции РФ, освещающие принципы сотрудничества, приобретают особую значимость для осуществления внешней деятельности как государства в целом, так и судебно-следственных органов.

В процессе оказания правовой помощи в уголовном судопроизводстве России применяются: Конституция, УПК РСФСР, УК РФ, законы, регулирующие вопросы гражданства, государственной границы, положение иностранцев и др. Вопреки ограничениям ст. 1 УПК РСФСР в уголовном процессе применяются и иные правовые акты, к федеральным законам не относящиеся, с тенденцией к расширению их перечня: указы Президента; постановления: Правительства, Конституционного суда и Пленума Верховного суда; указания, распоряжения, инструкции, приказы министерств и ведомств, Генеральной прокуратуры, Верховного суда РФ, в компетенцию которых входят вопросы уголовной юстиции, иные нормативные правила; иностранное законодательство. Особое место в уголовном судопроизводстве занимают несформулированные общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры РФ, которые регулируются международным правом, что отличает их от норм УПК РСФСР, и называются Конституцией в качестве источников уголовно-процессуального права. Представляется, что источники уголовного судопроизводства должны быть закреплены законодательно и содержаться в УПК. При этом в качестве источников допустимо применение в уголовном процессе самостоятельных федеральных законов, содержащих процессуальные нормы.

При явной потребности ни Конституция, ни законодательство страны не предусматривают никаких нормативных актов для регулирования взаимодействия правоохранительных органов и суда с иностранными государствами, с которыми Россия договорных отношений не имеет. Проект УПК РФ предусматривает международное сотрудничество всех видов только на основе международных договоров РФ. Вариант проекта УПК, подготовленный Генеральной прокуратурой, содержит рекомендации о регламентировании взаимодействия по уголовным делам и вне рамок договора, но самостоятельных процедур не предлагает, заменяя их аналогией правил, ус-

тановленных договорами, как результат согласования сторонами без учета их разнообразия. В УПК необходимо ввести детально разработанные процедуры для каждого вида оказания правовой помощи по уголовным делам с учетом смежных норм УПК.

Отсутствие всеобъемлющего процессуального регулирования в международном и национальном праве порождает правовые коллизии на практике и препятствует нормальному развитию международного сотрудничества в сфере уголовной юстиции.

Решение проблем формирования нормативной базы для применения в сфере оказания правовой помощи иностранным государствам по уголовным делам требует единого подхода на основе единой концепции. В целях сохранения кодифицированного уголовно-процессуального законодательства и предусмотренных им процессуальных форм необходимо привести в соответствие со ст.ст. 71, 76 Конституции и ст. 1 УПК РСФСР источники уголовно-процессуального законодательства.

Сложившуюся в настоящее время систему международных норм, применяемых по уголовным делам в процессе оказания правовой помощи, условно можно разделить на четыре группы.

1. Ратифицированные международные договоры, не поддающиеся систематизации, отягощенные существенными пробелами и бланкетным характером, устанавливающие множество разрозненных, порой несовершенных, процедур. Нормы эти являются частью правовой системы РФ.

2. Другую группу правил, не отнесенных к нормативной базе РФ, составляют процедуры, принятые сторонами согласованием условий для исполнения поручения иностранного государства при отсутствии международных договоров на принципе взаимности.

3. Самостоятельным видом международных норм являются правила, определенные центральными органами государств при реализации бланкетных условий действующих международных договоров РФ. Порядок принятия, действия и применения таких правил не соответствует Федеральному закону «О международных договорах Российской Федерации», что исключает возможность признания их частью этих договоров и правовой системы РФ. Они не отвечают предписаниям этого закона, не опубликованы, приняты органами, не

уполномоченными заключать договоры и утверждать их юридическую силу.

По существу вторая и третья группы норм являются прецедентами, к нормам права не относятся, не инкорпорированы ни в международные договоры, ни во внутреннее законодательство РФ.

4. Применяется уголовно-процессуальное законодательство тех стран, с которыми Россия сотрудничает на основе договоров или взаимной вежливости. Национальное законодательство РФ не предусматривает действия иностранных законов на своей территории. Эта позиция вытекает из ключевого положения сотрудничества о применении собственного уголовного процесса стран при исполнении международных поручений. Однако результаты исполнения международного поручения на основе зарубежного законодательства будут использованы в уголовном процессе России, что и позволяет говорить о применении уголовно-процессуального законодательства других стран в российском уголовном процессе. На основе действующих международных договоров (двусторонних и конвенций) в России применяется законодательство более 100 стран. Их число пополняет зарубежное законодательство государств, выполняющих поручения России вне рамок договора.

Особую разновидность составляют двусторонние и многосторонние договоры, предметом которых являются права человека в уголовном судопроизводстве. По своей сути они предназначены для унифицирования и сближения внутреннего законодательства о правах человека государств-участников. Они не влекут взаимных обязательств сторон, характерных для договоров об оказании правовой помощи в сфере уголовной юстиции. Особенностью их является обязанность каждого государства признать и обеспечить права человека в объеме и значении, предусмотренном договором, приведением в соответствие с ним внутреннего уголовного, уголовно-процессуального и иных отраслей права, регулирующих права человека. К таким договорам относится Европейская конвенция о правах человека и основных свободах, множество конвенций, принятых в рамках ООН и других международных организаций. Однако бесспорных унифицированных международных стандартов о правах человека в уголовном процессе мировая практика не знает. Каждая страна решает эти вопросы по своему внутреннему законодательству.

ву и отражает их в Конституции. Конституционные положения о правах человека в уголовном процессе России соответствуют европейским стандартам и не имеют расхождений с УПК РСФСР. Но крен правовой защиты в сторону обвиняемого, как на международном уровне, так и в российском законодательстве, прослеживается четко, что требует незамедлительного вмешательства и обеспечения прав и интересов защиты потерпевших в полном объеме.

Международные договоры, регламентирующие сферу уголовной юстиции, являются составной частью международного права, которое предназначено для выполнения единственной функции, для чего и создано, — регулирования международных отношений. В зависимости от предмета регулирования их можно условно разделить на три группы.

1. Договоры общего характера, устанавливающие общие унифицированные правила взаимодействия суверенных государств как субъектов международного права в рамках международных организаций. К ним относятся Устав ООН 1945 г., Устав Совета Европы 1949 г., Устав международной организации уголовной полиции (Интерпола) 1956 г., Венская конвенция о праве международных договоров 1969 г. и другие многосторонние международные правовые документы.

2. Договоры об оказании правовой помощи, содержащие процессуальные нормы для взаимодействия государств при расследовании преступлений публичного и частно-публичного характера.

3. Договоры, направленные на борьбу с отдельными видами преступлений, содержащие процессуальные правила применения только этих договоров. Эту группу договоров образуют: Европейская конвенция по борьбе с терроризмом (1977 г.); Конвенция о преступлениях и некоторых других действиях, совершенных на борту воздушного судна (Токио, 1963 г.), Конвенция о борьбе с незаконным захватом воздушных судов (Гаага, 1979 г.), Конвенция о борьбе с незаконными актами, направленными против безопасности гражданской авиации (Монреаль, 1971 г.), Конвенция о предупреждении геноцида и наказания за него (Нью-Йорк, 1948 г.), Международная конвенция о пресечении апартеида и наказания за него (Нью-Йорк, 1973 г.) и другие. Эта группа имеет ряд особенностей для примене-

ния, обусловленных спецификой предмета правоотношений между государствами.

Общим для всех международных правовых актов, регулирующих сферу уголовной юстиции, является установление регламента для внешних связей независимых государств по предмету сотрудничества на принципах, выдвинутых еще в конце XIX в. основоположником международного российского права Ф. Ф. Мартенсом: соблюдение суверенитета, равноправия, независимости, невмешательства во внутренние дела, законности, неприкосновенности, территориальной целостности границ, мирное разрешение споров путем применения международного права, позитивизм, обязательность выполнения обязательств и др. Эти идеи положены в основу мировой практики и в современных условиях.

С точки зрения отрасли правовая регламентация договоров вызывает острые дискуссии.

Многие современные российские правоведы любые документы взаимного характера, подписанные не только государствами, но и должностными лицами ведомств, рассматривают в качестве международных договоров, влекущих обязательства для государств, а правовое регулирование относят к международному уголовному праву в качестве самостоятельной отрасли права, полностью поглощающему уголовно-процессуальное право и другие институты, причастные к регламентации. Такой позиции придерживаются Р. А. Каламкарян, В. П. Панов, Л. Н. Галенская, И. И. Карпец, И. И. Лукашук, А. В. Наумов и другие. Однако их трактовки понятия международного уголовного права весьма разноречивы.

Р. А. Каламкарян определяет так международное уголовное право: «...Отрасль, включающая принципы и нормы, созданные с целью охраны международного правопорядка от преступных посягательств со стороны субъектов международного права путем установления уголовной ответственности виновных физических лиц и ответственности государства за совершение международных преступлений и преступлений международного характера». Ограничивая сферу действия норм международного уголовного права указанными категориями международных преступлений, Р. А. Каламкарян отвергает возможность слияния в единую систему международных

уголовных норм с внутригосударственными и считает, что даже если внутригосударственные нормы созданы специально для охраны международного правопорядка, они остаются национальными нормами¹⁵².

Р. А. Каламкарян и ее сторонники под эгидой международного уголовного права объединяют морское, воздушное, дипломатическое, экономическое, финансовое право, поскольку эти отрасли права охраняют международный правопорядок с помощью специфических уголовно-правовых средств. Р. А. Каламкарян отмечает: «...Нормы указанных отраслей международного права, хотя и относятся к международному уголовному праву, не имеют санкций. Меры наказания определены в уголовных законах государств после инкорпорирования их во внутреннее законодательство»¹⁵³.

Сторонники признания международного уголовного права самостоятельной регулирующей внешне сношения отраслью, отмечают его комплексный характер, но признают невозможность применения российскими судами международных договоров при рассмотрении уголовных дел без трансформации в национальное законодательство. Комплексный характер, по их мнению, выражается в объединении в единую отрасль материальных норм уголовного, уголовно-исполнительного права и уголовно-процессуальных норм, регулирующих отношения по расследованию и судебному разбирательству дел с «иностранным элементом» и только потому, что эти нормы изложены в текстах договоров. Такую позицию поддерживают В. П. Панов и другие специалисты¹⁵⁴.

Ю. А. Решетов разделяет международное уголовное право на материальное уголовное право и международное уголовно-процессуальное право¹⁵⁵.

И. В. Фисенко и его единомышленники вопросы правового регулирования всех международных преступлений относят к гумани-

¹⁵² Каламкарян Р. А. Понятие международного уголовного права // Международное уголовное право: Уч. пос. / Под общ. ред. В. Н. Кудрявцева. М., 1999. С. 8–16.

¹⁵³ Там же. С. 13.

¹⁵⁴ См.: Панов В. П. Международное уголовное право: Уч. пос. М., 1997. С. 19–25.

¹⁵⁵ Решетов Ю. А. Борьба с международными преступлениями против мира и безопасности. М., 1983. С. 63, 207.

тарному международному праву. Однако никаких обоснований такого решения не приводят¹⁵⁶.

Мировая практика, а равно и традиционно кодифицированное законодательство России, вопросы уголовной ответственности относит к уголовному праву, и оснований для создания новой отрасли в виде гуманитарного права для этих целей не имеется. Опосредование применения процессуальных норм международных договоров через национальную систему права не позволяет выделять в самостоятельную отрасль и международное уголовно-процессуальное право. Это положение вытекает также из определения международного договора, который должен регулироваться международным правом (согласно ст. 2 Федерального закона «О международных договорах РФ»). Договоры, действующие в сфере уголовной юстиции, являются частью международного права.

«Международное уголовное право есть система норм,— утверждает И. И. Карпец,— складывающихся в результате сотрудничества между суверенными государствами или между государственными органами или организациями, имеющая своей целью защиту мира, безопасности народов, международного правопорядка как от наиболее тяжких международных преступлений, направленных против мира и человечества, так и от других преступлений международного характера, предусмотренных в международных соглашениях, конвенциях и иных правовых актах межгосударственного характера, наказуемых согласно специальным актам (уставы, конвенции) либо соглашениям, заключенным между государствами в соответствии с нормами национального уголовного права». И. И. Карпец международное уголовное право как самостоятельную отрасль не относит ни к международному публичному праву, ни к внутригосударственному¹⁵⁷.

«Наиболее важная особенность современного международного уголовного права состоит в том,— отмечают И. И. Лукашук и Н. В. Наумов,— что она объединяет нормы, относящиеся не только к уголовному, но и к уголовно-процессуальному праву, а также к судоустройству... Международное уголовное право определяет по-

¹⁵⁶ Калугин В. Ю., Павлова Л. В., Фисенко И. В. Международное гуманитарное право: Уч. пос. / Под общ. ред. В. Ю. Калугина. Минск, 1999. С. 173–183.

¹⁵⁷ Карпец И. И. Преступления международного характера. М., 1979. С. 27, 30.

рядок действия своих норм, а также содержит иные принципы и нормы, относящиеся к общей части уголовного права. Значительное место занимают нормы, регулирующие взаимодействие государств в области уголовного правосудия». В обоснование ученые ссылаются на начальный этап становления международного уголовного права и ненадлежащее развитие его системных элементов. При этом их рассуждения противоречивы. Они утверждают, что «характер уголовно-процессуального права зависит от материального уголовного права. И вместе с тем уголовное право не может функционировать должным образом без процессуального права. Как известно, международное право в основном содержит нормы материального права. Процессуальные институты не получили в нем развития»¹⁵⁸.

И. И. Лукашук и Н. В. Наумов и их сторонники не учитывают отсутствия санкций в международных договорах, что исключает признание таких норм уголовными и их применение в практике взаимодействия государств. Не приняты во внимание и функциональные различия между материальными и процессуальными нормами. Материальное уголовное право может быть реализовано только посредством уголовно-процессуальных норм, являющихся самостоятельной отраслью правовой системы России. Без возбуждения уголовного дела на основе УПК РСФСР ни одна материальная норма УК РФ не может быть реализована.

Идею признания международного уголовного права самостоятельной отраслью выдвигал Ф. Ф. Мартенс, хотя и считал, что «вопросы уголовного права, возникающие в области международных отношений, неразрешимы с точки зрения уголовных законов данной страны». Он отмечал, что в признании международного уголовного права имеются разногласия ввиду пробелов и противоречий в уголовных законах и суть его видел в совокупности юридических норм, определяющих условия международной судебной помощи государств друг другу при осуществлении ими карательной практики в области международного общения. Ф. Ф. Мартенс сводил действие международного уголовного права только к институту выдачи и

¹⁵⁸ Лукашук И. И., Наумов А. В. Указ. соч. С. 13; Лукашук И. И. Международное право. С. 238–244.

рассматривал его с точки зрения осуществления права суверенного государства на уголовную юрисдикцию и правосудие¹⁵⁹.

По мнению Ф. Ф. Мартенса, согласованное договорами установление уголовной юрисдикции, осуществление карательной практики внутри страны на основе территориальных законов и пределы оказания правовой помощи при соблюдении суверенитета составляют предмет договорных отношений. «С точки зрения международного общения действие уголовного закона за пределами территории не есть нарушение чужого суверенитета, а только развитие уголовного закона, расширение территориальной карательной власти, вызванное неотложными нуждами международных сношений»¹⁶⁰.

Но даже точка зрения Ф. Ф. Мартенса небыстречна в силу существенных изменений, прошедших за столетие как в общем праве, так и в международном, обусловленных смещением публичных интересов и сложившейся мировой практикой взаимодействия.

Следует, однако, учесть, что и современное российское уголовное право также включает норму о выдаче (ст. 13 УК). Содержание этой нормы по УК РФ связано непосредственно с предписаниями, определяющими право на осуществление уголовной юрисдикции России и других государств в отношении ее граждан и иностранцев, совершивших преступления вне пределов Российской Федерации. Определяющими факторами признаны принципы гражданства и территории. Но институт выдачи в настоящее время рассматривается и как процедура по передаче иностранному государству обвиняемого для привлечения к уголовной ответственности или осужденного для отбытия наказания по приговору иностранного суда в страну его гражданства. Процессуальные нормы, регулирующие выдачу, относятся к уголовно-процессуальному праву в качестве самостоятельной отрасли, но не к уголовному законодательству. Взаимодействие заинтересованных государств по выдаче весьма широко и не ограничено международными преступлениями или преступлениями международного характера. Требование о выдаче лица, подпадающего под юрисдикцию государства, как правило, связано с обычным

¹⁵⁹ Мартенс Ф. Ф. Указ. соч. Т. 2. М., 1996. С. 212–229.

¹⁶⁰ Там же. С. 222.

уголовным преступлением, чаще совершенным на территории ходатайствующей страны. Передача виновных происходит не только на основе договоров, но и на согласованных условиях с учетом сложившейся мировой практики, с доминированием при этом национального уголовно-процессуального права при применении. Решение о выдаче и процедура передачи выданного лица осуществляется с применением уголовно-процессуального законодательства исполняющего государства, что зафиксировано в каждом договоре, предусматривающем выдачу, и подтверждается мировой практикой. Состав уголовного преступления каждое государство определяет также в соответствии со своим уголовным законом. С учетом этого утверждение о регулировании международных отношений в сфере уголовной юстиции международным уголовным правом не находит убедительных оснований. Регулятором сотрудничества государств по уголовным делам является совокупность отраслевых норм, куда входят международное, уголовное, уголовно-процессуальное, уголовно-исполнительное, государственное, конституционное и другие отрасли и институты внутригосударственного права. В последнее время в ряде развитых стран наметилась тенденция развития и преимущественного применения своего национального законодательства для регулирования внешних связей, что сужает необходимость заключения международных договоров, но позволяет решать внутренние проблемы суверенных стран каждый раз на основе взаимной договоренности. Такие меры приняты в Финляндии, США и других государствах.

Идеи признания международных договоров, регулирующих международные отношения государств в сфере уголовной юстиции, международным уголовным правом, а равно международным гуманитарным, уголовно-процессуальным и комплексным правом, не бесспорны в силу ряда и других факторов.

Современное международное право в сфере уголовной юстиции значительно расширило предмет сотрудничества, что существенным образом изменило теорию и практику международного общения. Приоритеты для взаимодействия государств сложились в настоящее время под воздействием множества факторов, формирующих преступность и ее распространенность. Появилась необходимость взаимодействия не только по вопросам выдачи, но и выполнения про-

цессуальных действий за рубежом при расследовании преступлений, совершенных в пределах суверенных государств. Так, предметом взаимодействия договоров об оказании правовой помощи по уголовным делам является реализация процессуальных решений ходатайствующего государства с применением уголовно-процессуального законодательства исполняющей страны с целью получения доказательств. При этом просьба запрашивающего государства не распространяется на применение материальных уголовных норм другой страны, ибо влечет нарушение юрисдикции, суверенности ходатайствующего государства. Несовершенство норм международного права, их бланкетный характер predetermined способом их реализации — через национальную правовую систему. Несформулированность, неопределенность изложенных в договорах правил в совокупности с пробельностью детерминированы изначально при создании международного права как договорного, способного решить интересы договаривающихся стран, что исключает не только природу конкретности его правил, но и признание превосходства их юридической силы. Эти факторы подтверждают теорию Ф. Ф. Мартенса о вспомогательном характере и вторичности международного права, созданного в качестве механизма для решения внутренних проблем заинтересованных государств. Ф. Ф. Мартенс считал, что государство не может отказаться от своих международных прав, не отрекаясь от самого себя, своей независимости. Поэтому трактаты, нарушающие или отменяющие основные права государства, незаконны и не имеют обязательной силы¹⁶¹.

Многосторонние конвенции, направленные на борьбу с отдельными видами наиболее опасных международных преступлений и преступлений международного характера, предусматривают уголовно-процессуальные нормы сотрудничества только по этим уголовно наказуемым деяниям. В них лишь обозначен вид преступного деяния без указания санкции и предоставлено право договаривающимся странам самостоятельно формулировать рекомендуемую уголовную норму и вводить уголовную ответственность за такие преступления. Отсутствие санкции — структурного элемента для создания нормы уголовного права, predetermined условный характер предмета ме-

¹⁶¹ Мартенс Ф. Ф. Указ. соч. Т. 1. М., 1996. С. 201–204; Т. 2. М., 1996. С. 4.

ждународного сотрудничества государств в рамках договоров, поскольку не создает юридических условий для действия и применения этих ненормативных категорий. Эти факторы не учитывают сторонники идеи о регламентации договорных отношений международным уголовным правом, а равно и другими отраслями международного права. Отсутствие санкций не позволяет признать положения о процедурах взаимодействия полноправной нормой материального уголовного права и отнести их к отрасли уголовного права. Реализации посредством уголовно-процессуального права подлежат только такие нормы, которые имеют все три структурных элемента: гипотезу, диспозицию и санкцию. Таким образом, рекомендации международных договоров третьей группы требуют неперменного существенного дополнения — санкции, которая может быть введена лишь при условии принятия федерального закона о введении уголовной ответственности договаривающейся страной своим национальным законодательством. Наделение юридической силой правовой нормы любой отрасли — неперменный атрибут ее правового статуса и один из определяющих факторов для введения в действие и применения. При этом каждое государство полномочно установить наказуемость деяния, исходя из криминогенной обстановки в стране, с учетом распространенности определенных видов преступлений, являющихся предметом взаимодействия. Например, страны северных регионов не относят к уголовно наказуемым посев культур, содержащих наркотические вещества, и не вводят уголовной ответственности за подобные действия. Только после введения уголовной ответственности государствами — участниками договоров возможно сотрудничество на основе договора о противодействии конкретным видам преступлений. Представляется, что международное уголовное право, не имеющее санкций, не должно претендовать на аналогию с признанным мировой практикой национальным уголовным правом, обязательно предусматривающим конкретную меру наказания.

Содержащиеся в договорах третьей группы уголовно-процессуальные нормы, соседствующие с рекомендациями о введении уголовной ответственности за определенные виды преступлений, не превращают их автоматически в материальные уголовные нормы в силу различий выполняемых ими функций. Принцип разграничения

функций в российской правовой системе в течение нескольких веков традиционно служит основным различием и основанием для разделения права на отрасли, где кодифицированный уголовный процесс является средством для реализации полноправных уголовных норм. Слияния материальных уголовных норм и уголовно-процессуальных правил при размещении их в одном правовом документе не происходит в силу различия их назначения и выполняемых функций. Реализация норм международного права и применение их договаривающимися странами исключается без опосредования их во внутреннее законодательство государств. Этим объясняется условность сферы действия и применения таких договоров, несмотря на многочисленность участников. Реализация их в конкретной стране поставлена в зависимость от выполнения рекомендаций конвенций по содержанию национальных законов об уголовной ответственности за совершение преступлений, являющихся предметом сотрудничества. В таких договорах указано на необходимость соблюдения суверенитета участниками договорных отношений, охраны безопасности государств и внутригосударственной правовой системы, но при этом договаривающиеся государства наделены правом в национальных уголовных законах исходить из собственных потребностей и отдавать приоритет внутригосударственному праву. Прямое действие договоров подобного рода невозможно без трансформации в национальное законодательство.

Венской конвенцией ООН о борьбе против незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ (1988 г.) уголовно-правовые нормы конкретно не сформулированы. Но в ст. 3 Конвенции даны рекомендации каждой договаривающейся стране

признать уголовными преступлениями согласно своему внутреннему законодательству 22 вида уголовно наказуемых деяний, если действия совершены умышленно, организованной группой;

вести уголовную ответственность не только за оконченные составы преступлений, но и за покушения, приготовления к ним, участие;

предусмотреть повышенные меры наказания в целом;

принимать во внимание в санкциях отягчающие обстоятельства: совершение преступлений этого вида организованной группой, участие правонарушителя в других видах международной организован-

ной деятельности, участие правонарушителя в других незаконных видах деятельности, которым содействовало совершение данного правонарушения, применение насилия или оружия, правонарушитель является должностным лицом или совершение преступления связано с его должностью, совершение преступления в учебных заведениях или вблизи них, судимость за этот вид преступлений в своей стране или за рубежом;

в качестве наказаний применять лишение свободы, конфискацию, но наряду с ними в отношении малозначительных правонарушений — альтернативные меры ответственности (перевоспитание, трудоустройство, лечение)¹⁶².

Сфера действия всех договоров определяется юрисдикцией государств. Но договоры, направленные на борьбу с отдельными видами преступлений, претендуют на расширенную юрисдикцию и право уголовного преследования обвиняемых распространяют не только в отношении государств, связанных договорными обязательствами, но и на третьи страны. Так, согласно Международной конвенции о пресечении преступлений апартеида и наказания за него (1973 г.) международной ответственности, независимо от мотива, подлежат члены организаций и учреждений государств, проживающие как на территории государства, где совершаются преступления, относящиеся к апартеиду так и в любом другом государстве, государства — участники Конвенции могут приобретать юрисдикцию на уголовное преследование обвиняемого (после предъявления обвинения) и других государств при согласии последних (ст.ст. III, V)¹⁶³.

Конвенция о предупреждении геноцида и наказания за него (1948 г.) предусматривает ответственность виновных лиц, как частных так, и должностных, независимо от занимаемого в государстве должностного положения и наделения неприкосновенностью от уголовной ответственности (ст. II). Согласно этому международному акту уголовная ответственность возникает по месту совершения преступления. Но право судебного разбирательства с согласия госу-

¹⁶² См.: *Сборник важнейших документов по международному праву. Ч. II (особенная)* / Сост. М. В. Андреева. М., 1997. С. 479–516.

¹⁶³ См.: *Сборник важнейших документов по международному праву. Ч. I* / Сост. М. В. Филимонова. М., 1996. С. 124.

дарства может быть передано Международному уголовному суду (ст. VI)¹⁶⁴.

Венская Конвенция ООН о борьбе против незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ основана на принципе суверенного равенства сторон, территориальной целостности, невмешательства во внутренние дела других стран. Но она содержит множество обязательных для исполнения предписаний относительно включения в национальное законодательство договаривающихся сторон материальных законов об уголовной ответственности с конкретизацией противоправных действий и введением санкций, а также процессуальных правил для их реализации (ст. 3). Большинство из них касается принятия конституционных норм для включения в правовую национальную систему. Для этой Конвенции характерно требование об ужесточении внутригосударственных санкций за совершение преступлений, связанных с наркотиками, о применении обязательных конфискационных мер, включая превентивные (ст.ст. 4, 5), а также более длительных сроков давности как для привлечения к ответственности, так и наказания виновных лиц. Категория этих преступлений не рассматривается в качестве политических и финансовых, а сотрудничество по борьбе с ними рекомендуется наиболее полно. При этом также предусмотрена необходимость развития и соблюдения национального законодательства при осуществлении преследования и наказания как наиболее эффективного средства противодействия наркобизнесу и незаконному обогащению (п. 11 ст. 3). Весьма конкретно изложены и условия для определения уголовной юрисдикции государства (ст. 4). Распоряжение конфискованными доходами преступного наркобизнеса и приобретение собственности на незаконные средства (п. 5 ст. 5) передано оказывающей правовую помощь стороне в соответствии с ее внутренним законодательством. Такое же положение зафиксировано и ст. 15 Конвенции об отмывании, выявлении, изъятии и конфискации доходов от преступной деятельности 1990 г.¹⁶⁵ Ходатайствующей стороне при этом предоставлено право доказать незаконность получения доходов и приобретения собственности.

¹⁶⁴ См.: Ведомости Верховного Совета СССР. 1954. № 12. Ст. 244.

¹⁶⁵ См.: *Право Совета Европы и России*. Краснодар, 1996. С. 347–371. Россия не является участницей этой Конвенции.

В настоящее время европейские страны предпринимают попытки решить вопросы возврата незаконно вывезенных из страны валютных средств и доходов, полученных преступным путем, с явным ущемлением интересов потерпевшей стороны, что не соответствует принципам международного сотрудничества. На Международной конференции в 1999 г. (Финляндия) был оглашен проект Европейской конвенции по этому вопросу, в котором предложено автоматически передавать 50 % таких средств стране, куда они вывезены, а в остальной части доказать противоправность их вывоза. Потерпевшей стороне могут быть переданы оставшиеся средства за минусом указанных 50 % и затрат исполняющего государства в соответствии с его внутренним законодательством. Такое решение не только не будет способствовать искоренению преступности и охране экономических интересов суверенных государств, но и создаст условия для развития преступного бизнеса.

Конвенция ООН о борьбе против незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ акцентирует внимание ее участников на расширении форм и объема взаимной правовой помощи по преступлениям, связанным с наркотиками, и придает важное значение применению наиболее эффективных средств борьбы с этими опасными преступлениями внутри стран (п. 3 ст. 7). Недопустим отказ выполнить просьбу иностранного государства со ссылкой на банковскую тайну (п. 5 ст. 7). Аналогичное правило содержится в Конвенции об отмывании, выявлении, изъятии и конфискации доходов от преступной деятельности. Согласно названной Конвенции ООН о наркотиках взаимодействие на международном уровне никоим образом не должно ущемлять национальные интересы, суверенитет и безопасность государств и обязано предусматривать охрану и развитие внутреннего права. Подчеркнута необходимость соблюдения соответствия поручения законодательству исполняющего государства в качестве неременного условия взаимодействия.

Венская конвенция ООН о наркотиках — одна из немногих, предусматривающих взаимное выполнение оперативно-розыскных мероприятий (ст. 9). Возможно создание совместных оперативных групп «для обеспечения безопасности лиц и операций», но при соблюдении суверенитета страны, на территории которой проводится мероприятие (п. 1 ст. 9), т. е. с применением ее национального зако-

нодательства об оперативно-розыскной деятельности. Предусмотрена организация контролируемой поставки наркотиков также в рамках оперативно-розыскной деятельности специальных служб (ст. 11). В пределах России взаимная помощь регламентируется Федеральным законом РФ «Об оперативно-розыскной деятельности» от 12 августа 1995 г. с последующими изменениями.

Некоторые международные договоры регулируют весьма узкий круг вопросов. Так, действующей в России Конвенцией о предотвращении и наказании преступлений против лиц, пользующихся международной защитой, в том числе дипломатических агентов (1973 г.)¹⁶⁶ определен в качестве предмета сотрудничества перечень преступлений в отношении только потерпевших, наделенных неприкосновенностью (ст. 2 Конвенции). К категории таких потерпевших отнесены (ст. 1): а) лица, пользующиеся международной защитой; б) любой представитель или должностное лицо государства, любое должностное лицо, агент межправительственной международной организации, наделенные международным правом на специальную защиту от посягательства на личность, свободу, достоинство (ст. 2). В отношении преступлений, совершенных против лиц, имеющих иммунитет, расширена сфера уголовной юрисдикции государств. Право на уголовное преследование возникает не только у государств в соответствии с их внутренним законом и участников этого договора, но и третьих стран, исходя из следующих условий: когда преступление совершено на территории государства или на борту судна или самолета, зарегистрированного в этом государстве; когда предполагаемый преступник является гражданином государства; когда преступление совершено против лица, пользующегося международной защитой и имеющего статус такого лица в связи с функциями, которое он выполняет от имени этого государства; если обвиняемый окажется на территории государства, то эта страна полномочна возбуждать против него уголовное преследование (ст. 3). Согласно ст. 6 указанной Конвенции на государство, в пределах которого находится предполагаемый преступник, посягнувший на лицо, наделенное международной неприкосновенностью, возлагается

¹⁶⁶ См.: *Сборник важнейших документов по международному праву*. Ч. II. С. 516–523.

обязанность в соответствии с внутренним законодательством обеспечить розыск этого лица для уголовного преследования или выдачи. При обнаружении обвиняемого на своей территории каждое государство обязано уведомить об этом Генерального секретаря ООН, а также государство, на территории которого совершено преступление, государством, гражданином которого является предполагаемый преступник, а в отношении апатрида — страну его постоянного проживания, государством гражданства потерпевшего, от имени которого он осуществляет свои функции, межправительственную организацию, агента или должностное лицо, потерпевших от преступления.

Конвенция об отмытии, выявлении, изъятии и конфискации доходов от преступной деятельности имеет целью борьбу с получением преступных доходов на основе общей уголовной политики государств-участников. Она охватывает большую группу преступлений корыстного характера, повлекших извлечение имущественной выгоды или приобретение имущества на средства, полученные преступным путем (ст. 1 Конвенции). Обращает на себя внимание важное специальное правило о средствах правовой защиты договаривающихся стран. Заключается оно в том, что каждая страна в процессе сотрудничества обеспечивает свои интересы самостоятельно и полномочна предусмотреть их в национальном законодательстве (ст. 3). Этим подчеркивается необходимость развития внутреннего права для успешного решения национальных проблем во внешней сфере при помощи международного права. Конвенция содержит множество положений, связанных с конфискацией имущества, средств и орудий преступлений. Для возможного применения в России данной Конвенции следует унифицировать понятие «конфискация». Конфискация имущества по УК РФ (ст. 52) есть материальная норма о принудительном безвозмездном изъятии в собственность государства имущества, являющегося собственностью осужденного. Применяется она судом в качестве дополнительной меры наказания при вынесении обвинительного приговора за особо тяжкие и тяжкие преступления, совершенные из корыстных побуждений (ч. 2 ст. 52 УК). Эти ограничения, безусловно, значительно сужают предмет взаимодействия. Предписания Конвенции не совпадают с российским уголовным законом и предусматривают конфискацию доходов

за любые виды преступлений, независимо от мотива и тяжести деяния. Этот международный акт не исключает обращения взыскания по долгам на любое имущество, а не только добытое преступным путем (ч. 1 ст. 13). Правовую помощь другим государствам по вопросам конфискации российские следственные органы могут оказывать лишь в рамках обеспечения возможной конфискации, если она предусмотрена санкцией соответствующей статьи УК РФ,— путем наложения ареста на имущество, производства обыска с целью отыскания имущества и средств, добытых преступным путем. Передача такого имущества возможна только при наличии обвинительного приговора суда ходатайствующего государства, вступившего в законную силу, на условиях взаимности по исполнению приговоров иностранных судов на основе соответствующих международных договоров. Поэтому крайне важно принять специальный национальный закон по вопросам, связанным с получением доходов от преступной деятельности.

Процессуальная реализация взаимодействия с другими государствами по вопросам уголовной юстиции обуславливает необходимость формирования национального законодательства, способного обеспечить выполнение международных обязательств.

Глава IV

ПРАКТИКА ПРИМЕНЕНИЯ НОРМ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА В РОССИЙСКОМ УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ

1. Общие положения

В современной России наметилась тенденция к переориентации доктринальных направлений в применении национального права, внедрению в него иностранного и международного права. Происходит расширение отраслевых функций международных норм и их доминирование над внутренними законами. Преобладают теории, переоценивающие значимость международного права. Принижается роль суверенных государств в сфере международной уголовной юстиции в пользу международных организаций, которым придаются функции административного управления в осуществлении уголовной юрисдикции и правосудия. Это обуславливает ущемление национальных интересов и суверенитета отдельных государств, нарушение паритета в полномочиях. Сторонники такого подхода к международному сотрудничеству в уголовном судопроизводстве выделяют без достаточных оснований в самостоятельную отрасль международное уголовное право как единственно способное обеспечить регулятивные функции в этой области. Такие перемены в соотношении международного права и внутригосударственного отмечают, в частности, И. И. Лукашук и Н. В. Наумов и относят их к позитивным факторам. «Будучи правом межгосударственным, международное право всегда исходило из монополии государства на применение его норм в отношении физических и юридических лиц.

Лишь после второй мировой войны появляются международные судебные органы, призванные применять международное уголовное право непосредственно к индивидам. Уставы этих органов должны были регулировать в том числе и вопросы международного уголовного процесса». При этом они прогнозируют, что «...в обеспечении функционирования международного уголовного права и в обозримом будущем решающая роль будет принадлежать государствам, их правовым системам»¹⁶⁷.

И. И. Лукашук и Н. В. Наумов универсальный принцип действия единичных международных документов, принятых на основе Устава ООН в отношении военных преступников, совершивших преступления, ограниченные пределами бывшей Югославии¹⁶⁸, распространяют и на взаимодействие государств в целом. Такая позиция представляется весьма спорной. Принятие ее мировой практикой будет означать подчинение суверенных государств решениям специально созданных международных организаций, в результате чего не будут учтены интересы каждого участника и проблемы третьих стран.

Резолюцией 827 Совета Безопасности ООН от 25 мая 1993 г. был создан Международный трибунал с целью судебного преследования лиц, совершивших нарушения гуманитарного права только на территории бывшей Югославии на ограниченный период времени — дату прекращения его действия поручено определить Совету Безопасности ООН. Следует отметить, что понятие гуманитарного права в данном документе расширено до собирательного значения, куда отнесено уголовное право и другие самостоятельные отрасли права, регулирующие международные отношения. Перечень преступлений для осуществления практически глобальной уголовной юрисдикции Международным трибуналом содержит наряду с уголовными преступлениями (убийствами, изнасилованиями, пытками)

¹⁶⁷ Лукашук И. И., Наумов Н. В. Указ. соч. С. 13.

¹⁶⁸ Учреждение Международного трибунала для судебного преследования лиц, ответственных за серьезные нарушения международного гуманитарного права, совершенные на территории бывшей Югославии: Резолюция 808 (1993 г.) от 22 февраля 1993 г. // Действующее международное право. Т. 1. С. 744–746; Резолюция 827 Совета Безопасности ООН от 25 мая 1993 г. и Устав Международного трибунала см.: Там же. С. 746–759.

и деяния, к таковым не относящиеся: порабощение, депортация и другие. Югославии при этом отведено право на параллельную юрисдикцию, которую она обязана уступить Международному трибуналу и любому другому государству на основе правил Устава Международного трибунала, наделенному приоритетным правом на осуществление правосудия.

Возрождается и начинает приобретать значительное число сторонников среди наиболее развитых стран (США, западноевропейские государства — члены НАТО) не получившая развития и отвергнутая ранее космополитическая теория, предполагающая учреждение над всеми государствами определенного законодательного органа, постановления которого имели бы обязательную силу для всех народов. Полномочия по регулированию правоотношений между государствами (в том числе и в уголовной юстиции) согласно этой теории передаются специально создаваемым международным административным структурам, куда будут входить и суды, коим предназначено осуществление правосудия как единственному управомоченному органу. Идея космополитизма низводит суверенные государства до подчиненных международным надстроечным организациям. Право отождествляется с силой и сила выполняет правовые функции. Учение космополитов основано на том, что физическая сила, принуждение составляют существенную принадлежность права, при этом смешиваются, по мнению критиковавшего его Ф. Ф. Мартенса, «две различные вещи: самое право и принудительный порядок его осуществления. Последний имеет применение обыкновенно в том случае, когда право и закон нарушаются. Поэтому сила есть более элемент неправды, чем право, которое в нормальном его существовании никогда не вызывает насильственного осуществления»¹⁶⁹.

Важная роль в опровержении теории о применении силы в качестве принципа права и выдвижении идеи мирного урегулирования споров на основе права как единственного средства для разрешения международных проблем принадлежит Г. Гроцию. Он первым выдвинул как самостоятельные категории «право войны»¹⁷⁰ и «право мира»¹⁷⁰.

¹⁶⁹ Мартенс Ф. Ф. Указ. соч. М., 1996. Т. 1. С. 16, 17.

¹⁷⁰ Гроций Г. Указ. соч.

Однако теория силового решения межгосударственных конфликтов уголовно-правового характера, связанных с самоопределением наций и территориальной целостностью государства, в современном международном праве начинает доминировать, что снижает роль права как регулятора международных отношений.

Еще недавно, в середине минувшего столетия, существовала доктрина, согласно которой «борцы за национальное освобождение не должны рассматриваться в качестве уголовных преступников»¹⁷¹. В современном мире эта доктрина носит условный характер и рассматривается с точки зрения соответствия национальным интересам суверенных стран.

Так, в Турции в 1999 г. суд приговорил к смертной казни Аджалана — лидера курдов, борющихся за национальную независимость и образование суверенного курдского государства. Предположение о нахождении на территории Афганистана террористов, обвиняемых США в уголовно наказуемых деяниях против граждан этой страны, властями США было расценено как нарушение национальных интересов и послужило мотивом для бомбардировок одной из афганских провинций. Применение вооруженной силы дипломаты США обосновали резолюциями ООН о борьбе с международным терроризмом, отвергнув правовые средства и саму возможность международного сотрудничества, установленную ООН в 1945 г.

И. Кант предвидел живучесть права войны и одновременно сомневался в способности права полностью разрешать взаимные притязания государств. «Право не изгнано еще полностью из военной политики». Он считал, что Ваттель, Пуффендорф, Гроций и другие ученые создали «философский и дипломатический кодекс», который «не имеет да и не может иметь ни малейшей законной силы». Вместе с тем, только право Кант признавал необходимым «для обеспечения мира»¹⁷².

В настоящее время утрачивается единство уголовно-процессуального закона, наблюдается произвольное расширение его источников, замена кодифицированной процессуальной формы многообразными прецедентами по образцу иностранных систем. Нет еди-

¹⁷¹ Галенская Л. Н. Указ. соч. С. 16.

¹⁷² Кант И. К вечному миру // Трактаты о вечном мире. М., 1963. С. 184.

нообразия в практике применения международных договоров. Практически не имеется фундаментальных научно-исследовательских работ в области применения норм международного права в уголовном процессе России. Освещены лишь некоторые вопросы, связанные с выдачей и уголовным преследованием.

Феномен интернационализации преступности не получил надлежащей оценки в международном сотрудничестве при расследовании преступлений. Свидетельством тому, в частности, является отсутствие конституционных основ деятельности России во внешней сфере, специального законодательства, регламентирующего взаимодействие судебно-следственных органов государств в процессе оказания правовой помощи по уголовным делам на фоне несовершенства самих международных договоров, а также полная неурегулированность порядка обращения за помощью к странам, с которыми договорных отношений не имеется. Международные договоры не содержат конкретных процедур расследования уголовных дел и не способны в силу этого выполнять отведенную Конституцией РФ приоритетную роль их правилам или восполнить пробелы уголовного процесса России.

Обязательства, вытекающие из международных договоров об оказании правовой помощи, Российская Федерация выполняет с применением действующего УПК РСФСР при практическом отсутствии специального регулирования уголовного судопроизводства на международном уровне.

Практика применения международных договоров не следует установленному Конституцией приоритету международных норм над российскими, а в ряде наиболее важных правил сотрудничества входит в противоречие с данным конституционным положением.

По вопросам сотрудничества в уголовном судопроизводстве лишь 4–5 специалистов из ста обладают минимумом знаний при полной некомпетентности остальных. Большую степень неподготовленности обнаруживают прокуроры — государственные обвинители¹⁷³.

¹⁷³ При поддержании обвинения в Санкт-Петербургском городском суде по делу Д. И. Якубовского, обвинявшегося в соучастии в групповом хищении раритетов из национальной публичной библиотеки, государственный обвинитель исходила из ошибочного представления о возможности сотрудничества только демократических

Вместе с тем, Российская Федерация имеет достаточный опыт сотрудничества с другими государствами в расследовании преступлений и сложившуюся практику применения международных договоров в уголовном судопроизводстве. Взаимодействие осуществляется путем оказания нескольких видов правовой помощи по уголовным делам: 1) производство процессуально-следственных действий (выполнение и направление отдельных поручений, вручение документов, обмен информацией, в том числе и законодательной); 2) выдача преступников; 3) уголовное преследование; 4) передача предметов; 5) передача осужденных иностранными судами в страну своего гражданства¹⁷⁴.

Необходимость сотрудничества по уголовным делам вызвана прежде всего потребностью самой России в помощи при расследовании преступлений, совершенных иностранцами или в отношении иностранцев, а также для получения доказательств на территории других государств. Договаривающиеся государства самостоятельно определяют предмет, объем и формы сотрудничества. Условия выполнения международных обязательств взаимны и одинаковы для всех взаимодействующих на договорной основе стран.

Страны с унифицированным законодательством предпочитают заключать многосторонние договоры. Конвенции обеспечивают долговременное применение выработанных процедур, укрепляют внешние связи, способствуют принятию общих концептуальных подходов для совершенствования внутреннего законодательства и применения его в международном сотрудничестве в борьбе с преступностью. Применение конвенций при оказании правовой помощи по

правовых государств, что послужило ориентиром для суда не признать ряд полученных за рубежом показаний свидетелей доказательствами по делу. См.: *Сидоренко Е.* Допустимость доказательств, полученных на территории других государств (по материалам уголовного дела по обвинению Д. Якубовского) // *Законность.* 1998. № 2. С. 28–30.

¹⁷⁴ Существуют и другие классификации видов международной правовой помощи. Так, Н. И. Марышева выделяет: 1) выполнение поручений о проведении отдельных процессуальных действий (допросы, осмотры, производство экспертиз, вручение документов и т. д.); 2) представление информации о праве; 3) передача компетенции от учреждения своего государства соответствующему учреждению другого государства; 4) выдача преступников; 5) правовая помощь в связи с признанием и исполнением приговоров иностранных судов. См.: *Марышева Н. И.* Указ. соч. С. 29–40.

уголовным делам характерно для западноевропейских стран. На их территориях действуют и успешно применяются Европейская конвенция о выдаче (1957 г.), Европейская конвенция о взаимной правовой помощи по уголовным делам (1959 г.), Европейская конвенция о международном признании судебных решений по уголовным делам (1970 г.) и др. Две из них ратифицированы Россией.

В процессе оказания правовой помощи по уголовным делам в Российской Федерации применяются только ратифицированные двусторонние и многосторонние договоры — конвенции общего, регионального характера и ограниченные содружеством отдельных стран. Различаются они и по предмету взаимодействия. Большинство договоров предусматривает одновременно несколько видов сотрудничества, но можно выделить конвенции и двусторонние договоры, регламентирующие отдельные виды взаимодействия.

Практикой выявлены закономерности и особенности в применении норм международного права и внутренних законов договаривающихся стран при расследовании уголовных дел, зависящие от таких факторов, как вид правовой помощи, особенности законодательства государств, наличие договора о правовой помощи и специфики установленных им процедур и других факторов, возникающих по конкретным уголовным делам.

На территории РФ в настоящее время преимущественно применяется Минская конвенция 1993 г. Наряду с этой Конвенцией действуют самостоятельные договоры РФ о правовой помощи с рядом государств — бывших республик СССР. По сравнению с Минской конвенцией, двусторонний договор с Азербайджаном (1992 г.) расширяет объем правовой помощи и включает допрос подсудимых и предоставление сведений о судимости (ст. 3), конкретизирует некоторые условия применения положений Конвенции. Внесено дополнение, касающееся доставления и этапирования обвиняемых. Если уголовное преследование иностранца, совершившего преступление в чужой стране, возбуждено по просьбе государства, гражданином которого он является, и он в связи с этим арестован, то доставление этого обвиняемого в страну гражданства производится ходатайствующей об осуществлении уголовного преследования страной. «Этапирование лиц, содержащихся под стражей на территории другой страны (выдающей), санкционируется должностным лицом,

осуществляющим надзор за расследованием дела» (п. 2 ст. 60 Договора). Передача такого лица производится путем выдачи в установленном п. 1 ст. 71 этого Договора порядке.

Аналогичным образом скорректированы процедурные правила в двустороннем договоре России с Кыргызстаном (1992 г.). Предусмотрены обмен информацией о судимости (ст. 3), бесплатная правовая защита, юридическая помощь и судопроизводство на тех же условиях и с теми же преимуществами, что и собственным гражданам (ст. 16), отказ в выдаче лиц, которым предоставлено убежище (п. 1 ст. 62), что не заложено Минской конвенцией. В двустороннем договоре с Молдовой (1993 г.) нет положения о задержании лиц, подлежащих выдаче. В договорах с Молдовой и Азербайджаном иным образом, чем в Минской конвенции, решены полномочия третьих стран при транзитной перевозке. Минская конвенция (ст. 70) такую перевозку разрешает, предоставляя самостоятельность третьей стране, указанные Договоры (ч. 1 ст. 74 и п. 1 ст. 74 соответственно) регламентируют ее следующим образом: «Каждая из Договаривающихся Сторон по просьбе другой Договаривающейся Стороны разрешает перевозку по своей территории лиц, выданных другой Договаривающейся Стороне третьим государством. Договаривающиеся Стороны не обязаны разрешать перевозку лиц, выдача которых не допускается в соответствии с положениями настоящего Договора»¹⁷⁵.

В целом изложенные в действующих международных договорах РФ об оказании правовой помощи по уголовным делам общие правила взаимодействия и специальные правила, регулирующие отдельные виды сотрудничества, повторяются в каждом международном договоре без существенных различий. Заложенные в Минской конвенции правила взаимодействия России с другими государствами имеют лишь некоторые различия по сравнению с другими договорами о правовой помощи. Это способствовало выработке единообразия в осуществлении взаимодействия судов и органов следствия стран СНГ.

Э. Б. Мельникова, исследуя Минскую конвенцию, пришла к выводу, что ее «можно считать идеальной моделью международного

¹⁷⁵ См.: *Сборник международных договоров Российской Федерации по оказанию правовой помощи*. С. 48, 79, 397.

многостороннего соглашения о правовой помощи». Автор утверждает, что Конвенция «существенно восполняет пробелы нашего внутреннего уголовно-процессуального законодательства в рассматриваемой области... облегчает реализацию отношений международно-правовой помощи, уменьшает число возникающих в этом процессе правовых коллизий»¹⁷⁶.

Однако практика применения Минской конвенции не позволяет характеризовать ее столь восторженно и выявляет некоторые ее несовершенства¹⁷⁷. Положения Конвенции не восполнили пробелов УПК РСФСР по регулированию сношений судов и следственных органов по уголовным делам во внешней сфере. При применении данной Конвенции возникает ряд коллизий, не получивших нормативной регламентации. Совокупность этих негативных факторов требует внесения соответствующих изменений и дополнений, работа над которыми проводится в настоящее время. Минской конвенции присущи как собственные, так и многие из недостатков других международных договоров, касающиеся вопросов заключения под стражу выдаваемых лиц, их защиты, гражданства, оснований для выдачи и отказа в ней, уголовной юрисдикции и ряда других. Подробнее об этом будет сказано при рассмотрении конкретных видов правовой помощи.

Вступление в действие Европейской конвенции о выдаче 1957 г., Европейской конвенции о взаимной правовой помощи по

¹⁷⁶ Мельникова Э. Б. Указ. соч. С. 261.

¹⁷⁷ Интервью начальника управления по надзору за расследованием преступлений Генеральной прокуратуры РФ Я. Я. Пистера, прокуроров: Белгородской области О. М. Антонова, Калининградской области И. И. Шашурина, Дагестанской Республики И. М. Яралиева, Харьковской области П. М. Каркача, Литовской Республики С. Никитинаса, первого заместителя прокурора Курской области Ф. Н. Толкачева см.: Взаимодействие прокуратур приграничных регионов: опыт, проблемы, предложения («Круглый стол») // Прокурорская и следственная практика. 1997. № 2. С. 116–125. Прокуроры отметили несовершенство международных договоров и необходимость внесения в них соответствующих изменений и дополнений. Представители стран — участниц Минской конвенции обратили внимание на конкретные проблемы взаимодействия, не урегулированные этим документом, ее пробельность, несовершенство в вопросах осуществления контактов, выдачи, исполнения следственных поручений, бланкетный характер положений о заключении под стражу и задержании, розыске обвиняемых и оружия, проведении совместных оперативно-розыскных мероприятий, уголовном преследовании. Конвенция не предусматривает решения коллизий.

уголовным делам 1959 г. и Дополнительных протоколов к ним внесет определенные коллизии в регламентацию взаимодействия российских судебно-следственных учреждений юстиции со странами — участниками названных Конвенций, осуществляющих правовую помощь с Россией одновременно на основе ранее заключенных двусторонних договоров и Минской конвенции 1993 г. В вопросах выдачи эта проблема коснется 27 государств, имеющих в России двусторонние связи, два из которых являются участниками Минской конвенции 1993 г. (Украина и Молдова). Участниками Европейской конвенции о взаимной правовой помощи по уголовным делам, двусторонних и многосторонних договоров с Россией одновременно являются 14 государств. На практике коллизии связаны с положением о приоритете норм указанных Европейских конвенций, обязательных для выполнения договаривающимися сторонами, над ранее заключенными договорами Российской Федерации.

Европейская конвенция о выдаче (ст. 28) и Европейская конвенция о взаимной правовой помощи по уголовным делам (ст. 26) содержат предписания о том, что указанные Конвенции заменяют собой положения любых других соглашений, договоров, как двусторонних так и конвенций, регулирующих взаимную правовую помощь по уголовным делам и выдачу. Взаимодействующим на их основе странам предоставлено право заключать между собой двусторонние и многосторонние отношения по уголовным делам только с целью дополнения указанных Европейских конвенций или содействия применению содержащихся в них принципов.

Выполнение императивного предписания Европейских конвенций о запрете применять более ранние международные правовые акты для Российской Федерации означает прекращение международных отношений в уголовной сфере с суверенными государствами, с которыми уже установились дружественные взаимоотношения. Это положение Конвенций противоречит целям международного сотрудничества в борьбе с преступностью, является препятствием в решении задач по противодействию транснациональному криминалу.

Ориентир только на нормы рассматриваемых Европейских конвенций ограничит возможности России и других государств, а развитие межгосударственных отношений в сфере уголовной юстиции

окажется в зависимости от региональных договоров подобного типа, заключенных в рамках международных организаций. Указанные факторы могут создать предпосылки для посягательства на суверенитет и независимость этих государств, вызвать нарушения других основополагающих принципов международных отношений, к которым относятся: сам факт сотрудничества как главное средство для разрешения проблем, добровольность, равенство субъектов, невмешательство во внутренние дела, использование международного права в интересах суверенного государства без посягательства на интересы третьих стран и др.

Правила заключения, действия, применения, приостановления и прекращения действия рассматриваемых региональных Европейских конвенций о выдаче и оказании взаимной правовой помощи по уголовным делам не могут быть противопоставлены основополагающим общепризнанным принципам, изложенным в Венской конвенции о праве международных договоров 1969 г., обязательным для соблюдения государствами в сфере международных договорных отношений. Согласно ст. 3 данной Конвенции— базовому международному акту, устанавливающему общие правила для заключения, действия и применения международных договоров, международные договоры не имеют юридической силы для ранее заключенных договоров между договаривающимися странами, не отменяют их, не затрагивают положений более ранних правовых актов. Эта Конвенция устанавливает равную правоспособность для каждого государства заключать договоры (ст. 6) и никаких исключений и приоритетов не предусматривает. «Договоры не имеют обратной силы»,— гласит ст. 28 Венской конвенции, помещенная в разделе «Применение договоров».

В п. 2 ст. 26 Европейской конвенции о взаимной правовой помощи по уголовным делам сказано: «...Конвенция не затрагивает обязательств, взятых в соответствии с условиями любой другой двусторонней или многосторонней международной конвенции, которая содержит или может содержать статьи, регулирующие конкретные аспекты взаимной помощи в данной области». Это позволяет сделать вывод о применении в пределах Российской Федерации наряду с этой конвенцией и ранее заключенных международных договоров со странами, подписавшими и Европейскую конвенцию.

Вместе с тем, Европейские конвенции содержат положения, которые практически дезавуируют рассмотренные ограничения и расширительное применение самих Конвенций, что позволяет России продолжить сотрудничество на базе Минской конвенции 1993 г. с Молдовой и Украиной и на основе двусторонних договоров с рядом стран, присоединившихся к этим региональным Европейским конвенциям. Обоснованием такого вывода служат соответствующие положения обеих Европейских конвенций о возможности оказания взаимной правовой помощи стран с унифицированным законодательством.

Особенностью обеих Европейских конвенций являются положения, наделяющие правом их участников вообще не применять эти Конвенции, а регулировать оказание правовой помощи по уголовным делам исключительно на основе внутреннего законодательства договаривающихся стран. Единственным условием для этого является согласие государств-участников осуществлять сотрудничество на основе «единообразия законодательства или специальной системы», предусматривающей обоюдное применение на их территориях мер взаимной помощи (п. 4 ст. 26 Европейской конвенции о взаимной правовой помощи).

Европейская конвенция о выдаче устанавливает приоритет для регулирования экстрадиции также не собственных положений, а национального унифицированного законодательства договаривающихся стран, что подчеркивает особую значимость соблюдения национальных интересов государств. Данное правило распространяется и на территории Российской Федерации относительно применения Минской конвенции и двусторонних договоров с большинством государств — бывших республик СССР, в которых уголовно-процессуальное законодательство принципиальных различий не содержит. Превосходство внутреннего законодательства взаимодействующих стран как доминирующего средства для осуществления международного сотрудничества является движущей силой для развития национальных правовых систем, регулирующих внешние связи в уголовном судопроизводстве. Одновременно этот фактор побуждает заинтересованные страны принимать специальные законы в сфере оказания правовой помощи и развивать национальные правовые системы.

Европейская конвенция о выдаче гласит: «В тех случаях, когда между двумя или более Договаривающимися Сторонами выдача правонарушителей осуществляется на основе единообразных норм, стороны свободны регулировать свои взаимные отношения в отношении выдачи исключительно в соответствии с такой системой, независимо от положений настоящей Конвенции. Тот же принцип применяется и в отношении между двумя или более договаривающимися сторонами, каждая из которых имеет действующий закон, предусматривающий исполнение на ее территории ордеров на арест, выданных на территории другой стороны или сторон. Договаривающиеся стороны, которые исключают или могут в будущем исключить применение настоящей Конвенции между собой и в соответствии с настоящим пунктом, должным образом уведомляют Генерального секретаря Совета Европы...» (п. 3 ст. 28).

Венская конвенция о праве международных договоров установила правила для применения последовательно заключенных договоров, относящихся к одному вопросу (ст. 30). Но основополагающее решение по этой проблеме, изложенное в ст. 103 Устава ООН, применительно к остальным международным договорам Венская конвенция изложила соответственно к ситуациям.

Ст. 103 Устава ООН гласит: «В том случае, когда обязательства Члена Организации по настоящему Уставу окажутся в противоречии с их обязательствами по какому-либо другому международному соглашению, преимущественную силу имеют обязательства по настоящему Уставу»¹⁷⁸.

Решение коллизии в пользу Устава ООН наделяет этот документ наивысшей юридической силой и преимуществом для применения перед любыми другими международными договорами, заключенными членами ООН в рамках ООН. Подтверждением такого вывода являются все последующие положения Устава ООН о возможности наделения его широкими (фактически неограниченными) привилегиями для реализации решений в рамках ООН (ст.ст. 104, 105). Следует отметить особую значимость Устава ООН в иерархии международно-правовых актов обязательного характера, где он занимает высшую ступень в международном договорном праве. Европейские

¹⁷⁸ Действующее международное право. Т. 1. С. 31.

конвенции в этой связи, являясь региональными международными актами, находятся в подчиненном положении и не могут претендовать на всеобщую обязательность в регулировании международных отношений суверенных стран.

В соответствии со ст. 53 Венской конвенции о праве международных договоров установлено: «Договор является ничтожным, если в момент заключения он противоречит императивной норме общего международного права (*jus cogens*.— В. В.). ...Императивная норма общего международного права является нормой, которая принимается и признается международным сообществом государств в целом как норма, отклонение от которой недопустимо и которая может быть изменена только последующей нормой общего международного права, носящий такой же характер»¹⁷⁹.

Возможность прекращения договора или приостановления его действия допустимы согласно Венской конвенции о праве международных договоров только в случае, если «положения последующего договора настолько несовместимы с положениями предыдущего договора, что оба договора невозможно применять одновременно» (ст. 59).

При подписании Европейских конвенций и Дополнительных протоколов к ним Россия заявила множество принципиальных оговорок относительно положений, противоречащих ее национальному законодательству и национальной уголовной политике, но одновременно не противоречащих в этой части ни положениям Минской конвенции, ни двусторонним договорам с другими участниками этих Европейских конвенций. Эти факторы также порождают основания для регулирования межгосударственных связей Российской Федерации как на основе Европейских конвенций, так с применением положений Минской конвенции 1993 г. и двусторонних договоров одновременно.

Заявленные Россией оговорки вносят существенные изменения в общие условия сотрудничества российских судебно-следственных органов и других договаривающихся стран.

Ряд оговорок Российской Федерации по Европейской конвенции о взаимной правовой помощи по уголовным делам и Дополнитель-

¹⁷⁹ См.: *Действующее международное право*. Т. 1. С. 359.

ному протоколу к ней касаются конкретных положений исполнения процессуальных действий по просьбам ходатайствующих государств. Они дополняют основания для отказа удовлетворить просьбы о помощи при расследовании уголовного дела, конкретизируют процедуру их выполнения и четко определяют, какие ведомственные органы назначаются посредниками для осуществления сотрудничества. Впервые в российское внутреннее уголовно-процессуальное законодательство включены нормы о прямых контактах ведомств, производящих следствие, дознание и судебное разбирательство уголовных дел в пределах России согласно их компетенции. Но действие их ограничено исполнением процедур, не требующих санкции суда или прокурора.

Согласно п. 7 ст. 1 Федерального закона «О ратификации Европейской конвенции о взаимной правовой помощи по уголовным делам и Дополнительного протокола к ней» компетентными органами для осуществления сотрудничества с назначенными органами договаривающихся стран являются:

Верховный суд Российской Федерации — по вопросам судебной деятельности Верховного суда РФ и Министерство юстиции Российской Федерации — по вопросам, связанным с работой судов;

Министерство внутренних дел Российской Федерации — в отношении поручений, не требующих санкции судьи или прокурора, связанных с проведением дознания и предварительного следствия по делам о преступлениях, отнесенных к компетенции органов внутренних дел РФ;

Федеральная служба безопасности Российской Федерации — в отношении поручений, не требующих санкции судьи или прокурора, связанных с проведением дознания и предварительного следствия по делам о преступлениях, отнесенных к компетенции органов федеральной службы безопасности;

Федеральная служба налоговой полиции Российской Федерации — в отношении поручений, не требующих санкции судьи или прокурора, связанных с проведением дознания и предварительного следствия по делам о преступлениях, отнесенных к компетенции федеральных органов налоговой полиции;

Генеральная прокуратура Российской Федерации — во всех остальных случаях проведения дознания и предварительного следствия.

Федеральный закон «О ратификации Европейской конвенции о взаимной правовой помощи по уголовным делам и Дополнительного протокола к ней» содержит важное уточнение о том, что в ст. 24 указанной Конвенции под термином «судебные органы» понимаются суды и органы прокуратуры (п. 10 ст. 1).

Взаимодействие по уголовным делам с иностранными учреждениями юстиции производится также и вне рамок международных договоров на согласованных сторонами условиях.

В проекте УПК РФ предлагается в российском уголовном процессе наделить руководителей центральных органов государства (Генерального прокурора — для следствия и министра юстиции — для суда) правом согласования с центральными органами договаривающихся государств условий сотрудничества при отсутствии международных договоров между ними. Если это положение будет принято, то такая практика станет в российском уголовном процессе преобладающей, поскольку с большинством стран мира Россия не имеет договорных отношений по уголовному судопроизводству. Таким образом, дополнительно к международным договорам РФ в качестве источников права будут выступать неправовые процедуры и прецеденты получают преимущество над нормами российского уголовно-процессуального права.

Оказание помощи иностранным государствам в производстве отдельных процессуальных действий вне рамок международных договоров в проекте УПК РФ предлагается осуществлять на основе взаимности при подтверждении готовности сотрудничества письменным обязательством Министерства иностранных дел РФ, Министерства юстиции РФ или Генеральной прокуратуры РФ (ст. 520). Но порядок обращения за помощью и полномочия судебно-следственных органов России при этом не изложены. Не решен вопрос и о допустимости полученных таким путем фактов в качестве доказательств судами РФ.

В сложившейся ситуации следует разработать и ввести в УПК базовые положения для регулирования взаимодействия судебно-следственных органов России с учреждениями юстиции других стран при отсутствии международных договоров. При этом должны быть учтены основы сотрудничества и сложившаяся практика применения международных договоров РФ. В УПК необходимо отра-

зить такие требования, как взаимность, выполнение поручения о правовой помощи с применением российского законодательства, недопустимость причинения ущерба безопасности или суверенитету страны, а также положение об отказе в правовой помощи, если ее оказание противоречит законодательству России.

Исходя из общих идей сотрудничества, взаимодействие РФ с другими государствами в уголовном судопроизводстве возможно на равных согласованных условиях и взаимности в полномочиях и выборе предмета сотрудничества.

Порядок обращения за помощью в иностранное государство может быть следующим.

1. В случае необходимости направления поручения о производстве отдельных процессуально-следственных действий в иностранное государство, с которым РФ не имеет международного договора, следователь, дознаватель, прокурор обращается с таким ходатайством в форме постановления в суд общей юрисдикции. Поручение оформляется в соответствии с УПК РФ.

2. Судья единолично рассматривает ходатайство и выносит решение в виде определения, а также предусматривает возможность признания полученных за рубежом доказательств допустимыми по конкретному уголовному делу.

3. Поручения направляются в страну исполнения через МИД РФ, вне зависимости от подследственности.

Российская Федерация осуществляет сотрудничество с иностранными государствами на основе взаимного соблюдения международных договорных норм и руководствуясь принципом законности. В этом сотрудничестве Россия является равноправным, суверенным, независимым субъектом международных правоотношений.

Ни одно государство не вправе принудить Россию заключить договор или выполнять его в непредусмотренном объеме. Объем правовой помощи определен в ст. 6 Минской конвенции: «Договаривающиеся Стороны оказывают друг другу правовую помощь путем выполнения процессуальных и иных действий, предусмотренных законодательством запрашиваемой Договаривающейся Стороны, в частности, составления и пересылки документов, проведения обысков, изъятия, пересылки и выдачи вещественных доказательств, проведения экспертизы, допроса сторон, обвиняемых, свидетелей,

экспертов, возбуждения уголовного преследования, розыска и выдачи лиц, совершивших преступления, признания и исполнения судебных решений по гражданским делам, приговоров в части гражданского иска, исполнительных надписей, а также путем вручения документов».

Взаимодействие по уголовным делам осуществляется только в отношении общеуголовных преступлений. В этой связи важное значение приобретает развитость уголовно-процессуального законодательства договаривающихся стран, каждая из которых способна выполнить только такие следственные действия по уголовному делу, которые предусмотрены ее законодательством. При этом нельзя требовать от другой стороны расширения их перечня до уровня собственного законодательства, ибо при заключении договора каждая сторона исходит из имеющегося законодательства своего государства.

Но Европейская конвенция о выдаче и Европейская конвенция о взаимной правовой помощи содержат правило, противоречащее сложившейся практике. Вторым дополнительным протоколом от 17 марта 1978 г. к Конвенции о выдаче (п. 2 ст. 2) внесено изменение в ст. 2 Конвенции согласно которому нарушение налоговых правил (в том числе и уголовно не наказуемое) влечет обязательную выдачу и в том случае, если «законодательство запрашиваемой стороны не предусматривает таких же по характеру налогов или сборов или не содержит таких же по характеру положений, касающихся налогов, сборов, пошлин и валютных операций, как и законодательство запрашивающей стороны». Это положение вносит нарушение паритета между договаривающимися странами в полномочиях и может в определенной степени быть расценено вмешательством во внутренние дела, а также рассматриваться нарушением суверенитета и безопасности исполняющего суверенного государства. Такая практика оказания правовой помощи при расследовании преступлений, не чуждая и европейскому региону, разрушит главный принцип сотрудничества о взаимном признании преступных деяний, охраняющий национальные правовые системы,— о применении внутреннего законодательства при исполнении ходатайств иностранных государств. При этом создадутся предпосылки и условия к реальной замене российских внутригосударственных регламентирующих международное сотрудничество отраслей права, включая материальное,

на иностранное право любых нуждающихся в решении своих проблем государств.

Объем сотрудничества предусматривает взаимное исполнение, но не принятие процессуальных решений по уголовным делам, поскольку полномочия принимать решения зависят от юрисдикции договаривающихся стран и определяются их внутренним законом. Нарушение этого правила может рассматриваться как вмешательство во внутренние дела иностранного государства, что недопустимо, поскольку это противоречит общим принципам межгосударственных отношений.

Все международные договоры о правовой помощи по уголовным делам РФ предусматривают на условиях взаимности общий принцип об обязательности соблюдения суверенитета и безопасности каждой договаривающейся страны. Нарушение его допускает отказ исполнить просьбу иностранного государства. Право принимать решение в такой ситуации принадлежит исполняющей стороне на основе обязательных правил международного права. Международными договорами РФ не регламентирован правовой механизм для принятия такого решения, не установлен полномочный орган и не указаны основания, создающие угрозу суверенитету и безопасности страны, а также не определено основополагающее законодательство, которому не может противоречить просьба другого государства. Отсутствие общих сформулированных принципов международного сотрудничества усугубляет ситуацию и выводит ее из регулирования правовыми средствами. Единственным критерием оценки будет субъективный вывод заинтересованного государства.

Вопросы привлечения к уголовной ответственности решаются каждым государством по своему уголовному закону. Договоры об оказании правовой помощи оставляют эту компетенцию полностью договаривающимся странам. Такой подход осуществления уголовной юрисдикции государства действует в отношении лиц, совершивших преступления в пределах государства и за рубежом против его интересов или собственных граждан. Мера наказания в международных договорах не регламентируется, ибо это затрагивает суверенитет государства и его права на уголовное преследование, юрисдикцию. Например, в Минской конвенции (ст. 56) указывается, что правовая оценка деяния как основания для выдачи преступника

принадлежит каждой договаривающейся стране, но приоритет для окончательного решения о выдаче принадлежит исполняющей стороне на основе собственного законодательства. Принудить суверенное государство к принятию иного решения договаривающаяся страна не вправе. Такая мера не предусмотрена международным правом.

Взаимодействие российских судебно-следственных органов на основе международных договоров РФ производится с соблюдением ее уголовно-процессуального законодательства и условий самих договоров.

В соответствии с правилами применения уголовно-процессуального законодательства в процессе сотрудничества в уголовном судопроизводстве, установленными международными договорами об оказании правовой помощи по уголовным делам, преимущество принадлежит национальному закону. Практика применения действующих международных договоров РФ, регулирующих уголовное судопроизводство, направлена на охрану суверенитета, безопасности страны и единства правовой системы России и не допускает противоречий ее уголовно-процессуальному законодательству. На практике при возникновении коллизии правил международных договоров с российским национальным законом в конкретных ситуациях вопрос решается в пользу внутригосударственных норм. Препятствием для оказания правовой помощи в уголовном судопроизводстве иностранным государствам является противоречие просьбы о помощи внутригосударственному законодательству. Такое положение содержится в каждом международном договоре РФ об оказании правовой помощи.

В сфере уголовного судопроизводства национальное законодательство является движущей силой международного сотрудничества, и соответствие ему просьбы ходатайствующей страны является необходимым условием для выполнения обязательств.

В международном сотрудничестве исполняющая сторона занимает ведущее место, и роль ее велика. Именно запрашиваемая (исполняющая) страна принимает решение о выполнении международных поручений любого вида. Она наделена полномочиями определять объем правовой помощи рамками своего законодательства; решает вопрос о возможности применения иностранного за-

конодательства, также исходя из соответствия своему законодательству. Применение иностранного законодательства на ее территории ограничено уголовным процессом. Защищена и уголовная юрисдикция государства, исполняющего просьбу о правовой помощи: решение вопросов уголовного преследования субъектов преступлений, правовой оценки их действий, исчисления срока давности, выдачи также принадлежит исполняющей стороне. Основой для позитивного взаимодействия сторон является непротиворечие сути просьбы иностранного государства законодательству исполняющей страны, соблюдение ее суверенитета и безопасности, точное следование установленным правилам договора ходатайствующей страной.

Применение внутригосударственного уголовного процесса при выполнении поручений иностранных государств является обязанностью, а не правом договаривающихся стран. Содержащееся в международных договорах положение о возможности по просьбе запрашивающей стороны при исполнении поручения применить процессуальные нормы этой стороны снабжено ограничивающей оговоркой, исключающей противоречие законодательству запрашиваемой стороны. К тому же норм, обязывающих страну-исполнителя выполнить такую просьбу, международные договоры не предусматривают. Применение внутреннего законодательства при выполнении поручений иностранных государств влечет за собой и другое следствие — применение российского процессуального закона распространяется на территории других стран при наличии не только их добровольного на то согласия, но и письменной просьбы и, соответственно, наоборот.

Суть принципа соответствия просьбы запрашивающей стороны законодательству исполняющего просьбу государства при оказании правовой международной помощи заключается в соответствии не только уголовно-процессуальному закону, но и положениям любого отраслевого права, которые могут быть применены в процессе оказания правовой помощи. Например, Минской конвенцией предоставление политического убежища не предусмотрено в качестве основания для отказа в выдаче. Но ст. 63 Конституции РФ определяет отказ в выдаче при обращении участника Конвенции, даже если лицо, вопрос о выдаче которого поставлен, является гражданином хо-

датайствующей страны и согласно ст. 56 Конвенции подлежит обязательной выдаче. Коллизия правил международного договора решается в пользу Конституции РФ. Просьба будет отклонена и в том случае, если ее выполнение может нанести ущерб суверенитету или безопасности запрашиваемого государства. Причем полномочия исполняющей страны столь велики, что основанием для отказа в сотрудничестве является не свершившийся факт причинения ущерба ее государственным интересам, безопасности, а только лишь предположение создания такой ситуации. Решение об отказе в оказании правовой помощи не имеет четкого перечня оснований и в значительной степени зависит от субъективной оценки исполняющего государства.

Если просьба содержит процедуру, не предусмотренную законодательством запрашиваемого государства, то она расценивается как противоречащая ее внутреннему законодательству и отклоняется. Международный договор пробельность законодательства в этой части не восполняет. На этом основано правило определения объема правовой помощи исполняющей страной, который, таким образом, зависит от развитости соответствующих законов страны, исполняющей просьбу о правовой помощи. Вследствие этого разница в объеме помощи, оказываемой различными странами, может быть существенной. Но точное следование процедуре своего внутреннего уголовно-процессуального закона при исполнении поручения обязательно, ибо оно связано с последующей оценкой полученного за рубежом доказательства. В большинстве договоров РФ право определять объем правовой помощи отдано запрашиваемой (исполняющей) стране на основе своего законодательства (ст. 5 Минской конвенции, ст. 4 Договора с Вьетнамом (1981 г.) и др.) либо договор устанавливает конкретный перечень процессуально-следственных действий (ст. 4 Договора с Болгарией (1975 г.), ст. 4 Договора с Венгрией (1958 г.) и др.), не выходящий за пределы законодательства договаривающихся стран.

Российский кодифицированный уголовный процесс существенно отличается от уголовного процесса государств, где процесс не формализован и существует в прецедентах. Но, несмотря на такое различие, при выполнении поручений российских судов и следователей страны с федеративным устройством обязаны применять

федеральный уголовно-процессуальный закон своей страны. Полученное за рубежом доказательство по российскому уголовному делу должно быть основано на первоисточнике. Поэтому в каждом российском поручении необходимо излагать просьбу о применении федерального закона и получении доказательства из первоисточника.

Выполнение судебно-следственных поручений иностранных государств производится с применением УПК РСФСР. Если следственное поручение исполняется в России или направляется за рубеж на основе договорных отношений с конкретной страной, то необходима ссылка на ст.ст. 32 и 127 УПК РСФСР как основание для взаимодействия и указание полного и точного наименования международного договора РФ и тех его статей, которые регламентируют объем, вид правовой помощи, а в соответствующих случаях и процедуры их выполнения.

В российском судопроизводстве действуют и применяются свои собственные принципы. Вместе с тем, направление международных поручений по уголовным делам производится в порядке, установленном договором. В связи с этим принципы сотрудничества государств и принципы, установленные договорами о правовой помощи по уголовным делам, можно рассматривать с дуалистических позиций — как нормы международного права и как нормы российского национального права. В силу функциональных различий эти принципы не являются конкурирующими по своей природе. Применение их основано не на преимуществе, а на четком разграничении действия согласно функциональному предназначению — каждый выполняет свою роль, взаимодействуя между собой. Это вытекает из анализируемого ключевого положения, установленного международными договорами, — каждая страна выполняет судебно-следственные поручения иностранных государств с применением своего уголовно-процессуального закона, которому не должна противоречить суть поручения.

Идея равенства участников международного сотрудничества в сфере оказания правовой помощи выражается в одинаковых полномочиях договаривающихся государств, их суверенности, обеспечении прав собственных граждан на территориях государств — участ-

ников договора. Каких-либо преимуществ ни один из участников международного договора не имеет.

Сотрудничество в уголовном судопроизводстве осуществляется на добровольной основе. Вытекающие из договора права и обязанности взаимны. Это правило содержится во всех международных договорах РФ, и смысл его в том, что только по просьбе государства на основе договора осуществляется взаимодействие российских судов и следственных органов с другими государствами.

Право и законность как самостоятельные принципы сотрудничества государств специально международными договорами о правовой помощи не выделены. Но выполнение договоров основано на точном соблюдении внутреннего закона и условий договора, что относит право и законность к главным среди принципов международного сотрудничества по уголовным делам. Поскольку понятие законности в международных отношениях не выработано, оно вытекает из законодательства каждой договаривающейся страны.

Принцип законности, неразрывно связанный с господством права в уголовном судопроизводстве, на международном уровне имеет разное толкование. Особенно велико расхождение в его понимании и применении между российским и американским уголовным судопроизводством, а также уголовным процессом некоторых западноевропейских стран¹⁸⁰. Необходим общий критерий правовой оценки законности в международном уголовном процессе. Международные основополагающие документы о правах человека — Всеобщая декларация прав человека, региональная Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод и другие термин «законность» не содержат.

В проекте УПК РФ принципам сотрудничества посвящена специальная глава. Наряду с другими, предлагается включить и принцип законности, что будет способствовать позитивным началам международного сотрудничества при расследовании преступлений и разрешении уголовных дел судом.

¹⁸⁰ См.: Бойков А., Демидов И. О концептуальных вопросах совершенствования уголовно-процессуального законодательства // Социалистическая законность. 1990. № 1; Бойков А. Д. Указ. соч. С. 25–34; Томин В. Т. Уголовное судопроизводство и здравый смысл: брак по расчету // Российский юридический журнал. 1994. № 1.

2. Применение иностранного законодательства в российском уголовном процессе

Сопоставление международных договоров в сфере уголовного судопроизводства, заключенных бывшим СССР и продолжающих действовать, с заключенными после возрождения государственности России показывает, что сохранена преемственность выполнения договорных обязательств, но не учтены преобразования внутреннего законодательства и не выработано новых концепций взаимодействия с другими государствами. Рамки сотрудничества по уголовным делам в СССР длительное время были ограничены социалистическими странами, в которых уголовно-процессуальное законодательство не имело существенных различий, что позволяло принимать унифицированные правила и не создавало трудностей для выполнения. В настоящее время география внешних связей расширилась, и с российским уголовным процессом взаимодействует иностранный уголовный процесс с существенными различиями в процессуальной форме. Но это обстоятельство не нашло пока отражения ни в уголовном процессе, ни в новых международных договорах о правовой помощи по уголовным делам, что прослеживается в особо значимой для России Минской конвенции.

Применение иностранного уголовно-процессуального законодательства на территории РФ связано со взаимными обязательствами договаривающихся стран при исполнении поручений. Целью его применения является получение доказательств по уголовным делам за рубежом, осуществление уголовного преследования скрывшегося от суда и следствия обвиняемого, подсудимого и исполнение приговоров иностранных судов. Без применения иностранных законов сотрудничество невозможно. Но концепция применения на территории РФ иностранных законов не нашла отражения в российском законодательстве.

Потребность применения иностранного законодательства в ходе расследования уголовных дел возникает при необходимости допроса участников уголовного процесса, находящихся за рубежом (свидетелей, потерпевших, гражданских истцов, гражданских ответчиков, их представителей, законных представителей обвиняемого, экспертов), производства других следственных действий, связанных с при-

знанием граждан участниками процесса, осмотров, опознаний, вручения документов, исполнения процессуальных решений по делу.

По уголовным делам, поступившим из других государств для дальнейшего расследования в РФ с согласия Генеральной прокуратуры, доказательства, полученные за рубежом с применением иностранного законодательства, признаются доказательствами и на территории России, что, однако, УПК РСФСР не предусмотрено. Единобразия в решении этого вопроса российскими судами не имеется, и в каждом конкретном случае судья решает проблему, исходя об общего указания, изложенного в постановлении Пленума Верховного суда РФ «О некоторых вопросах применения судами Конституции Российской Федерации при осуществлении правосудия» от 31 октября 1995 г. № 8¹⁸¹.

Международные договоры РФ содержат взаимно исключающие правила относительно признания приговоров иностранных судов. Так, Минская конвенция (ст. 51), Договор с Азербайджаном (ст. 50) и ряд других договоров признают для исполнения приговоры судов договаривающихся стран только в части возмещения гражданского иска. Но ст. 76 Минской конвенции одновременно обязывает учитывать отягчающие и смягчающие ответственность обстоятельства при расследовании преступлений и рассмотрении уголовных дел судами, независимо от того, на территории какой договаривающейся стороны они возникли. Вместе с тем, эти акты предусматривают выдачу для приведения приговора в исполнение, т. е. фактически приговор в части признания лица виновным признают. Такой вывод подтверждается также положением, имеющимся во всех договорах РФ — о передаче осужденных иностранными судами для отбывания наказания в страну своего гражданства.

Непризнание приговора иностранного суда лишает возможности рассматривать судимость, возникающую после вынесения приговора судом одного государства, в качестве квалифицирующего признака в случае совершения лицом нового преступления и привлечения его к ответственности на территории другого государства. Именно в силу этого Пленум Верховного суда РФ в постановлении «О некоторых вопросах применения законодательства об ответст-

¹⁸¹ См.: Бюллетень Верховного суда РФ. 1996. № 1.

венности за преступления против собственности» от 25 апреля 1995 г. № 5¹⁸² указал (п. 11), что судимости в других странах СНГ после прекращения существования СССР не должны приниматься во внимание при квалификации преступлений, но могут учитываться при назначении наказания как отягчающее ответственность обстоятельство в соответствии со ст. 76 Минской конвенции.

Проблема возникает и в случаях, когда лицо, не отбыв полностью наказания, назначенного судом зарубежного государства, совершает новое преступление на территории России и, соответственно, наоборот. Если приговор суда иностранного государства другая страна не признает, не отбытое по предыдущему приговору наказание не может быть учтено и правила назначения наказания по совокупности приговоров (ст. 70 УК РФ) применены быть не могут.

Думается, что такое положение не отвечает интересам борьбы с преступностью, учитывая, тем более, ее транснациональный характер. Поэтому представляется правильной норма ст. 16 Модельного уголовного кодекса для государств — участников СНГ: «Судимость и иные уголовно-правовые последствия совершенного лицом преступления на территории одного из государств — участников Содружества Независимых Государств имеют уголовно-правовое значение для решения вопроса об уголовной ответственности этого лица за преступление, совершенное на территории другого государства, в соответствии с договорами между государствами — участниками Содружества Независимых Государств». Данное положение целесообразно включить в Минскую конвенцию, другие договоры и в Уголовный кодекс Российской Федерации.

Международные договоры об оказании правовой помощи по уголовным делам не допускают преимущества иностранного законодательства над внутригосударственным. Договаривающаяся страна может просить о применении ее уголовно-процессуального закона при исполнении ее поручения по уголовному делу, если процессуальные нормы этой страны не противоречат уголовно-процессуальному закону исполняющего государства. Но исполнение такого поручения в Российской Федерации исключено не только при наличии противоречий между процессуальным законодательством за-

¹⁸² См.: Бюллетень Верховного суда РФ. 1995. № 7.

прашивающей страны и УПК РСФСР, но и без таковых. Этот вывод основан на конституционном запрете применять правовые акты, не входящие в правовую систему страны.

Реализация международных договоров производится с применением процессуального законодательства исполняющей страны, которая определяет и объем сотрудничества. Это ключевое правило взаимодействия договаривающихся стран. Международное поручение может касаться только исполнения принятого за рубежом решения, но не принятия самого процессуального решения, что обусловлено также охраной суверенитета и осуществлением уголовной юрисдикции страны. Российская Федерация выполняет письменные поручения иностранных государств с применением УПК РСФСР. Так, Российская Федерация обязана выполнить поручение Болгарии о допросе находящегося на ее территории свидетеля, независимо от его гражданства, согласно ст.ст. 4, 6 Договора о правовой помощи по уголовным делам (1967 г.) с применением своего процессуального законодательства. Соответственно, Болгария будет выполнять международное поручение России с применением своего процессуального законодательства. Этим достигается цель сотрудничества, обеспеченная несколькими общими принципами международного и уголовно-процессуального внутреннего права. Россия и Болгария имеют общий интерес при расследовании уголовных дел: борьба с преступностью в широком значении и успешное расследование конкретных преступлений. Правовые системы РФ и Болгарии никоим образом не ущемляются. Достигается это принципом равенства применения их внутреннего законодательства при выполнении поручений и согласованием условий о взаимном применении внутреннего уголовно-процессуального закона на территории этих стран.

Но примененный Болгарией собственный уголовно-процессуальный закон при исполнении поручения российских судебно-следственных органов для Российской Федерации будет иностранным законом, действие и применение которого прямо не предусмотрено российским законодательством и международным договором, но вытекает из правил Договора (ст. 6).

Действующим постановлением Президиума Верховного Совета СССР «О мерах по выполнению международных договоров СССР о

правовой помощи по гражданским, семейным и уголовным делам» от 21 июня 1988 г. Верховный суд РФ и Прокуратура РФ наделены полномочиями при исполнении поручения иностранного государства решать вопрос о применении иностранного законодательства по просьбе запрашивающей страны, «поскольку оно не противоречит законодательству Союза ССР и союзных республик (ст. 2)¹⁸³. Практического применения в Российской Федерации это Постановление не получило. В Российской Федерации не было принято ни одного решения ни Генеральной прокуратурой РФ, ни Верховным судом РФ об удовлетворении просьбы иностранного государства о применении ее уголовно-процессуального закона. Процессуальное законодательство иностранного государства в силу суверенности государства и юрисдикционного поля действия его законов, ограниченного территорией, не может действовать по решению Верховного суда РФ или Генеральной прокуратуры РФ на территории России. Механизм рассмотрения просьб других государств о применении иностранного закона в РФ не установлен.

Федеральными законом «О ратификации Европейской конвенции о взаимной правовой помощи по уголовным делам и Дополнительного протокола к ней» по просьбе иностранного учреждения юстиции правом решать вопрос о возможности при исполнении поручения применения процессуального законодательства запрашивающего иностранного государства, если оно не противоречит законодательству Российской Федерации, наделены Верховный суд РФ и Генеральная прокуратура РФ» (п. 7 ст. 1). Но процедура для принятия таких решений не установлена и не разграничена компетенция между Верховным судом и Генеральной прокуратурой. Например, согласно Договору с Латвией вопросы применения Договора решаются согласованием между Генеральными прокуратурами (ст. 20 Договора 1993 г.), но никаких регламентов разрешения коллизий не предусмотрено.

Имеются и оппоненты по этому вопросу. Так, А. И. Бастрькин не поддерживает возможности применения иностранных уголовно-процессуальных норм в процессе оказания правовой помощи по

¹⁸³ См.: *Сборник международных договоров Российской Федерации по оказанию правовой помощи*. С. 581.

уголовным делам. Он утверждает, что в международных отношениях государственная воля может быть выражена только через правовую норму; между государственной волей и нормой права сохраняются «те диалектические противоречия объективного характера, которые всегда существуют между формой и содержанием. Однако правовая норма, даже противоречащая государственной воле, не может коренным образом менять характер и направленность последней. Этот закон относительно соответствия правовой нормы государственной воле сохраняет свое действие и тогда, когда правоохранительные органы государства по тем или иным причинам применяют нормы иностранного государства». А. И. Бастрыкин считает, что уголовно-процессуальные нормы в порядке оказания правовой помощи могут применяться лишь при условии, если они не противоречат принципам уголовного процесса, закрепленным законодательством. Но уголовно-процессуальные нормы зарубежных государств, о которых говорят действующие в РФ договоры, не могут применяться потому, что они нарушают, по мнению А. И. Бастрыкина, «установленный законом процессуальный порядок борьбы с преступностью, выходят за пределы определенных законом средств и приемов ведения этой борьбы и прямо или косвенно препятствуют эффективному регулированию общественных отношений при возбуждении, расследовании, рассмотрении и разрешении уголовных дел»¹⁸⁴.

Вместе с тем, во всех международных договорах РФ об оказании правовой помощи, в том числе и в Минской конвенции (ст. 8), содержится положение, согласно которому по просьбе учреждения, запрашивающего о правовой помощи, сторона, исполняющая международное поручение, может применить процессуальные нормы запрашивающей стороны, если они не посягают на суверенитет, безопасность, не противоречат законодательству страны исполнения такого поручения. Та же Болгария в принципе может просить Россию при исполнении поручения применить болгарское уголовно-процессуальное законодательство. Однако содержащаяся в между-

¹⁸⁴ Бастрыкин А. И. Взаимодействие советского уголовно-процессуального и международного права. Л., 1986. С. 31–36.

народных договорах оговорка («если процессуальные нормы запрашивающей стороны не противоречат законодательству запрашиваемой стороны») фактически сводит на нет идею применения законодательства другого государства при выполнении международных поручений о правовой помощи. Вышеприведенное положение международных договоров входит в противоречие с законодательством России. В числе источников права Конституция РФ и отраслевое законодательство иностранные законы не называют, поэтому они не могут быть включены в правовую систему России.

Зарубежное уголовно-процессуальное законодательство на территории России не действует, так же как российский уголовный процесс не может признаваться действующим на территории других государств. Однако действие закона и его применение — не одно и то же. Закон может считаться действующим, но фактически не применяться, и наоборот: закон другого государства на территории России не действует, но может быть применен в определенных ситуациях в интересах страны.

К сожалению, российское уголовно-процессуальное законодательство вопросы применения иностранного законодательства на территории страны не отражает и не содержит каких-либо механизмов регулирования по этой проблеме.

Однако необходимость взаимного применения закона договаривающихся стран на своих территориях составляет суть оказания правовой помощи при расследовании уголовных дел. В этих случаях каждое государство идет на взаимные согласованные уступки, адекватные потребности страны, поступает незначительной частью суверенитета и в рамках международного договора допускает на своей территории применение, но не действие, иностранного уголовно-процессуального закона. Иностраный уголовный процесс на территории России применяется только по письменной просьбе российских судебно-следственных органов, и его применение ограничено отдельными следственными действиями. За рубежом может быть исполнено российское поручение в рамках предусмотренного объема правовой помощи с этим государством и при наличии в законодательстве исполняющей страны этого следственного действия. Если такое действие по уголовному делу не предусмотрено законодательством исполняющей страны, то может последовать отказ выполнить просьбу рос-

сийских судов или следственных органов. В странах, где нет кодифицированных законов, возможно применение специально созданного для выполнения поручения прецедента. Полученные по просьбе запрашивающей страны с применением иностранного уголовно-процессуального закона или прецедента факты должны признаваться доказательствами судом этой страны и получить оценку допустимых. Важно при этом точное соблюдение процедуры, предусмотренной законом исполняющей стороны, при выполнении поручения России. Таким образом, принцип действия права, как международного, так и национального, равноправие субъектов сотрудничества будут обеспечены обеими взаимодействующими странами. При этом ни безопасность государств, ни их суверенитет не подвергаются незаконному воздействию. Именно в таком понимании можно говорить о применении (но не действии) иностранного уголовно-процессуального закона в Российской Федерации.

Применение иностранного закона при расследовании преступлений неизбежно и должно быть регламентировано как Конституцией, так и УПК. Но эта проблема пока не только законодательно не разрешена, но даже не обозначена в правовой системе РФ. Законы иностранного государства не могут быть тождественны международному правовому акту и никоим образом не подчинены требованию о их соответствии законам другой договаривающейся страны. В противном случае следовало бы нарушение суверенитета и вмешательство в ее внутренние дела. Иностранцы законы являются средством обеспечения международных обязательств своих стран и гарантируют законность производства по делу на своих территориях, не затрагивая норм международного права. Такое разграничение следует из положения о применении национального процессуального закона при исполнении просьбы другой страны.

В проекте УПК РФ предлагается применять иностранный уголовный процесс без ограничений, что входит в противоречие с правилами, установленными действующими международными договорами РФ о правовой помощи и основополагающим законодательством РФ. Согласно ст. 2 проекта УПК РФ «...при исполнении поручений судов или следственных органов другого государства о производстве отдельных судебных или следственных действий по просьбе этих органов может быть применено уголовное процессу-

альное законодательство иностранного государства, если это предусмотрено международным договором с данным государством». По вышеизложенным соображениям такое решение представляется неприемлемым.

Неурегулированность правил применения иностранного уголовно-процессуального закона требует внесения дополнений в Конституцию РФ и Уголовно-процессуальный кодекс России. Так, Конституцию РФ следует дополнить ориентировочно таким положением: «При исполнении поручения российских судов и органов следствия по уголовному делу на основе международного договора Российской Федерации допускается применение уголовно-процессуального законодательства исполняющей страны».

Статью УПК о доказательствах следует дополнить следующим пунктом: «Факты, установленные за рубежом с применением уголовно-процессуального законодательства страны, исполняющей поручение Российской Федерации на основе международного договора, признаются доказательствами наравне с полученными с применением уголовно-процессуального законодательства России».

В УПК необходимо также ввести норму, предусматривающую процедуру обращения в суд с ходатайством (постановлением) заявителя, следователя, прокурора по вопросу решения о направлении следственного поручения за рубеж произвести процессуально-следственные действия в стране, не имеющей с Россией международного договора. Следует установить, что поручение о производстве процессуальных действий должно быть оформлено с соблюдением общих требований, предусмотренных международными договорами по данному вопросу; если такая необходимость возникает в ходе судебного разбирательства уголовного дела, то суд по собственной инициативе или по ходатайству потерпевшего, его представителя, подсудимого, защитника и прокурора выносит определение о направлении поручения о выполнении необходимого следственного действия; при получении исполненного поручения суд дает оценку полученным за рубежом доказательствам в соответствии с процедурой, установленной соответствующей статьей УПК России, содержащей специальный пункт о признании таких фактов допустимыми в качестве доказательств.

3. Направление и выполнение процессуальных поручений в порядке оказания правовой помощи

Наиболее распространенным видом взаимодействия по уголовным делам является направление поручений за рубеж и их исполнение.

Ежегодно следственными органами и судами Российской Федерации исполняется и направляется за границу несколько тысяч международных поручений о производстве следственных и судебных действий на основе международных договоров и вне их рамок (официальных статистических данных нет). Практика выявила позитивные и негативные факты сотрудничества при оказании правовой помощи.

Обязательным условием при направлении поручений за рубеж является соблюдение письменной формы, что предусмотрено договорами РФ и зафиксировано в Федеральном законе «О международных договорах Российской Федерации» (ст. 2) и в Венской конвенции о праве международных договоров (п. 2 ст. 2).

Центральные органы для осуществления взаимодействия российских следователей, прокуроров и суда с учреждениями юстиции иностранных государств определены постановлением Президиума Верховного Совета СССР «О мерах по выполнению международных договоров СССР о правовой помощи по гражданским, семейным и уголовным делам» от 21 июня 1988 г.¹⁸⁵ При оказании правовой помощи взаимодействие судебно-следственных органов по уголовным делам производится через: Верховный суд — по вопросам судебной деятельности, Прокуратуру — по вопросам, связанным с производством следствия и дознания, выдачей, перевозкой выданных лиц и всем другим, относящимся к работе органов внутренних дел и других ведомств, а также в случаях, прямо предусмотренных договором¹⁸⁶.

¹⁸⁵ См.: *Сборник международных договоров РФ по оказанию правовой помощи*. С. 581–584.

¹⁸⁶ Органы прокуратуры в этой деятельности руководствуются следующими ведомственными нормативами: О порядке рассмотрения ходатайств других государств об экстрадиции: Указание Генеральной прокуратуры РФ № 42/35 от 23.06.98 г.; Об организации прокурорского надзора за исполнением законов, соблюдением прав и свобод человека и гражданина: Приказ Генеральной прокуратуры РФ № 30 от

Министерство юстиции и Генеральная прокуратура названы центральными органами для взаимодействия по уголовным делам Договорами об оказании правовой помощи с Грузией 1995 г. (п. 4), Китаем 1992 г. (ст. 2), Кубой 1984 г. (ст. 3), Кыргызстаном 1992 г. (ст. 4), Литвой 1992 г. (ст. 4), Молдовой 1993 г. (ст. 4), Эстонией 1993 г. (ст. 4) и другими странами. Выполнение этого положения, учитывая, тем более, огромные территории России, затрудняет контакты, затягивает сроки исполнения поручений, не ограниченные договорами, и сроки следствия и содержания под стражей обвиняемых по групповым делам.

Однако в п. 7 ст. 1 Федерального закона «О ратификации Европейской конвенции о взаимной правовой помощи по уголовным делам указаны и иные органы, правомочные сноситься с назначенными органами других государств. Органы дознания и предварительного следствия Министерства внутренних дел, Федеральной службы безопасности, Федеральной налоговой полиции согласно подследственности этих ведомств получили полномочия на осуществление прямых контактов с зарубежными государствами по вопросам следственных поручений, не требующих санкции суда или прокурора. Через Генеральную прокуратуру РФ будут направлять и исполнять такие поручения прокуроры и следователи самих органов прокуратуры, а также перечисленных выше ведомств в отношении процессуальных действий, требующих санкции прокурора или суда.

Право осуществлять прямые контакты с Монголией при расследовании и судебном рассмотрении уголовных дел для Российской Федерации (в качестве правопреемницы СССР) предоставлено также Министерству юстиции и республиканским прокуратурам Республики Тыва и Агинского Бурятского автономного округа, отделам юстиции и прокуратурам Читинской области и Алтайского края. Такие полномочия зафиксированы Протоколом от 23 сентября 1988 г. в дополнение п. 4 ст. 3 Договора о взаимном оказании правовой помощи по гражданским, семейным и уголовным делам с Монгольской Народной Республикой (1988 г.). Со стороны Монголии дейст-

вие прямых контактов распространено на прокуратуру и суды территорий: Баян-Ульгийского, Убсунурского, Завханского, Хубсугульского, Булганского, Селенгинского, Хэнтэйского и Восточного аймаков. Сотрудничество других регионов Российской Федерации и Монголии осуществляется через Генеральную прокуратуру РФ, включая выдачу, по вопросам судебной деятельности — через Верховный суд РФ.

Финляндией и Российской Федерацией в дополнение к действующему Договору 1978 г. о правовой защите и правовой помощи по гражданским, семейным и уголовным делам подписан Протокол (1978 г.), коим правом на обращение с просьбой о вручении документов по уголовным делам наделены только суды и органы прокуратуры. По вопросам уголовного преследования взаимодействие предписано осуществлять через Генеральную прокуратуру РФ и официального обвинителя Финляндской Республики.

Исполнение международных судебно-следственных поручений по линии Интерпола определяет ряд особенностей. Такие поручения имеют ярко выраженный информационно-поисковый характер, выполняются одновременно всеми национальными оперативно-розыскными подразделениями стран — участниц Интерпола под контролем международной службы Интерпола. Исполнение поручений обязательно для всех государств — членов Интерпола (их более 170). Внутри государств образованы национальные службы Интерпола (чаще под названием Национальные центральные бюро) со специальными полномочиями для обеспечения исполнения поручений иностранных НЦБ Интерпола соответствующими внутригосударственными службами в пределах установленных полномочий. Деятельность этих служб регламентируется положениями Устава Интерпола и внутригосударственными правовыми актами. Следует отметить, что непосредственно исполнением международных поручений международные и внутригосударственные службы Интерпола не занимаются. Они не расследуют преступления, не проводят оперативно-розыскные мероприятия и т. д. Службы Интерпола являются связующим звеном между полицией заинтересованной в получении определенной информации страны и полицией других стран, обладающей необходимыми данными. Интерпол лишь посредник, координатор, оказывающий содействие при передаче сообщений и

иной информации или исполнении международных поручений. В учредительных документах Интерпола зафиксировано, что эта организация представляет собой международный центр, созданный ведомствами уголовной полиции разных стран для координации их практики по предупреждению и подавлению общеуголовной преступности. Каждая страна — член Интерпола согласно ст. 32 Устава обязана создать в структуре своей полицейской службы национальное центральное бюро. Это обязательство Россия выполнила и создала НЦБ РФ. Но страны самостоятельно решают, какой орган будет наделен полномочиями для сотрудничества в рамках Интерпола. В Бельгии и США эти функции выполняет Министерство юстиции, в Великобритании такая миссия возложена на Скотленд-Ярд.

Посредничество между полицейскими службами государств по вопросам, входящим в компетенцию Интерпола, осуществляется через постоянно действующий орган Интерпола — Генеральный секретариат, в структуре которого главное место занимает полицейский отдел. На этот отдел возложена функция координации взаимодействия в борьбе с международными преступлениями полицейских органов стран — членов Интерпола. Особое подразделение полицейского отдела представляет группа по борьбе с организованной преступностью. Отдел технического обеспечения создан для автоматизированной обработки поступающей информации, ведения криминалистических и уголовно-розыскных учетов, подготовки различных международных циркуляров и уведомлений розыскного и осведомительного характера¹⁸⁷.

В Интерполе созданы картотеки объектов общей регистрации:

алфавитная картотека всех известных международных преступников, включая разыскиваемых;

картотека S, где хранятся данные о внешности преступников по 177 показателям;

картотека документов, которыми когда-либо пользовались преступники;

¹⁸⁷ См.: Родионов К. С. Интерпол: вчера, сегодня, завтра. М., 1990. Автор считает эту международную организацию полезной и весьма эффективной. Вместе с тем он приводит ряд факторов, указывающих на несовершенство Интерпола — недостаточное финансирование, существенные различия национальных правовых систем и др.

картотека преступлений, состоящая из нескольких картотек, каждая из которых соответствует названию определенного вида преступлений;

картотеки похищенных автомобилей, произведений искусств, культурных ценностей, ювелирных изделий, антиквариата; ручного нарезного и огнестрельного оружия; лиц, пропавших без вести, непознанных трупов и др.

Картотеки постоянно пополняются данными, предоставляемыми странами — членами Интерпола.

Решение об оказании помощи другому государству принимают компетентные органы исполняющей страны. Для первичных обращений Устав Интерпола определил сроки исполнения международных поручений, обусловленных грифами этих документов: «срочно», «очень срочно», «немедленно».

Деятельность НЦБ Интерпола Российской Федерации регламентирует Инструкция о порядке исполнения и направления органами внутренних дел РФ запросов и поручений по линии Интерпола, утвержденная Приказом МВД РФ № 10 от 11 января 1994 г.

Этот ведомственный акт, предназначенный лишь для МВД, издан в нарушение действующего вышеназванного Постановления Президиума Верховного Совета СССР от 21 июня 1988 г. без согласования с Генеральной прокуратурой РФ, является по существу единственным правовым документом, регулирующим контакты по вопросам, отнесенным к компетенции НЦБ Интерпола РФ и в силу этого применяется всеми ведомствами, правомочными осуществлять расследование уголовных преступлений. Вместе с тем, согласно ст.ст. 51–53 указанной Инструкции вопросы производства отдельных следственных действий на территории зарубежных государств (допросов, опознания, выемки, обыска и т. д.), ареста и экстрадиции отнесены к компетенции Генеральной прокуратуры, в связи с чем ходатайства о направлении международных поручений такого характера предписано направлять через соответствующих надзирающих прокуроров в Генеральную прокуратуру.

Однако эти нормы не согласуются с положениями международных договоров РФ, устанавливающих иной порядок сношений (дипломатическим путем, прямыми контактами и т. д.). Кроме того, в ст. 12 Положения о Национальном центральном бюро Интерпола

РФ, утвержденного Постановлением Правительства РФ от 14 октября 1996 г. № 1190¹⁸⁸, функции российского НЦБ Интерпола в этой части расширены. Им предоставлено право направления не только запросов НЦБ Интерпола иностранным государствам, но и следственных поручений и сообщений правоохранительных и иных государственных органов Российской Федерации «для осуществления розыска, ареста и выдачи лиц, совершивших преступления, для осуществления розыска и ареста перемещенных за границу доходов от преступной деятельности, похищенных предметов и документов, проведения иных оперативно-розыскных мероприятий и процессуальных действий по делам, находящимся в производстве этих органов». Таким образом, нарушено разграничение компетенции. Вопросы, отнесенные исключительно к ведению Генеральной прокуратуры и ведомственных следственных органов, необоснованно включены в компетенцию НЦБ Интерпола РФ. Нуждаются в уточнении и применяемые термины. Арест согласно УК РФ является мерой наказания по приговору суда. В связи с выдачей возможно применение лишь меры пресечения — заключения под стражу, что относится к полномочиям прокуратуры и суда. Арест имущества входит в компетенцию следователя. Равным образом лишь следственные органы дают поручения о производстве процессуальных действий по уголовному делу, но направляют их не через НЦБ Интерпола, а в порядке, предусмотренном международными договорами РФ и законодательством, регламентирующим эти специальные вопросы, к коим Положение об НЦБ не относится. К такому же выводу по результатам исследования нарушений по уголовным делам органов внутренних дел пришли В. П. Илларионов и И. В. Путова¹⁸⁹. Однако и они используют слово «арест» в значении «заключение под стражу».

Согласно названной Инструкции органы внутренних дел и подразделения НЦБ Интерпола Российской Федерации наделены монополией на взаимодействие с компетентными службами иностранных государств и Генеральным секретариатом Интерпола по вопросам

¹⁸⁸ См.: Собрание законодательства РФ. 1996. № 43. Ст. 4916.

¹⁸⁹ Илларионов В. П., Путова И. В. Правовые и организационно-методические аспекты международного розыска преступников: Уч. пос. М., 1999. С. 22–25.

общих положений, проведения оперативно-розыскных мероприятий по раскрытию и расследованию преступлений (в сфере экономики и финансов, фальшивомонетничества, хищений автотранспорта, посягательств на культурные ценности и предметы антиквариата, связанных с незаконным оборотом наркотиков, огнестрельного оружия и взрывчатых устройств, подделкой документов), идентификации и проверки лиц по дактилоскопическим учетам полиции, международного розыска.

Порядок оформления поручения по линии Интерпола в Российской Федерации обусловлен видом правовой помощи. При этом учитываются процессуальные требования УПК РСФСР по расследованию преступлений, выполнение которых должно предшествовать обращению за помощью, правила названной выше Инструкции, за исключением положений, не соответствующих базовым принципам и договорам.

Указанием Генеральной прокуратуры «Об изменении порядка выполнения ходатайств об оказании правовой помощи» от 20.01.93 г. № 1/20 для российских следователей был установлен месячный срок исполнения международных поручений. Это указание имело позитивное значение лишь для ходатайствующей страны. В 1998 г. оно было отменено. Международные договоры сроков исполнения поручений не предусматривают. Поэтому в будущем необходимо установить в уголовно-процессуальном законодательстве сроки исполнения международных поручений и внести соответствующую поправку в текст международных договоров. В рамках сотрудничества определены лишь сроки содержания под стражей лиц в связи с их выдачей.

В проекте УПК РФ ряд положений о выполнении поручений иностранных государств и подготовке поручений для направления за рубеж не согласуется со смежными нормами (например, о применении меры пресечения — заключения под стражу), что необходимо устранить.

В проекте УПК РФ предлагается аналогичный порядок сношений по вопросам оказания правовой помощи, но срок исполнения поручений не определен. Для упрощения контактов представляется возможным направлять международные поручения о допросе участ-

ников уголовного процесса через прокуроров субъектов Федерации, что и предусмотрено в новом УПК¹⁹⁰.

Некоторыми договорами определен другой порядок сношений — через Министерства иностранных дел по дипломатическим каналам. Такой порядок предусмотрен Договорами с Финляндией 1978 г. (ст. 4), Алжиром 1982 г. (ст. 4), Ираком 1973 г. (ст. 4), Йеменом 1985 г. (ст. 4), Кипром 1984 г. (ст. 4), Тунисом 1984 г. (ст. 4), Югославией 1992 г. (ст. 3), Грецией 1981 г. (ст. 4).

В подготовленном Генеральной прокуратурой проекте УПК говорится о Международном уголовном суде как об органе, имеющем право на взаимодействие с судебными-следственными органами, что не предусмотрено ни одним действующим договором РФ.

Статья 31 УПК РСФСР, устанавливающая порядок взаимодействия судов, следователей и органов дознания с соответствующими органами союзных республик в процессе оказания правовой помощи по уголовным делам, применяться не может, поскольку она регламентирует только порядок сношений суда и следствия субъектов Федерации внутри государства. Однако Э. Б. Мельникова рассматривает положения данной статьи как норму, «регулирующую сношения судов и правоохранительных органов России с соответствующими органами других стран СНГ»¹⁹¹. Такая интерпретация действия указанной нормы закона является произвольной, расширительной, игнорирующей суверенность стран СНГ. В результате распада СССР бывшие его республики обрели правосубъектность во внешней сфере и стали полноправными субъектами межгосударственных отношений, обладают собственной юрисдикцией и не находятся в подчиненном положении ни перед какими государствами мира. Объединение в региональную международную организацию СНГ не умаляет суверенности этих государств, а, наоборот, подчеркивает их равенство и независимость. Международное сотрудничество основано на равенстве всех суверенных государств мира.

Положения ст.ст. 32 и 127 УПК РСФСР являются руководящими для подготовки поручения за рубеж. Но при оформлении рекви-

¹⁹⁰ См.: Волков А. Н. Взаимодействие правоохранительных органов приграничных районов (на примере Курской области и Сумской области Украины) // Прокурорская и следственная практика. 1998. № 3. С. 113–117.

¹⁹¹ Мельникова Э. Б. Указ. соч. С. 255.

зитов поручения кроме общеустановленной российским процессом — письменной формы, необходимо соблюдать и правила, предусмотренные соответствующим договором, обусловленные видом поручения. К ним относятся: перевод на государственный язык исполняющей страны, указание соответствующих сведений, приложение предусмотренных процессуальных и иных документов.

Иначе толкует смысл ст. 32 УПК РСФСР А. И. Бастрыкин, полагая, что эта норма регламентирует наряду с договорным также и взаимодействие России с иностранными государствами вне договорных рамок¹⁹². Он опирается на международно-правовые обязательства российской стороны, вытекающие из многосторонних соглашений в области борьбы с преступностью. Действие таких соглашений А. И. Бастрыкин распространяет и на те государства, которые в договорах не участвуют, с чем согласиться нельзя. Вместе с тем, он не отрицает бланкетный характер ст. 32 УПК РСФСР, но и не дает разъяснения прямой отсылки этой нормы к регламентирующим взаимодействие национальных следственных органов и судов международным договорам только Российской Федерации. Венская конвенция о праве международных договоров 1969 г., называя субъектами международных отношений лишь суверенные государства, и обязательства, возникающие из внешних правоотношений, возлагает выполнять на непосредственных участников межгосударственных правовых актов.

В процессе сотрудничества страны допускают нарушения установленного Минской конвенцией порядка направления поручений. Изучение практики показывает, что каждое третье поручение по делам, подследственным МВД РФ, направлялось за рубеж, минуя Генеральную прокуратуру, что повлекло непризнание их судом. Некоторые поручения не содержали ссылок на международный договор, направлялись для исполнения в другую страну в порядке ст.ст. 32 и 127 УПК РСФСР, а также со ссылками на соглашения МВД РФ, не относящиеся к договорам. Причинами неисполнения российских поручений являлись нарушения условий договоров об обязательности перевода текстов на государственный язык исполняющего государства, отсутствие ссылок на соответствующий договор, непра-

¹⁹² Бастрыкин А. И. Указ. соч. С. 52–54.

вильное наименование учреждения юстиции или страны, отсутствие необходимых документов-приложений и соответствующей информации, а также ряд погрешностей технического характера. Большинство таких претензий предъявляли страны Балтии и Украина. Аналогичные нарушения условий, порядка направления и оформления поручений допускали и иностранные государства (Польша, Латвия, Азербайджан и др.).

Правовая помощь извне и выполнение поручений иностранных государств о производстве процессуально-следственных действий возможны только в рамках возбужденного уголовного дела. В основном международные ходатайства связаны с получением доказательств с помощью зарубежных органов следствия и суда по расследуемым уголовным делам, а также реализацией уголовной юрисдикции государства, выдачей скрывшихся обвиняемых, исполнением приговоров иностранных судов.

Практика показывает, что фактически допускается применение в уголовном процессе рекомендаций иностранных государств, которые не относятся к международному праву и не имеют никакого правового статуса.

В отличие от России, ряд стран предпринимает активные меры по защите своих граждан за рубежом даже в случаях, когда не имеют с РФ договора о помощи по уголовным делам. Так, Великобритания, не заключавшая с Россией подобного договора, обратилась с нотой в МИД РФ о предоставлении Россией письменных гарантий и получила их. Сводятся они к следующему: «1) материалы, полученные российской стороной в результате исполнения запроса, не будут без согласия (британской стороны. — *В. В.*) использоваться для иных целей, помимо указанных в запросе; 2) любые заявления или показания лиц, полученные по запросу в силу полномочий британских следственных компетентных органов, без согласия британской стороны не могут быть использованы в качестве доказательств против этих лиц. Указанные требования вытекают из законодательства Великобритании. МИД РФ направило Генеральной прокуратуре РФ указание при направлении следственных поручений включать в текст необходимые гарантии. Таким образом, источники уголовно-процессуального законодательства России пополнились еще одним

документом неправового характера, что увеличило число источников в российском уголовном процессе.

Представляется, что никакого правового значения нота Великобритании не имеет. МИД РФ не является полномочным органом для дачи указаний по уголовным делам о применении иностранного законодательства. Требование Великобритании о применении ее законодательства посягает на суверенитет и правовую систему России и может быть расценено как вмешательство в ее внутренние дела. Вместе с тем, это свидетельство приоритета в межгосударственном сотрудничестве не международного права, а национального, который настойчиво и последовательно используют развитые страны мира.

Из письма Департамента юстиции США от 6 января 1993 г. о правилах направления следственных поручений следует, что законодательство США содержит правило, согласно которому неподчинение повестке о вызове может повлечь заключение под стражу. Такого правила в Соглашении Правительств РФ и США о сотрудничестве по уголовно-процессуальным вопросам 1995 г.¹⁹³ не имеется. Однако США использует приоритет применения собственного законодательства при выполнении международных поручений на его основе.

Следует отметить, что сотрудничество Российской Федерации с США на договорной основе в сфере уголовной юстиции практически не развивается. Целью названного Соглашения указана «необходимость объединения усилий и укрепление взаимодействия компетентных органов обеих стран в деле предотвращения преступности и борьбы с ней», а в отношении заключения «в ближайшее время» договора о взаимной правовой помощи по уголовным делам в преамбуле к Соглашению продекларировано лишь намерение. Однако криминогенная ситуация, особенно в области незаконной утечки капитала за рубеж, в том числе и через банки США (примером чему является участие Bank of New York в такой операции с валютой), вынуждает обращаться с взаимными просьбами при расследовании преступлений. Полученные данные при этом не могут считаться полноценными доказательствами в силу нарушения требова-

¹⁹³ См.: *Сборник международных договоров по оказанию правовой помощи*. С. 465–472.

ний ч. 3 ст. 69 УПК РСФСР. К тому же указанное Соглашение носит бланкетный характер, не предусматривает выдачу, объем взаимодействия определяет принципом взаимности, исключает помощь по воинским преступлениям (п. 1 ст. 3). Отказ выполнить просьбу требует обязательной консультации с обратившейся стороной. Оказание помощи по уголовным делам возможно только при наличии гарантий ходатайствующей страны о непременном судебном рассмотрении этого дела с указанием срока его слушания (п. 3 ст. 4), а также о сохранении конфиденциальности просьбы и ее содержания (п. 5 ст. 5). Предусмотрен запрет на использование результатов запроса в иных целях, кроме указанных в просьбе, без согласия исполняющей страны. При этом стороны вправе согласовать возможность реализации полученных данных для собственных интересов (ст. 7).

Приложением к Соглашению Российской Федерации и США определен широкий перечень преступлений, включающий несколько категорий международных преступлений и преступлений международного характера, борьба с которыми является предметом сотрудничества США и Российской Федерации на основе многосторонних конвенций и договоров. К ним относятся преступления, связанные с оборотом наркотических средств и психотропных веществ, основополагающими документами взаимодействия в борьбе с такими преступлениями названы Единая конвенция о наркотических средствах 1961 г., Конвенция о психотропных веществах 1971 г., Протокол (1972 г.) о внесении изменений в Единую конвенцию о наркотических веществах и Конвенцию ООН о борьбе против незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ 1988 г. (ст. 1); преступления, предусмотренные другими многосторонними договорами РФ и США (ст. 2); организованная преступность, вымогательство (рэкет) по законодательству РФ и США (ст. 3); отмывание денег (легализация доходов, полученных преступным путем) по законодательству РФ и США (ст. 4); нарушение законов о контроле за оружием, включая ядерное и другие виды оружия массового уничтожения, а также за взрывчатыми веществами, ядерными материалами, зажигательными устройствами и веществами, опасными для здоровья (ст. 5); мошенничество, коррупция, в том числе преступления должностных лиц, включая взяточничество (ст. 6); насильственные преступления против личности (ст. 7); поло-

вые преступления против детей, включая детскую проституцию и детскую порнографию (ст. 8); покушение или сговор с целью совершения любого из преступлений, указанных в настоящем Приложении, пособничество и подстрекательство к таковым или участие в таковых в качестве исполнителя (ст. 9). Бланкетный характер Соглашения затрудняет сотрудничество и произвольно расширяет сферу применения.

Некоторые международные договоры предусматривают присутствие иностранных представителей при исполнении поручений, направленных их странами. Но самостоятельных полномочий на территории РФ иностранные представители не имеют. Не установлен порядок и полномочный орган для допуска иностранных представителей к участию в деле. Например, представители ходатайствующих стран, присутствующие при исполнении этих поручений иностранными учреждениями юстиции, никакими полномочиями не наделены Договорами с Азербайджаном 1992 г. (ст. 75), Молдовой 1993 г. (ст. 75), Литвой 1992 г. (ст. 75) и другими. Договор с Албанией (1959 г.) вопрос об иностранных представителях вообще не затрагивает. В Соглашении с США указано, что полномочия представителей ходатайствующей стороны, которые прибывают на территорию исполняющего государства для участия в судебно-следственных действиях, проводимых в ее пределах по просьбе запрашивающего государства, устанавливаются законодательством исполняющего государства, и решения принимает его центральный орган (ст. 8).

Данные вопросы должны быть регламентированы УПК РФ. Редакция соответствующих положений УПК РФ может быть следующей: «По предварительному согласованию до начала выполнения ходатайства иностранного государства российский суд, следовательно, прокурор может рассмотреть дополнительную письменную просьбу его представителя о возможности задать вопросы допрашиваемому участнику уголовного процесса в качестве ходатайства. По результатам рассмотрения ходатайства необходимо вынести мотивированное постановление, как в случае положительного, так и отрицательного решения. Вопросы представитель задает только через лицо, производящее следствие, и суд. Вопросы подлежат включению в протокол допроса. Решение суда, следователя и прокурора обжалованию не подлежит».

В некоторых международных договорах предусмотрены консультации между сторонами для выработки приемлемых условий реализации поручений при наличии спорных ситуаций, пробелов или бланкетных положений самих международных актов. Такие нормы имеются в Минской конвенции 1993 г. (ст. 81) и других договорах РФ.

Обязанность возмещения всех издержек по оказанию правовой помощи большинством договоров возлагается на ту сторону, на территории которой они возникли. Этот принцип зафиксирован Договорами с Литвой 1992 г. (ст. 14), Финляндией 1978 г. (ст. 16), Польшей 1957 г. (ст. 13) и другими. Аналогичным образом решаются имущественные вопросы Договорами с Чехословакией 1982 г. (ст. 17), Югославией 1962 г. (ст. 13), Эстонией 1993 г. (ст. 14), при этом предусмотрено взаимное уведомление о затратах. Ходатайствующая сторона может взыскать сумму расходов с лица, обязанного их возместить. Если расход оплачен, то вся сумма перечисляется стране-исполнителю (п. 2 ст. 13 Договора с Эстонией, п. 2 ст. 14 Договора с Молдавией, п. 2 ст. 14 Договора с Литвой и др.).

Ст. 6 Соглашения с США предусматривает, что расходы, связанные с исполнением просьбы о выплате вознаграждения экспертам, переводчикам, возлагаются на ходатайствующую сторону. Ст. 13 Договора с Тунисом (1984 г.) устанавливает, что расходы на вознаграждение экспертам и расходы по экспертизе несет обратившаяся с просьбой сторона.

При угрозе причинения ущерба суверенитету, безопасности исполняющей страны или основным принципам ее внутреннего законодательства запрашиваемая страна полномочна в помощи отказать. Такие положения зафиксированы практически всеми Договорами о правовой помощи Российской Федерации с иностранными государствами. Среди них Договоры с Латвией 1993 г. (ст. 18), Литвой 1992 г. (ст. 18), Финляндией 1978 г. (ст. 13), Тунисом 1984 г. (ст. 11) и др. Но мотивы отказа не ограничены указанными факторами. Имеются и другие основания для отклонения просьбы. Так, Договором с Китаем 1995 г. (ст. 6) кроме возможного причинения ущерба суверенитету и безопасности страны мотивом отказа указан публичный порядок. Удовлетворение просьбы обратившейся стороны ограничено возможностью нанесения ущерба суверени-

тету или безопасности исполняющей страны по Договору с Польшей, 1957 г. (ст. 12).

Несоответствие зарубежных и российских уголовно-процессуальных норм может быть выражено в следующем: поручение об оказании правовой помощи зарубежного государства содержит просьбу о выполнении процессуальных действий, не предусмотренных действующим УПК РСФСР; просьба касается выполнения процессуального действия, которое может быть проведено лишь на определенной стадии уголовного судопроизводства (например, обыска до возбуждения уголовного дела, что предусмотрено УПК Польши); поручение о правовой помощи противоречит российскому УПК по кругу лиц (участников процесса) и характеру возможных ограничений их прав; различие в вопросах возмещения вреда, причиненного преступлением. Аналогичные расхождения между российским и зарубежным уголовным процессом как основание невыполнения просьбы иностранного государства называет и А. И. Бастрыкин. Он предлагает вести совместный поиск решения, приемлемого для сторон, и использовать аналогии в уголовно-процессуальных нормах договаривающихся сторон¹⁹⁴.

Полномочия для оценки указанных в договорах разногласий просьбы принимают суды и органы предварительного следствия исполняющего государства. Поскольку перечня оснований для отклонения просьбы договорами РФ не установлено, то они определяются исходя из конкретных негативных обстоятельств, которые могут последовать за выполнением иностранного поручения. Принятие решения оформляется мотивированным постановлением. Обратившейся стране направляется уведомление.

В интересах единообразия применения международных договоров РФ в процессе оказания правовой помощи, обеспечения законности получения доказательств за рубежом и признания их судом представляется целесообразным иметь в виду следующие положения при направлении и исполнении международных поручений.

1. Основанием для направления и выполнения международного следственного поручения является международный договор РФ с конкретной договаривающейся страной или многосторонняя кон-

¹⁹⁴ Бастрыкин А. И. Указ. соч. С. 33–35.

венция, например Минская конвенция. Если же с другой страной наряду с Минской конвенцией существует двусторонний договор, то каждый из документов может применяться самостоятельно, но предпочтение отдается двустороннему акту. Поводом для обращения за помощью при расследовании или рассмотрении уголовного дела служат ситуации, когда получение информации о каком-либо факте, событии на территории Российской Федерации исключено в силу нахождения носителей необходимых данных как источников доказательств за рубежом. При этом следует прогнозировать возможности исполняющего государства получить доказательства из первоисточников. С этой целью просьбу надо изложить таким образом, чтобы иностранный исполнитель был правомочен использовать в полной мере свое национальное федеральное законодательство. Применение процессуального законодательства административных территорий исполняющей страны повлечет за собой непризнание полученных за рубежом доказательств в Российской Федерации, ибо договорами РФ при исполнении поручений предусмотрено применение федерального уголовного процесса. Единое судопроизводство по уголовным делам установлено на всей территории Российской Федерации ст. 1 УПК РСФСР.

2. Следственные поручения направляются и выполняются только по возбужденным, находящимся в производстве уголовным делам, при соблюдении процессуального срока, установленного для расследования преступлений. Направление поручения осуществляется полномочным должностным лицом (следователем, прокурором, дознавателем) ведомства, в производстве которого находится уголовное дело.

3. Поручение оформляется в виде печатного текста. Обязательна ссылка на полное наименование международного договора РФ и статью этого договора, предусматривающую объем (виды) необходимой правовой помощи. Исправления, подчистки и сокращения в тексте поручения не допускаются. Почтовый адрес должен соответствовать официально принятой российской почтовой службой форме написания.

4. Поручение переводится на язык, предусмотренный международным договором РФ. Требование о составлении международных поручений на языке исполняющей страны заложено в Договорах с

Литвой 1992 г. (ст. 6), Алжиром 1982 г. (ст. 5), Грузией 1995 г. (ст. 5), Йеменом 1984 г. (ст. 5), Латвией 1993 г. (ст. 5) и в других международных актах РФ. При взаимодействии на основе Договоров с Албанией 1995 г. (ст. 5), Болгарией 1975 г. (ст. 5), Венгрией 1958 г. (ст. 5), КНДР 1957 г. (ст. 5), Кубой 1984 г. (ст.ст. 5, 14) просьба о помощи по уголовному делу и сопроводительные документы должны быть исполнены на двух языках в форме, образцами которой стороны предварительно обмениваются.

Минская конвенция (ст. 17) установила для сотрудничества государственные языки договаривающихся сторон или русский язык. Выбор между вьетнамским и русским языками предоставлен российским и вьетнамским судебным-следственным органам Договором с Вьетнамом 1981 г. (ст. 14).

Просьбы о помощи на основе Договора между Грецией и Россией 1981 г. (ст. 11) составляются на языке ходатайствующей страны, но должны быть переведены на язык исполняющей стороны с заверением перевода официальным переводчиком либо дипломатическим представительством или консульским учреждением запрашивающего государства. Договорные отношения по уголовным делам с Ираком (Договор 1973 г., ст. 5) осуществляются на языке каждой из сторон, но с непременным «компетентным переводом на язык другой договаривающейся стороны или на английский язык». Аналогичные правила установлены Договором с Китаем, 1995 г. (ст. 3), но при «выполнении поручений об оказании правовой помощи компетентные учреждения договаривающихся сторон применяют язык своей страны». Русским либо киргизским языком могут пользоваться в процессе взаимодействия Россия и Кыргызстан (Договор 1992 г., ст. 5). Договорные отношения в сфере уголовной юстиции предусматривают и другие варианты применения языков, которые конкретно изложены в текстах международных правовых актов, обязательных для исполнения договаривающимися сторонами.

5. Соблюдение реквизитов, установленных международным договором РФ, при оформлении поручения обязательно. Поручение подписывает следователь (прокурор, дознаватель) с указанием своей должности. Поручение по делу, расследуемому группой, полномочен подписать руководитель следственной группы, который принял

дело к производству, что соответствует предписанию ст. 129 УПК РСФСР.

6. Процессуальные следственные действия, подлежащие выполнению, должны быть предусмотрены законодательством обоих договаривающихся государств. Минская конвенция (ст. 6) и другие международные договоры Российской Федерации определение объема процессуально-следственных действий относят к компетенции исполняющей стороны.

7. Выполнение международных следственных поручений производится с применением уголовно-процессуального законодательства запрашиваемого государства. При этом ст.ст. 32 и 127 УПК РСФСР применяются в качестве руководящих норм и в полной мере действуют регламенты международных договоров РФ как федеральных процессуальных законов.

8. Поручения, оформленные в соответствии с правилами международного договора РФ, направляются адресату через Генеральную прокуратуру РФ. Но ряд международных договоров РФ содержит исключения по этому вопросу. Например, взаимодействие с Финляндией осуществляется при посредничестве Министерства иностранных дел РФ. Если поручения не требуют санкции прокурора (суда), то возможны прямые контакты и направление поручений, минуя Генеральную прокуратуру (например о производстве допросов).

9. Срок исполнения международных следственных поручений не должен превышать одного месяца со дня поступления просьбы. Если для выполнения поручения требуется установление или истребование от инициатора ходатайства дополнительных сведений, исполняющей стороне предоставляется дополнительное время до 1 месяца.

10. Просьба иностранного государства о применении своего процессуального законодательства при исполнении Российской Федерацией поручения этой страны рассматривается Генеральной прокуратурой РФ на стадии предварительного следствия, подтверждение гарантии судебных поручений — Верховным судом, если иное не установлено международным договором. Законодательного решения эта процедура в РФ не имеет. Необходимо внести соответствующие дополнения в УПК.

11. Просьба о присутствии представителя РФ при выполнении ее следственных поручений излагается в тексте поручения и должна

содержать следующие сведения: фамилию, имя и отчество представителя, его должность, цель присутствия, срок пребывания, подтверждение гарантии оплаты связанных с приездом расходов. Возможность прибытия представителя согласуется заранее путем прямого контакта с принимающей стороной и только после получения письменного подтверждения направляется следственное поручение. Никаких самостоятельных полномочий представитель России на территории иностранного государства не имеет. Аналогичные правила действуют и в отношении иностранных представителей на территории РФ. Удовлетворение ходатайства о присутствии представителя возможно только на основании международного договора РФ. Ходатайство о допуске иностранного представителя с точки зрения российского уголовного процесса можно рассматривать как аналогию ходатайства в порядке ст. 131 УПК РСФСР по уголовному делу. В связи с этим отказ в допуске зарубежного представителя должен быть оформлен мотивированным постановлением.

12. Поручения иностранному государству могут содержать просьбу только исполнения процессуальных решений российских судебно-следственных органов. Недопустимы просьбы о принятии процессуальных решений, что может повлечь причинение ущерба суверенитету самой ходатайствующей стране.

Прямое действие и применение правил международных договоров в российском уголовном процессе обусловлено отсутствием процессуальных норм, регулирующих международное сотрудничество РФ по уголовным делам, и введением международных договоров РФ в ее национальную правовую систему.

Поручения, направленные за рубеж по уголовному делу, могут быть связаны с вызовом в Российскую Федерацию иностранных граждан в качестве экспертов, свидетелей, потерпевших, гражданских истцов, гражданских ответчиков и их представителей, законных представителей обвиняемых. Международное право содержит особые правила в отношении участников уголовного процесса, которые специально приглашаются для производства следственных действий с их участием за пределы страны их пребывания. В таких случаях в соответствии с международными договорами РФ на этих лиц распространяется иммунитет.

Это могут быть граждане страны, куда направлено поручение о вызове, граждане других государств, а также лица без гражданства, находящиеся в границах запрашиваемого государства. По отношению к Российской Федерации все они являются иностранцами. На них полностью распространяются конституционные гарантии в области прав и свобод человека, а также права и гарантии, предусмотренные соответствующими нормами УПК для участников уголовного процесса. Но их обязанности существенно отличаются от предусмотренных нормами УПК для лиц, в том числе и иностранцев, находящихся в России.

Вызов иностранных свидетелей из-за рубежа и производство с их участием следственных действий, включая допрос, возможен только с их согласия, без применения каких-либо мер принуждения. Вызов таких лиц не может быть оформлен повесткой. За рубежом направляется письмо-приглашение. Если участник процесса согласен получить документ о вызове, он должен расписаться в получении вызова, а вручающее учреждение — удостоверить этот факт. Документ о вызове должен быть переведен на государственный язык страны, откуда вызывается лицо, или язык, которым оно владеет. В отношении указанной категории граждан не допускается привод, судебная, административная и иная ответственность, денежное взыскание. Они не могут быть задержаны, арестованы, подвергнуты любым другим мерам принуждения и наказания. Такие граждане не предупреждаются об уголовной ответственности за отказ от дачи показаний и дачу ложных показаний и ложных экспертных заключений. В отношении названной категории лиц исключена уголовная ответственность в связи с их показаниями или заключениями в качестве приглашенных свидетелей, потерпевших, экспертов по делу, по которому они вызваны, а также до истечения привилегий — за преступления, совершенные ими ранее или в период их пребывания на территории Российской Федерации в связи с вызовом. Аналогичные привилегии распространяются и на российских граждан, вызванных для участия в следственных действиях за рубежом.

Если граждане указанной категории находятся на территории зарубежной страны не по вызову в судебно-следственные органы, а по другой причине, то в отношении них применяется национальное законодательство страны пребывания вне зависимости от их гражд-

данства. При таких обстоятельствах неприкосновенностью эти лица не пользуются и никаких преимуществ перед собственными гражданами страны их временного пребывания не имеют.

Привилегии рассматриваемой категории иностранцев в части уголовной ответственности и мер принуждения и наказания могут расцениваться как уступка уголовной юрисдикции РФ (а в широком значении — суверенитета РФ), но лишь на время, необходимое российской стороне, чтобы исполнить обязанности, связанные с уголовным преследованием на ее собственной территории. Свидетель утрачивает предусмотренную договором гарантию, если он не покинет страну, куда был вызван, по истечении срока, предусмотренного договором (от недели до 15 дней) после письменного уведомления о том, что необходимости в его присутствии не имеется. В этот срок не засчитывается время, в течение которого он не мог покинуть пределы страны по независящим от него обстоятельствам. В случае совершения таким лицом преступления в пределах России за время его пребывания по вызову, следственные органы РФ обязаны возбудить уголовное дело по факту совершенного деяния и проводить расследование без его участия. При наличии достаточных оснований выносится постановление о привлечении его в качестве обвиняемого, избрании меры пресечения и готовятся документы для направления требования о выдаче на основе международного договора. Но исполнение процессуальных решений, несмотря на нахождение обвиняемого в пределах Российской Федерации, производится только после отъезда обвиняемого в страну своего пребывания и только на основе международного договора по общим правилам выдачи. При этом возможность осуществления РФ уголовной юрисдикции в процессе выдачи весьма сужена и может быть даже исключена, если с государством, куда выехал обвиняемый, не имеется договора о выдаче. Проблема может остаться нерешенной и передачей функции уголовного преследования этой стране по той же причине — отсутствия договора с Россией. Решение о выдаче зависит от гражданства лица, подлежащего выдаче. Если оно не является гражданином страны проживания, то эта страна некомпетентна осуществлять его уголовное преследование ни в силу гражданства, ни по месту совершения им преступления. Добровольное согласие этого государства возбудить уголов-

ное преследование возможно лишь в случае, если обвиняемый является гражданином этого государства.

Применение неприкосновенности к иностранным гражданам названной выше категории в значительной мере сужает доказательственную базу, ограничивает круг доказательств, а в некоторых случаях ставит под сомнение их достоверность. Поэтому представляется нецелесообразным вызывать иностранных граждан для производства следственных действий на территорию России. Следует использовать право направления поручения государству, где находятся такие лица, и по возможности подробно аргументировать просьбу. Перед направлением поручения о вызове иностранца в Россию необходимо решить вопросы оплаты расходов, связанных с его проживанием, проездом и т. п., и гарантировать их оплату приглашенному лицу.

Институт иммунитета свидетелей не является новшеством для российского уголовного процесса. Действующее уголовно-процессуальное законодательство Российской Федерации не содержит термина «свидетельский иммунитет», однако он давно введен в оборот, широко используется в юридической литературе и среди практиков. В последние годы круг лиц, обладающих свидетельскими привилегиями, значительно расширен, но законодательное закрепление в УПК РСФСР получили не все категории граждан. Представляется, что иммунитет вызываемых в Россию иностранных свидетелей не отличается от иммунитета таких свидетелей, как защитники, адвокаты, священники, которые пользуются привилегиями в силу исполнения своих профессиональных обязанностей на основе ст. 72 УПК РСФСР, а также других категорий свидетелей, наделенных иммунитетом. Ограничения уголовной ответственности на время пребывания вызванных из-за рубежа свидетелей в Российской Федерации вытекают также из конституционного положения (ст. 51 Конституции РФ), согласно которому никто не обязан свидетельствовать против себя самого, своего супруга и близких родственников. Проблемы процессуальных иммунитетов подробно исследованы в монографии Ф. А. Агаева и В. Н. Галузо и других работах¹⁹⁵.

¹⁹⁵ См.: Агаев Ф. А., Галузо В. Н. Иммунитеты в российском уголовном процессе. М., 1998. С. 22–27, 102–116. Авторы насчитывают 187 категорий российских и ино-

Порядок сношений российских правоохранительных органов с иностранными учреждениями юстиции регламентируется не только двусторонними и многосторонними договорами РФ, но и консульскими конвенциями, заключенными с зарубежными государствами. Положением о консульском учреждении РФ от 5 ноября 1998 г. и Положением о Министерстве иностранных дел РФ от 14 марта 1995 г. в числе основных задач предусмотрена защита прав и интересов граждан и юридических лиц Российской Федерации за рубежом, оказание содействия в обеспечении выполнения международных обязательств РФ в пределах своей компетенции (ст. 4). Венская конвенция о дипломатических сношениях (1961 г.), Венская конвенция о консульских сношениях (1963 г.) и другие являются основополагающими международными правовыми актами, регламентирующими деятельность дипломатических и консульских служб и должностных лиц соответствующих рангов. Российская Федерация имеет множество двусторонних консульских конвенций с другими странами, коими предусмотрено сотрудничество и по уголовным делам в объеме, установленном пределами консульских функций.

На территории иностранных государств каждая страна вправе допрашивать собственных граждан через дипломатические представительства или консульские учреждения с применением своего уголовно-процессуального законодательства и через них вручать документы о вызове собственных граждан на территорию России. Но меры принуждения не применяются в таких случаях и к собственным гражданам, что предусмотрено Минской конвенцией (ст. 12),

странных граждан, наделенных иммунитетами и привилегиями соответствующими законами России и международными договорами. На основе международных договоров РФ такими льготами пользуются 153 категории российских и иностранных граждан. Они выделяют следующие виды иммунитетов в уголовно-процессуальном праве: а) дипломатический иммунитет; б) иммунитет лиц, пользующихся международной защитой; в) депутатский иммунитет; г) должностной иммунитет судей, должностных лиц правоохранительных и контролирурующих органов; д) свидетельский иммунитет; е) иммунитет общественных представителей; ж) иммунитет Президента РФ; з) лиц, прибывших из-за границы для участия в деле в качестве свидетеля, потерпевшего, гражданского ответчика, их представителей и экспертов, которые объединены под общим названием «иные иммунитеты». См. также: *Москалькова Т. Н.* Нравственные основы уголовного процесса (стадии предварительного расследования): Автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1997; *Даев В. Г.* Иммунитеты в уголовно-процессуальной деятельности // Правоведение. 1992. № 3.

договором с Грузией (ст. 11) и другими договорами. В данной ситуации иностранный закон применяется иностранным государством не на территории РФ, а на территории дипломатического посольства или консульства другой страны, которая считается территорией этого иностранного государства, поэтому противоречия между нормами договора и УПК РСФСР не имеется. Поручение о допросе граждан России за рубежом направляется также через Генеральную прокуратуру или МИД. Но адресуется оно российскому консулу страны пребывания.

Назначению экспертного исследования за рубежом должно предшествовать производство экспертизы в РФ. В случае направления за границу предметов (следоносителей, орудий преступления, исключая оружие, и др.) по делу должен быть выполнен весь комплекс процессуальных и следственных действий на территории РФ (выемка, осмотр, опознание и т. д.). Зарубежные эксперты не предупреждаются об уголовной ответственности за дачу ложного заключения, но проводят исследования на основе лицензии.

Широкое применение в практике оказания Россией правовой помощи по уголовным делам другим государствам нашел институт правовой защиты граждан.

Каждый международный договор РФ, регламентирующий оказание правовой помощи по различным категориям дел, включая уголовные, содержит специальную норму о защите собственных граждан договаривающихся стран за рубежом. Собственные граждане одной договаривающейся стороны пользуются на территории другой договаривающейся стороны в отношении своих личных имущественных и неимущественных прав такой же правовой защитой в судах, органах прокуратуры и других учреждениях юстиции, к компетенции которых относятся гражданские, семейные и уголовные дела, как и собственные граждане другой стороны. Граждане каждой из сторон имеют право свободно и беспрепятственно обращаться в учреждения юстиции другой стороны, выступать в них, возбуждать ходатайства и предъявлять иски на тех же условиях, что и собственные граждане. Такое положение зафиксировано Договором с Румынией 1958 г. (ст. 1). Ряд договоров это правило распространяет на юридических лиц, созданных в соответствии с законодательством одной из сторон (Договор с Эстонией, 1993 г. (ст. 1), Договор с Че-

хословакией, 1982 г. (ст. 1), Договор с Югославией, 1962 г. (ст. 1), Договор с Монголией, 1988 г. (ст. 1).

Наряду с общими положениями о правовой защите собственных граждан за рубежом договорами предусмотрены и самостоятельные нормы о их бесплатной правовой защите на территории договаривающихся государств в учреждениях юстиции, включая судебные и следственные органы. Такие положения содержатся в Договорах с Эстонией, 1992 г. (ст. 16), Литвой, 1992 г. (ст. 14), Финляндией, 1978 г. (ст. 18), но по правилам, установленным внутренним законодательством стран. Договор о сотрудничестве с Тунисом, 1984 г. (ст. 1) кроме общих положений о правовой защите, содержит обоюдное правило об освобождении от залога.

Соблюдение конфиденциальности сведений, перечень которых определен указом Президента РФ «Об утверждении перечня сведений конфиденциального характера» от 6 марта 1997 г. № 188, при направлении и исполнении международных судебно-следственных поручений по уголовным делам обязательно¹⁹⁶. Просьба о неразглашении информации (данных, сведений) должна быть изложена в поручении. Оформление таких поручений как при направлении их за рубеж, так и при исполнении на территории Российской Федерации, должно производиться в соответствии с правилами секретного делопроизводства. Перечень сведений конфиденциального характера составляют: 1) сведения о фактах, событиях, обстоятельствах частной жизни гражданина, позволяющие идентифицировать его личность (персональные данные), за исключением сведений, подлежащих распространению в средствах массовой информации в установленных федеральным законодательством случаях; 2) сведения, составляющие тайну следствия и судопроизводства. Объем их определяет судья, орган дознания, дознаватель, следователь, прокурор, в производстве которых находится уголовное дело; 3) служебные сведения, доступ к которым ограничен органами государственной власти в соответствии с ГК РФ и федеральными законами (служебная тайна); 4) сведения, связанные с профессиональной деятельностью, доступ к которым ограничен в соответствии с Конституцией РФ и федеральными законами (тайна врачебная, нотариальная, адвокат-

¹⁹⁶ См.: Собрание законодательства РФ. 1997. № 10. Ст. 1127.

ская, тайна переписки, телефонных переговоров, почтовых отправлений, телеграфных или иных сообщений и т. д.); 5) сведения, связанные с коммерческой деятельностью, доступ к которым ограничен в соответствии с ГК РФ и федеральными законами (коммерческая тайна); 6) сведения о сущности изобретений, полезной модели или промышленного образца до официальной публикации информации о них.

Перечень сведений, отнесенных к государственной тайне, изложен в Указе Президента РФ «О перечне сведений, отнесенных к государственной тайне» от 30 ноября 1995 г. № 1203¹⁹⁷. В этом правовом акте названы ведомства и органы власти, обладающие такими сведениями. При расследовании уголовных дел и обращениях за рубеж следует исключить утечку таких данных и их распространение. Федеральный закон «О государственной тайне» от 21 июля 1993 г.¹⁹⁸ обстоятельно регламентирует порядок соблюдения государственной тайны и правила обращения, оформления, хранения, пересылки секретных документов и предусматривает ответственность за нарушение установленных правил. Указанные в законе предписания обязательны для соблюдения судами и следственными органами при оформлении и исполнении международных поручений по уголовным делам. Использование полученных из-за рубежа сведений конфиденциального характера в иных целях, чем изложено в поручении, недопустимо, и об этом следует указывать в тексте при направлении просьбы.

Практические работники произвольно толкуют положения Гагской конвенции 1961 г., отменяющей требование легализации (удостоверения) официальных иностранных документов. Прямого отношения к допустимости доказательств Конвенция не имеет. Она лишь устанавливает правила удостоверения подлинности иностранного документа (реквизитов, подписи должностного лица, печати и т. п.) для стран — участниц Конвенции. В случае сомнений эта страна обращается в консульство или дипломатическое представительство государства, откуда поступил документ, с просьбой удостоверить его подлинность. Такая обязанность возложена на специально уполномочен-

¹⁹⁷ См.: *Собрание законодательства РФ*. 1995. № 49. Ст. 4775.

¹⁹⁸ См.: *Российская газета*. 1993. 21 сентября.

ных должностных лиц указанных учреждений. Они удостоверяют подлинность путем проставления на этом документе апостиля — специального штампа. Российская Федерация является участницей Гаагской конвенции и взаимно не требует легализации поступающих из других государств в рамках конвенции официальных документов, куда включены и исходящие от прокуратуры и суда.

В уголовном процессе любой документ наравне с другими доказательствами может быть подвергнут проверке и экспертному исследованию в связи с ходатайством защиты или иных участников уголовного процесса с соблюдением предписаний ст. 131 УПК РСФСР, что вытекает из общих требований ст. 69 УПК РСФСР и установленных УПК полномочий ходатайствующих лиц. Право подачи ходатайства о легализации непосредственно в международные суды и организации Гаагская конвенция не предусматривает. Такое ходатайство рассматривает и принимает по нему решение следователь, судья.

4. Выдача

Эффективность международного сотрудничества в сфере борьбы с преступностью во многом зависит от степени развития правового регулирования и организационной проработки процедур его реализации в каждом из государств. Особое значение эти факторы приобретают, когда речь идет о сотрудничестве в вопросах выдачи преступников — экстрадиции. По вопросам выдачи до недавнего времени Россия сотрудничала на договорной основе лишь с 33 странами. Среди них: Венгрия, Ирак, Алжир, Болгария, Польша, Куба, Вьетнам, Кипр, Йемен, Албания, все страны, образовавшиеся из бывших союзных республик СССР, и ряд других государств. После ратификации Европейской конвенции о выдаче (1957 г.) число взаимодействующих с Российской Федерацией стран увеличилось. Кроме того, регламенты о выдаче, на основании которых возможно осуществление этой процедуры, содержатся в ряде многосторонних конвенций, в которых участвует Россия, о борьбе с отдельными видами международных и общеуголовных преступлений. Однако практика сотрудничества Российской Федерации на основе этих международных актов не сложилась по причине несовершенства изложенного в них механизма регулирования вопросов

выдачи и бланкетного характера связанных с этим институтом положений.

Экстрадицию можно определить как процедуру, согласно которой государство, под чьей уголовной юрисдикцией преследуется лицо, запрашивает и получает это лицо из страны, где оно скрывалось, с целью последующего привлечения к уголовной ответственности или для обеспечения исполнения приговора. Экстрадиция является одним из основных видов международного сотрудничества по уголовным делам и наиболее сложным по исполнению мероприятием, непосредственно затрагивающим государственный суверенитет.

Ф. Ф. Мартенс определял выдачу как акт судебной помощи, оказываемой одним государством другому. Он считал, что право наказания имеет только то государство, которое находится в каком-либо юридическом отношении к преступнику или преступлению. По мнению Ф. Ф. Мартенса, главенствующее право требовать выдачи принадлежит государству, где преступление совершено, национальность лица, совершившего преступление, играет второстепенное значение¹⁹⁹.

Современная практика решения данных вопросов не ограничена этими идеями, весьма разнообразна и зависит от множества факторов. Монополия решений о выдаче, как правило, предоставлена исполняющему государству, что требует совершенной регулятивной внутригосударственной правовой базы. Российская Федерация такого законодательства не имеет, а это препятствует эффективному и своевременному осуществлению уголовного преследования скрывающихся за пределами государства лиц, подпадающих под уголовную юрисдикцию данной страны. Возможности требовать выдачи в силу этого ограничены.

К источникам, регулирующим экстрадиционное право, следует отнести:

международные конвенции и договоры РФ, которые предусматривают возможность выдачи лиц, совершивших преступления, в соответствии с порядком и на условиях, определенных договаривающимися сторонами;

национальное законодательство РФ, в одностороннем порядке определяющее общие правила экстрадиции и полномочное учреж-

¹⁹⁹ Мартенс Ф. Ф. Указ. соч. Т. 2. М., 1996. С. 229.

дение или должностное лицо, которые решают связанные с выдачей вопросы.

Наряду с этим фактически применяется международная вежливость, согласно которой удовлетворение ходатайства о выдаче является актом добровольного решения одного государства по отношению к другому, в том числе в расчете на взаимное оказание такого рода правовой помощи.

УПК РСФСР (ст. 32) ограничивает сотрудничество о выдаче рамками международных договоров РФ.

Конституция РФ (п. 2 ст. 63) предписывает применять международный договор в качестве правовой основы для выдачи обвиняемых и передачи осужденных для отбывания наказания в других государствах. Предусмотрена также гарантированная Конституцией возможность предоставления политического убежища иностранцам и лицам без гражданства «в соответствии с общепризнанными нормами международного права» (п. 1 ст. 63). Одновременно установлен конституционный запрет на выдачу другим государствам «лиц, преследуемых за политические убеждения, а также за действия (или бездействие), не признаваемые в Российской Федерации преступлением» (п. 2 ст. 63). Собственным российским гражданам гарантирована защита и покровительство за рубежом и, кроме того, они не могут быть не только выданы другому государству, но и высланы за пределы Российской Федерации (ст. 61).

Специальных норм, регулирующих выдачу как на основе международных договоров РФ, так и на условиях взаимности, УПК РСФСР не предусматривает.

В ст. 13 УК РФ закреплено конституционное положение о невыдаче граждан Российской Федерации другим государствам. Это положение является универсальным и принято национальным законодательством практически всех стран. Иностранцы граждане и лица без гражданства, совершившие преступления вне пределов Российской Федерации и находящиеся на территории Российской Федерации, могут быть выданы иностранному государству для привлечения к уголовной ответственности или отбывания наказания в соответствии с международным договором, заключенным Российской Федерацией. Конституционное положение (п. 1 ст. 61) о запрете выдачи российских граждан повторено в Законе «О гражданстве Рос-

сийской Федерации» от 28 ноября 1991 г.²⁰⁰ Согласно п. 3 ст. 1 названного Закона основаниями для выдачи гражданина России названы закон или международный договор. Конституцией не предусмотрено никаких оснований для выдачи ее собственных граждан.

Процедура выдачи устанавливается международными договорами. Анализ их показывает, что унифицированных правил выдачи мировая практика не имеет. Порядок экстрадиции может быть определен соглашением сторон, если договаривающиеся страны не имеют соответствующего договора.

Обязательная выдача производится только при наличии договора. Как правило, обязательной выдаче подлежат собственные граждане договаривающихся стран, скрывшиеся на территории запрашиваемого государства после совершения преступления в стране своего гражданства. Обязательная выдача возможна на взаимных условиях и в том случае, если гражданин ходатайствующей страны совершил преступление на территории иностранного государства, — на основе договора с этой страной.

Можно выделить несколько требований, предъявляемых к процедуре выдачи.

1. Вопрос о выдаче может быть поставлен только по общеуголовным преступлениям, которые признают обе стороны. Требование о выдаче может касаться: 1) обвиняемого, в отношении которого по уголовному делу вынесено постановление о привлечении его в качестве обвиняемого в связи с совершением одного преступления или нескольких, если хотя бы одно из них подпадает под требование выдачи. При этом обвиняемый находится вне пределов Российской Федерации. В этом случае требование о выдаче оформляется постановлением следователя с соблюдением всех реквизитов в соответствии с международным договором и направляется в Генеральную прокуратуру; 2) подсудимого, если тот скрылся за границу в процессе рассмотрения дела судом до вынесения приговора; 3) осужденного, если он покинул пределы страны после вынесения приговора или вступления его в силу. Требование о выдаче подсудимого или осужденного обязан подготовить судья, в производстве которо-

²⁰⁰ См.: Ведомости Съезда народных депутатов РСФСР и Верховного Совета РСФСР. 1992. № 6. Ст. 243; 1993. № 29. Ст. 1112; Собрание законодательства РФ. 1996. № 7. Ст. 496.

го находится уголовное дело, после установления точного местонахождения (страны) скрывшегося лица. Процессуальное решение об избрании меры пресечения (если в отношении подсудимого, осужденного избиралась мера пресечения, не связанная с лишением свободы, либо не избиралось никакой) в виде заключения под стражу выносит судья.

Статус лиц, подлежащих выдаче, определен п. 2 ст. 63 Конституции Российской Федерации, где прямо предусмотрена выдача обвиняемых и осужденных, но других участников уголовного процесса не названо. Представляется необоснованным обращение за выдачей подозреваемых, так как выдача связана с требованием о непременном избрании единственной меры пресечения — заключения под стражу, которая к подозреваемым применяется в исключительных случаях на срок до 10 суток.

2. Запрашивающая страна в соответствии со своим внутренним уголовным законом полномочна осуществлять уголовную юрисдикцию в отношении лица, выдача которого требуется. Удовлетворение требования о выдаче всегда производится с соблюдением принципа «специализации». Выданное лицо может быть привлечено к уголовной ответственности и приговорено к мере уголовного наказания только за те преступления, со ссылкой на которые было заявлено требование о выдаче.

3. Совершенное преступление должно быть наказуемо лишением свободы как по закону запрашивающей, так и запрашиваемой сторон.

4. За совершенное деяние должно предусматриваться наказание в виде лишения свободы на срок не менее одного года, когда выдача запрошена для привлечения к уголовной ответственности, и не менее шести месяцев лишения свободы согласно Минской конвенции и четырех — Европейской конвенции о выдаче, если требуется выдача для исполнения приговора суда, вступившего в законную силу.

5. К моменту рассмотрения требования о выдаче не должен истечь срок давности для привлечения выдаваемого лица к уголовной ответственности или исполнения приговора.

6. Требование о выдаче не должно содержать процессуальных и иных противоречий национальному законодательству исполняющей страны, а также допускать возможности причинения ущерба ее суверенитету и безопасности.

7. На момент рассмотрения требования о выдаче не должно быть принято процессуального решения о прекращении уголовного преследования ни одной из договаривающихся сторон по любому основанию, не должен быть вынесен приговор судом, а также не должно быть принято актов об амнистии или иных законодательных актов, исключающих уголовную ответственность за совершение преступления, в связи с которым требуется выдача.

8. Преступление, в связи с которым требуется выдача, не может относиться к преступлениям частного характера, дела о которых возбуждаются по жалобе потерпевшего (изнасилование как преступление публично-частного характера из сферы выдачи не исключается).

9. Третьему государству выданное лицо не может быть выдано без согласия выдавшего государства.

Но международными договорами не исключается применение и других правил, обуславливающих выдачу.

Вопрос о выдаче лиц, обладающих привилегиями и иммунитетами, решается с применением международных правовых актов общего значения. Привилегии предоставляются исключительно в служебных целях. Но льготы такого характера, установленные в отношении некоторых категорий собственных граждан и должностных лиц внутренним законодательством РФ, под действие международных договоров о привилегиях не подпадают.

Вместе с тем, в мировой практике имеется прецедент о признании юридической силы внутригосударственного акта о неприкосновенности лица, подлежащего выдаче. По требованию Испании и Франции в Великобритании был арестован находившийся в госпитале на лечении бывший глава Чили — Пиночет, наделенный пожизненно иммунитетом от уголовной ответственности как сенатор внутренним правовым актом Чили. В основу первоначального решения лондонского суда были положены требования запрашивающих стран и тяжесть выдвигаемого против Пиночета обвинения. Право Чили на предоставление иммунитета Пиночету отвергалось. Затем последовало несколько противоречащих друг другу решений по вопросу иммунитета и принципу соблюдения суверенитета договаривающимися странами, отмененных позже высшестоящим судом. Лондонский суд, не обладая правом на уголовное преследование

Пиночета, превысил свои полномочия и принял процессуальное решение об изменении Пиночету избранной меры пресечения — заключения под стражу на домашний арест, что не предусмотрено правилами международного сотрудничества в отношении выдаваемых лиц. В окончательном варианте судом признана правомерность изданного в Чили документа о неприкосновенности Пиночета. Министр внутренних дел Великобритании в обоснование отказа в выдаче, кроме того, сослался на возраст и плохое состояние здоровья Пиночета. Великобритания произвольно расширила свою уголовную юрисдикцию. Изменение меры пресечения, избранной ходатайствующими о выдаче сторонами, может рассматриваться как вмешательство во внутренние дела этих стран. В данном случае четко прослеживается развитие и укрепление мировой тенденции к примату внутреннего права над международным при оказании правовой помощи в уголовном судопроизводстве.

Большинство привилегий касаются ответственности лиц за уголовно наказуемые деяния, связанные со служебной деятельностью, должностным положением, агентов разных рангов дипломатического корпуса и консульских служб, а также многочисленной категории иностранных граждан в соответствии с международными обязательствами Российской Федерации. При направлении и исполнении требований о выдаче необходимо следственным путем установить правомерность наделения неприкосновенностью подлежащего выдаче лица и получить соответствующие письменные подтверждения привилегий. От этого зависит решение о выдаче.

По вопросам выдачи заинтересованные стороны на межгосударственном уровне сносятся друг с другом в порядке, предусмотренном договорами о правовой помощи, а при их отсутствии — по дипломатическим каналам. Дополнительный способ передачи копии официального ходатайства Генеральной прокуратуры о выдаче — по каналам Интерпола или по факсимильной связи непосредственно в соответствующее учреждение юстиции иностранного государства. В этом случае компетентные органы запрашиваемой стороны имеют возможность на основании полученных таким образом копий документов организовать розыск и арест скрывшегося обвиняемого, а вопрос о его выдаче решить по поступлении оригинала ходатайства.

Документом, порождающим правоотношения о выдаче, для следственных органов Российской Федерации является ходатайство (требование, просьба, поручение или запрос) о выдаче лица для последующего привлечения к уголовной ответственности за преступление, совершенное в пределах Российской Федерации, или для исполнения приговора, вступившего в законную силу. Полномочным органом для решения вопросов, связанных с выдачей, направлением и исполнением требований о выдаче в Российской Федерации является Генеральная прокуратура РФ, независимо от того, каким ведомством и судом заявлено такое требование. Следственные подразделения прокуратур всех уровней, Федеральной службы налоговой полиции, Федеральной службы безопасности, Министерства внутренних дел, суды также всех уровней требования о выдаче за рубеж обязаны направлять через Генеральную прокуратуру РФ. Материалы исполненных поручений иностранных государств подлежат пересылке через Генеральную прокуратуру РФ.

Выполняя требование о выдаче, следователь (прокурор) обязан проверить наличие или отсутствие оснований, влекущих выдачу. Проверка производится с применением соответствующих норм УПК РСФСР и правил, установленных договором с ходатайствующей страной. Результат проверки оформляется мотивированным постановлением, которое после утверждения прокурором вместе с другими материалами направляется в Генеральную прокуратуру РФ для принятия окончательного решения о выдаче.

Основанием для направления за рубеж требования о выдаче российскими судебно-следственными органами является совокупность условий и факторов: установлено событие преступления, время и место его совершения; установлено лицо, совершившее уголовно наказуемое лишением свободы деяние; собраны достаточные доказательства, изобличающие лицо, подлежащее выдаче, в совершении преступления; вынесено постановление о привлечении подлежащего выдаче лица в качестве обвиняемого; в отношении скрывшегося обвиняемого избрана мера пресечения — заключение под стражу, санкционированная прокурором; получены достоверные данные о нахождении обвиняемого в конкретном иностранном государстве, подтвержденные соответствующими документами.

Ходатайство должно содержать: краткое описание обстоятельств совершенного деяния, позволяющего убедиться в том, что речь идет о преступлении, влекущем выдачу, и предельно краткое — доказательств; фамилию, имя, отчество, дату и место рождения обвиняемого, выдача которого запрашивается, гражданином какого государства он является с соответствующей ссылкой на Закон о гражданстве (возможно приложение заключения паспортно-визовой службы органов внутренних дел РФ о принадлежности к гражданству); местожительство и возможное место работы выдаваемого лица на территории запрашиваемого государства (адреса), а также подробные данные о его родственниках или иных связях за рубежом; его фотографии, отпечатки пальцев, описание внешности и особых примет, данные его документов (если имеются) — гражданских и заграничных паспортов, водительского удостоверения и т. п.; сведения о размере материального ущерба и вреда, причиненного преступлением.

К ходатайству также прилагаются: заверенные гербовой печатью копии постановлений о привлечении запрошенного к выдаче лица в качестве обвиняемого, санкционированное прокурором постановление следователя или определение суда об избрании в отношении него в качестве меры пресечения заключения под стражу, а также постановление об этапировании с указанием точных почтовых адресов следственных изоляторов, откуда будет этапироваться и куда будет водворен выданный арестованный. Все документы подлежат переводу на официальный язык, предусмотренный договором или определенный согласованием сторон при выдаче на условиях взаимности.

Для России важное значение имеют действующая Минская конвенция 1993 г. и Европейская конвенция о выдаче 1957 г. Эти Конвенции содержат существенные противоречия и одновременно ряд общих положений, касающихся объема правовой помощи и порядка ее оказания.

В силу сложившейся практики различают выдачу в связи с уголовным преследованием и для отбытия наказания по вступившему в силу приговору суда. Существует несколько видов выдачи: обязательная, касающаяся только собственных граждан договаривающихся сторон; выдача на время, когда требование о выдаче может

быть удовлетворено, но выданное лицо передается на определенный срок, установленный договором, с условием и гарантией его возврата на территорию выдавшего государства; выдача под условием, когда принято решение выдать требуемое лицо, но его фактическая передача не может состояться в силу конкретных причин, связанных с осуществлением уголовного преследования этого лица исполняющим государством; повторная выдача; выдача в связи с транзитом через территории третьих стран; одновременное требование о выдаче нескольких стран, каждая из которых обладает правом на уголовное преследование затребованного к выдаче лица. Эти виды экстрадиции предусмотрены и Минской, и Европейской конвенциями, и другими международными договорами.

Срок давности для привлечения к уголовной ответственности исчисляется по законам запрашиваемой и запрашивающей сторон. Однако в некоторых случаях срок давности не применяется, что фактически предопределяет решение об экстрадиции. Так, Конвенция о неприменении срока давности к военным преступникам и преступлениям против человечества от 26 ноября 1968 г.²⁰¹ предусматривает обязательную выдачу военных преступников независимо от срока давности и обязывает участников ООН и этого договора принять необходимые внутренние меры для обеспечения выдачи (ст. 111). Аналогичная статья предусмотрена и в УК РФ (ч. 4 ст. 83).

Одним из основных вопросов, подлежащих тщательному выяснению при рассмотрении просьбы о выдаче или направлении ходатайства о выдаче в другое государство, является установление гражданской принадлежности запрошенного к выдаче лица. Судебными и следственными органами РФ запрос об обязательной выдаче может быть направлен только при наличии у такого лица российского гражданства, отсутствии у него гражданства того государства, в пределах которого оно скрывается, а также в случае, если запрошенное к выдаче лицо является апатридом, но постоянно проживало в Российской Федерации.

Принадлежность к гражданству определяет решение соответствующих органов о приобретении гражданства РФ с соблюдением установленной законодательной процедуры. Изученные материалы сви-

²⁰¹ См.: Ведомости Верховного Совета СССР. 1970. № 2. Ст. 18.

детельствуют, что гражданство России невыданных по этой причине лиц — приобретенное и практически совпадает с периодом совершения преступления. Этот факт можно рассматривать как способ уклонения от уголовной ответственности. Закон «О гражданстве Российской Федерации» и основанные на нем иные правовые акты при рассмотрении ходатайств о выдаче практически не применялись.

Закон «О гражданстве Российской Федерации» от 28 ноября 1991 г. с последующими изменениями гласит: «За лицом, состоящим в гражданстве Российской Федерации, не признается принадлежность к гражданству другого государства, если иное не предусмотрено международным договором Российской Федерации. Гражданину Российской Федерации может быть разрешено по его ходатайству иметь одновременно гражданство другого государства, с которым имеется соответствующий договор Российской Федерации. Граждане Российской Федерации, имеющие такое гражданство, не могут на этом основании быть ограничены в правах, уклоняться от выполнения обязанностей или освобождаться от ответственности, вытекающих из гражданства Российской Федерации» (ст. 3). Разрешение гражданину Российской Федерации иметь одновременно гражданство другого государства полномочен дать только Президент Российской Федерации (п. «г» ст. 33 Закона «О гражданстве РФ») в порядке, предусмотренном ст.ст. 37–42 названного Закона.

Отмена решения о приеме в гражданство РФ регулируется п. 1 ст. 24 Закона «О гражданстве Российской Федерации»: «Решение о приеме в гражданство Российской Федерации отменяется в отношении лица, которое приобрело гражданство Российской Федерации на основании заведомо ложных сведений и фальшивых документов. Факт представления заведомо ложных сведений и фальшивых документов устанавливается в судебном порядке. Отмена решения о приеме в гражданство не освобождает данное лицо от установленной законом ответственности».

Кроме того в данном Законе говорится: «При решении вопросов гражданства наряду с Законом «О гражданстве РФ» подлежат применению международные договоры Российской Федерации, регулирующие эти вопросы. Если международным договором Российской Федерации установлены иные правила, чем те, которые содержатся в настоящем Законе, применяются правила этого договора» (ст. 9);

при определении принадлежности к гражданству Российской Федерации применяются акты законодательства Российской Федерации и республик в составе Российской Федерации, международные договоры Российской Федерации, бывшего СССР или существовавшего до 7 ноября (25 октября) 1917 года Российского государства, действовавшие на момент наступления обстоятельств, с которыми связывается принадлежность лица к гражданству» (п. 2 ст. 12).

Документом, подтверждающим гражданство Российской Федерации, согласно ст. 10 Закона, являются удостоверение личности гражданина Российской Федерации или паспорт гражданина Российской Федерации, а до их получения свидетельство о рождении или иной документ, содержащий указание на гражданство лица.

Основания и порядок приобретения гражданства РФ изложены в ст. 12 указанного Закона.

Данным Законом установлен и порядок выхода из гражданства РФ. Выход из гражданства Российской Федерации не может иметь места, «если гражданин, ходатайствующий о выходе из гражданства Российской Федерации, привлечен в качестве обвиняемого по уголовному делу либо в отношении него имеется вступивший в законную силу и подлежащий исполнению обвинительный приговор» (п. 3 «б» ст. 23). Министерство внутренних дел РФ определяет принадлежность к гражданству Российской Федерации лиц, проживающих за пределами России (п. 1 «г» ст. 36) и проживающих на ее территории (п. 1 «г» ст. 35), ведет учет лиц, постоянно проживающих за пределами России (п. 1 «д» ст. 36), проверяет факты и документы, представленные в обоснование заявлений и ходатайств по вопросам гражданства (п. 1 «б» ст. 35).

Согласно Инструкции об организации работы органов внутренних дел Российской Федерации при рассмотрении вопросов гражданства Российской Федерации, утвержденной Приказом МВД № 330 от 30 июня 1994 г., на основании запроса следственных органов паспортно-визовая служба МВД (УВД) дает письменное заключение (пп. 7.1, 7.4, 7.5)²⁰². Дипломатические и консульские службы иностранных государств в соответствии с международными договорами компетентны проводить проверку о принадлежности лиц к

²⁰² См.: Российские вести. 1994. 11 авг. № 149.

гражданству представляемых ими государств (ст. 36 Закона «О гражданстве Российской Федерации»).

Изучение материалов по данному вопросу свидетельствует, что практически не применяется российское законодательство о высылке иностранцев, о временном ограничении выезда из Российской Федерации, как собственных граждан, так и иностранцев, не учитываются изменения законодательства по вопросам гражданства в бывших республиках СССР, ныне суверенных государствах, не предъявляются в суд иски о признании недействительным гражданства Российской Федерации.

Минская конвенция и Европейская конвенция о выдаче не допускают выдачу собственных граждан. При этом согласно ст. 6 Европейской конвенции термин «граждане» применительно к гражданству конкретной страны каждая страна может определять самостоятельно на момент принятия решения о выдаче, основываясь на субъективных оценках. Трудности возникают в отношении апатридов, бипатридов, беженцев, а также лиц, статус которых не определен даже международным правом. В странах Балтии — бывших союзных республиках СССР, они именуются «неграждане», невзирая на факт рождения в этих странах и длительное проживание на их территории. Европейскими странами признается практика самостоятельного определения гражданства самими гражданами, подлежащими выдаче. В основу решения может быть принят факт постоянного проживания гражданина любого государства на территории исполняющей страны либо нахождение его имущества в ее пределах. В отношении бипатридов иногда игнорируется гражданство обеих стран и они рассматриваются лицами, не имеющими гражданства на территории запрашиваемой страны, что порождает самые неожиданные последствия в решении вопроса о выдаче. Исполняющие страны с шариатским правом могут не признать гражданства обратившегося государства замужней женщины, состоящей в браке с гражданином запрашиваемой стороны. Законом РФ «О гражданстве Российской Федерации» не установлен обязательный регламент о прекращении гражданства Российской Федерации для получения гражданства иностранного государства, не состоящего с Россией в договорных отношениях. Это обстоятельство используется лицами, совершившими преступления в России и скрывающимися за рубе-

жом. При установлении таких фактов по уголовным делам необходимо ставить вопрос о неправомерности получения иностранного гражданства и прекращении его. Документы следует направлять через Генеральную прокуратуру РФ в МИД страны, необоснованно предоставившей гражданство российскому гражданину. Согласно Закону «О гражданстве РФ» двойное гражданство гражданина России обусловлено наличием с другой страной международного договора (ст. 3).

В настоящее время договоры о двойном гражданстве Россия имеет с Туркменистаном и Таджикистаном.

Европейской конвенцией о выдаче основания для выдачи ограничены некоторыми видами преступлений и другими условиями. Она содержит перечень преступлений, служащих основанием для выдачи (ст. 2), который может быть изменен договаривающейся страной в любой период действия Конвенции. Выдаче подлежит также лицо, совершившее ряд преступлений, наказуемых лишением свободы, даже если сроки наказания за некоторые из них не отвечают условиям выдачи. Каждой из сторон, национальный закон которой не предусматривает выдачу за некоторые преступления, предоставлено право исключить их из сферы применения Конвенции и не производить выдачу граждан, совершивших такие деяния. В частности, из сферы действия Европейской конвенции о выдаче Россией исключены политические (ст. 3) и воинские (ст. 4) преступления. Конвенцией предусмотрена выдача не только в связи с совершением преступлений, но и правонарушений, что входит в противоречие со сложившейся мировой практикой выдачи и влечет сложности в разграничении преступлений и правонарушений. Законодательство большинства западноевропейских стран не раскрывает понятия преступления, но в силу практически унифицированного уголовно-процессуального и общего уголовного права этот фактор не создает препятствий для взаимного сотрудничества этих стран. Различия с российским уголовным и уголовно-процессуальным законодательством неизбежно будут приводить к коллизиям в вопросах правовой оценки деяний выдаваемых лиц и процедурных правил.

Вторым Дополнительным протоколом 1978 г. к Европейской конвенции о выдаче внесены изменения и дополнения в части фискальных преступлений. Из ст. 5 Конвенции исключено положение о

согласовании вопроса о выдаче за фискальные преступления и предусмотрена выдача не только за преступления, но и за правонарушения в связи с налогами, сборами, пошлинами и валютными операциями при условии соответствия характера правонарушений законам договаривающихся стран (ч. 1 ст. 2 Протокола). При этом в выдаче не может быть отказано и в том случае, если законодательство запрашиваемой страны не предусматривает таких же по характеру налогов и сборов, не содержит положений, касающихся налогов, сборов, пошлин и валютных операций, действующих на территории запрашивающего государства (ч. 2 ст. 2 Протокола). Таким образом, для применения в исполняющем государстве вводятся иностранные законы ходатайствующих стран. Этим же Протоколом (ст. 1) расширены обязательства сторон, договаривающихся о выдаче, предусмотренные ст. 1 Европейской конвенции о выдаче, которые распространены не только на уголовно наказуемые деяния, но и на правонарушения, влекущие лишь денежные взыскания. Значение меры пресечения при этом утрачивается.

Минской (ст.ст. 63–64) и Европейской (ст. 19) конвенциями установлены взаимные обязательства сторон об отсрочке выдачи (условной выдаче — фактическом приостановлении выдачи) и временной передаче выдаваемого лица запрашивающей стране для производства с его участием необходимых процессуальных действий, т. е. выдаче на время. В этих случаях запрашиваемая страна принимает принципиальное решение о выдаче, но передача выданного лица может состояться после выполнения определенных решений в отношении этого лица. Европейской конвенцией о выдаче исключена выдача лица, которому мерой наказания может быть назначена смертная казнь.

Согласно Минской конвенции, приостановление (отсрочка) выдачи возможна для привлечения к уголовной ответственности или осуждения за другое преступление, совершенное на территории запрашиваемой стороны (ст. 63). Мотивами отсрочки могут служить также необходимость принятия окончательного решения по делу в связи с преступлением, совершенным выдаваемым лицом на территории исполняющего государства (о прекращении уголовного преследования либо приведении приговора в исполнение или освобождении от наказания — амнистия, помилование). Если отсрочка мо-

жет повлечь истечение срока давности уголовного преследования выдаваемого лица, то может быть принято решение о выдаче его на время с последующим возвратом не позднее трех месяцев со дня передачи (ст. 64 Минской конвенции). Европейская конвенция срок возвращения выданных на время лиц не указывает, но в каждом конкретном случае требует дополнительного согласования условий передачи выдаваемых лиц. Запрашиваемая страна вправе выдать требуемое лицо на время, ограниченное договором или соглашением сторон, но достаточное для производства запрашивающей стороной соответствующих следственных действий. Фактическая передача может состояться не ранее принятия окончательного решения по уголовному делу, а также и после отбытия наказания по приговору суда. Аналогичные условия об отсроченной или условной выдаче содержит и Европейская конвенция о выдаче (ст. 19). В изложенной ситуации возможны и иные варианты решений, связанные с объединением уголовных дел в одно производство согласно договоренности, а также передача осужденного приговором иностранного суда для отбытия наказания в страну своего гражданства.

Место, время и другие условия передачи выдаваемого лица определяются компетентными учреждениями юстиции договаривающихся стран в соответствии с правилами, установленными международными договорами.

Организацию передачи выданного арестованного обвиняемого и доставление его в соответствующий следственный изолятор осуществляет Генеральная прокуратура РФ, которая поручает исполнение Министерству внутренних дел РФ. Передача выданного лица требует предварительного согласования сторон и предусматривает освобождение его из-под стражи, если запрашивающее государство не примет его в течение 15 дней после согласованной даты передачи (ст. 67). Передача выданного лица по Европейской конвенции осуществляется также согласованием сторон. Предельный срок содержания под стражей выдаваемого лица при наличии решения о выдаче согласно Минской конвенции не может превышать 30 дней (ст. 62) и 40 — по Европейской (ст. 16). Если не будет найдено оснований для выдачи, то арестованные лица подлежат освобождению. Такое же решение последует, если ходатайствующая сторона не представит само требование об экстрадиции. Согласно Минской

конвенции срок предоставления не указан, но не может превышать 30 дней. Согласно Европейской конвенции он ограничен 18 днями (ст. 16), но предоставляет исполняющему государству право на освобождение из-под стражи выдаваемого лица (п. 5 ст. 16). Освобождение не препятствует повторному аресту и выдаче, если впоследствии будет получено требование о выдаче (ст. 16 Европейской конвенции).

Решение о выдаче и порядке передачи выдаваемого лица оформляется в Генеральной прокуратуре РФ соответствующим мотивированным постановлением.

Направление территориальными органами внутренних дел спецконвоя в другие государства возможно лишь после получения из Генеральной прокуратуры РФ письменного подтверждения о согласии на передачу и договоренности с выдающим государством о составе и полномочиях конвоя, времени прибытия и места передачи выданного лица.

Термины «взятие под стражу», «задержание» в международных договорах и конвенциях о выдаче по отношению к российским аналогам, содержащимся в УПК РСФСР, имеют разночтения. Исходя из смысла указанных международных правовых актов, они употребляются в одних случаях как синонимы понятия «арест», в других — в самостоятельном значении. На практике это вызывает определенные сложности. Необходимо унифицировать трактовку этих терминов и применять их в точном соответствии с законодательством Российской Федерации. Арест как мера пресечения по российскому законодательству не применяется. Согласно ст. 175 УПК РСФСР арест имущества или денежных вкладов предусмотрен в качестве меры по обеспечению гражданского иска или возможной конфискации, а в ст. 54 УК РФ арест определен как мера наказания, и в уголовной юстиции термин «арест» применяется только в этих значениях. УПК РСФСР не содержит понятия «взятие под стражу», но в перечне мер пресечения предусматривает заключение под стражу (ст.ст. 89, 96 УПК РСФСР). В процессе оказания правовой помощи о выдаче надлежит это учитывать.

Сложившаяся в РФ практика заключения под стражу выдаваемых лиц не отвечает требованиям УПК РСФСР и нуждается в совершенствовании и приведении в соответствие с УПК РСФСР и

принципом применения национального законодательства. В силу действующего УПК РСФСР процессуальное решение облекается в форму постановления, которое исполняется также с соблюдением установленных процедур, что, как показывает изучение материалов о выдаче, Генеральной прокуратурой РФ и исполняющими ее указания прокурорами не соблюдается. Указание Генеральной прокуратуры РФ должно исходить только от полномочного лица, наделенного этим правом приказом Генерального прокурора, и быть изложено в форме постановления об исполнении поручения иностранного государства. В постановлении должен быть указан срок, на который запрошенное к выдаче лицо будет взято под стражу, и основание для его заключения под стражу. Процедура заключения под стражу должна выполняться в соответствии с УПК РСФСР. Постановление Генеральной прокуратуры вправе исполнить прокурор, полномочный санкционировать арест. На основании постановления Генеральной прокуратуры РФ прокурор субъекта Федерации также должен вынести постановление о его исполнении.

В постановлении следует:

- отразить наличие указания Генеральной прокуратуры РФ и процессуального решения об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу иностранным государством (каким, когда);
- сослаться на конкретный международный договор;
- вынести решение о заключении под стражу выдаваемого лица и указать, на какой срок;
- дать поручение об исполнении постановления органам внутренних дел;
- указать место содержания под стражей арестованного лица и порядок его освобождения;
- предусмотреть уведомление начальника места содержания данного заключенного, что арестованный будет числиться за Генеральной прокуратурой РФ, принявшей решение о выдаче;
- предусмотреть разъяснение прав заключенному под стражу и порядок обжалования.

Международными договорами РФ не решен вопрос о защите прав арестованного в связи с его выдачей, что находится в противоречии с международными правовыми актами основополагающего значения.

Следует ввести в международные договоры РФ норму о защите прав арестованных в связи с их выдачей, например, в следующей редакции:

«Лицо, арестованное в связи с выдачей иностранному государству, находится под покровительством обратившегося государства и вправе обжаловать его решение о заключении под стражу и направить жалобу в эту страну по правилам, установленным государством, исполнившим поручение об аресте. Запрашиваемая страна обязана переслать эту жалобу в ходатайствующую о выдаче страну;

принятию решения о выдаче должна предшествовать проверка оснований для выдачи уполномоченным прокурором, назначенным приказом прокурора субъекта Федерации. Лицо, выдача которого требуется, обязано дать письменное объяснение по вопросам, связанным с ходатайством о его выдаче иностранного государства».

Вопрос об экстрадиции может быть поставлен только в отношении обвиняемого лица, но не подозреваемого. Однако Минская конвенция (ст. 60 и 61), Европейская конвенция о выдаче (ст. 16) и другие договоры предусматривают как заключение под стражу, так и задержание выдаваемого лица в качестве принудительной меры для обеспечения выдачи. Но эти меры принуждения подлежат исполнению лишь при наличии оснований для выдачи и избрании меры пресечения в отношении запрошенного к выдаче ходатайствующим государством обвиняемого. Принимать самостоятельные решения в этом вопросе исполняющая сторона некомпетентна, поскольку выдаваемое лицо не подпадает под ее юрисдикцию. Следовательно, проводить задержание выдаваемого лица в порядке ст. 122 УПК РСФСР, которая применяется только в отношении подозреваемых, российская сторона не имеет права. УПК РСФСР не предусматривает ни заключение под стражу, ни задержание выдаваемых лиц в связи с выдачей. Процедуры исполнения этих решений не установлены и международными договорами.

Согласно ст. 60 Минской конвенции взятие под стражу требуемого к выдаче лица осуществляется немедленно, «за исключением тех случаев, когда выдача не может быть произведена». На практике, как правило, заключение под стражу предшествует решению о выдаче.

Заключение под стражу или задержание предусмотрено ст. 61 Минской конвенции и ст. 16 Европейской конвенции о выдаче и до

получения требований о выдаче, то есть фактически без каких-либо официальных документов о выдаче и без процессуальных решений об избрании меры пресечения иностранным государством.

Бланкетный характер носят положения международных договоров РФ, Минской конвенции и Европейской конвенции о выдаче, касающиеся задержания и ареста в случаях, не терпящих отлагательств. Они предусматривают эти крайние меры принуждения даже без ходатайств о выдаче, «если имеются достаточные основания считать, что лицо совершило на территории запрашивающей страны преступление, влекущее выдачу». Задержание и заключение под стражу в таких ситуациях рассматриваются в качестве меры принуждения предварительного характера.

На практике просьба об аресте значительно опережает требование о выдаче, которое, возможно, не будет заявлено. Генеральная прокуратура РФ никаких процессуальных решений по месту исполнения просьбы о заключении под стражу не направляет, но дает указание о заключении под стражу конкретного лица по телефону или факсу. Органы внутренних дел подвергают аресту иностранцев в некоторых случаях только на основании телефонного звонка из иностранного государства, минуя Генеральную прокуратуру РФ. Такая практика распространена в приграничных районах России.

Временный арест разыскиваемого лица как предварительная мера принуждения согласно Европейской конвенции о выдаче возможен только при соответствии этой процедуры отечественному законодательству.

В УПК РСФСР не регламентировано исполнение ходатайств о заключении под стражу выдаваемых лиц, не установлены полномочия прокуроров и следователей в этой сфере сотрудничества. Не внесено ясности в вопрос исполнения положений действующих международных договоров РФ, предусматривающих задержание, заключение под стражу в качестве превентивных мер в отношении лиц, предполагаемых к выдаче. Заключение под стражу таких лиц предлагается осуществлять не только ранее принятия решения о выдаче, но и без требования о выдаче иностранного государства, на основе предположения о поступлении такой просьбы. Заключение под стражу будет законным только на основе решения о выдаче и должно применяться только к лицу, подлежащему выдаче, то есть

после проверки всех оснований для выдачи при наличии требования о выдаче. Фактически же под стражу заключается лицо, в отношении которого такого решения не имеется и, возможно, не будет принято.

В целях единообразия выполнения связанных с выдачей процедур и принимая во внимание отсутствие регулятивных норм в УПК, Генеральной прокуратуре РФ необходимо издать и направить на места соответствующее указание. Важно предусмотреть эти процедуры в УПК.

Для единообразия практики в вопросах выдачи необходима также согласованная позиция правоохранительных и судебных органов и издание совместного акта, восполняющего пробелы в законодательстве. В настоящее время на территории Российской Федерации действуют противоречащие друг другу, положениям международных договоров и сложившейся мировой практике ведомственные указания, но претендующие на приоритет действия и применения. В пределах издающих их ведомств они находят поддержку. Между тем, Генеральная прокуратура РФ призвана осуществлять прокурорский надзор за исполнением международных договоров и национального законодательства, регламентирующего процесс оказания правовой помощи в сфере уголовной юстиции и соблюдения прав человека, координировать действия правоохранительных органов и требовать соблюдения законности.

Действующее указание Генеральной прокуратуры Российской Федерации «О порядке рассмотрения ходатайств других государств об экстрадиции» от 23.06.98 г. № 42/35 не способствует выработке единообразной практики сотрудничества по выдаче.

Согласно названному Указанию Генеральной прокуратуры задержание в порядке ст. 122 УПК РСФСР при исполнении требований о выдаче признано правомерным средством, предшествующим принятию решения о выдаче с фактически неограниченным сроком содержания выдаваемых лиц. Более того, Генеральная прокуратура в нарушение прав человека не исключает задержание иностранных граждан на основе любых просьб иностранных правоохранительных органов, независимо от того, имеется ли требование о выдаче, и без принятия решения об избрании заключения под стражу мерой пресечения заинтересованным государством. При этом предлагается

российским органам уже после задержания запрашивать от инициаторов задержания соответствующие документы об избрании меры пресечения и выдаче. Вместе с тем, Генеральная прокуратура требует соблюдения законности при задержании и заключении под стражу надзирающими прокурорами на местах «в соответствии с международными договорами», а в п. 1.2 Указания предписывает органам внутренних дел «до поступления постановлений об аресте задержанных содержать в изоляторах временного содержания» и лишь «при непоступлении документов об аресте освобождение производить с уведомлением соответствующих прокуроров субъектов Российской Федерации» о задержанных. При этом игнорируется принцип исполнения требований иностранных государств о выдаче с применением УПК РСФСР при непременном соблюдении прав человека согласно Европейской конвенции о правах и свободах человека и гражданина 1950 г. и других базовых международных договоров, обязательных для исполнения на территории Российской Федерации. В соответствии с п. 2 ст. 62 Минской конвенции «лицо, задержанное согласно п. 2 ст. 61 (без ходатайства о выдаче. — В. В.), должно быть освобождено, если требование о его выдаче не поступит в течение срока, предусмотренного законодательством для задержания», т. е. в течение 72 часов. Через месяц со дня взятия под стражу до получения требования о выдаче должно быть освобождено лицо, если требование о выдаче не поступило за этот период времени (п. 1 ст. 62 Минской конвенции). В Разъяснении Генеральной прокуратуры № 35/529–97, направленном в Нижегородскую область, о применении положений Минской конвенции, связанных с выдачей, утверждается, что «Минская конвенция... не содержит положений, определяющих предельный срок содержания под стражей в соответствии со ст. 60 Конвенции... и не предусматривает процедуру продления срока содержания таких лиц под стражей». Этот вывод не соответствует действительности. Статья 60 Минской конвенции заключение под стражу по требованию иностранного государства связывает с обязательным наличием оснований для выдачи и исключает ограничение свободы истребованного для экстрадиции лица при отсутствии таких оснований. Необходимость получения дополнительных сведений для принятия решения о выдаче по инициативе любой договаривающейся стороны признано основанием для продления

срока содержания под стражей «еще до одного месяца» (ст. 59). Эта норма регламентирует ситуацию, когда требование о выдаче заявлено и рассматривается исполняющим государством, но представленных данных недостаточно для отрицательного либо положительного вывода. Статья 62 указанной Конвенции устанавливает не вообще предельный срок содержания под стражей, а ограничивает этот срок лишь при отсутствии требования о выдаче данного лица от инициатора ареста и других документов, подлежащих направлению исполняющему государству. Процедура продления срока содержания под стражей определена ст. 8 данной Конвенции. Она прямо предписывает применение процессуальных норм исполняющего государства и не допускает противоречий просьбы национальному законодательству. В Разъяснении Генеральной прокуратуры не учитывается ограничение двумя месяцами содержание под стражей лиц, установленное ст. 97 УПК РСФСР.

Прокурор Нижегородской области на основе Указания Генеральной прокуратуры № 42/35 направил на места свое Указание № 15-09-98. При этом в п. 1.4 подчеркнул необходимость неукоснительного выполнения упомянутого Указания Генеральной прокуратуры об освобождении арестованных только по ее указанию «после принятия решения об отказе в выдаче или непоступлении требования о выдаче». Однако в течение какого срока возможно содержание под стражей выдаваемых лиц — не разъяснено. Эти положения, безусловно, создают предпосылки для нарушений прав задержанных и являются грубейшим нарушением законности согласно УПК РСФСР и международным нормам о правах человека и неизбежно повлекут обращения в Международный суд.

Аналогичные указания были направлены на места и другими прокурорами субъектов Федерации.

В Разъяснении Генеральной прокуратуры дан неправильный комментарий ст. 13 Минской конвенции, как якобы устанавливающей одинаковую юридическую силу правового акта правоохранительного органа иностранного государства и соответствующего правового акта российских правоохранительных органов. В указанной статье речь идет не о юридической силе названных актов, а о признании документов сторон без специального удостоверения их на территории договаривающихся стран, то есть о легализации доку-

ментов. Вопрос о юридической силе и соотношении правовых актов в этой норме не рассматривается и даже не упоминается.

Разъяснение Генеральной прокуратуры некоторых положений Минской конвенции касаются и ряда других аспектов. Международные договоры России признаются прямо и непосредственно действующими, «поскольку они являются составной частью правовой системы согласно ч. 4 ст. 15 Конституции», что не соотносится с обязанностью применять национальные законы. Из этого следует и другой неправомерный вывод, вообще исключающий национальное законодательство из процесса регулирования правоотношений России по уголовным делам во внешней сфере: «Уголовно-процессуальное законодательство России в настоящее время не регулирует не только порядок и основания задержания, ареста иностранных граждан с целью их выдачи, но и порядок и основания российскими судами жалоб иностранных граждан по этим вопросам». При этом смешиваются несколько самостоятельных вопросов: правовая регламентация внутренних правоотношений в уголовном судопроизводстве, регулирование оказания правовой помощи по уголовным делам иностранным государствам, уголовная юрисдикция других государств, юрисдикция российских и иностранных судов в процессе оказания правовой помощи, включая обжалование действий должностных лиц при расследовании преступлений. Прямым и непосредственным действием в уголовном судопроизводстве международные договоры РФ не наделены, реализация их возможна только через опосредование национальным правом России. Оказание правовой помощи иностранным государствам, так же как и во всей мировой практике, базируется на применении внутреннего законодательства, и в первую очередь, Уголовно-процессуального кодекса РСФСР. Порядок заключения под стражу иностранных граждан в связи с выдачей не только не отличается от установленного УПК РСФСР, но и не может противоречить ему. В противном случае должен последовать отказ от исполнения требования. Наличие соответствующего письменного документа иностранного государства об избрании меры пресечения в отношении подлежащего выдаче лица является непременным атрибутом соблюдения законности при аресте, но сам по себе этот документ не может служить поводом для его исполнения, если не имеется оснований для выдачи согласно меж-

дународному договору с этой страной. При этом решение в пределах России об исполнении процессуального решения иного государства принимает российский прокурор территории, на которой находится иностранец, подпадающий под выдачу. Обжалование действий российских должностных лиц на стадии предварительного следствия по вопросам исполнения и подготовки процедуры выдачи на территории России подсудно российскому суду. При этом российские правоохранительные органы не отвечают за соответствие законам ходатайствующих стран принятых ими процессуальных решений, правильность их правовой оценки (квалификации) содеянного обвиняемым, сроки принятия таких документов. Но вопросы достаточности оснований для выдачи, соответствия внутренним российским уголовным законам совершенного за границей преступления, а также уголовно-процессуальным законам требования по процедуре и другие аспекты могут быть предметом обжалования в российский суд. Жалобы по вопросам принятия процессуальных решений иностранными следственными органами и судами направляют в иностранное ходатайствующее о выдаче государство для разрешения по существу.

Согласно Разъяснению № 35/1-743-97 Генеральной прокуратуры положения указанной Конвенции не содержат ограничений сроков содержания под стражей лиц, подлежащих выдаче. На основании такого разъяснения на территории России длительное время содержался под стражей Азимов, впоследствии выданный Таджикистану.

Вслед за Генеральной прокуратурой множество указаний, инструкций и рекомендаций без согласования с прокуратурой направлено на места центральным аппаратом Министерства внутренних дел и службами ГУВД, что внесло существенное расхождение практики оказания помощи по уголовным делам, особенно в вопросах задержания российских граждан и иностранцев в связи с розыском и выдачей.

Так, ВНИИ МВД РФ были разработаны методические рекомендации²⁰³, ряд категоричных положений которых вступает в противо-

²⁰³ Фистин А. Н., Суханов В. Н., Бекешев Д. К. Процессуальный порядок оказания правовой помощи по уголовным делам в странах СНГ: Методические рекомендации // Информационный бюллетень Следственного комитета МВД РФ. 1996. № 2(87). С. 51–60.

речие как с международными договорами, так и сложившейся практикой. Авторы расширительно толкуют регламентирующую правовую базу оказания правовой помощи для Следственного комитета МВД РФ. Особо акцентируется внимание на применении ведомственных соглашений МВД РФ. Следственный комитет они наделяют правом осуществлять прямые контакты с иностранными государствами. Авторы считают, что направлять международные следственные поручения через центральный орган для сотрудничества — Генеральную прокуратуру РФ, следует «только в случаях, затрагивающих права граждан и требующих санкций прокуроров». При этом не принимается во внимание, что все следственные поручения в уголовном судопроизводстве, включая и международные, и внутригосударственные, так или иначе затрагивают права граждан. Вопреки базовому правилу об обязательности соблюдения письменной формы сотрудничества, предлагаются и устные контакты, а перевод на язык, определенный международным договором, рекомендовано осуществлять, «если есть возможность». Дискуссионный вопрос о применении при исполнении поручений иностранных норм решен категорично, право применения Следственным комитетом зарубежных правил связывается только с наличием такой просьбы при соответствии зарубежных норм законодательству исполняющей страны. Противоречат правилам Минской конвенции и других международных договоров РФ рекомендации о вызове иностранных граждан в Россию для участия в следственных действиях путем направления ходатайства правоохранительным органам страны пребывания этих лиц и ряд других.

СУ УВД Липецкой области опубликовало методические рекомендации по расследованию преступлений, связанных с иностранными гражданами, в которых некоторые правила, установленные международными договорами об оказании правовой помощи по уголовным делам, предлагается применять при расследовании уголовных дел на территории Российской Федерации в отношении иностранцев²⁰⁴.

Практически не делается различий между понятием розыска на федеральном уровне и международного в связи с выдачей, что по-

²⁰⁴ Расследование преступлений, связанных с иностранными гражданами: Методические рекомендации (извлечение) // Информационный бюллетень Следственного комитета МВД РФ. 1996. № 2 (87). С. 61–67.

рождает неправильное применение норм международного права, создает приоритет ведомственных нормативных актов над нормами УПК РСФСР и иных федеральных законов.

Так, МВД РФ на места направило указание «О задержании по поручениям правоохранительных органов зарубежных государств лиц, совершивших преступления» от 03.01.96 г. № 1/35. Название этого документа уже передает суть указания — задержание. Однако в Указании затрагиваются вопросы розыска иностранных граждан и лиц без гражданства, скрывшихся подсудимых, осужденных, обвиняемых (пп. 3 и 4), в отношении которых также предписано применять задержание. Такое требование не согласуется с обязанностью следователя и суда при объявлении в розыск применять не меру принуждения, а избирать меру пресечения в виде заключения под стражу. Подразделениям органов внутренних дел необоснованно вменяется в обязанность по собственной инициативе, игнорируя установленную ст. 126 УПК РСФСР подследственность, выносить постановления об объявлении в международный розыск лиц, в отношении которых получены сведения о нахождении их за пределами российской территории, и также по собственной инициативе, а не по поручению надзирающего прокурора проверять гражданство задержанных лиц. В названном Указании имеется требование о заключении под стражу лиц, совершивших преступления (без указания, на чьей территории), розыск которых производится по поручению Генеральной прокуратуры РФ, за исключением российских граждан (п. 2). Ни процедура заключения под стражу таких лиц, ни основания в этом пункте не уточнены. Упоминания о том, что заключение под стражу обусловлено требованием о выдаче иностранного государства при наличии соответствующих процессуальных документов, в том числе и санкций российского надзирающего прокурора и Генеральной прокуратуры, не имеется. Примечателен п. 4 рассматриваемого Указания МВД. Он раскрывает положение, в соответствии с которым органам МВД на местах предоставлена возможность задержания иностранцев и лиц без гражданства (обвиняемых, подсудимых и осужденных) без каких-либо документов о выдаче. Какой орган иностранного государства признается в данном случае инициатором задержания, просьба которого обязательна для исполнения органами МВД РФ. Не указано, но из п. 4 Указания вытекает, что

это не полномочный орган, определенный международным договором, ибо ограничений договорными обязательствами России не приведено. Согласно Указанию обязательно лишь уведомить о проведенном задержании ГУУР МВД, НЦБ Интерпола РФ, Генеральную прокуратуру РФ, надзирающего прокурора и инициатора розыска в иностранном государстве. От последнего только после задержания требуется «предоставление в Генеральную прокуратуру РФ в срок, установленный международным договором о правовой помощи, документов и сведений, необходимых для экстрадиции обвиняемых».

Указание МВД РФ № 1/11880 было издано как дополнение к Приказам МВД РФ № 41 от 26.01.96 г. и № 213 от 05.05.93 г. в целях обеспечения прав граждан, совершивших преступления за рубежом, устранения нарушений законности содержания их в ИВС и исполнения Указания Генеральной прокуратуры от 23.06.98 г. № 42/35. Из текста Указания МВД усматривается, что иностранцы и лица без гражданства, подпадающие под юрисдикцию иностранных государств, продолжают задерживаться в порядке ст. 122 УПК РСФСР и помещаться в изоляторы временного содержания, предназначенные для кратковременного содержания на срок не более 72 часов, а также в другие специальные учреждения милиции, не указанные для этих целей федеральным законодательством. Установленный УПК срок содержания под стражей не соблюдается. Грубо нарушаются предписания ст. 8 Федерального закона «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений» от 21 июня 1995 г. о содержании в следственных изоляторах лиц, в отношении которых избрана мера пресечения в виде заключения под стражу, игнорируются основания для содержания под стражей, установленные ч. 2 ст. 5 названного Закона. При отсутствии документов об аресте в Указании МВД предлагается на основе ст. 1 многостороннего Соглашения МВД РФ и других стран СНГ «О порядке передачи и транзитной перевозки лиц, взятых под стражу» (Ашхабад, 1994 г.)²⁰⁵ затребовать у инициатора розыска подтверждение ареста и обязать представить постановление об аресте в течение суток. Этим зафиксирована возможность фактического задержания органами МВД иностранцев без всяких к тому оснований и процес-

²⁰⁵ См.: *Сборник международных соглашений МВД России*. С. 79–84.

суальных документов, без указания прокуратуры, чем грубо нарушаются права задержанных иностранцев.

Названное Соглашение регулирует лишь частные вопросы работы специальных служб МВД по перевозке выданных лиц и их передаче, что должно выполняться только по письменному указанию Генеральной прокуратуры РФ. Поэтому ссылка на это Соглашение, не имеющего статуса международного договора, при осуществлении поручений о международном розыске и заключении под стражу иностранцев в связи с выдачей неосновательна.

В ведомственных Указаниях предпочтение необоснованно отдается применению иностранного законодательства и решениям иностранных должностных лиц любого ранга (вплоть до дежурных по ОВД стран СНГ), переданных по телефону или иным способом, часто не подкрепленных никакими документами и не основанных на международных договорах РФ. При этом игнорирована обязанность российских правоохранительных органов исполнение иностранных поручений и требований о выдаче производить только с применением внутреннего уголовно-процессуального законодательства Российской Федерации.

По сообщению прокурора Алма-Атинской области Г. К. Утибаева в 1998 г. в прокуратуру области из местных правоохранительных органов поступило на утверждение 21 требование о выдаче граждан Казахстана иностранными государствами. Из них 13 было поддержано и направлено в центральный аппарат Генеральной прокуратуры, а 8 — возвращено инициаторам для соответствующего оформления по причине нарушений требований ст. 58 Минской конвенции, ст. 529 УПК Казахстана и п. 6 Приказа Генерального прокурора Казахстана № 20–97. Г. К. Утибаев пишет: «Имеются случаи вывоза граждан, задержанных в Российской Федерации, конвоем государств СНГ без обращения о выдаче в Генеральную прокуратуру России... Вызывает беспокойство нарушение сроков, установленных Конвенцией (Минской. — В. В.) для этапирования выданных преступников»²⁰⁶.

²⁰⁶ Утибаев Г. К. Прокурорский надзор за применением международных договоров и обеспечением прав иностранных граждан и юридических лиц в Казахстане // Прокурорская и следственная практика. М., 1999. № 3–4. С. 132–137. По данным МВД России в 1997 г. по вине запрашивающей стороны Россия неправомерно выдала

По причине нарушений предписаний международных договоров по вопросам выдачи и норм национальных УПК имеются необоснованные объявления международного розыска лиц, виновность которых не доказана. Так, следователем СО Капшатайского ГОВД Казахстана был объявлен международный розыск Назарова по подозрению в совершении умышленного убийства, хотя доказательств в отношении него по делу не приведено. Аналогичным образом УВД г. Талдыкургана было принято решение о международном розыске Сапаргалиева, Алдабергенова, Чамчидинова, Саянчи. В отношении Сапаргалиева и Алдабергенова уголовные дела были уже прекращены, Саянчи — осужден, а виновность Чамчидинова — не доказана.

Нарушение правил заключения под стражу выдаваемых лиц и сроков их содержания под стражей Г. К. Утибаев объясняет отсутствием материальных средств и сложностями процедур передачи заключенных под стражу лиц. Г. К. Утибаев приводит примеры нарушений: гражданка Российской Федерации Дунаева, объявленная в межгосударственный розыск, была задержана сотрудниками Енбекшиказахского РУВД Алма-Атинской области 20 апреля 1998 г., срок ее содержания под стражей был продлен Генеральным прокурором России до 3 месяцев, а передача Дунаевой прибывшему из России конвою была завершена лишь 30 августа 1998 г., т. е. по истечении 4 месяцев 10 дней с момента задержания. В 1998 г. сотрудниками российской милиции с территории Карасарайского района Алма-Атинской области без документов и всяких оснований был вывезен несовершеннолетний Штырец, а из России сотрудниками Талгарского РОВД Казахстана — Матвиенко.

Обращает на себя внимание, что прокурор Утибаев употребляет термин «межгосударственный розыск» вместо принятого мировой практикой «международного розыска». Этот термин введен в обращение Генеральной прокуратурой РФ применительно к сотрудничеству стран СНГ на основе Минской конвенции. Такое различие лишь прибавило проблем с осуществлением розыска скрывшихся обвиняемых и осужденных. Поскольку специального раздела о меж-

73 лица. См.: Чайка Ю. Я. Сотрудничество правоохранительных органов стран СНГ: состояние и перспективы // Прокурорская и следственная практика. М., 1997. № 3. С. 10.

дународном розыске Минская конвенция не содержит, то вместо международных правил в практику взаимодействия стран СНГ стали внедряться процессуальные нормы российского УПК и предпринята попытка искусственного распространения их в качестве унифицированных уголовно-процессуальных правил всех участников Минской конвенции. Однако единообразие применения регламентирующих норм по выдаче и розыску в самой России отсутствует, а обязанность исполнять иностранные поручения с применением ее законодательства поддержки у правоприменительных органов стран СНГ не нашла. Складывается ситуация производства розыска внутри стран СНГ по единым правилам, существовавшим до распада СССР, но с нарушением процедур, установленных международными договорами между ними.

На практике лицо, запрошенное к выдаче, подвергается, как правило, задержанию на основании указания Генеральной прокуратуры РФ, после чего начинается проверка оснований для выдачи. Вследствие неурегулированности нормами УПК РСФСР исполнения требования иностранного государства об аресте в связи с выдачей единой процедуры заключения под стражу не имеется.

Практика показывает, что в лучшем случае процедура заключения под стражу сводится к составлению протокола задержания, но чаще всего не делается и этого. Место содержания арестованного лица выбирается произвольно, поскольку в следственный изолятор его не могут поместить из-за отсутствия предусмотренных ст.ст. 89, 92 и 96 УПК РСФСР процессуальных документов. Но задержание относится к мерам принуждения, решение о которых принимает каждое государство самостоятельно. На территории РФ задержание возможно только в случаях, указанных в ст. 122 РСФСР, под которые задержание выдаваемого лица не подпадает. Письменного решения о задержании иностранное государство не оформляет, и такой документ не поступает для исполнения. Исполняющая сторона в нарушение суверенитета обратившегося государства произвольно расширяет собственную уголовную юрисдикцию и принимает незаконное решение о задержании в порядке ст. 122 УПК РСФСР без всяких к тому оснований и поводов. При этом неизвестно, какое деяние совершено вообще, подпадает ли оно под понятие преступления, признает ли его таковым ходатайствующее государство,

имеются ли доказательства его совершения именно этим задержанным, каков статус задержанного в уголовном процессе иностранного государства, признан ли он обвиняемым, предусмотрена ли мера пресечения в виде заключения под стражу и избрана ли она в установленном порядке в иностранном государстве, принято ли соответствующее решение об исполнении требования иностранного государства в Российской Федерации и другие вопросы. Часто даже неизвестно, зарегистрировано ли происшествие в ходатайствующей стране.

Задержание выдаваемого лица как мера принуждения не разрешает ни одной проблемы вследствие ограниченного законодательством исполняющей страны срока, в течение которого принять решение о выдаче практически невозможно.

Международные договоры не предусматривают повторного заключения под стражу выдаваемого лица. Вместе с тем, допускается повторное требование о выдаче, выдача на время и выдача под условием, при которых выдаваемое лицо в случае окончательного решения вопроса об экстрадиции неизбежно будет вновь заключено под стражу. При этом общий срок содержания под стражей выдаваемых лиц превысит предельный, установленный конкретным международным договором.

Для устранения несоответствия установленного предельного срока содержания под стражей выдаваемых лиц фактическому необходимо предусмотреть в международных договорах РФ специальную норму, редакция которой может быть следующей:

«1. Срок содержания под стражей лица, подлежащего выдаче, не может превышать установленный настоящим договором. В случае возбуждения ходатайства о повторной выдаче, выдаче на время или выдаче под условием срок содержания под стражей выдаваемого лица исчисляется заново.

2. По истечении предельного срока содержания лица под стражей, установленного договором, исполняющая сторона принимает меры для освобождения этого лица из-под стражи с применением своего уголовно-процессуального законодательства, о чем письменно уведомляет ходатайствующее государство. В предусмотренных внутренними законами случаях (незаконном въезде в страну) освобожденный из-под стражи иностранец депортируется в страну его гражданства.»

Иностранное государство никаких претензий к выдаваемому лицу не имеет, а является лишь исполнителем просьбы другой страны о его аресте в связи с выдачей. Выдаваемое лицо подпадает под действие уголовной юрисдикции только запрашивающей страны, что сужает повод для принесения жалобы. Но защита арестованных в связи с выдачей лиц международными договорами не предусмотрена, не определены поводы, основания и порядок обжалования и рассмотрения таких жалоб. Право на защиту у запрошенного к выдаче лица возникает лишь вследствие принятия решения о его выдаче на территории страны, которой он будет выдан, после пересечения этим лицом государственной границы.

Неурегулированность этих позиций в УПК РСФСР нарушает права выдаваемых лиц на обжалование действий российских должностных лиц, связанных с процедурой исполнения требования о заключении под стражу. Не определены нормативно и полномочия судебно-следственных органов и должностных лиц. Требуется законодательное решение этих вопросов и включение в УПК норм, регламентирующих деятельность и полномочия судебно-следственных органов и должностных лиц, основания и порядок обжалования, допуск защитника.

Ходатайство о повторной выдаче возбуждается, если выданное лицо уклонится от уголовного преследования или отбытия наказания и возвратится на территорию выдавшей его страны. Предусмотренные при первоначальном запросе о выдаче документы направлять в запрашиваемое государство еще раз не требуется. Повторный запрос возможен при неосновательном и немотивированном отказе в экстрадиции, а также при ссылке на несоответствующие или не предусмотренные международным договором нормы.

Международная практика отличается разнообразием оснований для отказа в выдаче.

Согласно Европейской конвенции о выдаче отказ в выдаче, кроме указанных выше, возможен в следующих случаях:

в отношении политических преступлений или связанных с ними; запрашиваемая сторона имеет достаточные основания считать, что полученный запрос о выдаче подан с целью преследования или наказания лица в связи с его расой, религией, национальностью или политическими убеждениями (ст. 3);

запрос касается собственных граждан, признанных таковыми на момент получения требования о выдаче (ст. 6);

в соответствии с законодательством страны преступление, в связи с которым требуется выдача, считается совершенным полностью или частично на ее территории или в месте, рассматриваемом ее территорией (ст. 7);

запрашиваемым государством в отношении требуемого к выдаче лица проводится уголовное преследование в связи с преступлением, послужившим основанием для ходатайства о выдаче (ст. 8);

при наличии окончательного решения об отказе или прекращении уголовного преследования в отношении требуемого лица в связи с преступлением, по поводу которого запрошена выдача (ст. 9).

Отказ в выдаче последует и в том случае, если преступление, в связи с которым требуется выдача, наказуемо смертной казнью по закону запрашивающей страны, но смертная казнь не предусмотрена законом исполняющей страны или обычно не приводится в исполнение (ст. 11 Европейской конвенции о выдаче). Минская конвенция такого условия не содержит, однако Россия исходит из моратория о приостановлении исполнения смертных приговоров.

Дополнительными протоколами 1975 г. и 1978 г. к Европейской конвенции о выдаче установлен ряд других ограничений для экстрадиции. В частности, выдача не производится, если в третьем государстве, которое является участником Европейской конвенции о выдаче, вынесено окончательное решение по делу в связи с преступлением, являющимся предметом разбирательства в отношении требуемого лица. Принятое решение освобождает от ответственности независимо от мотива, как в процессе предварительного следствия, так и на стадии судебного разбирательства или исполнения приговора. Учитывается также применение акта амнистии, полное отбытие наказания по приговору суда или осуждение без назначения санкций.

При подписании Европейской конвенции о выдаче 1957 г. с Дополнительными протоколами 1975 и 1978 гг. и Европейской конвенции о взаимной правовой помощи по уголовным делам 1959 г. с Дополнительным протоколом 1978 г. Российская Федерация внесла ряд оговорок, касающихся выдачи. Российская Федерация оставила за собой право отказать в выдаче, если:

выдача лица запрашивается с целью привлечения к уголовной ответственности в чрезвычайном суде или в суде упрощенного судопроизводства либо исполнения приговора, вынесенного чрезвычайным судом или в порядке упрощенного судопроизводства (к чрезвычайным судам не относятся международные суды, полномочия и компетенция которых признаны Российской Федерацией);

имеются основания полагать, что в отношении этого лица не будут соблюдены минимальные гарантии, предусмотренные ст. 14 Международного пакта о гражданских и политических правах и ст.ст. 2–4 Протокола № 7 к Конвенции о защите прав человека и основных свобод, или выдаваемое лицо будет подвергнуто пыткам или другим жестоким, бесчеловечным или унижающим достоинство видам обращения или наказания, или выдача может повлечь серьезные осложнения по причине его преклонного возраста или состояния здоровья;

выдача может нанести ущерб суверенитету, безопасности, общественному порядку или другим важным интересам государства.

При этом определено, что характер преступлений, в связи с которыми выдача не может быть произведена, устанавливается федеральными законами РФ. Российская сторона не рассматривает в качестве «политических» ряд преступлений, признаваемых таковыми Европейской конвенцией о выдаче 1957 г. и Дополнительным протоколом 1975 г., и связанные с ними вопросы будет решать с учетом оговорок.

Относительно понятия «политические» преступления, которые не предусмотрены законодательством Российской Федерации, внесены оговорки в Европейскую конвенцию о взаимной правовой помощи 1959 г. Но оказание правовой помощи обязывает стороны обеспечить неотвратимость ответственности за совершенные преступления, подпадающие под действие этой Конвенции. Российская Федерация не принимает обязательств по искам о возмещении материального и морального ущерба, нанесенных применением временного ареста лиц, отсрочкой или отменой передачи лиц, в отношении которых принято решение о выдаче.

В Минской конвенции перечень оснований для отказа в выдаче значительно короче, чем в Европейской конвенции. Не предусмотрен отказ в выдаче в отношении политических и воинских преступ-

лений, а также связанных с решениями о выдаче третьих государств. Но ряд положений совпадает. Вместе с тем, эти Конвенции не предусматривают ряд оснований для отказа в выдаче, которые встречаются на практике. Выдача может не состояться по не зависящим от страны-исполнителя обстоятельствам: в случае смерти запрошенного к выдаче лица, тяжкого или психического заболевания. Принимая окончательный вариант Европейской конвенции о выдаче 1957 г. и Дополнительные протоколы к ней, Российская Федерация заявила ряд существенных уточнений: 1) применение ст. 3 Конвенции должно обеспечивать неотвратимость ответственности за совершение преступлений, подпадающих по действие Конвенции. Из этого следует, что направлению требований о выдаче должно предшествовать объективное расследование, в процессе которого будут установлены достаточные основания для предъявления обвинения и судебного разбирательства уголовного дела в отношении выданного лица; 2) дан перечень деяний, которые Российская Федерация не рассматривает в качестве политических преступлений и не исключает их из сферы выдачи. Перечень преступлений политического характера, приведенный в ст. 3 Европейской конвенции о выдаче 1957 г. и ст. 1 Дополнительного протокола 1975 г., Россия исчерпывающим не признает; 3) транзитная перевозка выданного лица по территории Российской Федерации разрешается при соблюдении условий, установленных для выдачи; 4) Россия выразила солидарность и согласие с мнением Правительства ФРГ, Правительства Австрии и Правительства Швейцарской Конфедерации относительно оговорки, сделанной Португалией к ст. 1 Конвенции по вопросу выдачи лиц, которые совершили преступления, наказуемые пожизненным заключением или в отношении этих лиц содержание под стражей судом избрано мерой пресечения. Российская Федерация исходит из следующего. Выдача не будет осуществляться только в том случае, если законодательством запрашивающего (исполняющего) государства не предусматривается возможность судебного пересмотра дел тех лиц, которые были осуждены на пожизненное заключение и отбыли определенную часть этого срока или находились под стражей, на предмет их условно-досрочного освобождения; 5) Российская Федерация оставила за собой право не применять главу V Второго дополнительного протокола 1978 г. Европейской конвенции о выдаче

1957 г., касающуюся центральных органов государства, назначаемых для осуществления выдачи; 6) Генеральная прокуратура РФ объявлена полномочным компетентным органом для рассмотрения вопросов о выдаче. Это положение исключит ведомственные споры о порядке направления и исполнения требований о выдаче; 7) впервые в Федеральном законе РФ установлено правило, согласно которому выданному лицу предоставлено право обжалования в суд решения о выдаче наравне с гражданами России в соответствии с законодательством Российской Федерации.

Определенная практика сложилась по вопросам розыска скрывшихся лиц. Если обвиняемый скрылся и по делу установлено, что он покинул пределы России, находится в иностранном государстве или перемещается из одной страны в другую, объявляется международный розыск. В таких случаях производство по делу приостанавливается, а поручение о розыске направляется для исполнения в НЦБ Интерпола РФ через Генеральную прокуратуру. Объем правовой помощи по уголовным делам и вопросам выдачи Европейскими конвенциями четко разграничен. Европейская конвенция о взаимной правовой помощи по уголовным делам 1959 г. установила, что эта Конвенция «не применяется к задержанию, исполнению приговора...» (п. 2 ст. 1). В связи с этим исполнение и направление международных поручений о розыске и заключении под стражу скрывшихся обвиняемых, подсудимых и осужденных возможно только при наличии оснований для выдачи. Более того, объявление в международный розыск по уголовному делу обусловлено такими же основаниями. Поэтому сотрудничество по выдаче, розыску и заключению под стражу выдаваемых лиц для привлечения к уголовной ответственности и исполнения приговора базируется на применении Европейской конвенции о выдаче.

При отказе иностранного государства выдать обвиняемого следователь должен вынести мотивированное постановление о приостановлении производства по делу. Ст. 195 УПК РСФСР такого положения не содержит, что необходимо восполнить. Решение об отказе в выдаче обвиняемого следователь письменно доводит до сведения потерпевшего, гражданских истцов или их представителей и разъясняет им право на обжалование в соответствующие органы Российской Федерации и отказавшего в выдаче государства. Следо-

ватель обязан разъяснить также соответствующие статьи Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод для обжалования решения иностранного государства об отказе в выдаче.

Генеральной прокуратурой России ежегодно разрешается множество обращений иностранных государств по вопросам выдачи.

В 1997 г.²⁰⁷ через Генеральную прокуратуру РФ было разрешено 926 требований из 20-ти стран о выдаче лиц, скрывавшихся в Российской Федерации от уголовного преследования: 14 стран — это бывшие республики СССР, 6 — расположены на разных континентах (США, ФРГ, Греция, Чехия, Корея, Бангладеш). В Управление по надзору за расследованием преступлений Генеральной прокуратуры РФ в 1995–1996 гг. поступило более 3 тыс. материалов, связанных с выдачей²⁰⁸. Выработана определенная практика осуществления взаимодействия в этом вопросе с иностранными судами и органами следствия. Однако существенное расхождение количества переданных странам СНГ лиц в 1997 г. по сведениям МВД РФ²⁰⁹ и прокуратуры РФ настораживает. Только за 7 месяцев 1997 г. из объявленных 13 498 обвиняемых, подпадающих под юрисдикцию стран СНГ, на территории России в связи с международным розыском задержано и передано обратившимся правоохранительным органам других государств службами МВД РФ 9086 человек. Из них Украине — 5637, Казахстану — 3059, Узбекистану — 821 и Азербайджану — 569, что почти в несколько раз превышает число выданных через Генеральную прокуратуру РФ за весь 1997 год. Это свидетельство невыявленных нарушений Минской конвенции и прав незаконно выданных лиц некомпетентными, неполномочными органами и нарушений международных правил выдачи и заключения под стражу в связи с выдачей.

В 1997 г. Генеральной прокуратурой РФ по 557 материалам принято решение о выдаче, по 369 — об отказе в выдаче. Из разре-

²⁰⁷ Сведения за 1997 г. приводятся по результатам изученных автором материалов Генеральной прокуратуры РФ (официальных данных о выдаче не имеется).

²⁰⁸ См.: *Выдача лиц для привлечения к уголовной ответственности или приведения приговора в исполнение: Методич. пос. / Рук. авт. коллектива Г. В. Дашков. М., 1998. С. 3.*

²⁰⁹ *Колесников В. И. Взаимодействие МВД России с партнерами по СНГ в борьбе с преступностью // Прокурорская и следственная практика. М., 1997. № 3. С. 15–18.*

шенных Генеральной прокуратурой 926 материалов об экстрадиции 638 приходится на три страны: Армению — 348, Украину — 146 и Азербайджан — 144. Разрешено также 68 обращений Узбекистана, 62 — Казахстана, 44 — Грузии, 39 — Беларуси, 26 — Молдовы, остальные — других стран.

Чаще всего требования о выдаче рассматривались на основе Минской конвенции, но применялись и двусторонние договоры РФ.

Сотрудничество по вопросам выдачи осуществлялось только в связи с общеуголовными преступлениями. Однако ходатайство Азербайджанской Республики о выдаче ее гражданина Фархана было связано с деянием, уголовное преследование по которому возможно лишь по частной жалобе. Фархан обвинялся в злостном хулиганстве, но совершенное им деяние было расценено Генеральной прокуратурой РФ делом частного обвинения, вследствие чего последовал отказ в выдаче. Конфликт был связан с квартирной проблемой. Согласно п. 1 «г» ст. 57 Минской конвенции выдача за совершение такого рода преступлений не производится.

Выданные в 1997 г. Генеральной прокуратурой иностранные граждане обвинялись в совершении на территории других государств: 61 — убийств, 16 — изнасилований, 24 — разбойных нападений и грабежей, 172 — краж, 24 — мошенничества, 11 — хулиганства, 27 — в причинении тяжких телесных повреждений, 58 — в участии в вооруженных формированиях, 45 — преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков или огнестрельного оружия, 109 — воинских преступлений, остальные — других уголовно наказуемых деяний. В 1999 г. и в начале 2000 г. увеличилось число требований о выдаче в связи с незаконным оборотом наркотиков и огнестрельного оружия, а также связанных с совершением «компьютерных преступлений в финансовой сфере», ранее единичных.

По сравнению с 1997 г. к 2000 г. общее количество удовлетворенных требований о выдаче утроилось.

Достаточно четко просматривается локализация скрывавшихся на территории России иностранных обвиняемых. В основном для пребывания они выбирали центры Российской Федерации — Москву, Санкт-Петербург и Ленинградскую область, Красноярский край, Свердловскую область, Екатеринбург, Сочи, Краснодар.

Как правило, требования о выдаче лиц, обвиняемых в совершении преступлений за рубежом, были соответствующим образом мотивированы и содержали необходимые процессуальные документы и сведения. Однако преобладающее число обращений Армении было направлено при отсутствии оснований для экстрадиции, вследствие чего Генеральной прокуратурой РФ в 1997 г. отклонено 214 ходатайств о выдаче этой стране из 369. Нарушения правил международных договоров допускали практически все ходатайствующие страны.

Целью подавляющего большинства требований о выдаче являлось привлечение к уголовной ответственности, и лишь единицы были связаны с исполнением приговоров судов. Так, Чижов после отмены приговора об условном осуждении был осужден белорусским судом к реальной мере наказания (лишению свободы), но от исполнения приговора уклонился и скрывался в России. К моменту рассмотрения ходатайства о его выдаче Белоруссии срок давности для исполнения приговора суда, установленный законодательством РФ, истек, и это послужило мотивом отказа выдать Чижова на основании п. «б» ст. 57 Минской конвенции.

Наличие российского гражданства более чем у четверти заявленных к выдаче лиц исключило принятие решения об их экстрадиции. Подобные обращения поступили из Армении (32), Азербайджана (17), Казахстана (12), Украины и Узбекистана (по 11), Белоруссии (4), Молдавии (3), Литвы (2) и Грузии (1). Следственные органы указанных стран гражданство этих лиц не проверяли.

Принадлежность к гражданству затребованных к выдаче лиц российскими следователями, как правило, определялась наличием у этих лиц вкладыша, выданного территориальными паспортно-визовыми службами МВД РФ на основании прописки в Российской Федерации. Отсутствие в материалах ходатайствующего о выдаче государства сведений об утрате гражданства этой страны обвиняемым при этом во внимание не принималось. Не направлялись запросы в паспортно-визовую службу МВД о прохождении процедуры приобретения гражданства и подтверждения или опровержения сведений о наличии гражданства РФ.

Граждане Азербайджана получили паспорта новых образцов, что нередко не принималось во внимание при расследовании уголовных дел.

Генеральная прокуратура РФ на основании ст. 70 Минской конвенции отказала Казахстану в транзитной перевозке Ульченкова и Мональда, скрывавшихся в Белоруссии, по причине невыдачи их Белоруссией.

По мотиву иной правовой оценки деяний, послуживших основанием для обращения о выдаче, Генеральной прокуратурой РФ в 1997 г. было отклонено 154 требования, 140 из них поступили из Армении. Несоответствие в правовой оценке содеянного служило причиной отказа в выдаче по каждому девятому требованию.

Из запрошенных к выдаче Арменией лиц 135 обвинялись в совершении на ее территории воинских преступлений, в основном в уклонении от призыва на действительную военную службу. Данные преступления доминируют и среди запрошенных к выдаче лиц Азербайджаном. Характер преступности на территории этих стран длительное время формировался под воздействием военного конфликта, связанного со статусом Карабаха. Эта проблема оказывает влияние на уголовную политику Армении и Азербайджана и поныне. Уголовная ответственность за воинские преступления в названных государствах расширена, что не отвечает целям борьбы с преступностью региона в целом, Российской Федерации в частности и не способствует оздоровлению оперативной обстановки ни в Армении, ни в Азербайджане. Невыданные граждане, как правило, остаются на территории России и пополняют преступную среду. Прозрачность границ и свободный выезд из России и въезд в Россию позволяют мигрировать этой категории граждан и использовать такую возможность, чтобы избежать уголовной ответственности. Но прослеживается и обратная зависимость, которая формирует причины для расширения транснациональной организованной преступности.

Поводом для отказа в выдаче может являться недостаточность информации. Так, характерным примером может служить требование Азербайджана о выдаче Назарова, который обвинялся в создании незаконного вооруженного формирования, хранении и ношении огнестрельного оружия. Но в просьбе о выдаче противоправность его действий не конкретизирована, не указано место совершения преступления, т. е. не доказано право Азербайджана на осуществление уголовной юрисдикции. Дополнительных сведений, необходимых для принятия решения, Азербайджан не представил. В связи с

невозможностью дать правовую оценку действиям Назарова в его выдаче было отказано без ссылки на какую-либо норму. Договор с Азербайджаном 1992 г. регламентирует возможность требования дополнительных сведений и предписывает освободить из-под стражи запрошенное к выдаче лицо, если дополнительная информация не поступит по истечении 15 дней (ст. 69), но в перечень для отказа в выдаче такие случаи не включены. Аналогичная норма содержится в ст. 59 Минской конвенции, которой установлен месячный срок для предоставления дополнительных сведений.

В связи с непоступлением из Армении ходатайства о выдаче и необходимых процессуальных документов, предусмотренных ст.ст. 56, 58, 59 Минской конвенции, был освобожден из-под стражи Оганесян, арестованный по просьбе Армении. Оганесян содержался под стражей в ОВД МР «Хорошево-Мневники» г. Москвы. На неоднократные запросы Генеральной прокуратуры РФ о предоставлении соответствующих документов ответа не последовало. В течение 38 дней Оганесян содержался под стражей незаконно. К сожалению, Минская конвенция и другие международные договоры о правовой помощи по уголовным делам не предусматривают ответственности государства — нарушителя прав человека.

Международными договорами не предусмотрены ситуации, когда к моменту рассмотрения требований о выдаче инициаторы таких просьб приняли решение об изменении в отношении обвиняемых меры пресечения на не связанную с лишением свободы. Последствиями таких действий ходатайствующих и исполняющих государств является ущемление прав задержанных граждан.

Гражданин Молдовы Секу, задержанный в связи с розыском молдавских следственных органов в Российской Федерации, к моменту рассмотрения ходатайства Молдовы Генеральной прокуратурой РФ не являлся субъектом для выдачи. По инициативе комиссара Страшенского района Молдовы ему была изменена мера пресечения на не связанную с лишением свободы, о чем Генеральная прокуратура РФ уведомлена не была.

Сардарян, обвиняемый по ст. 75 УК Армении, на момент рассмотрения Генеральной прокуратурой РФ ходатайства о его выдаче являлся студентом Балашевского госуниверситета Саратовской области, постоянно проживал в России, но имел гражданство Арме-

нии. Учеба на очном факультете высших учебных заведений России в соответствии с законом РФ «О воинской обязанности и военной службе» дает право студенту, гражданину Российской Федерации, на отсрочку от призыва, что исключает уголовную ответственность за уклонение от призыва на военную службу. По этому основанию Сардарян не был выдан Армении. Данное решение представляется весьма спорным. Сардарян не имел гражданства РФ, проживал в России и учился в ее высшем учебном заведении как иностранец. Учеба в российском вузе не наделяет его правами и обязанностями по применению льгот наравне с российскими военнообязанными лицами в стране своего гражданства. Он как иностранец не мог быть призван на действительную военную службу в России и не являлся ее военнообязанным гражданином. Льгота от призыва на действительную военную службу может быть предоставлена только гражданину России. Освободить от призыва на военную службу в Армении гражданина Армении Россия также не вправе, ибо предоставление льготы является прерогативой суверенного государства и не может распространяться на территории чужих государств и их граждан. Данные обстоятельства ставят под сомнение обоснованность решения о невыдаче Сардаряна.

Генеральная прокуратура РФ признала необоснованным требование Армении выдать Теросяна, обвиняемого в уклонении от призыва на военную службу, причем ему была предоставлена отсрочка от призыва до 2003 г. УК РФ, в отличие от УК Армении, не предусматривает уголовной ответственности за уклонение военнообязанных от учебных сборов. Ходатайство вследствие различия правовой оценки содеянного было отклонено со ссылкой на ст. 19 Минской конвенции.

Отклонено со ссылкой на ст. 19 и п. 1 ст. 56 Минской конвенции обращение Узбекистана о выдаче Мустафаевой, обвинявшейся в мошенничестве. Генеральная прокуратура РФ обоснованно не согласилась с такой квалификацией ее действий. Конфликт возник между супругами Мустафаевыми в связи с разделом совместно нажитого имущества. Было указано, что спор относится к гражданско-правовым отношениям и не является преступлением.

По мотиву противоречия российскому законодательству со ссылкой на ст. 56 Минской конвенции не удовлетворено ходатайст-

во Узбекистана о выдаче Аликперова, обвинявшегося в нарушении правил административного надзора. Подобное деяние в Российской Федерации декриминализовано.

Обращает на себя внимание, что при несоответствии правовой оценки содеянного лицом, запрошенным к выдаче, Генеральная прокуратура в одних случаях ссылается на ст. 56 Минской конвенции, в других — на ст. 19, а в некоторых — на обе нормы.

Аналогично отказ в выдаче, если запрошенным к выдаче лицом совершено новое преступление на территории страны, где оно скрывается, Генеральная прокуратура РФ мотивирует ссылкой либо на одну из этих норм либо на обе.

Статья 56 Минской конвенции регламентирует обязательную выдачу граждан, но не отказ в выдаче. Ст. 19 Минской конвенции предусматривает не оказание правовой помощи иностранному государству по причине несоответствия национальному законодательству и по мотивам, связанным с ущемлением суверенитета и безопасности государства. Перечень оснований для отказа в выдаче изложен в ст. 57 указанной Конвенции, но ряд поводов для отклонения обращения эта статья не предусматривает. В п. 2 ст. 57 указано, что возможен отказ в выдаче, если преступление, в связи с которым требуется выдача, совершено на территории запрашиваемой договаривающейся стороны. При таких обстоятельствах исполняющая сторона полномочна использовать свое право на уголовное преследование запрошенного к выдаче лица и отклонить ходатайство заинтересованного государства. Пробельность в этой части характерна не только для Минской конвенции, но и для всех международных договоров РФ о правовой помощи по уголовным делам. Исключение составляет Договоры с Йеменом 1985 г. (ст. 29) и Алжиром 1982 г. (п. 1 ст. 29), согласно которым выдача не производится, если требуемое лицо привлечено к уголовной ответственности за новое преступление на территории исполняющей стороны, но эта процедура может быть произведена по окончании производства по делу, либо по отбытии наказания, либо в случае помилования. Причем не оговорено, акт о помиловании какой из договаривающихся стран будет приниматься во внимание при удовлетворении просьбы о выдаче. Согласно сложившейся практике применения других договоров РФ помилование, наоборот, препятствует выдаче.

Требуются внесение дополнений в норму всех договоров РФ, предусматривающую правила выдачи в случае совершения нового преступления, не связанного с выдачей, на территории исполняющего государства запрошенным к выдаче лицом. Изученная практика выдачи Генеральной прокуратуры показывает, что каждый пятый скрывшийся от уголовного преследования иностранных государств на территории России совершил в ее пределах преступление. К моменту рассмотрения ходатайств о выдаче они были осуждены российскими судами. Невыданные иностранцы остались в России отбывать наказание суда. Совершение требуемым к выдаче лицом нового преступления в пределах исполняющего государства в перечень оснований для отказа не включено ни Минской конвенцией, ни другими договорами. Но на практике такие случаи возникают довольно часто и влекут отказ в выдаче по причине осуществления уголовного преследования запрашиваемой страной с обоснованием применения национального законодательства.

При разрешении таких ходатайств применяется главным образом ст. 63 Минской конвенции: «Если лицо, выдача которого требуется, привлечено к уголовной ответственности или осуждено за другое преступление на территории запрашиваемой договаривающейся стороны, его выдача может быть отсрочена до прекращения уголовного преследования, приведения приговора в исполнение или до освобождения от наказания». Отказывая в выдаче, Россия практически не осуществляет уголовное преследование невыданных лиц на основании ст.ст. 72 и 73 Минской конвенции, за исключением единичных случаев соединения уголовных дел в одно производство с уголовными делами других стран. Передачей этих осужденных отбывать приговор в страну их гражданства решилась бы и проблема выдачи и проблема осуществления уголовной юрисдикции этими странами в отношении собственных граждан. Не практикуется выдача обвиняемых на время согласно ст. 64 Минской конвенции. Это препятствие в сложившихся условиях можно устранить принятием специального закона о выдаче и передаче осужденных иностранными судами в страну своего гражданства.

Кроме того, отбывание иностранцами наказания в местах лишения свободы России усугубляет проблемы ее пенитенциарной системы. Наполняемость мест лишения свободы еще более возрастет,

что не обеспечивает необходимых условий содержания осужденных и может повлечь ущемление их прав. Увеличение затрат на содержание заключенных обременяет и без того скудный бюджет России. Передача таких осужденных в страну своего гражданства для отбывания наказания по приговору российских судов способствовала бы решению и этих проблем.

Например, Титович подпадал под основания для выдачи Белоруссии в связи с совершением на ее территории умышленного убийства приотягчающих обстоятельствах. Генеральная прокуратура РФ со ссылкой на ст.ст. 19 и 63 Минской конвенции отказала выдать Титовича по мотиву признания его виновным приговором Смоленского областного суда в совершении в России кражи и умышленного убийства трех лиц. Но после вступления приговора российского суда в отношении Титовича в законную силу можно было поставить вопрос о его передаче отбывать наказание в Белоруссии, которая получила бы возможность осуществить право на его уголовную юрисдикцию по совершенному преступлению на ее территории.

Аналогичным образом Генеральной прокуратурой РФ разрешены ходатайства Белоруссии в отношении Медюжка и Тараковича, Казахстана — Паримчука и других, осужденных российскими судами к лишению свободы в связи с преступлениями, совершенными в пределах России.

Генеральная прокуратура РФ при решении об отказе в выдаче нередко ссылается не на статью международного договора, а на законодательство Российской Федерации, что недопустимо.

Дабрундашвили обвинялся Грузией в связи с нарушением правил административного надзора, не наказуемым в уголовном порядке по УК РФ. Отказ выдать Дабрундашвили Генеральной прокуратурой РФ мотивирован ст. 63 Конституции РФ и ст. 56 Минской конвенции. Применение ст. 63 Конституции в данной ситуации допустимо в качестве обоснования, но не мотива для отклонения ходатайства. Правильнее было бы сослаться на ст. 19 Минской конвенции.

Карпичев, бывший сотрудник КГБ Латвийской ССР, скрывался в России в связи с уголовным преследованием Латвией по политическим мотивам. Карпичев заявил, что преступления не совершал и обратился в РФ с заявлением о предоставлении политического убежища. Было принято решение об отказе в выдаче, основанное на

применении ст. 63 Конституции РФ. Договором с Латвией о правовой помощи 1993 г. предоставление политического убежища перечнем оснований отказа в выдаче не предусмотрено (ст. 62).

Практика Генеральной прокуратуры пробел международных договоров РФ в этой части восполняет непосредственным применением положений Конституции и другого законодательства Российской Федерации, основанного на конституционных нормах. Преимущество получает применение национального законодательства, но лишь как обоснование решения. Вместе с тем, в данном случае отказ в выдаче последовал прежде, чем Карпичев получил политическое убежище в России, то есть ранее наступления правовых оснований быть не выданным. Такая практика вряд ли соответствует понятию законности. Представляется, что решение о выдаче должно быть увязано с фактическим предоставлением политического убежища. Юридическим актом для применения в такой ситуации является указ Президента РФ «Об утверждении Положения о порядке предоставления Российской Федерацией политического убежища» от 21 июля 1997 г. № 746. Федерального закона о политическом убежище Россия не имеет. Некоторые международные договоры РФ предоставление политического убежища прямо указывают в качестве основания для отклонения ходатайства о выдаче. Такие положения содержат Договоры: с Азербайджаном 1992 г. (п. 1 ст. 62), Албанией 1995 г. (п. 1 ст. 62), Алжиром 1992 г. (п. 1 ст. 27), Грецией 1981 г. (п. 1 ст. 38), Грузией 1995 г. (п. 1 ст. 62), Ираком 1973 г. (п. 1 ст. 26), Йеменом 1985 г. (п. 1 ст. 27), Кипром 1984 г. (п. 1 ст. 38) и др. Указанные Договоры с Алжиром (п. 4 ст. 27), Ираком (п. 4 ст. 26), Йеменом (п. 4 ст. 27), Кипром (п. 2 ст. 38) вводят национальные законы в качестве механизмов, регулирующих выдачу, и предусматривают отклонение просьбы об экстрадиции на основании внутреннего законодательства исполняющего государства. Таким образом, институт выдачи непосредственно регулируется национальным законодательством, приоритет которого над нормами международного договора в данной ситуации нагляден.

Не предусмотренные для выдачи Горбачевой основания содержались в ходатайстве Казахстана. Выдача требовалась для производства с участием Горбачевой следственных действий на территории Казахстана в качестве свидетеля. На момент рассмотрения ходатайства

Горбачева находилась под стражей в связи с привлечением к уголовной ответственности за умышленное причинение вреда здоровью в России, и уголовное дело в отношении нее находилось в суде Новосибирска. Казахстану было предложено направить в РФ поручение о проведении с участием Горбачевой следственных действий.

Такое решение представляется спорным. Минская конвенция устанавливает, что допрос собственных граждан на территории других государств возможен через дипломатические представительства и консульские учреждения (ст. 12). Горбачева — гражданка Казахстана, и это правило на нее распространяется. Выдачи для производства следственных действий в качестве свидетеля не требуется, поскольку субъектами этого вида помощи являются только обвиняемые, подпадающие под уголовную юрисдикцию государства. Вместе с тем, ст. 12 Конвенции не конкретизирует правила допроса свидетелей, содержащихся под стражей, консулами иностранных государств в РФ. УПК РСФСР не содержит регулирующих эти вопросы норм. Их необходимо ввести в УПК. Подробный порядок вызова и допроса в качестве свидетелей лиц, содержащихся под стражей в другом государстве, изложен в ст. 11 Европейской конвенции о взаимной правовой помощи. Причем временная явка связана с рассмотрением дела в суде на территории обратившегося государства при неременном согласии такого лица на точно оговоренный срок при условии, если передача не увеличит срок его содержания под стражей и не связана с уголовным преследованием, а также по иным основаниям, перечень которых не приводится. При этом в п. 2 ст. 11 данной Конвенции указано, что договаривающаяся сторона может отказать в транзите собственных граждан. При наличии согласия исполняющей страны перевозка заключенных под стражу свидетелей через территорию третьих стран требует предварительного согласования на основании письменного ходатайства и разрешения на транзит третьих государств. В период пребывания на территории обратившегося государства такие свидетели пользуются гарантированным ходатайствующей стороной иммунитетом от уголовной и иной ответственности независимо от гражданства, что закреплено ст. 12 Европейской конвенции 1959 г.

Минская конвенция и другие договоры о правовой помощи не охватывают множества ситуаций, связанных с объемом правовой

помощи, основаниями для требования выдачи и отказом в ней. Не урегулированы эти вопросы в отношении выдачи беженцев, вынужденных переселенцев, не имеющих гражданства запрашивающего государства, а также лиц, преследуемых за политические убеждения. Нет четких критериев принятия решения в отношении лиц, имеющих двойное гражданство, в том числе российское.

Следует особо сказать о беженцах. Международным правом вопросы выдачи беженцев не урегулированы. Единой практики решения этих проблем не имеется. Но представляется недостаточно аргументированной практика применения аналогии по полномочиям таких лиц наравне с собственными гражданами. Проблема заключается в том, что такие граждане не утрачивают гражданства страны, откуда они выехали, и наряду с этим приобретают статус беженцев другой страны, временно принявшей их. Выезд такого лица в третье государство не может наделять его полномочиями наравне с гражданами государства, где оно скрывается от правосудия. Ходатайствующие о выдаче страны требование о выдаче таких лиц обосновывают ссылкой на принадлежность к гражданству своей страны. Представляется, что такое лицо должно считаться гражданином той страны, откуда выехало, и утратившим статус беженца страны, его предоставившей.

Минской конвенцией предусмотрено сотрудничество в отношении единственной категории граждан — собственных граждан договаривающихся стран. Беженцы и вынужденные переселенцы не упоминаются. Не содержится решений и в законодательстве РФ. Законом «О беженцах РФ» от 19 февраля 1993 г.²¹⁰ предусмотрен отказ в выдаче граждан, имеющих только статус беженцев Российской Федерации, что не может рассматриваться правилом в отношении беженцев других стран.

Генеральная прокуратура РФ отказалась выдать Армении двух граждан, преследуемых за воинские преступления, поскольку они имели статус беженцев РФ. Такое основание Минской конвенцией не предусмотрено, но решение мотивировано тем, что оно имеется в законодательстве РФ.

²¹⁰ Ведомости Съезда народных депутатов РФ и Верховного Совета РФ. 1993. № 12. Ст. 425.

Такой подход к проблеме выдачи беженцев представляется не бесспорным. Согласно ст. 1 Закона «О беженцах» беженцем не может быть признано лицо, совершившее преступление против мира, человечности или другое тяжкое умышленное преступление. Лицо утрачивает статус беженца, если оно выехало на постоянное местожительство за пределы Российской Федерации (ст. 10 Закона). Вопрос об утрате статуса беженца должен решаться аналогичным образом и при выезде получивших статус беженца граждан из пределов других государств, признавших таких граждан беженцами. Въезд на территорию России подобных категорий граждан автоматически не наделяет их правами для получения статуса беженца. Однако часто Россия предоставляет таким лицам статус беженцев, ставит их в льготное положение в некоторых социальных вопросах даже перед собственными гражданами, а в вопросах выдачи приравнивает к российским гражданам, предпринимая отклонение ходатайств. Представляется, что такая практика противоречит Закону «О беженцах», предписывающему Федеральной миграционной службе России лишать статуса беженца лиц, умышленно сообщивших ложные сведения, послужившие основанием для признания их беженцами. Так, гражданин Азербайджана Саркисов бежал на территорию Армении по причине преследования за расовую принадлежность и получил в этой стране статус беженца, а затем добровольно по собственному желанию покинул пределы Армении и прибыл в Российскую Федерацию. Для признания такого гражданина беженцем Россией никаких оснований и поводов не имеется, поскольку Армения никаких неправомерных действий в отношении него не производила и за пределы своего государства не выдворяла. Получение статуса беженца без проверки оснований выезда из Армении и приводит к необоснованным решениям о статусе беженца. Вопросы сотрудничества России с другими государствами по вопросам беженцев указанным Законом не урегулированы и отнесены к международным договорам (ст. 15). С Арменией такого договора Россия не имеет.

Ходатайство Армении о выдаче Мкртычана, обвиняемого в уклонении от призыва на действительную военную службу, не содержало достаточных сведений для принятия решения, но было отклонено Генеральной прокуратурой РФ со ссылкой на статус беженца Мкртычана. Мкртычан бежал в Армению из Азербайджана и в

г. Камо получил статус беженца, затем выехал из Армении и скрывался в России. При таких условиях он на день рассмотрения ходатайства утратил статус беженца Армении. Не проявив намерения стать гражданином Армении, он остался гражданином Азербайджана, что исключало его призыв на действительную службу в Армении и уголовную ответственность за уклонение от призыва. Согласно ст. 56 Минской конвенции обязательной выдаче подлежат при наличии соответствующих оснований только собственные граждане ходатайствующей страны, подпадающие под ее юрисдикцию. Мкртычан под эту категорию граждан не подпадает, но и беженцем Армении и России не является. Отказ в выдаче Армении должен быть мотивирован отсутствием в его действиях признаков уголовно наказуемого деяния и гражданства Армении.

Без согласия запрашиваемой стороны выданное лицо нельзя привлечь к уголовной ответственности или подвергнуть наказанию за не связанное с выдачей преступление, а также такое лицо не может быть выдано третьему государству. Согласия выдавшей обвиняемого страны на привлечение к уголовной ответственности за указанное преступление не требуется, если это лицо не покинет территорию запрашивающей страны или возвратится туда добровольно до истечения одного месяца после окончания производства по делу, а в случае осуждения за преступление, в связи с которым оно было выдано, — до истечения одного месяца после отбытия наказания или освобождения от него. В этот срок не засчитывается время, в течение которого выданное лицо не могло покинуть территорию запрашивающей стороны не по своей вине (ст. 66 Минской конвенции).

В проекте УПК РФ международному сотрудничеству по уголовным делам посвящено три главы (гл. 51–53), представленные восемнадцатью статьями.

Положения о выдаче лиц для привлечения к уголовной ответственности и исполнения приговора суда содержатся в семи статьях проекта УПК РФ.

Следует отметить несовершенство предлагаемых в проекте УПК регламентов, отягощенных многочисленными пробелами, и ограниченных по сути указанием процессуальных действий без их конкретного раскрытия.

В проекте предлагается требование о выдаче может быть заявлено письменно на основании международного договора РФ с соответствующей страной в отношении обвиняемого (осужденного), подпадающего под юрисдикцию РФ, и должно содержать предусмотренные договором реквизиты. По уголовному делу должно быть достоверно установлено событие преступления, точное время и место его совершения и лицо, совершившее это деяние. Предлагается предоставить полномочия российским судебным-следственным органам самостоятельно направлять за рубеж требования о выдаче обвиняемых граждан, скрывшихся в другой стране после совершения преступления в Российской Федерации. В качестве основания отсрочки выдачи указывается совершение преступления затребованным к выдаче иностранцем в границах России. Согласно проекту УПК РФ предлагается установить порядок направления требований о выдаче граждан Российской Федерации (ст. 520), лиц без гражданства и с двойным гражданством (ст. 530). Но эти статьи носят отсылочный характер, конкретного решения не предлагают, а рекомендуют обращаться к положениям международных договоров РФ, ни одно из которых данную проблему не регулирует.

Бланкетный характер имеют и другие статьи предлагаемого проекта — о пределах уголовной ответственности (ст. 527), об исполнении и направлении требований о выдаче (ст.ст. 522, 523), а также по вопросам уголовного преследования (ст.ст. 524, 525). Предложение о доказательствах решено лишь частично (п. 2 ст. 525) и касается признания юридической силы доказательств, полученных за рубежом по уголовному делу, которое передается для продолжения расследования в Российскую Федерацию. Судьба доказательств, полученных с применением иностранного УПК по поручению российских судебных-следственных органов, не определена. Однако в проекте УПК не предусмотрена регламентация выдачи лиц без гражданства, постоянно проживавших на территории России до совершения преступления; беженцев; вынужденных переселенцев; лиц с двойным гражданством, одно из которых гражданство РФ, бипатридов — иностранных подданных; иностранцев, совершивших преступления в пределах России и подпадающих под ее уголовную юрисдикцию. Проект УПК не содержит также рекомендаций о порядке, процедуре и основаниях для направления требования о выдаче

скрывшихся за рубеж обвиняемых в государства, с которыми Российская Федерация не имеет договоров о выдаче.

В проекте УПК РФ предлагается норма (ст. 528), регламентирующая исполнение требования о выдаче гражданина иностранного государства, но без четкого формулирования правил с отсылкой к правилам международного договора. Не установлены сроки исполнения, полномочия должностных лиц, отсутствует регламентация их деятельности по вопросам выдачи иностранца. Международными договорами установлены определенные гарантии в отношении выдаваемого лица. Они заключаются в том, что выданные лица могут быть привлечены к уголовной ответственности только за совершение преступлений, явившихся поводом для требования выдачи и в связи с которыми эти лица выданы. При наличии доказательств о причастности таких лиц к совершению других преступлений, о которых стало известно после выдачи, возбуждается новое ходатайство о выдаче в порядке, предусмотренном международным договором.

Как действующее уголовно-процессуальное законодательство, так и проект УПК РФ не предусматривают процессуального порядка выполнения многих положений, указанных в международных договорах, что крайне осложняет их реализацию, выбор и применение соответствующей нормы. На практике создаются неразрешимые коллизии. Заключение под стражу для выдачи рекомендовано в ст. 531 проекта УПК. Возможность применения этой меры пресечения в соответствии со ст. 104 проекта УПК РФ поставлена в зависимость от срока наказания, предусмотренного санкцией статьи УК РФ. Он должен быть более двух лет лишения свободы, тогда как требование о выдаче может быть заявлено при совершении преступлений, влекущих меньший срок наказания, — не ниже одного года. В случае принятия этой нормы из сферы международного сотрудничества об экстрадиции выпадает множество преступлений и потребуются немедленная корректировка действующих международных договоров РФ.

Ни действующие международные договоры РФ, ни проект УПК не содержат конкретных норм для регулирования правил продления срока содержания под стражей в связи с выдачей, а также правил их исчисления при передаче дел в Россию из-за рубежа.

Проектом УПК не предлагается урегулирование порядка исполнения требований иностранных государств о заключении под стра-

жу лиц в связи с выдачей. Не предусмотрено, какой документ, кем должен быть составлен в связи с арестом, где и на каких условиях должен содержаться арестованный.

Представляется необходимым в проект УПК РФ внести дополнения, редакция которых может быть следующей:

«1. Все решения об исполнении процессуальных решений иностранных государств на территории Российской Федерации принимаются в форме постановлений об исполнении согласно подследственности. Генеральная прокуратура РФ выносит решение о выдаче и исполнении поручения о проверке оснований для выдачи и направляет его прокурору субъекта Федерации. Аналогичное постановление принимает и прокурор субъекта Федерации, а также непосредственный его исполнитель.

2. Срок предварительного следствия по делам, поступившим из иностранного государства, исчисляется с даты возбуждения уголовного дела в Российской Федерации. Срок, использованный за рубежом, не учитывается.

3. Срок содержания под стражей лица, в отношении которого мера пресечения в виде заключения под стражу была избрана иностранным государством, при получении данного дела для расследования в Российской Федерации предварительным следствием не учитывается. Однако фактическое нахождение под стражей засчитывается судом в срок отбытия наказания. Мера пресечения в отношении такого лица избирается заново с применением УПК РФ.

4. Решение Генерального прокурора или его заместителя о выдаче лица, подпадающего под уголовную юрисдикцию иностранного государства, является основанием для исполнения решения иностранного государства о заключении выдаваемого лица под стражу.

5. Лицо, подлежащее выдаче и заключенное под стражу на основании решения иностранного государства, вправе обжаловать решение этого государства об избрании меры пресечения и подать жалобу через Генеральную прокуратуру РФ. Решение по существу принимает страна, возбудившая требование о выдаче».

Назрела необходимость внести существенные изменения в Минскую конвенцию и основательно изучить практику применения Европейской конвенции о выдаче 1957 г. с целью предотвратить возможные коллизии. Полезно использовать опыт взаимодействия

правоохранительных органов, судов и аналитические разработки и рекомендации ученых и практиков. Требуется упрощение порядка сотрудничества и введение прямых контактов между учреждениями юстиции договаривающихся стран, взаимное признание приговоров иностранных судов, конкретизация порядка заключения под стражу и продления срока содержания под стражей выдаваемых лиц, исключение по возможности бланкетных правил из сферы сотрудничества и ряд других мер по совершенствованию оказания правовой помощи по уголовным делам.

5. Уголовное преследование

Решение вопросов, связанных с уголовным преследованием, возникает в случаях, когда обвиняемый после совершения преступления скрывается в другом государстве и требуется его выдача, а также при отказе в выдаче.

Согласно международным договорам каждая страна обязана по поручению другой стороны осуществить в соответствии со своим законодательством уголовное преследование собственных граждан, совершивших преступления на территории другого государства. Такая обязанность возникает у страны, отклонившей требование о выдаче собственного гражданина, в силу сложившейся мировой практики по принципу «выдай или суди». Инициатором осуществления уголовного преследования собственного гражданина за совершенное им преступление за рубежом выступает страна гражданства такого лица. Но без письменного согласия иностранного государства, под юрисдикцию которого подпадает гражданин, страна его гражданства самостоятельно осуществить уголовное преследование невыданного лица неполномочна. Происходит частичная уступка суверенитета иностранному государству с правом этой страны применять свое национальное законодательство при осуществлении уголовного преследования за совершенное преступление вне ее границ. Согласование уголовного преследования производится через центральные органы, указанные в международных договорах РФ. Таким органом на территории Российской Федерации является Генеральная прокуратура.

Правила уголовного преследования зафиксированы в ст. 72 Минской конвенции, ст. 6 Европейской конвенции о взаимной пра-

вовой помощи по уголовным делам и в других договорах и могут применяться при условии, что лица, ответственные за преступления, на момент просьбы подпадают под юрисдикцию запрашивающей стороны. Эти нормы не применяются в отношении воинских и политических преступлений или преступлений, совершенных в связи с преследованием за политические, религиозные убеждения, расовую и национальную принадлежность (ст. 2 Европейской конвенции).

Если преступление, по которому возбуждено дело, влечет за собой гражданско-правовые требования лиц, понесших ущерб от преступления, то при наличии их ходатайства иски о возмещении ущерба рассматриваются в данном деле (ст. 72 Минской конвенции).

Поручение об осуществлении уголовного преследования должно быть письменным и содержать все предусмотренные международным договором реквизиты. К запросам в обязательном порядке прилагаются заявления потерпевших по уголовному делу и заявления о возмещении ущерба, доказательства по делу, собранные материалы для уголовного преследования. Необходим также перевод материалов уголовного дела на язык, определенный международным договором. Доставку содержащегося под стражей обвиняемого в принимающую страну осуществляет передающее государство (п. 4 ст. 73 Минской конвенции). Аналогичные предписания содержатся в других международных договорных обязательствах РФ. Правила процессуального оформления поручений изложены в ст. 73 Минской конвенции. Поводы и основания для взаимного осуществления уголовной юрисдикции в отношении собственных граждан во многом совпадают с поводами и основаниями для выдачи. Наказуемость деяния в уголовном порядке, предусмотренная обеими договаривающимися сторонами, раскрытие преступления к моменту передачи полномочий на уголовное преследование стране гражданства обвиняемого лица, наличие убедительных доказательств о совершении этим лицом преступления на территории иностранного государства, установление времени его совершения, наличие документально подтвержденного гражданства принимающей страны у обвиняемого, размер причиненного преступлением ущерба — наиболее значимые из требований к поручениям об уголовном преследовании. Существенные различия с другими международными актами РФ изложены в Дополнительном протоколе 1980 г. к Договору с Польшей 1957 г.,

в Договоре с Монголией 1988 г., коими обязанность осуществления преследования распространяется и на такие правонарушения, которые по законам запрашивающей договаривающейся стороны рассматриваются как преступления, а по законам запрашиваемой стороны — лишь как административные проступки.

Страна, передающая право на уголовное преследование, обязана в соответствии со своим уголовно-процессуальным законодательством возбудить уголовное дело и выполнить соответствующий объем следственных действий, который подтверждает законность уголовного преследования этой страной и возможность его продолжения в стране гражданства обвиняемого.

Возбужденное уголовное дело направляется для дальнейшего расследования в иностранное государство, под юрисдикцию которого передаются привлекаемые к уголовной ответственности лица, через Генеральную прокуратуру РФ.

Договором с Чехословакией 1982 г. (ст. 84), в числе прочих условий вместе с уголовным делом требуется направить доказательства (вещественные) и иные приложения. Договор с Финляндией 1978 г. предусматривает возможно точное описание внешности лица, подлежащего привлечению к уголовной ответственности, полные сведения о его личности, местожительстве, местопребывании, юридическую квалификацию совершенного преступления (ст. 26). Приложение фотографий и отпечатков пальцев обязательно при направлении поручения об уголовном преследовании в процессе оказания помощи согласно ст. 60 Договора с Молдовой 1993 г.

Полномочия по санкционированию этапирования предоставлены должностным лицам в пределах каждой договаривающейся стороны, осуществляющим надзор за расследованием дела. В Российской Федерации эти функции возложены на территориальных надзирающих прокуроров субъектов Федерации. Аналогичным образом этот вопрос решен Договорами с Литвой 1992 г. (п. 2 ст. 60), Латвией 1993 г. (п. 2 ст. 60), Киргизией 1992 г. (п. 2 ст. 60) и другими международными актами РФ. Уголовное преследование собственных граждан ограничено преступлениями, влекущими выдачу.

Как правило, сторона, принимающая окончательное решение по завершению уголовного преследования, включая рассмотрение уголовного дела судом, должна письменно уведомить о результатах

другую договаривающуюся сторону и выслать копию процессуального документа (постановление, определение, приговор).

Договором с Монголией 1988 г. (ст. 74) в качестве последствий осуществления уголовного преследования зафиксировано императивное требование. Заключается оно в запрете возбуждения и обязанности прекращения возбужденного уголовного дела страной, передавшей свое уголовное дело в другое государство, при условии, что следственными или судебными органами этого иностранного государства преследование завершено и по делу принято окончательное решение (о прекращении уголовного дела, вынесении приговора, вступившего в законную силу, и иного).

Определенные сложности возникают в отношении обвиняемых с двойным гражданством. Согласно сложившейся мировой практике, которой следует и Россия, право на уголовное преследование обвиняемого страной места совершения преступления, имеющего гражданство нескольких стран, не может быть поручено третьей стране, гражданства которого это лицо не имеет. Если обвиняемый имеет гражданство трех государств на законных основаниях, в том числе Российской Федерации, то может возникнуть коллизия требований на его уголовное преследование при совершении этим лицом преступлений в пределах территорий стран его гражданства. Каждая страна будет реально иметь возможность привлечь такое лицо к уголовной ответственности только при нахождении обвиняемого на собственной территории. Вместе с тем, дальнейшее преследование такого лица, покинувшего пределы любого из этих государств, обусловлено обязанностью его защиты за рубежом согласно внутригосударственному законодательству и тесно связано с институтом невыдачи как собственного гражданина. Такой обвиняемый имеет реальную возможность умышленно скрываться от уголовной ответственности, постоянно перемещаясь по территориям стран своего гражданства. В настоящее время эта правовая коллизия не решена. Право российских граждан иметь двойное гражданство усложняет решение вопросов уголовного преследования и выдачи. Европейская конвенция о выдаче и Европейская конвенция о взаимной правовой помощи принадлежность к гражданству практически сводят не к правовым, а к субъективным факторам — мнению бипатридов, а также политическим мотивам.

Расследование переданных в другую страну дел производится с применением законодательства страны, принявшей дело к производству. Полученные доказательства в другой стране признаются такими наравне с собственными, если при их установлении не была нарушена процедура, определенная его отечественным законом. В УПК РСФСР этот вопрос не решен.

Российская Федерация уголовную юрисдикцию осуществляет, исходя из положений уголовного закона, обусловленных принципом гражданства и принципом территориальности (местом совершения преступления). Право уголовного преследования собственных граждан Россия полномочна осуществлять независимо от того, на территории какого государства они совершили преступное деяние.

Если наряду с другим гражданством данное лицо имеет гражданство России, то оно признается гражданином РФ и находится под ее покровительством и защитой. Российская Федерация при таких обстоятельствах обязана возбудить уголовное преследование в отношении своего гражданина и расследовать преступление, совершенное им за рубежом. В этом случае он не может быть выдан третьему государству и подлежит уголовной ответственности за преступление, совершенное вне пределов России, как ее собственный гражданин. Принадлежность к гражданству должна подтверждаться документами, прилагаемыми к уголовному делу.

Применение уголовного закона в отношении лиц, совершивших преступления на территории Российской Федерации, регламентировано ст. 11 УК РФ. При этом обязанность на осуществление уголовной юрисдикции государство доказывает путем установления места совершения преступления в процессе его расследования.

Одновременное действие двух принципов — территориального и гражданства — изначально содержит в себе коллизию, поскольку создает возможность двойной ответственности. Иностранец на территории другой страны оказывается под двойным подчинением. Он подпадает под юрисдикцию государства пребывания — территориальный принцип, и личной юрисдикции, то есть государства, гражданином которого он является.

Каждое государство самостоятельно устанавливает предел ответственности в отношении собственных граждан, совершивших преступления за рубежом.

Анализ практики позволяет сделать вывод, что фактическое преимущество имеет территориальная юрисдикция. Двойная ответственность, как правило, не применяется. Но в ряде стран перечень преступлений, за которые наступает уголовная ответственность за рубежом, ограничен. Так, УК ФРГ их насчитывает лишь 13, а в Японии в их число входит лишь ряд тяжких преступлений — убийство, разбой, изнасилование и т. п.

Поэтому в отношении лиц, совершивших преступления за границей, может быть принято одно из следующих решений:

привлечение к уголовной ответственности с последующей ее реализацией по закону места совершения преступления;

осуждение по месту совершения преступления с последующей передачей осужденного в страну гражданской принадлежности для исполнения приговора;

выдача обвиняемого государству, гражданином которого он является, для решения вопроса о привлечении его к ответственности по национальному законодательству.

Однако международные договоры недостаточно четко регламентируют порядок направления материалов дела для продолжения уголовного преследования. Не установлены основания для передачи дел, не определен порядок исчисления срока предварительного следствия и содержания под стражей выдаваемого лица, возможность включения в него срока, использованного иностранным государством, порядок продления срока следствия и содержания под стражей. Неурегулированность этих вопросов особые трудности создает по групповым делам, по которым обвиняемые содержатся под стражей, но дело не может быть окончено в связи с розыском скрывшегося за рубеж одного из обвиняемых.

Установленный ст. 72 Минской конвенции порядок уголовного преследования и расследования преступлений, совершенных гражданами одной страны в любой другой — участнице этой Конвенции, создает ряд проблем. Расследование такого дела возможно только при содействии страны, по поручению которой осуществляется уголовное преследование. При этом бремя доказывания возлагается на страну, гражданином которой это лицо является. Необходимо выработать в этом вопросе приемлемые для договаривающихся стран условия, при которых передающая свои полномочия по осуществле-

нию уголовной юрисдикции страна была бы обязана доказать при расследовании событие преступления, собрать достаточные доказательства и предъявить обвинение, допросить основных свидетелей и выполнить необходимые действия с участием потерпевшего. Пункт 1 ст. 72 и ст. 73 Минской конвенции допускает передачу уголовных дел для дальнейшего расследования и в отношении подозреваемых (п. 1 «д» ст. 73). При этом должен быть установлен предельный срок содержания под стражей обвиняемых в суммарном исчислении общих, а также отдельно для каждой стороны. Кроме того необходимо предусмотреть порядок осуществления защиты по законодательству каждой страны во время нахождения обвиняемого на их территориях.

Отказ выдать обвиняемого обязывает государство в соответствии с правилами международного договора решить вопрос об ответственности невыданного обвиняемого. Но это положение распространяется только на собственных граждан договаривающихся стран. Согласно ст. 72 Минской конвенции уголовное преследование собственных граждан осуществляется по просьбе иностранного государства, на территории которого совершены преступления. Порядок направления уголовных дел определен ст. 73 Минской конвенции. Расследование таких дел продолжается с применением законодательства принимающей страны.

Каждая страна при расследовании преступлений и рассмотрении уголовных дел судами учитывает предусмотренные законодательством сторон смягчающие и отягчающие ответственность обстоятельства, независимо от того, на территории какой страны они возникли.

Об окончательном решении по делу направляется уведомление. Если ходатайство об уголовном преследовании возбуждено после вступления в силу приговора или окончательного решения иностранного государства, уголовное дело не может быть возбуждено в другой стране, а возбужденное дело подлежит прекращению.

При обвинении одного лица или группы лиц в совершении нескольких преступлений, дела о которых подсудны судам двух или более сторон, рассматривать их компетентен суд той страны, на территории которой окончено предварительное расследование. В этом случае дело рассматривается по правилам судопроизводства этой страны.

6. Передача предметов

В процессе расследования уголовных дел возможны ситуации, когда предметы, имеющие существенное значение для установления обстоятельств преступления, оказываются за пределами государства.

Международными договорами установлены процедуры истребования таких предметов из других государств. Стороны обязуются по просьбе передавать друг другу:

предметы, которые были использованы при совершении преступления, влекущего выдачу лица в соответствии с международным договором, в том числе орудия преступления;

предметы, которые были приобретены преступным путем или получены в качестве вознаграждения за него, или же предметы, которые преступник получил взамен предметов, приобретенных таким путем;

предметы, которые могут иметь значение доказательств в уголовном деле.

Такие предметы передаются и в том случае, когда выдача преступника не может быть осуществлена вследствие его смерти, побега или по иным обстоятельствам.

Если запрашиваемой стороне предметы необходимы в качестве доказательств в уголовном деле, их передача может быть отсрочена до окончания производства по делу в отношении лица, которое может быть выдано впоследствии.

Права третьих лиц на переданные предметы остаются в силе. По окончании производства по делу эти предметы должны быть безвозмездно возвращены стороне, которая их передала. Перечисленные правила предусмотрены ст. 78 Минской конвенции. Аналогичным образом эти вопросы решаются и ст. 6 Европейской конвенцией о взаимной правовой помощи по уголовным делам 1959 г.

Изъятые в ходе расследования уголовного дела предметы должны быть тщательно осмотрены с соблюдением процессуального закона, выявлены и зафиксированы их индивидуальные признаки, в необходимых случаях проводится опознание. Предметы надо соответствующим образом упаковать. Принятие решения о признании их вещественными доказательствами при наличии к тому оснований и приобщение к материалам уголовного дела обязательны. По воз-

возможности эти предметы должны быть сфотографированы, желательно в разных ракурсах, чтобы были различимы их особенности и предполагаемые следы преступления. Необходимо учитывать возможность порчи или повреждений предметов при перевозке, что обязывает следователя принять меры предосторожности.

Если предметы передаются за рубеж на время, то следует указать срок возврата. Следователь передачу предметов оформляет мотивированным постановлением, в котором отражает обстоятельства обнаружения данных предметов, их значение для установления истины по делу, принадлежность, детальное описание этих предметов и их особенностей. Предметы, изъятые из оборота страны, передаче иностранному государству не подлежат (наркотики, радиоактивные вещества, психотропные средства, огнестрельное оружие и т. д.). Но по ходатайству другого государства можно направить копии процессуальных документов, содержащих необходимые сведения об этих предметах, с приложением фотографий.

Если требуется экспертное исследование передаваемых предметов за рубежом, то вначале экспертиза проводится на территории государства, где расследуется уголовное дело.

Иногда местонахождение предметов, имеющих важное значение по делу, неизвестно, но есть основания полагать, что они вывезены за границу. В этих случаях можно использовать содействие Интерпола и направить поручение для их розыска на основе Инструкции о порядке исполнения и направления органами внутренних дел РФ запросов и поручений по линии Интерпола, утвержденной Приказом МВД РФ от 11.01.94 г. № 10. В УПК РСФСР порядок розыска предметов не предусматривается.

В проекте УПК РФ предлагается специальная статья (ст. 532) о передаче предметов, но она лишь обозначает такую возможность, не устанавливая процессуальных правил для исполнения.

Возврат иностранцам похищенных на территории России автомобилей производится в соответствии с Указанием Генеральной прокуратуры РФ «О порядке возвращения законным владельцам похищенных транспортных средств» от 11 мая 1995 г. № 15-6-95. Возвращение владельцу автомашины, признанной вещественным доказательством по делу, до принятия окончательного решения или вынесения приговора возможно только при отсутствии спора о праве

на транспортное средство. Иностранному государству автомобиль может быть выдан и по истечении срока обжалования решения о прекращении уголовного дела (п. 4 Указания). При возникновении спора о праве собственности на автомашину вопрос о ее возврате решается судом по иску заинтересованного лица (ст. 5 Указания).

7. Передача осужденных иностранными судами в страну гражданства

В настоящее время в Российской Федерации отбывают наказание около 10 тыс. осужденных иностранных граждан по приговору российских судов. За пределами России в учреждениях пенитенциарных систем других стран содержатся более 3,5 тыс. российских граждан²¹¹.

Исполнение приговоров судов иностранных государств в РФ частично регулируется постановлением Президиума Верховного Совета СССР «О мерах по выполнению международных договоров СССР о правовой помощи по гражданским, семейным и уголовным делам». Некоторые рекомендации судам изложены в Письме Министерства юстиции СССР от 9 апреля 1972 г. и в Инструкции о порядке оказания судами и органами нотариата СССР правовой помощи учреждениям юстиции иностранных государств и о порядке обращения за правовой помощью к этим учреждениям (утверждено министром юстиции СССР 28.02.72 г.). Действует также постановление Пленума Верховного Суда СССР «О вопросах, связанных с выполнением судами договоров с иностранными государствами об оказании правовой помощи по гражданским, семейным и уголовным делам» от 19 июня 1959 г. № 2. Эти документы предназначались в качестве рекомендаций судам при взаимодействии с социалистическими странами, имели узконаправленный характер и касались в основном гражданских правоотношений. Положения о порядке сотрудничества по уголовным делам повторяли правила заключенных к тому времени единичных международных договоров. Уголовно-процессуальное законодательство России сотрудничество по испол-

²¹¹ *Ерохин В. И.* Вопросы передачи осужденных для дальнейшего отбывания наказания // Актуальные проблемы прокурорского надзора: Сборник статей. Вып. I / Под ред. В. В. Колмогорова. М., 1998. С. 120.

нению приговоров иностранных судов не предусматривает. Развитие таких связей происходит медленно. Практика передачи осужденных для отбытия наказания по приговорам иностранных судов в страну их гражданства пока невелика.

Россия имеет всего пять двусторонних договоров о передаче осужденных к лишению свободы иностранными судами: с Азербайджаном (1994 г.), Туркменистаном (1995 г.), Грузией (1996 г.), Финляндией (1990 г.), Латвией (1993 г.) и является участницей Берлинской конвенции о передаче лиц, осужденных к лишению свободы, для отбывания наказания в государство, гражданами которого они являются (1978 г.). Кроме того, Россией ратифицирован, но не опубликован Договор с Кипром (1996 г.), подписан, но не ратифицирован Договор с Королевством Испания (1998 г.) и также не ратифицирована Конвенция (1998 г.), участниками которой являются Россия, Белоруссия, Молдавия, Грузия, Армения, Азербайджан, Казахстан, Узбекистан, Киргизия и Таджикистан. Идет подготовка к присоединению России к Конвенции о передаче осужденных (Страсбург, 1983 г.) стран Совета Европы и Северной Америки, а также Договора с Эстонией и Литвой, странами Африки, Латинской Америки, Ближнего Востока и Азии.

В проекте УПК РФ впервые предложено закрепить основные положения о порядке взаимодействия судов. Генеральная прокуратура в лице Генерального прокурора и его заместителей названа центральным органом для посредничества по вопросам исполнения приговоров иностранных судов. Объем правовой помощи определяется международным договором, но не может выходить за пределы судебных действий, предусмотренных законодательством договаривающихся стран.

Выдачу для исполнения вступившего в силу приговора суда в отношении собственного гражданина необходимо отличать от передачи осужденного иностранца в страну его гражданства для отбытия наказания по приговору иностранного суда. Различие состоит в том, что государство полномочно требовать выдачи собственного гражданина, осужденного к лишению свободы приговором суда своей страны, если этот осужденный скрылся после вступления приговора в законную силу за рубеж. Цель требования выдачи — исполнение приговора собственной страны. Целью передачи осужденных гражд-

дан с их согласия в страну своего гражданства является отбывание наказания (лишения свободы на срок, определенный договором) по приговору иностранного суда, вступившего в законную силу. Эта категория осужденных после вынесения приговора постоянно находится в стране вынесения приговора и отбывает наказание в местах лишения свободы.

Берлинской конвенцией 1978 г. установлены следующие условия передачи таких лиц: 1) письменное ходатайство о передаче вправе возбудить обе договаривающиеся страны (ст. 5); 2) государство, подданным которого является осужденное лицо, согласно принять его для отбывания наказания по приговору суда иностранного государства и гарантирует, что это лицо не будет привлечено к уголовной ответственности за то же деяние (ст. 3). Суд иностранного государства вправе отменить приговор и после передачи осужденного с направлением дела на новое расследование или судебное разбирательство. При таких обстоятельствах решение вопроса о привлечении к уголовной ответственности представляется стране, принявшей осужденного. Страна, передавшая такое лицо, уведомляет об отмене приговора принявшее осужденного государство и направляет необходимые материалы для возбуждения уголовного преследования (ст. 15). Уголовное преследование после передачи осужденного, в отношении которого приговор отменен иностранным государством, производится по национальному законодательству принявшей его страны; 3) передаче для отбывания наказания подлежат осужденные к лишению свободы лица по приговору суда, вступившего в законную силу (ст. 2), и осужденный должен быть гражданином принимающей его страны (ст. 1); 4) исполнение приговора в отношении переданного лица, помилование производятся по законодательству принявшей его страны, действует и акт амнистии обоих государств (ст. 13).

Передача лиц, осужденных к лишению свободы, для отбывания наказания в страну их гражданства способствует интересам правосудия и возвращению лиц, отбывающих наказание, к нормальной жизни в обществе. Регулированию этих вопросов посвящена гл. 53 проекта УПК РФ, в которой изложены: основания передачи лица, осужденного к лишению свободы, для отбывания наказания в государстве, гражданином которого оно является; условия и порядок пе-

редачи; основания для отказа иностранному государству в передаче осужденного; порядок рассмотрения ходатайств о приеме гражданина Российской Федерации для отбывания наказания и порядок разрешения судом вопросов, связанных с исполнением приговора суда иностранного государства.

Основанием для сотрудничества РФ с иностранными государствами по вопросам передачи осужденных для отбывания наказания в проекте УПК РФ назван международный договор РФ. Если договорных обязательств не имеется, то предлагается передача на взаимно согласованных условиях с договаривающейся страной. Однако сформулированных положений об обязательных базовых условиях сотрудничества вне рамок договора проект УПК не содержит.

Проектом УПК предлагается Российской Федерации осуществлять взаимодействие в отношении собственных граждан, осужденных к лишению свободы за рубежом на срок, не ниже установленного международным договором РФ с конкретной страной, где вынесен приговор. Лица с двойным гражданством, имеющие и российское гражданство, признаются гражданами России, даже если они в РФ не проживали. Некоторыми договорами РФ предусмотрена передача лиц без гражданства, постоянно проживавших до осуждения на территории договаривающихся стран.

Передаче осужденного в страну, гражданином которого он является, предшествует выполнение ряда обязательных для сторон условий.

При вынесении приговора в отношении иностранца суд РФ (а равно суд иностранного государства) обязан разъяснить осужденному к лишению свободы его право отбывать наказание в стране своего гражданства, юридические последствия, связанные с процедурой его передачи в свою страну.

Инициатива запроса о передаче может исходить от самого осужденного, его законных представителей и близких родственников; государства, суд которого вынес приговор; государства, гражданином которого является осужденный, в лице полномочных центральных органов этих стран. Но непременным условием при всех указанных вариантах является письменное согласие на передачу самого осужденного, а также согласие обеих стран на его передачу и принятие. Просьба осужденного и полномочных лиц может быть обращена

на письменно как к стране вынесения приговора, так и к принимающей. Но ходатайство для принятия такого решения направляется в государство вынесения приговора.

Предусмотрены определенные требования по оформлению и содержанию ходатайства о передаче осужденного. К ходатайству прилагаются документы согласно перечню, установленному международным договором. Как правило, такими документами являются: копии приговора и судебных решений о вступлении его в силу, сведения об отбытии части наказания и оставшейся для отбытия, данные об исполнении дополнительного наказания, если оно было назначено, тексты статей УК, на основании которых лицо осуждено, письменное согласие осужденного на отбытие наказания в стране своего гражданства, согласие ходатайствующего государства принять осужденного, а вынесшего приговор — передать это лицо.

Решение о передаче осужденного в страну его гражданства принимает государство, где вынесен приговор, вступивший в законную силу. Свое решение — согласие или отказ — это государство выражает письменно, о чем сообщает осужденному или его законному представителю и принимающей стороне.

Прооба о передаче осужденного иностранца поступает в Генеральную прокуратуру РФ, которая направляет представление и поручает проверку оснований для передачи соответствующему суду РФ с учетом подсудности. Суд рассматривает совокупность вопросов, необходимых для принятия решения о передаче иностранца отбывать наказание в свою страну. Наличие таких оснований или их отсутствие суд излагает в постановлении, вынесенном в судебном заседании. Проверочные материалы вместе с уголовным делом направляются в Генеральную прокуратуру РФ, которая и принимает окончательное решение.

Вопросы, касающиеся отбывания наказания по приговору иностранного суда гражданином РФ, российские суды рассматривают дважды. Первоначально проверяются указанные основания для передачи, а после решения Генерального прокурора о принятии осужденного суд выносит решение об исполнении приговора иностранного суда на территории Российской Федерации. Подсудность зависит от места проживания осужденного россиянина до вынесения приговора иностранным судом. Суд не полномочен входить в суще-

ство принятого за рубежом решения о виновности или невиновности осужденного, правовой оценке его действий, мере наказания и по другим вопросам, разрешаемым при постановлении приговора суда. Эта процедура специально предназначена для оказания правовой помощи иностранным судам по исполнению вынесенных приговоров в отношении граждан России и постоянно проживавших на ее территории лиц без гражданства. Судьи принимают решения единолично в открытом судебном заседании в отсутствие осужденного, но с обязательным уведомлением его или его законных представителей о времени и месте рассмотрения представления Генерального прокурора. В судебное заседание не допускается и защитник осужденного. Вместе с тем, в разбирательстве принимает участие прокурор, который дает заключение по предмету рассмотрения дела. Ход судебного заседания фиксирует секретарь в протоколе и подписывает его вместе с судьей.

По результатам рассмотрения судья выносит мотивированное постановление об исполнении приговора или отказе его исполнить со ссылкой на соответствующие статьи УПК и положения международного договора, указывает вид и срок основного и дополнительного наказаний, которые осужденный обязан отбыть на территории РФ, определяет вид исполняющего наказание учреждения. Если по УК РФ за данное преступление предельный срок меньше, чем назначенный по приговору иностранного суда, то суд определяет для отбывания максимальный срок лишения свободы, предусмотренный УК РФ. Если передаваемое лицо осуждено за рубежом за совершение нескольких преступлений, то суд РФ рассматривает вопрос об исполнении приговора только по тем из них, которые признаются преступлениями российским уголовным законом. Судом определяется и засчитывается в срок часть отбывания наказания за рубежом и устанавливается срок отбытия наказания для исполнения в России, а также порядок возмещения ущерба по иску.

В процессе исполнения в РФ приговора иностранного суда приговор может быть изменен или отменен в связи с актами амнистии или помилования, принятыми в государстве вынесения приговора, и решением суда принявшей осужденного страны. Вопросы исполнения пересмотренного иностранным судом приговора после передачи осужденного решаются по законодательству РФ, и согласия ино-

странного государства не требуется. Но право на пересмотр первоначального приговора зарубежного суда принадлежит государству, где приговор был вынесен.

Передача осужденных для отбывания наказания осуществляется в соответствии с правилами передачи выдаваемых лиц Министерством внутренних дел РФ по поручению Генеральной прокуратуры РФ.

В передаче иностранца, осужденного судом РФ, для отбывания наказания в государство, гражданином которого он является, может быть отказано в случаях:

ни одно из деяний, за которое лицо осуждено, не признается преступлением по законодательству страны, гражданином которой является осужденный;

наказание не может быть исполнено в иностранном государстве вследствие истечения срока давности или по иному основанию, предусмотренному законодательством договаривающихся стран;

от осужденного или от иностранного государства не получены гарантии исполнения приговора в части гражданского иска;

осужденный имеет постоянное местожительство в Российской Федерации;

не достигнуто согласия о передаче осужденного на условиях, предусмотренных международным договором. Данное положение предельно сужает возможности передачи осужденных в страну их гражданства, причем не на основе правовых актов, а по причине неурегулированности этого вопроса и международным договором и законодательством РФ. Эти пробелы предстоит восполнить в новом УПК РФ.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Комплексное изучение вопросов, касающихся применения международных норм в российском уголовном процессе, подтвердило актуальность, значимость этой тематики, выявило ряд теоретических и практических проблем.

Проведенное исследование позволяет сформулировать несколько наиболее важных выводов.

Основную роль в процессе взаимодействия суверенных государств в сфере уголовного судопроизводства выполняет развитое национальное уголовно-процессуальное законодательство, придающее позитивный характер межгосударственным правоотношениям в уголовной юстиции и определяющее эффективность взаимодействия судебно-следственных органов с зарубежными странами.

Декларативность конституционного положения об общепризнанных принципах и нормах международного права как части российской правовой системы, с одной стороны, допускает их произвольное толкование, а с другой — исключает возможность применения этих принципов и норм в уголовном процессе, поскольку они не сформулированы в законодательных актах.

Конституция Российской Федерации не обеспечила идейную и правовую основу сотрудничества во внешней сфере и не сформулировала ее конкретных принципов. Абстрактное обозначение несформулированных принципов «общепризнанные» и признание их частью правовой системы России привели к произвольному их толкованию. Предпочтение коллизионных международных норм российским создало трудности для применения на практике. При оказании правовой помощи по уголовным делам это конституционное положение вступило в противоречие с базовыми основами сотруд-

ничества, согласно которым несоответствие просьбы иностранного государства российскому законодательству исключает взаимодействие и влечет отказ в помощи.

Исследованием выявлено фактическое применение в уголовном процессе России иностранного и прецедентного права при полной неурегулированности этих вопросов в отечественном законодательстве.

Введение прецедентов в уголовное судопроизводство несовместимо с установленной ст. 1 УПК РСФСР единой процедурой производства по делу, которая обеспечивает законность и правопорядок в соответствии с требованиями российского уголовного процесса. Согласно ч. 3 ст. 69 УПК РСФСР любое нарушение формально предписанного процессуального действия влечет непризнание установленного факта доказательством и исключает его для обоснования других фактических данных и обстоятельств совершения преступления. Конституция России принятие уголовно-процессуального законодательства относит исключительно к ведению Российской Федерации (п. «о» ст. 71) и ее законодательного органа — Государственной Думы (п. 1 ст. 105). Полномочиями по ратификации и денонсации международных договоров наделена также Государственная Дума. Правоприменительные органы не вправе определять, является ли то или иное положение международного права общепризнанным и, соответственно, входит ли оно в правовую систему страны.

Общепризнанные принципы и нормы международного права — это нормы общего значения, они находят закрепление в международных договорах Российской Федерации, которые являются составной частью правовой системы России. Действие и применение общепризнанных принципов и норм международного права на территории Российской Федерации осуществляется через признание их внутригосударственным законодательством. Ратифицированный международный договор Российской Федерации как федеральный закон определяет статус содержащихся в нем общепризнанных принципов и норм и относит их также к федеральным законам.

Общепризнанные принципы и нормы международного права не могут иметь преимущества перед национальным правом уже в силу их неопределенности и несформулированности в законодательстве.

Необходимость установления самого понятия общепризнанности принципов и норм международного права и их содержания препятствует их применению, поскольку неопубликованный закон применению не подлежит согласно предписанию Конституции (ч. 3 ст. 15).

Исходя из этого конституционного положения, общепризнанные принципы международного права должны содержаться в основополагающих действующих международных договорах РФ, регламентирующих сферу уголовного судопроизводства.

Международное сотрудничество РФ по уголовным делам базируется на совокупности принципов: принципах международного права, регулирующих сотрудничество государств в целом; принципах, изложенных в международных договорах РФ об оказании правовой помощи; принципах внутреннего законодательства РФ (уголовного, уголовно-процессуального, государственного права и др.). Эти принципы — основа взаимодействия при оказании правовой помощи в сфере уголовного судопроизводства, их необходимо включить в российский Уголовно-процессуальный кодекс.

Действие каждого принципа определяется присущей только ему функцией. Принципы российского уголовного процесса не противостоят ни принципам межгосударственных правоотношений, ни принципам международных договоров Российской Федерации. Они распространяются на каждого участника уголовного процесса, обеспечивают легитимность сотрудничества судов и органов следствия договаривающихся сторон, способствуют реализации задач межгосударственной политики и оказания помощи в сфере уголовной юстиции. В этом проявляется взаимодействие норм международного права и национального уголовного процесса. При этом действие одних норм не исключает действия других. Они дополняют друг друга согласно функциональному предназначению. Принципы международного права носят общий характер и не могут заменить внутригосударственные процессуальные правила.

Международные договоры РФ о правовой помощи по уголовным делам должны заключаться только от имени Российской Федерации. Иные соглашения, в том числе межправительственные и межведомственные, не могут рассматриваться как международные договоры Российской Федерации и в качестве источников уголов-

ного процесса. Они не входят в правовую систему страны и в сфере уголовного судопроизводства применяться не должны. Международные договоры РФ вступают в силу после их ратификации, признания внутренними и международными правовыми актами и опубликования в установленном порядке в официальных изданиях России.

Применение норм международных договоров РФ должно базироваться на концептуальной идее действия и применения отраслевого права Российской Федерации с разграничением предмета регулирования на частное и публичное право. Предмет и субъект регулирования разграничивают право на отрасли, каждая из которых имеет свое функциональное назначение и в известном смысле противопоставляется другой. Классическая доктрина разделения права на отрасли не позволяет рассматривать функциональное различие между отраслями права как основания, дающие возможность приоритета одной отрасли права по отношению к другой.

Наделение права международных договоров РФ превосходством для применения при расхождении с нормами российских законов влечет нарушение концепции разделения права на отрасли и правил их применения. Происходит соподчинение отраслей права, которые в силу различия предмета регулирования не предназначены для конкуренции.

Слияние функций международного и внутригосударственного права недопустимо, ибо лишает государство собственной правовой системы и ставит в полную зависимость от международного права.

Международные договоры Российской Федерации, являясь частью международного права и составной частью внутригосударственного права, должны действовать и применяться по правилам отраслевого законодательства Российской Федерации. Решение в случае коллизий между положениями национальных нормативных правовых актов и правилами международных договоров должно приниматься на основе ст. 4, ч. 1 и 3 ст. 15, ст.ст. 16, 71 и 76 Конституции РФ. Вступившие в силу международные договоры Российской Федерации об оказании правовой помощи по уголовным делам действуют и применяются на территории Российской Федерации по правилам федеральных законов РФ.

Анализ международных договоров Российской Федерации выявил их несовершенство, бланкетный характер, неспособность восполнить пробельность национального уголовного процесса.

В уголовном судопроизводстве федеральному закону, каковым является Уголовно-процессуальный кодекс, предпочитается не однозначные по статусу международные договоры, как ратифицированные так и нератифицированные (иные правовые акты).

Конституция имеет верховенство на всей территории Российской Федерации и высшую юридическую силу, которой не надделен никакой другой закон (ч. 2 ст. 4). Ни один закон, любой нормативный акт, применяемый в Российской Федерации, не может противоречить Конституции (ч. 1 ст. 15). Федеральные законы не могут противоречить и федеральным конституционным законам (ч. 3 ст. 76 Конституции).

Статус международных договоров РФ определяет их ратификация. В силу иерархии законов и верховенства Конституции международные договоры РФ не могут противоречить Конституции, подчиняются ей. Они должны действовать и применяться согласно своему статусу: ратифицированные — по правилам федеральных законов, нератифицированные — как иные правовые акты федерального значения на всей территории России. Ратифицированные международные договоры РФ занимают более высокое место относительно нератифицированных международных правовых актов, а также законов и иных правовых актов субъектов Федерации, но не могут противоречить федеральным конституционным законам.

Международное сотрудничество Российской Федерации с другими государствами в сфере оказания правовой помощи по уголовным делам без национального уголовного процесса осуществляться не может, поскольку реализация международных договоров по условиям самих же договоров возложена на уголовное законодательство исполняющей страны. В силу этого национальное законодательство является основой для создания, средством и движущей силой для применения международных договоров. Международное право выполняет вторичную роль и носит дуалистический характер.

В современной России наметилась тенденция к переориентации доктринальных направлений в применении национального права, внедрению в него иностранного и международного права. Происхо-

дит расширение отраслевых функций международных норм и их доминирование над внутренними законами. Преобладают теории, переоценивающие значимость международного права. Утрачивается единство уголовно-процессуального закона, наблюдается произвольное расширение его источников, замена кодифицированной процессуальной формы многообразными прецедентами по образцу иностранных систем. Нет единообразия в практике применения международных договоров.

Изученная практика подтверждает, что применение международных договоров не следует установленному Конституцией Российской Федерации приоритету международных норм над российскими, а в ряде наиболее важных правил сотрудничества входит в противоречие с данным конституционным положением.

Непосредственная зависимость создания, действия и применения международного договора в целом и его норм от внутреннего права, различие их функций приводит к выводу о приоритете применения национального законодательства России в процессе сотрудничества по уголовным делам.

Генеральное правило оказания правовой помощи по уголовным делам — обязательность применения собственного уголовного процессуального законодательства и соответствие просьбы зарубежного государства законам исполняющей страны — не отражено в ч. 4 ст. 15 Конституции РФ, что препятствует развитию национального уголовного процесса.

Основой для позитивного взаимодействия сторон и выполнения ими обязательств, вытекающих из международных договоров, является непротиворечие сути просьбы иностранного государства законодательству исполняющей страны, соблюдение ее суверенитета и безопасности, точное следование установленным правилам договора ходатайствующей страной. Даже предположение об угрозе безопасности и суверенитету запрашиваемой стороны может повлечь прекращение сотрудничества. В международном сотрудничестве исполняющая сторона занимает ведущее место, и роль ее велика.

Национальное законодательство Российской Федерации не предусматривает действия иностранных законов на своей территории. Однако иностранный уголовный процесс на территории России применяется с целью получения доказательств, но только по пись-

менной просьбе запрашивающей страны. Эта позиция связана с ключевым положением сотрудничества о взаимном применении собственного уголовного процесса стран при исполнении поручений. Вместе с тем, результаты исполнения международного поручения на основе зарубежного законодательства будут использованы в уголовном процессе России, что и позволяет говорить о применении уголовно-процессуального законодательства других стран как о необходимом элементе взаимодействия российских судебно-следственных органов с иностранными учреждениями юстиции. Правовая помощь другой страны используется для получения доказательств на территории иностранных государств и принятия окончательного решения при расследовании и судебном разбирательстве уголовных дел, а также реализации функции уголовного преследования государством.

Применение внутреннего законодательства при выполнении поручений иностранных государств влечет за собой и другое следствие — применение российского процессуального закона распространяется на территорию других стран при наличии не только их добровольного на то согласия, но и письменной просьбы.

Неурегулированность применения иностранного уголовно-процессуального законодательства требует внесения дополнений в Конституцию и в УПК Российской Федерации. Такое дополнение возможно в следующей редакции: «В Российской Федерации иностранное законодательство применяется по просьбе судебно-следственных органов России на основе международных договоров РФ и вне договорных отношений в порядке, определенном законодательством РФ».

В целях соблюдения законности получения доказательств с применением иностранного уголовного закона уголовно-процессуальное законодательство России следует дополнить ориентировочно следующим положением: «В Российской Федерации допускается применение уголовно-процессуального законодательства иностранного государства, исполняющего письменное поручение судебно-следственных органов Российской Федерации на основе международного договора Российской Федерации или на условиях взаимности, в порядке, определенном соответствующей статьей УПК Российской Федерации. Факты, установленные за рубежом с применением уголовно-процессуального законодательства страны, испол-

няющей письменное поручение российских судебно-следственных органов на основе международного договора или на условиях взаимности, в порядке, установленном УПК РФ, признаются доказательствами наравне с полученными на территории Российской Федерации».

Закономерности и особенности в применении норм международного права и внутренних законов договаривающихся стран при расследовании уголовных дел зависят от таких факторов, как вид правовой помощи, особенности внутреннего законодательства, наличие договора о правовой помощи и специфика установленных им процедур, обстоятельств, возникающих по конкретным уголовным делам, взаимодействие вне договорных отношений. При этом четко прослеживается приоритет применения внутреннего законодательства исполняющих стран перед нормами международных договоров.

Субъектом международного права выступает только суверенное государство, что установлено основополагающей Венской конвенцией о праве международных договоров 1969 г. Никакие государственные органы не названы в качестве субъектов международного права. Российская Федерация как суверенное независимое государство также наделена правоспособностью заключать международные договоры с другими суверенными странами и международными организациями.

МВД, Генеральная Прокуратуры РФ и иные правоохранительные органы и суды не являются субъектами международных отношений, и заключенные ими межведомственные соглашения не подпадают под понятие международного договора РФ. В сфере уголовного судопроизводства при оказании правовой помощи по уголовным делам они применяться не должны.

Признание международным договором межправительственных и межведомственных договоров находится в коллизии с положениями в ч. 4 ст. 15, пп. «о» и «п» ст. 71, ч. 1 ст. 76 Конституции РФ.

Расширительное толкование понятия, сферы действия и применения международного договора без учета заключившего его субъекта и способа утверждения не согласуется с принципом международного права об обязательности выполнения международных договоров и ответственности за невыполнение этого предписания. Единственным субъектом ответственности при нарушении данного прин-

ципа международных отношений является только государство, что вытекает из правосубъектности государства в международных отношениях и исключает ответственность органов государства при нарушении обязательств.

В сфере уголовного судопроизводства международный договор занимает самостоятельное место, обусловленное регулятивной функцией, вытекающей как из природы договора, так и его назначения, исходя из предмета регулирования — международных отношений. В уголовном процессе международный договор как акт международного права регламентирует общие вопросы оказания правовой помощи государствами по уголовным делам. Расследование преступлений и рассмотрение уголовных дел при этом является прерогативой договаривающихся стран, реализующих право на уголовную юрисдикцию, и осуществляется их полномочными органами с применением внутренних законов и соблюдением условий применяемых договоров, которые на практике не конкурируют между собой и не восполняют пробелов УПК РСФСР, а выполняют предназначенную им функцию и должны подчиняться правилам применения публичного национального отраслевого права.

Анализ международных договоров РФ в сфере уголовной юстиции показывает их ограниченные регулятивные возможности. Правила договоров носят общий характер, не предусматривают детализации процедур оказания правовой помощи и расследования уголовных дел, не могут без национального уголовного процесса обеспечить эффективность взаимодействия или восполнить его пробелы. Вместе с тем, несовершенный международный договор оказался основным регламентирующим сотрудничество правовым актом как следствие отсутствия регулятивных механизмов в национальном российском законодательстве.

Правовые системы развитых государств отдают предпочтение в процессе сотрудничества в сфере уголовной юстиции собственным специальным законам, что полностью отвечает их национальным интересам и совпадает с обязанностью применения внутригосударственного права. По такому пути идут Финляндия, Нидерланды, США, Япония и другие государства. При этом широко применяется принцип целесообразности, который базируется на экономических возможностях.

Исходя из общих идей сотрудничества, взаимодействие РФ с другими государствами в уголовном судопроизводстве вне договорных правоотношений возможно на равных согласованных условиях и взаимности в полномочиях и выборе предмета сотрудничества.

Порядок обращения за помощью в иностранное государство может быть следующим:

в случае необходимости направления поручения о производстве отдельных процессуально-следственных действий в иностранное государство, с которым РФ не имеет международного договора, следователь, дознаватель, прокурор обращается с таким ходатайством в форме постановления в суд общей юрисдикции. Поручение оформляется в соответствии с УПК РФ;

судья единолично рассматривает ходатайство и выносит решение в виде определения, а также предусматривает возможность признания полученных за рубежом доказательств допустимыми по данному конкретному уголовному делу;

если такая необходимость возникает в ходе судебного разбирательства уголовного дела, то суд по собственной инициативе или по ходатайству потерпевшего, его представителя, подсудимого, защитника, прокурора выносит определение о направлении поручения о выполнении необходимого следственного действия. По исполнении поручения суд дает оценку полученным за рубежом доказательствам в соответствии с процедурой, установленной ст. 69 УПК РСФСР, дополненной специальным пунктом, признающим такие факты допустимыми в качестве доказательств. Окончательное решение в части признания доказательствами фактов, полученных за рубежом с применением иностранного уголовно-процессуального закона исполняющей страны, принимает суд первой инстанции в судебном заседании при рассмотрении уголовного дела по существу.

Отсутствие всеобъемлющего процессуального регулирования в международном и национальном праве порождает правовые коллизии на практике и препятствует нормальному развитию международного сотрудничества в сфере уголовной юстиции.

Не имеющая единообразия практика применения международных норм отягощена множеством разноречивых, противоречащих мировому опыту ведомственных указаний и инструкций, стремящихся восполнить пробелы сотрудничества и несовершенство меж-

дународных договоров. За сорокалетний период действия УПК РСФСР для восполнения нормативной базы, регламентирующей взаимодействие российских следственных органов и суда с зарубежными, не внесено ни одной нормы.

Полное отсутствие в УПК РСФСР норм, регулирующих оказание правовой помощи по уголовным делам иностранным государствам, исключает уголовно-процессуальное законодательство России из объектов сравнительного анализа с процедурами международных договоров. Под воздействием Конституции именно этот фактор способствует активному проникновению в российский уголовный процесс несовершенного международного и иностранного уголовного процесса, прецедентного права и процедур, не относящихся к правовым нормам. Закрепленная в Конституции концепция не отражает общей идеи международного права о значении национального законодательства как средства, предназначенного сформировать специальную нормативную внутреннюю базу, обеспечить процессуальную реализацию деятельности государства во внешней сфере и выполнение международных обязательств. Принятие такого законодательства является обязанностью РФ в силу ст. 46 Венской конвенции о праве международных договоров.

Распад СССР повлек широкомасштабные изменения мирового значения, последствия которых обнаруживаются лишь с течением времени с доминированием негативных. Существенным образом они коснулись и базовых основ межгосударственных отношений, особенно в сфере уголовной юстиции.

На волне демократизации и защиты прав и свобод личности возродилась и нашла сторонников и в России отвергнутая еще Гуго Гроцием космополитическая идея регулирования общественно-международных отношений и решения внутригосударственных проблем. Резко снизилась значимость международного права на фоне приоритета национальных интересов отдельных государств. Мировой опыт применения и развития международного права как универсального позитивного средства разрешения международных проблем в борьбе с преступностью и соблюдения интересов государств практически не учитывается. Странами с развитой экономикой нередко используются двойные стандарты в ущерб третьим странам. Игнорируются базовые принципы правоотношений государств. Уси-

ливается тенденция необоснованного расширения уголовной юрисдикции отдельных стран.

Международное право уступает место применению силы для достижения собственных целей. При этом международное право нередко выступает лишь прикрытием игнорирования интересов этих государств. Право как средство урегулирования внешних и внутренних проблем подменяется иными неправовыми категориями. Вместо сотрудничества заинтересованных государств в борьбе с преступностью на основе международного права как универсального и обязательного средства реализуется давно отвергнутая идея Иеринга о применении силы и угрозы применения силы. Происходит переориентация правовых принципов международных отношений.

Так один из наиболее проблемных вопросов, связанных с принципом самоопределения наций, провозглашенным Уставом ООН единственным правомерным средством приобретения независимости, подвергается ревизии и рассматривается в новом аспекте с использованием двойных стандартов и исключительно для иных, но не собственных, стран. Еще в 70-е гг. прошедшего столетия действия членов национально-освободительных движений не рассматривались противоправными, что нашло отражение в отечественной и зарубежной литературе²¹².

Развитие двусторонних международных связей между государствами замедлилось, что характерно и для Российской Федерации. Вместе с тем, активизировались интеграционные процессы европейского континента и сотрудничество в рамках международных организаций, посредством которых возможно подчинение воле большинства стран, не согласных с условиями конвенционных договоров. Тревожным симптомом является политизированность права, особенно заметная в уголовном судопроизводстве, что может способствовать обострению межгосударственных дискуссий и одновременно ограничению возможностей для развития внешних связей в борьбе с преступностью.

Продолжается тенденция к повышению криминогенности самой преступности и ее дальнейшей интернационализации, коррумпиро-

²¹² Галенская Л. Н. Указ. соч. С. 16–17; Игнатенко Г. В. Международная правосубъектность борющихся за независимость наций. М., 1971. С. 54–81.

ванности власти. Среди множества причин таких процессов в Российской Федерации наряду с политическими и социально-экономическими можно условно выделить ряд факторов. Российская Федерация вступает в третье тысячелетие при отсутствии правовых основ сотрудничества во внешней сфере с конституционным установлением о предпочтении коллизионных правил международных договоров нормам собственных законов. В публичное международное право внедряются базовые традиционно доминирующие основы частного международного права. Это порождает рассогласованность и неразрешимые коллизии российской конституционной иерархии нормативных правовых актов и их применения, препятствует формированию и развитию отраслевых источников права публичного характера, подменяет их кодифицированные процессуальные формы прецедентами и иностранным законодательством.

Судебная власть в России предпринимает активные и небезуспешные усилия для расширения судебной юрисдикции в уголовном процессе, что также не способствует укреплению устоев правовой системы страны и размывает конституционные разграничения между законодательной и судебной властями, вторгается в компетенцию органов правоохранительной системы с акцентом на сужение их деятельности. Предпринимаются настойчивые попытки максимально ограничить полномочия российской прокуратуры в уголовном судопроизводстве по образцу европейских стран и США. Практически полностью изменен порядок обжалования действий и решений должностных лиц, полномочных осуществлять следствие, дознание и прокурорский надзор, путем передачи большинства функций суду. Функция правосудия, которую суд осуществляет в судебной стадии уголовного судопроизводства, произвольно расширена и совмещена с рядом других, присущих органам предварительного следствия и прокурору на досудебной стадии уголовного процесса. Слияние в органе правосудия одновременно функций предварительного следствия и суда происходит при не отмененных нормах Уголовно-процессуального кодекса РСФСР, только на основе постановлений Конституционного суда РФ.

Постановления Конституционного суда РФ, имеющие статус иных нормативных правовых актов, стали фактически преобладать над действующими федеральными законами, ибо Конституционный

суд претендует на равное с конституционными положениями действие собственных решений, что входит в противоречие с установлениями Конституции о верховенстве ее норм. При этом деятельность органов предварительного следствия поставлена в прямую зависимость от принятых Конституционным судом новелл бланкетного характера, которые создают неразрешимые правовые тупики и препятствия для дальнейшего производства по уголовному делу, подменяют федеральный закон иным правовым актом, принятым не органом законодательной власти, а судом. Этим нарушается конституционное положение о разделении властей, верховенстве закона и Конституции. Происходит внедрение в уголовный процесс в качестве источников судебных прецедентов, в уголовном судопроизводстве применяется некодифицированное право, что также противоречит ст. 1 УПК РСФСР.

Совокупность названных факторов может привести к разрушению кодифицированных, четко сформулированных базовых принципов для защиты прав участников уголовного процесса и необходимых ограничений прав — обязательного института мер принуждения и важного элемента противодействия преступности и обеспечения процедур для расследования конкретных преступлений.

В условиях роста преступности и ее интернационализации совмещение судом функций, осуществляемых на предварительном следствии и в судебной стадии одновременно с фактически неограниченной судебной юрисдикцией, подчинение федерального законодательства судебным решениям, предпочтение коллизионных международных правил нормам российских законов в совокупности с другими факторами могут привести к необратимым негативным последствиям, окончательному разрушению кодифицированных основ уголовного судопроизводства и других отраслей публичного права. Складывающаяся ситуация не способствует сохранению суверенитета Российской Федерации, ущемляет ее интересы в международных отношениях и создает угрозу ее национальной безопасности.

Изученная практика сотрудничества России по оказанию помощи по уголовным делам даже с учетом несовершенства уголовной политики государства и полной неурегулированности взаимодействия в сфере уголовной юстиции подтверждает способность кодифицированного формализованного уголовно-процессуального закона

России обеспечить реализацию международных договоров. Конкретность формулировок российских процессуальных норм предполагает их точное исполнение, позволяет судить о соблюдении законности и создает преимущество перед процессуальными прецедентами, где право подстроено под ситуацию. Особое значение кодифицированной процессуальной формы проявляется в области соблюдения и обеспечения прав участников уголовного судопроизводства.

Решение проблем формирования нормативной базы для применения в сфере оказания правовой помощи иностранным государствам по уголовным делам требует единого подхода на основе единой концепции. В целях сохранения кодифицированного уголовно-процессуального законодательства и предусмотренных им процессуальных форм необходимо привести в соответствие со ст.ст. 71, 76 Конституции и ст. 1 УПК РСФСР источники уголовно-процессуального законодательства, ограничить их рамками УПК и исключить применение правил, не включенных в УПК.

Хочется надеяться, что Российская Федерация будет осуществлять уголовную политику во внешней сфере с соблюдением собственных национальных интересов на основе обновленного законодательства, в котором найдут отражение традиционные доктрины и тенденции кодифицированного российского уголовного процесса, позитивная мировая и национальная практика сотрудничества с иностранными государствами.

ПРИЛОЖЕНИЕ

КОНВЕНЦИЯ

О ПРАВОВОЙ ПОМОЩИ И ПРАВОВЫХ ОТНОШЕНИЯХ ПО ГРАЖДАНСКИМ, СЕМЕЙНЫМ И УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ

Государства — члены Содружества Независимых Государств, участники настоящей Конвенции, именуемые далее Договаривающиеся Стороны,

исходя из стремления обеспечить гражданам Договаривающихся Сторон и лицам, проживающим на их территориях, предоставление во всех Договаривающихся Сторонах в отношении личных и имущественных прав такой же правовой защиты, как и собственным гражданам,

придавая важное значение развитию сотрудничества в области оказания учреждениями юстиции правовой помощи по гражданским, семейным и уголовным делам,

договорились о нижеследующем:

РАЗДЕЛ I. ОБЩИЕ ПОЛОЖЕНИЯ

ЧАСТЬ I. ПРАВОВАЯ ЗАЩИТА

Статья 1

Предоставление правовой защиты

1. Граждане каждой из Договаривающихся Сторон, а также лица, проживающие на ее территории, пользуются на территориях всех других Договаривающихся Сторон в отношении своих личных и имущественных прав такой же правовой защитой, как и собственные граждане данной Договаривающейся Стороны.

2. Граждане каждой из Договаривающихся Сторон, а также другие лица, проживающие на ее территории, имеют право свободно и беспрепятственно обращаться в суды, прокуратуру и иные учреждения других Договаривающихся Сторон, к компетенции которых отно-

сятся гражданские, семейные и уголовные дела (далее — учреждения юстиции), могут выступать в них, подавать ходатайства, предъявлять иски и осуществлять иные процессуальные действия на тех же условиях, что и граждане данной Договаривающейся Стороны.

3. Положения настоящей Конвенции применяются также к юридическим лицам, созданным в соответствии с законодательством Договаривающихся Сторон.

Статья 2

Освобождение от уплаты пошлин и возмещения издержек

1. Граждане каждой из Договаривающихся Сторон и лица, проживающие на ее территории, освобождаются от уплаты и возмещения судебных и нотариальных пошлин и издержек, а также пользуются бесплатной юридической помощью на тех же условиях, что и собственные граждане.

2. Льготы, предусмотренные в пункте 1 настоящей статьи, распространяются на все процессуальные действия, осуществляемые по данному делу, включая исполнение решения.

Статья 3

Представление документа о семейном и имущественном положении

1. Льготы, предусмотренные статьей 2, предоставляются на основании документа о семейном и имущественном положении лица, возбуждающего ходатайство. Этот документ выдается компетентным учреждением Договаривающейся Стороны, на территории которой имеет местожительство или местопребывание заявитель.

2. Если заявитель не имеет на территории Договаривающихся Сторон местожительства или местопребывания, то достаточно представить документ, выданный соответствующим дипломатическим представительством или консульским учреждением Договаривающейся Стороны, гражданином которой он является.

3. Учреждение, выносящее решение по ходатайству о предоставлении льгот, может затребовать от учреждения, выдавшего документ, дополнительные данные или необходимые разъяснения.

ЧАСТЬ II. ПРАВОВАЯ ПОМОЩЬ

Статья 4

Оказание правовой помощи

1. Учреждения юстиции Договаривающихся Сторон оказывают правовую помощь по гражданским, семейным и уголовным делам в соответствии с положениями настоящей Конвенции.

2. Учреждения юстиции оказывают правовую помощь и другим учреждениям по делам, указанным в пункте 1 настоящей статьи.

Статья 5

Порядок сношений

При выполнении настоящей Конвенции компетентные учреждения юстиции Договаривающихся Сторон сносятся друг с другом через свои центральные органы, если только настоящей Конвенцией не установлен иной порядок сношений.

Статья 6

Объем правовой помощи

Договаривающиеся Стороны оказывают друг другу правовую помощь путем выполнения процессуальных и иных действий, предусмотренных законодательством запрашиваемой Договаривающейся Стороны, в частности: составления и пересылки документов, проведения обысков, изъятия, пересылки и выдачи вещественных доказательств, проведения экспертизы, допроса сторон, обвиняемых, свидетелей, экспертов, возбуждения уголовного преследования, розыска и выдачи лиц, совершивших преступления, признания и исполнения судебных решений по гражданским делам, приговоров в части гражданского иска, исполнительных надписей, а также путем вручения документов.

Статья 7

Содержание и форма поручения об оказании правовой помощи

1. В поручении об оказании правовой помощи должны быть указаны:

- а) наименование запрашиваемого учреждения;
- б) наименование запрашивающего учреждения;

в) наименование дела, по которому запрашивается правовая помощь;

г) имена и фамилии сторон, свидетелей, подозреваемых, подсудимых, осужденных или потерпевших, их местожительство и местопребывание, гражданство, занятие, а по уголовным делам также место и дата рождения и, по возможности, фамилии в имена родителей: для юридических лиц — их наименование и местонахождение:

д) при наличии представителей лиц, указанных в подпункте «г»), их имена, фамилии и адреса;

е) содержание поручения, а также другие сведения, необходимые для его исполнения;

ж) по уголовным делам также описание и квалификация совершенного деяния и данные о размере ущерба, если он был причинен в результате деяния.

2. В поручении о вручении документа должны быть также указаны точный адрес получателя и наименование вручаемого документа.

3. Поручение должно быть подписано и скреплено гербовой печатью запрашивающего учреждения.

Статья 8

Порядок исполнения

1. При исполнении поручения об оказании правовой помощи запрашиваемое учреждение применяет законодательство своей страны. По просьбе запрашивающего учреждения оно может применить и процессуальные нормы запрашивающей Договаривающейся Стороны, если только они не противоречат законодательству запрашиваемой Договаривающейся Стороны.

2. Если запрашиваемое учреждение не компетентно исполнить поручение, оно пересылает его компетентному учреждению и уведомляет об этом запрашивающее учреждение.

3. По просьбе запрашивающего учреждения запрашиваемое учреждение своевременно сообщает ему и заинтересованным сторонам о времени и месте исполнения поручения, с тем чтобы они могли присутствовать при исполнении поручения в соответствии с законодательством запрашиваемой Договаривающейся Стороны.

4. В случае, если точный адрес указанного в поручении лица неизвестен, запрашиваемое учреждение принимает в соответствии с законодательством Договаривающейся Стороны, на территории которой оно находится, необходимые меры для установления адреса.

5. После выполнения поручения запрашиваемое учреждение возвращает документы запрашивающему учреждению; в том случае, если правовая помощь не могла быть оказана, оно одновременно уведомляет об обстоятельствах, которые препятствуют исполнению поручения, и возвращает документы запрашивающему учреждению.

Статья 9

Вызов свидетелей, потерпевших гражданских истцов, гражданских ответчиков, их представителей, экспертов

1. Свидетель, потерпевший, гражданский истец, гражданский ответчик и их представители, а также эксперт, который по вызову, врученному учреждением запрашиваемой Договаривающейся Стороны, явится в учреждение юстиции запрашивающей Договаривающейся Стороны, не может быть, независимо от своего гражданства, привлечен на ее территории к уголовной или административной ответственности, взят под стражу и подвергнут наказанию за деяние, совершенное до пересечения ее государственной границы. Такие лица не могут быть также привлечены к ответственности, взяты под стражу или подвергнуты наказанию в связи с их свидетельскими показаниями или заключениями в качестве экспертов в связи с уголовным делом, являющимся предметом разбирательства.

2. Лица, указанные в пункте 1 настоящей статьи, утрачивают предусмотренную этим пунктом гарантию, если они не оставят территорию запрашивающей Договаривающейся Стороны, хотя и имеют для этого возможность до истечения 15 суток с того дня, когда запрашивающее его учреждение юстиции сообщит им, что в дальнейшем в их присутствии нет необходимости. В этот срок не засчитывается время, в течение которого эти лица не по своей вине не могли покинуть территорию запрашивающей Договаривающейся Стороны.

3. Свидетелю, эксперту, а также потерпевшему и его законному представителю запрашивающей Договаривающейся Стороной возмещаются расходы, связанные с проездом и пребыванием

в запрашивающем государстве, как и неполученная заработная плата за дни отвлечения от работы; эксперт имеет также право на вознаграждение за проведение экспертизы. В вызове должно быть указано, какие выплаты вправе получить вызванные лица; по их ходатайству учреждение юстиции запрашивающей Договаривающейся Стороны выплачивает аванс на покрытие соответствующих расходов.

4. Вызов свидетеля или эксперта, проживающего на территории одной Договаривающейся Стороны, в учреждение юстиции другой Договаривающейся Стороны не должен содержать угрозы применения средств принуждения в случае неявки.

Статья 10

Поручение о вручении документов

1. Запрашиваемое учреждение юстиции осуществляет вручение документов в соответствии с порядком, действующим в его государстве, если вручаемые документы написаны на его языке или на русском языке либо снабжены заверенным переводом на эти языки. В противном случае оно передает документы получателю, если он согласен добровольно их принять.

2. Если документы не могут быть вручены по адресу, указанному в поручении, запрашиваемое учреждение юстиции по своей инициативе принимает меры, необходимые для установления адреса. Если установление адреса запрашиваемым учреждением юстиции окажется невозможным, оно уведомляет об этом запрашивающее учреждение и возвращает ему документы, подлежащие вручению.

Статья 11

Подтверждение вручения документов

Вручение документов удостоверяется подтверждением, подписанным лицом, которому вручен документ, и скрепленным официальной печатью запрашиваемого учреждения, и содержащим указание даты вручения и подпись работника учреждения, вручающего документ, или выданным этим учреждением иным документом, в котором должны быть указаны способ, место и время вручения.

Статья 12

Полномочия дипломатических представительств и консульских учреждений

1. Договаривающиеся Стороны имеют право вручать документы собственным гражданам через свои дипломатические представительства или консульские учреждения.

2. Договаривающиеся Стороны имеют право по поручению своих компетентных органов допрашивать собственных граждан через свои дипломатические представительства или консульские учреждения.

3. В случаях, указанных в пунктах 1 и 2 настоящей статьи, нельзя применять средства принуждения или угрозы ими.

Статья 13

Действительность документов

1. Документы, которые на территории одной из Договаривающихся Сторон изготовлены или засвидетельствованы учреждением или специально на то уполномоченным лицом в пределах их компетенции и по установленной форме и скреплены гербовой печатью, принимаются на территориях других Договаривающихся Сторон без какого-либо специального удостоверения.

2. Документы, которые на территории одной из Договаривающихся Сторон рассматриваются как официальные документы, пользуются на территориях других Договаривающихся Сторон доказательной силой официальных документов.

Статья 14

Пересылка документов о гражданском состоянии и других документов

Договаривающиеся Стороны обязуются пересылать друг другу по просьбе без перевода и бесплатно свидетельства о регистрации актов гражданского состояния, документы об образовании, трудовом стаже и другие документы, касающиеся личных или имущественных прав и интересов граждан запрашиваемой Договаривающейся Стороны и иных лиц, проживающих на ее территории.

Статья 15

Информация по правовым вопросам

Центральные учреждения юстиции Договаривающихся Сторон по просьбе предоставляют друг другу сведения о действующем или действовавшем на их территориях внутреннем законодательстве и о практике его применения учреждениями юстиции.

Статья 16

Установление адресов и других данных

1. Договаривающиеся Стороны по просьбе оказывают друг другу в соответствии со своим законодательством помощь при установлении адресов лиц, проживающих на их территориях, если это требуется для осуществления прав их граждан. При этом запрашивающая Договаривающаяся Сторона сообщает имеющиеся у нее данные для определения адреса лица, указанного в просьбе.

2. Учреждения юстиции Договаривающихся Сторон оказывают друг другу помощь в установлении места работы и доходов проживающих на территории запрашиваемой Договаривающейся Стороны лиц, к которым в учреждениях юстиции запрашивающей Договаривающейся Стороны предъявлены имущественные требования по гражданским, семейным и уголовным делам.

Статья 17

Язык

В отношениях друг с другом при выполнении настоящей Конвенции учреждения юстиции Договаривающихся Сторон пользуются государственными языками Договаривающихся Сторон или русским языком.

Статья 18

Расходы, связанные с оказанием правовой помощи

Запрашиваемая Договаривающаяся Сторона не будет требовать возмещения расходов по оказанию правовой помощи. Договаривающиеся Стороны сами несут все расходы, возникшие при оказании правовой помощи на их территориях.

Статья 19

Отказ в оказании правовой помощи

Просьба об оказании правовой помощи может быть отклонена, если оказание такой помощи может нанести ущерб суверенитету или безопасности либо противоречит законодательству запрашиваемой Договаривающейся Стороны.

**РАЗДЕЛ II. ПРАВОВЫЕ ОТНОШЕНИЯ
ПО ГРАЖДАНСКИМ И СЕМЕЙНЫМ ДЕЛАМ****ЧАСТЬ I. КОМПЕТЕНЦИЯ**

Статья 20

Общие положения

1. Если в частях II—V настоящего раздела не установлено иное, иски к лицам, имеющим место жительства на территории одной из Договаривающихся Сторон, предъявляются, независимо от их гражданства, в суды этой Договаривающейся Стороны, а иски к юридическим лицам предъявляются в суды Договаривающейся Стороны, на территории которой находится орган управления юридического лица, его представительство либо филиал.

Если в деле участвуют несколько ответчиков, имеющих местожительство (местонахождение) на территориях разных Договаривающихся Сторон, спор рассматривается по местожительству (местонахождению) любого ответчика по выбору истца.

2. Суды Договаривающейся Стороны компетентны также в случаях, когда на ее территории:

- а) осуществляется торговля, промышленная или иная хозяйственная деятельность предприятия (филиала) ответчика;
- б) исполнено или должно быть полностью или частично исполнено обязательство из договора, являющегося предметом спора;
- в) имеет постоянное местожительство или местонахождение истец по иску о защите чести, достоинства и деловой репутации.

3. По искам о праве собственности и иных вещных правах на недвижимое имущество исключительно компетентны суды по месту нахождения имущества.

Иски к перевозчикам, вытекающие из договоров перевозки грузов, пассажиров и багажа, предъявляются по месту нахождения управления транспортной организации, к которой в установленном порядке была предъявлена претензия.

Статья 21

Договорная подсудность

1. Суды Договаривающихся Сторон могут рассматривать дела и в других случаях, если имеется письменное соглашение сторон о передаче спора этим судам.

При этом исключительная компетенция, вытекающая из пункта 3 статьи 20 и других норм, установленных частями II–V настоящего раздела, а также из внутреннего законодательства соответствующей Договаривающейся Стороны, не может быть изменена соглашением сторон.

2. При наличии соглашения о передаче спора суд по заявлению ответчика прекращает производство по делу.

Статья 22

Взаимосвязь судебных процессов

1. В случае возбуждения производства по делу между теми же сторонами, о том же предмете и по тем же основаниям в судах двух Договаривающихся Сторон, компетентных в соответствии с настоящей Конвенцией, суд, возбудивший дело позднее, прекращает производство.

2. Встречный иск и требование о зачете, вытекающие из того же правоотношения, что и основной иск, подлежат рассмотрению в суде, который рассматривает основной иск.

ЧАСТЬ II. ЛИЧНЫЙ СТАТУС

Статья 23

Правоспособность и дееспособность

1. Дееспособность физического лица определяется законодательством Договаривающейся Стороны, гражданином которой является это лицо.

2. Дееспособность лица без гражданства определяется по праву страны, в которой он имеет постоянное место жительства.

3. Правоспособность юридического лица определяется законодательством государства, по законам которого оно было учреждено.

Статья 24

Признание ограниченно дееспособным или недееспособным. Восстановление дееспособности

1. По делам о признании лица ограниченно дееспособным или недееспособным, за исключением случаев, предусмотренных пунктами 2 и 3 настоящей статьи, компетентен суд Договаривающейся Стороны, гражданином которой является это лицо.

2. В случае, если суду одной Договаривающейся Стороны станут известны основания признания ограниченно дееспособным или недееспособным проживающего на ее территории лица, являющегося гражданином другой Договаривающейся Стороны, он уведомит об этом суд Договаривающейся Стороны, гражданином которой является данное лицо.

3. Если суд Договаривающейся Стороны, который был уведомлен об основаниях для признания ограниченно дееспособным или недееспособным, в течение трех месяцев не начнет дело или не сообщит свое мнение, дело о признании ограниченно дееспособным или недееспособным будет рассматривать суд той Договаривающейся Стороны, на территории которой этот гражданин имеет место жительства. Решение о признании лица ограниченно дееспособным или недееспособным направляется компетентному суду Договаривающейся Стороны, гражданином которой является это лицо.

4. Положения пунктов 1–3 настоящей статьи применяются соответственно и к восстановлению дееспособности.

Статья 25

Признание безвестно отсутствующим и объявление умершим. Установление факта смерти

1. По делам о признании лица безвестно отсутствующим или объявлении умершим и по делам об установлении факта смерти компетентны учреждения юстиции Договаривающейся Стороны, гражданином которой лицо было в то время, когда оно по послед-

ним данным было в живых, а в отношении других лиц — учреждения юстиции по последнему месту жительства лица.

2. Учреждения юстиции каждой из Договаривающихся Сторон могут признать гражданина другой Договаривающейся Стороны и иное лицо, проживавшее на ее территории, безвестно отсутствующим или умершим, а также установить факт его смерти по ходатайству проживающих на ее территории заинтересованных лиц, права и интересы которых основаны на законодательстве этой Договаривающейся Стороны.

3. При рассмотрении дел о признании безвестно отсутствующим или объявлении умершим и дел об установлении факта смерти учреждения юстиции Договаривающихся Сторон применяют законодательство своего государства.

ЧАСТЬ III. СЕМЕЙНЫЕ ДЕЛА

Статья 26

Заключение брака

Условия заключения брака определяются для каждого из будущих супругов законодательством Договаривающейся Стороны, гражданином которой он является, а для лиц без гражданства — законодательством Договаривающейся Стороны, являющейся их постоянным местом жительства. Кроме того, в отношении препятствий к заключению брака должны быть соблюдены требования законодательства Договаривающейся Стороны, на территории которой заключается брак.

Статья 27

Правоотношения супругов

1. Личные и имущественные правоотношения супругов определяются по законодательству Договаривающейся Стороны, на территории которой они имеют совместное местожительство.

2. Если один из супругов проживает на территории одной Договаривающейся Стороны, а второй — на территории другой Договаривающейся Стороны и при этом оба супруга имеют одно и то же гражданство, их личные и имущественные правоотношения опреде-

ляются по законодательству той Договаривающейся Стороны, гражданами которой они являются.

3. Если один из супругов является гражданином одной Договаривающейся Стороны, а второй — другой Договаривающейся Стороны и один из них проживает на территории одной, а второй — на территории другой Договаривающейся Стороны, то их личные и имущественные правоотношения определяются по законодательству Договаривающейся Стороны, на территории которой они имели свое последнее совместное местожительство.

4. Если лица, указанные в пункте 3 настоящей статьи, не имели совместного жительства на территориях Договаривающихся Сторон, применяется законодательство Договаривающейся Стороны, учреждение которой рассматривает дело.

5. Правоотношения супругов, касающиеся их недвижимого имущества, определяются по законодательству Договаривающейся Стороны, на территории которой находится это имущество.

6. По делам о личных и имущественных правоотношениях супругов компетентны учреждения Договаривающейся Стороны, законодательство которой подлежит применению в соответствии с пунктами 1—3, 5 настоящей статьи.

Статья 28

Расторжение брака

1. По делам о расторжении брака применяется законодательство Договаривающейся Стороны, гражданами которой являются супруги в момент подачи заявления.

2. Если один из супругов является гражданином одной Договаривающейся Стороны, а второй — другой Договаривающейся Стороны, применяется законодательство Договаривающейся Стороны, учреждение которой рассматривает дело о расторжении брака.

Статья 29

Компетентность учреждений Договаривающихся Сторон

1. По делам о расторжении брака в случае, предусмотренном пунктом 1 статьи 28, компетентны учреждения Договаривающейся Стороны, гражданами которой являются супруги в момент подачи заявления. Если на момент подачи заявления оба супруга прожива-

ют на территории другой Договаривающейся Стороны, то компетентны также учреждения этой Договаривающейся Стороны.

2. По делам о расторжении брака в случае, предусмотренном пунктом 2 статьи 28, компетентны учреждения Договаривающейся Стороны, на территории которой проживают оба супруга. Если один из супругов проживает на территории одной Договаривающейся Стороны, а второй — на территории другой Договаривающейся Стороны, по делам о расторжении брака компетентны учреждения обеих Договаривающихся Сторон, на территориях которых проживают супруги.

Статья 30

Признание брака недействительным

1. По делам о признании брака недействительным применяется законодательство Договаривающейся Стороны, которое в соответствии со статьей 26 применялось при заключении брака.

2. Компетентность учреждений по делам о признании брака недействительным определяется в соответствии со статьей 27.

Статья 31

Установление и оспаривание отцовства или материнства

Установление и оспаривание отцовства или материнства определяется по законодательству Договаривающейся Стороны, гражданином которой ребенок является по рождению.

Статья 32

Правоотношения родителей и детей

1. Правоотношения родителей и детей определяются по законодательству Договаривающейся Стороны, на территории которой постоянно проживают дети.

2. По делам о взыскании алиментов с совершеннолетних детей применяется законодательство Договаривающейся Стороны, на территории которой имеет местожительство лицо, претендующее на получение алиментов.

3. По делам о правоотношениях между родителями и детьми компетентен суд Договаривающейся Стороны, законодательство которой подлежит применению в соответствии с пунктами 1 и 2 настоящей статьи.

Статья 33

Опека и попечительство

1. Установление или отмена опеки и попечительства производится по законодательству Договаривающейся Стороны, гражданином которой является лицо, в отношении которого устанавливается или отменяется опека или попечительство.

2. Правоотношения между опекуном или попечителем и лицом, находящимся под опекой или попечительством, регулируются законодательством Договаривающейся Стороны, учреждение которой назначило опекуна или попечителя.

3. Обязанность принять опекунство или попечительство устанавливается законодательством Договаривающейся Стороны, гражданином которой является лицо, назначаемое опекуном или попечителем.

4. Опекуном или попечителем лица, являющегося гражданином одной Договаривающейся Стороны, может быть назначен гражданин другой Договаривающейся Стороны, если он проживает на территории Стороны, где будет осуществляться опека или попечительство.

Статья 34

Компетентность учреждений Договаривающихся Сторон в вопросах опеки и попечительства

По делам об установлении или отмене опеки и попечительства компетентны учреждения Договаривающейся Стороны, гражданином которой является лицо, в отношении которого устанавливается или отменяется опека или попечительство, если иное не установлено настоящей Конвенцией.

Статья 35

Порядок принятия мер по опеке и попечительству

1. В случае необходимости принятия мер по опеке или попечительству в интересах гражданина одной Договаривающейся Стороны, постоянное местожительство, местопребывание или имущество которого находится на территории другой Договаривающейся Стороны, учреждение этой Договаривающейся Стороны безотлагательно уведомляет учреждение, компетентное в соответствии со статьей 34.

2. В случаях, не терпящих отлагательств, учреждение другой Договаривающейся Стороны может само принять необходимые временные меры в соответствии со своим законодательством. При этом оно обязано безотлагательно уведомить об этом учреждение, компетентное в соответствии со статьей 34. Эти меры сохраняют силу до принятия учреждением, указанным в статье 34, иного решения.

Статья 36

Порядок передачи опеки или попечительства

1. Учреждение, компетентное в соответствии со статьей 34, может передать опеку или попечительство учреждению другой Договаривающейся Стороны в том случае, если лицо, находящееся под опекой или попечительством, имеет на территории этой Договаривающейся Стороны местожительство, местопребывание или имущество. Передача опеки или попечительства вступает в силу с момента, когда запрашиваемое учреждение примет на себя опеку или попечительство и уведомит об этом запрашивающее учреждение.

2. Учреждение, которое в соответствии с пунктом 1 настоящей статьи приняло опеку или попечительство, осуществляет их в соответствии с законодательством своего государства.

Статья 37

Усыновление

1. Усыновление или его отмена определяется по законодательству Договаривающейся Стороны, гражданином которой является усыновитель в момент подачи заявления об усыновлении или его отмене.

2. Если ребенок является гражданином другой Договаривающейся Стороны, при усыновлении или его отмене необходимо получить согласие законного представителя и компетентного государственного органа, а также согласие ребенка, если это требуется по законодательству Договаривающейся Стороны, гражданином которой он является.

3. Если ребенок усыновляется супругами, из которых один является гражданином одной Договаривающейся Стороны, а другой — гражданином другой Договаривающейся Стороны, усыновление или его отмена должны производиться в соответствии с условиями, предусмотренными законодательством обеих Договаривающихся Сторон.

4. По делам об усыновлении или его отмене компетентно учреждение Договаривающейся Стороны, гражданином которой является усыновитель в момент подачи заявления об усыновлении или его отмене, а в случае, предусмотренном пунктом 3 настоящей статьи, компетентно учреждение той Договаривающейся Стороны, на территории которой супруги имеют или имели последнее совместное местожительство или местопребывание.

ЧАСТЬ IV. ИМУЩЕСТВЕННЫЕ ПРАВООТНОШЕНИЯ

Статья 38

Право собственности

1. Право собственности на недвижимое имущество определяется по законодательству Договаривающейся Стороны, на территории которой находится недвижимое имущество. Вопрос о том, какое имущество является недвижимым, решается в соответствии с законодательством страны, на территории которой находится это имущество.

2. Право собственности на транспортные средства, подлежащие внесению в государственные реестры, определяется по законодательству Договаривающейся Стороны, на территории которой находится орган, осуществивший регистрацию транспортного средства.

3. Возникновение и прекращение права собственности или иного вещного права на имущество определяется по законодательству Договаривающейся Стороны, на территории которой имущество находилось в момент, когда имело место действие или иное обстоятельство, послужившее основанием возникновения или прекращения такого права.

4. Возникновение и прекращение права собственности или иного вещного права на имущество, являющееся предметом сделки, определяется по законодательству места совершения сделки, если иное не предусмотрено соглашением сторон.

Статья 39

Форма сделки

1. Форма сделки определяется по законодательству места ее совершения.

2. Форма сделки по поводу недвижимого имущества и прав на него определяется по законодательству Договаривающейся Стороны, на территории которой находится такое имущество.

Статья 40

Доверенность

Форма и срок действия доверенности определяются по законодательству Договаривающейся Стороны, на территории которой выдана доверенность.

Статья 41

Права и обязанности сторон по сделке

Права и обязанности сторон по сделке определяются по законодательству места ее совершения, если иное не предусмотрено соглашением сторон.

Статья 42

Возмещение вреда

1. Обязательства о возмещении вреда, кроме вытекающих из договоров и других правомерных действий, определяются по законодательству Договаривающейся Стороны, на территории которой имело место действие или иное обстоятельство, послужившее основанием для требования о возмещении вреда.

2. Если причинитель вреда и потерпевший являются гражданами одной Договаривающейся Стороны, применяется законодательство этой Договаривающейся Стороны.

3. По делам, упомянутым в пунктах 1 и 2 настоящей статьи, компетентен суд Договаривающейся Стороны, на территории которой имело место действие или иное обстоятельство, послужившее основанием для требования о возмещении вреда. Потерпевший может предъявить иск также в суде Договаривающейся Стороны, на территории которой имеет местожительство ответчик.

Статья 43

Исковая давность

Вопросы исковой давности разрешаются по законодательству, которое применяется для регулирования соответствующего правоотношения.

ЧАСТЬ V. НАСЛЕДОВАНИЕ

Статья 44

Принцип равенства

Граждане каждой из Договаривающихся Сторон могут наследовать на территориях других Договаривающихся Сторон имущество или права по закону или по завещанию на равных условиях и в том же объеме, как и граждане данной Договаривающейся Стороны.

Статья 45

Право наследования

1. Право наследования имущества, кроме случая, предусмотренного пунктом 2 настоящей статьи, определяется по законодательству Договаривающейся Стороны, на территории которой наследователь имел последнее постоянное место жительства.

2. Право наследования недвижимого имущества определяется по законодательству Договаривающейся Стороны, на территории которой находится это имущество.

Статья 46

Переход наследства к государству

Если по законодательству Договаривающейся Стороны, подлежащему применению при наследовании, наследником является государство, то движимое наследственное имущество переходит Договаривающейся Стороне, гражданином которой является наследодатель в момент смерти, а недвижимое наследственное имущество переходит Договаривающейся Стороне, на территории которой оно находится.

Статья 47

Завещание

Способность лица к составлению и отмене завещания, а также форма завещания и его отмены определяются по праву той страны, где завещатель имел место жительства в момент составления акта. Однако завещание или его отмена не могут быть признаны недействительными вследствие несоблюдения формы, если последняя удовлетворяет требованиям права места его составления.

Статья 48

Компетенция по делам о наследстве

1. Производство по делам о наследовании движимого имущества компетентны вести учреждения Договаривающейся Стороны, на территории которой имел место жительства наследодатель в момент своей смерти.

2. Производство по делам о наследовании недвижимого имущества компетентны вести учреждения Договаривающейся Стороны, на территории которой находится имущество.

3. Положения пунктов 1 и 2 настоящей статьи применяются также при рассмотрении споров, возникающих в связи с производством по делам о наследстве.

Статья 49

Компетенция дипломатического представительства или консульского учреждения по делам о наследстве

По делам о наследовании, в том числе по наследственным спорам, дипломатические представительства или консульские учреждения каждой из Договаривающихся Сторон компетентны представлять (за исключением права на отказ от наследства) без специальной доверенности в учреждениях других Договаривающихся Сторон граждан своего государства, если они отсутствуют или не назначили представителя.

Статья 50

Меры по охране наследства

1. Учреждения Договаривающихся Сторон принимают в соответствии со своим законодательством меры, необходимые для обеспечения охраны наследства, оставленного на их территориях гражданами других Договаривающихся Сторон, или для управления им.

2. О мерах, принятых согласно пункту 1 настоящей статьи, безотлагательно уведомляется дипломатическое представительство или консульское учреждение Договаривающейся Стороны, гражданином которой является наследодатель. Указанное представительство или учреждение может принимать участие в осуществлении этих мер.

3. По ходатайству учреждения юстиция, компетентного вести производство по делу о наследовании, а также дипломатического представительства или консульского учреждения меры, принятые в соответствии с пунктом 1 настоящей статьи, могут быть изменены, отменены или отложены.

РАЗДЕЛ III. ПРИЗНАНИЕ И ИСПОЛНЕНИЕ РЕШЕНИЙ

Статья 51

Признание и исполнение решений

Каждая из Договаривающихся Сторон на условиях, предусмотренных настоящей Конвенцией, признает и исполняет следующие решения, вынесенные на территории других Договаривающихся Сторон:

а) решения учреждений юстиции по гражданским и семейным делам, включая утвержденные судом мировые соглашения по таким делам и нотариальные акты в отношении денежных обязательств (далее — решений);

б) решения судов по уголовным делам о возмещении ущерба.

Статья 52

Признание решений, не требующих исполнения

1. Вынесенные учреждениями юстиции каждой из Договаривающихся Сторон и вступившие в законную силу решения, не требующие по своему характеру исполнения, признаются на территориях других Договаривающихся Сторон без специального производства при условии, если:

а) учреждения юстиции запрашиваемой Договаривающейся Стороны не вынесли ранее по этому делу решения, вступившего в законную силу;

б) дело согласно настоящей Конвенции, а в случаях, не предусмотренных ею, согласно законодательству Договаривающейся Стороны, на территории которой решение должно быть признано, не относится к исключительной компетенции учреждений юстиции этой Договаривающейся Стороны.

2. Положения пункта 1 настоящей статьи относятся и к решениям по опеке и попечительству, а также к решениям о расторжении

брака, вынесенным учреждениями, компетентными согласно законодательству Договаривающейся Стороны, на территории которой вынесено решение.

Статья 53

Ходатайство о разрешении принудительного исполнения решения

1. Ходатайство о разрешении принудительного исполнения решения подается в компетентный суд Договаривающейся Стороны, где решение подлежит исполнению. Оно может быть подано и в суд, который вынес решение по делу в первой инстанции. Этот суд направляет ходатайство суду, компетентному вынести решение по ходатайству.

2. К ходатайству прилагаются:

а) решение или его заверенная копия, а также официальный документ о том, что решение вступило в законную силу и подлежит исполнению, или о том, что оно подлежит исполнению до вступления в законную силу, если это не следует из самого решения;

б) документ, из которого следует, что сторона, против которой было вынесено решение, не принявшая участия в процессе, была в надлежащем порядке и своевременно вызвана в суд, а в случае ее процессуальной недееспособности была надлежащим образом представлена;

в) документ, подтверждающий частичное исполнение решения на момент его пересылки;

г) документ, подтверждающий соглашение сторон по делам договорной подсудности.

3. Ходатайство о разрешении принудительного исполнения решения и приложенные к нему документы снабжаются заверенным переводом на язык запрашиваемой Договаривающейся Стороны или на русский язык.

Статья 54

Порядок призвания и принудительного исполнения решения

1. Ходатайства о признании и разрешении принудительного исполнения решений, предусмотренных в статье 51, рассматриваются судами Договаривающейся Стороны, на территории которой должно быть осуществлено принудительное исполнение.

2. Суд, рассматривающий ходатайство о признании и разрешении принудительного исполнения решения, ограничивается установлением того, что условия, предусмотренные настоящей Конвенцией, соблюдены. В случае, если условия соблюдены, суд выносит решение о принудительном исполнении.

3. Порядок принудительного исполнения определяется по законодательству Договаривающейся Стороны, на территории которой должно быть осуществлено принудительное исполнение.

Статья 55

Отказ в признании и исполнении решений

В признании предусмотренных статьей 52 решений и в выдаче разрешения на принудительное исполнение может быть отказано в случаях, если:

а) в соответствии с законодательством Договаривающейся Стороны, на территории которой вынесено решение, оно не вступило в законную силу или не подлежит исполнению, за исключением случаев, когда решение подлежит исполнению до вступления в законную силу;

б) ответчик не принял участия в процессе вследствие того, что ему или его уполномоченному не был своевременно и надлежаще вручен вызов в суд;

в) по делу между теми же сторонами, о том же предмете и по тому же основанию на территории Договаривающейся Стороны, где должно быть признано и исполнено решение, было уже ранее вынесено вступившее в законную силу решение или имеется признанное решение суда третьего государства либо если учреждением этой Договаривающейся Стороны было ранее возбуждено производство по данному делу;

г) согласно положениям настоящей Конвенции, а в случаях, не предусмотренных ею, согласно законодательству Договаривающейся Стороны, на территории которой решение должно быть признано и исполнено, дело относится к исключительной компетенции ее учреждения;

д) отсутствует документ, подтверждающий соглашение сторон по делу договорной подсудности;

е) истек срок давности принудительного исполнения, предусмотренный законодательством Договаривающейся Стороны, суд которой исполняет поручения.

РАЗДЕЛ IV. ПРАВОВАЯ ПОМОЩЬ ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ

ЧАСТЬ I. ВЫДАЧА

Статья 56

Обязанность выдачи

1. Договаривающиеся Стороны обязуются в соответствии с условиями, предусмотренными настоящей Конвенцией, по требованию выдавать друг другу лиц, находящихся на их территории, для привлечения к уголовной ответственности или для приведения приговора в исполнение.

2. Выдача для привлечения к уголовной ответственности производится за такие деяния, которые по законам запрашивающей и запрашиваемой Договаривающихся Сторон являются наказуемыми и за совершение которых предусматривается наказание в виде лишения свободы на срок не менее одного года или более тяжкое наказание.

3. Выдача для приведения приговора в исполнение производится за такие деяния, которые в соответствии с законодательством запрашивающей и запрашиваемой Договаривающихся Сторон являются наказуемыми и за совершение которых лицо, выдача которого требуется, было приговорено к лишению свободы на срок не менее шести месяцев или к более тяжкому наказанию.

Статья 57

Отказ в выдаче

1. Выдача не производится, если:

а) лицо, выдача которого требуется, является гражданином запрашиваемой Договаривающейся Стороны;

б) на момент получения требования уголовное преследование согласно законодательству запрашиваемой Договаривающейся Стороны не может быть возбуждено или приговор не может быть при-

веден в исполнение вследствие истечения срока давности либо по иному законному основанию;

в) в отношении лица, выдача которого требуется, на территории запрашиваемой Договаривающейся Стороны за то же преступление был вынесен приговор или постановление о прекращении производства по делу, вступившее в законную силу;

г) преступление в соответствии с законодательством запрашивающей или запрашиваемой Договаривающейся Стороны преследуется в порядке частного обвинения (по заявлению потерпевшего).

2. В выдаче может быть отказано, если преступление, в связи с которым требуется выдача, совершено на территории запрашиваемой Договаривающейся Стороны.

3. В случае отказа в выдаче запрашивающая Договаривающаяся Сторона должна быть информирована об основаниях отказа.

Статья 58

Требование о выдаче

1. Требование о выдаче должно содержать:

а) наименование запрашиваемого учреждения;

б) описание фактических обстоятельств деяния и текст закона запрашивающей Договаривающейся Стороны, на основании которого это деяние признается преступлением;

в) фамилию, имя, отчество лица, которое подлежит выдаче, его гражданство, место жительства или пребывания, по возможности описание внешности и другие сведения о его личности;

г) указание размера ущерба, причиненного преступлением.

2. К требованию о выдаче для осуществления уголовного преследования должна быть приложена заверенная копия постановления о заключении под стражу.

3. К требованию о выдаче для приведения приговора в исполнение должны быть приложены заверенная копия приговора с отметкой о вступлении его в законную силу и текст положения уголовного закона, на основании которого лицо осуждено. Если осужденный уже отбыл часть наказания, сообщаются также данные об этом.

4. Требования о выдаче и приложенные к нему документы составляются в соответствии с положениями статьи 17.

Статья 59

Дополнительные сведения

1. Если требование о выдаче не содержит всех необходимых данных, то запрашиваемая Договаривающаяся Сторона может затребовать дополнительные сведения, для чего устанавливает срок до одного месяца. Этот срок может быть продлен еще до одного месяца по ходатайству запрашивающей Договаривающейся Стороны.

2. Если запрашивающая Договаривающаяся Сторона не представит в установленный срок дополнительных сведений, то запрашиваемая Договаривающаяся Сторона должна освободить лицо, взятое под стражу.

Статья 60

Взятие под стражу для выдачи

По получении требования запрашиваемая Договаривающаяся Сторона немедленно принимает меры к взятию под стражу лица, выдача которого требуется, за исключением тех случаев, когда выдача не может быть произведена.

Статья 61

Взятие под стражу или задержание до получения требования о выдаче

1. Лицо, выдача которого требуется, по ходатайству может быть взято под стражу и до получения требования о выдаче. В ходатайстве должны содержаться ссылка на постановление о взятии под стражу или на приговор вступивший в законную силу, и указание на то, что требование о выдаче будет представлено дополнительно. Ходатайство о взятии под стражу до получения требования о выдаче может быть передано по почте, телеграфу, телексу или телефаксу.

2. Лицо может быть задержано и без ходатайства, предусмотренного в пункте 1 настоящей статьи, если имеются предусмотренные законодательством основания подозревать, что оно совершило на территории другой Договаривающейся Стороны преступление, влекущее выдачу.

3. О взятии под стражу или задержании до получения требования о выдаче необходимо немедленно уведомить другую Договаривающуюся Сторону.

Статья 62

Освобождение лица, задержанного или взятого под стражу

1. Лицо, взятое под стражу согласно пункту 1 статьи 61, должно быть освобождено, если требование о его выдаче не поступит в течение одного месяца со дня взятия под стражу.

2. Лицо, задержанное согласно пункту 2 статьи 61, должно быть освобождено, если требование о его выдаче не поступит в течение срока, предусмотренного законодательством для задержания.

Статья 63

Отсрочка выдачи

Если лицо, выдача которого требуется, привлечено к уголовной ответственности или осуждено за другое преступление на территории запрашиваемой Договаривающейся Стороны, его выдача может быть отсрочена до прекращения уголовного преследования, приведения приговора в исполнение или до освобождения от наказания.

Статья 64

Выдача на время

1. Если отсрочка выдачи, предусмотренная статьей 63, может повлечь за собой истечение срока давности уголовного преследования или причинить ущерб расследованию преступления, лицо, выдача которого требуется по ходатайству, может быть выдано на время.

2. Выданное на время лицо должно быть возвращено после проведения действия по уголовному делу, для которого оно было выдано, но не позднее чем через три месяца со дня передачи лица. В обоснованных случаях срок может быть продлен.

Статья 65

Коллизия требований о выдаче

Если требования о выдаче поступят от нескольких государств, запрашиваемая Договаривающаяся Сторона самостоятельно решает, какое из этих требований должно быть удовлетворено.

Статья 66

Пределы уголовного преследования выданного лица

1. Без согласия запрашиваемой Договаривающейся Стороны выданное лицо нельзя привлечь к уголовной ответственности или подвергнуть наказанию за совершенное до его выдачи преступление, за которое оно не было выдано.

2. Без согласия запрашиваемой Договаривающейся Стороны лицо не может быть выдано также третьему государству.

3. Согласия запрашиваемой Договаривающейся Стороны не требуется, если выданное лицо до истечения одного месяца после окончания уголовного производства, а в случае осуждения — до истечения одного месяца после отбытия наказания или освобождения от него не покинет территорию запрашивающей Договаривающейся Стороны или если оно туда добровольно возвратится. В этот срок не засчитывается время, в течение которого выданное лицо не могло покинуть территорию запрашивающей Договаривающейся Стороны не по своей вине.

Статья 67

Передача выданного лица

Запрашиваемая Договаривающаяся Сторона уведомляет запрашивающую Договаривающуюся Сторону о месте и времени выдачи. Если запрашивающая Договаривающаяся Сторона не примет лицо, подлежащее выдаче, в течение 15 дней после поставленной даты передачи, это лицо должно быть освобождено из-под стражи.

Статья 68

Повторная выдача

Если выданное лицо уклонится от уголовного преследования или от отбытия наказания и возвратится на территорию запрашиваемой Договаривающейся Стороны, то по новому требованию оно должно быть выдано без представления материалов, упомянутых в статьях 58 и 59.

Статья 69

Уведомление о результатах производства по уголовному делу

Договаривающиеся Стороны сообщают друг другу о результатах производства по уголовному делу против выданного им лица. По просьбе высылаются и копия окончательного решения.

Статья 70

Транзитная перевозка

1. Договаривающаяся Сторона по ходатайству другой Договаривающейся Стороны разрешает транзитную перевозку по своей территории лиц, выданных другой Договаривающейся Стороне третьим государством.

2. Ходатайство о разрешении такой перевозки рассматривается в том же порядке, что и требование о выдаче.

3. Запрашиваемая Договаривающаяся Сторона разрешает транзитную перевозку таким способом, какой она считает наиболее целесообразным.

Статья 71

Расходы, связанные с выдачей и транзитной перевозкой

Расходы, связанные с выдачей, несет Договаривающаяся Сторона, на территории которой они возникли, а расходы, связанные с транзитной перевозкой,— договаривающаяся Сторона, обратившаяся с ходатайством о такой перевозке.

ЧАСТЬ II. ОСУЩЕСТВЛЕНИЕ УГОЛОВНОГО ПРЕСЛЕДОВАНИЯ

Статья 72

Обязанность осуществления уголовного преследования

1. Каждая Договаривающаяся Сторона обязуется по поручению другой Договаривающейся Стороны осуществлять в соответствии со своим законодательством уголовное преследование против собственных граждан, подозреваемых в том, что они совершили на территории запрашивающей Договаривающейся Стороны преступление.

2. Если преступление, по которому возбуждено дело, влечет за собой гражданско-правовые требования лиц, понесших ущерб от преступления, эти требования при наличии их ходатайства о возмещении ущерба рассматриваются в данном деле.

Статья 73

Поручение об осуществлении уголовного преследования

1. Поручение об осуществлении уголовного преследования должно содержать:

- а) наименование запрашивающего учреждения;
- б) описание деяния, в связи с которым направлено поручение об осуществлении преследования;
- в) возможно более точное указание времени и места совершения деяния;
- г) текст положения закона запрашивающей Договаривающейся Стороны, на основании которого деяние признается преступлением, а также текст других законодательных норм, имеющих существенное значение для производства по делу;
- д) фамилию и имя подозреваемого лица, его гражданство, а также другие сведения о его личности;
- е) заявления потерпевших по уголовным делам, возбуждаемым по заявлению потерпевшего, и заявления о возмещении вреда;
- ж) указание размера ущерба, причиненного преступлением.

К поручению прилагаются имеющиеся в распоряжении запрашивающей Договаривающейся Стороны материалы уголовного преследования, а также доказательства.

2. При направлении запрашивающей Договаривающейся Стороной возбужденного уголовного дела расследование по этому делу продолжается запрашиваемой Договаривающейся Стороной в соответствии со своим законодательством. Каждый из находящихся в деле документов должен быть удостоверен гербовой печатью компетентного учреждения юстиции запрашивающей Договаривающейся Стороны.

3. Поручение и приложенные к нему документы составляются в соответствии с положениями статьи 18.

4. Если обвиняемый в момент направления поручения об осуществлении преследования содержится под стражей на территории за-

прашивающей Договаривающейся Стороны, он доставляется на территорию запрашиваемой Договаривающейся Стороны.

Статья 74

Уведомление о результатах уголовного преследования

Запрашиваемая Договаривающаяся Сторона обязана уведомить запрашивающую Договаривающуюся Сторону об окончательном решении. По просьбе запрашивающей Договаривающейся Стороны направляется копия окончательного решения.

Статья 75

Последствия принятия решения

Если Договаривающейся Стороне в соответствии со статьей 72 было направлено поручение об осуществлении уголовного преследования после вступления в силу приговора или принятия учреждением запрашиваемой Договаривающейся Стороны окончательного решения, уголовное дело не может быть возбуждено учреждениями запрашивающей Договаривающейся Стороны, а возбужденное ими дело подлежит прекращению.

Статья 76

Смягчающие или отягчающие ответственность обстоятельства

Каждая из Договаривающихся Сторон при расследовании преступлений и рассмотрении уголовных дел судами учитывает предусмотренные законодательством Договаривающихся Сторон смягчающие и отягчающие ответственность обстоятельства независимо от того, на территории какой Договаривающейся Стороны они возникли.

Статья 77

Порядок рассмотрения дел, подсудных судам двух или нескольких Договаривающихся Сторон

При обвинении одного лица или группы лиц в совершении нескольких преступлений, дела о которых подсудны судам двух или более Договаривающихся Сторон, рассматривать их компетентен суд той Договаривающейся Стороны, на территории которой за-

кончено предварительное расследование. В этом случае дело рассматривается по правилам судопроизводства этой Договаривающейся Стороны.

ЧАСТЬ III. СПЕЦИАЛЬНЫЕ ПОЛОЖЕНИЯ О ПРАВОВОЙ ПОМОЩИ ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ

Статья 78

Передача предметов

1. Договаривающиеся Стороны обязуются по просьбе передавать друг другу:

а) предметы, которые были использованы при совершении преступления, влекущего выдачу лица в соответствии с настоящей Конвенцией, в том числе орудия преступления; предметы, которые были приобретены в результате преступления или в качестве вознаграждения за него, или же предметы, которые преступник получил взамен предметов, приобретенных таким образом;

б) предметы, которые могут иметь значение доказательств в уголовном деле; эти предметы передаются и в том случае, если выдача преступника не может быть осуществлена из-за его смерти, побега или по иным обстоятельствам.

2. Если запрашиваемой Договаривающейся Стороне предметы, указанные в пункте первом настоящей статьи, необходимы в качестве доказательств в уголовном деле, их передача может быть отсрочена до окончания производства по делу.

3. Права третьих лиц на переданные предметы остаются в силе. После окончания производства по делу эти предметы должны быть безвозмездно возвращены Договаривающейся Стороне, которая их передала.

Статья 79

Уведомление об обвинительных приговорах и сведения о судимости

1. Каждая из Договаривающихся Сторон будет ежегодно сообщать другим Договаривающимся Сторонам сведения о вступивших в законную силу обвинительных приговорах, вынесенных ее судами

в отношении граждан соответствующей Договаривающейся Стороны, одновременно пересылая имеющиеся отпечатки пальцев осужденных.

2. Каждая из Договаривающихся Сторон предоставляет другим Договаривающимся Сторонам бесплатно по их просьбе сведения о судимости лиц, осужденных ранее ее судами, если эти лица привлекаются к уголовной ответственности на территории запрашивающей Договаривающейся Стороны.

Статья 80

Порядок сношений по вопросам выдачи и уголовного преследования

Сношения по вопросам выдачи, уголовного преследования, а также исполнения следственных поручений, затрагивающих права граждан и требующих санкций прокурора, осуществляются генеральными прокурорами (прокурорами) Договаривающихся Сторон.

РАЗДЕЛ V. ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНЫЕ ПОЛОЖЕНИЯ

Статья 81

Вопросы применения настоящей Конвенции

Вопросы, возникающие при применении настоящей Конвенции, решаются компетентными органами Договаривающихся Сторон по взаимному согласованию.

Статья 82

Соотношение Конвенции с международными договорами

Настоящая Конвенция не затрагивает положений других международных договоров, участниками которых являются Договаривающиеся Стороны.

Статья 83

Порядок вступления в силу

1. Настоящая Конвенция подлежит ратификации подписавшими ее государствами. Ратификационные грамоты сдаются на хранение

Правительству Республики Беларусь, которое выполняет функции депозитария этой Конвенции.

2. Настоящая Конвенция вступит в силу на тридцатый день, считая со дня сдачи на хранение депозитарию третьей ратификационной грамоты. Для государства, ратификационная грамота которого будет сдана на хранение депозитарию после вступления в силу настоящей Конвенции, она вступит в силу на тридцатый день, считая со дня сдачи на хранение депозитарию его ратификационной грамоты.

Статья 84

Срок действия Конвенции

1. Настоящая Конвенция действует в течение пяти лет со дня вступления ее в силу. По истечении этого срока Конвенция автоматически продлевается каждый раз на новый пятилетний период.

Каждая Договаривающаяся Сторона может выйти из настоящей Конвенции, направив письменное уведомление об этом депозитарию за 12 месяцев до истечения текущего пятилетнего срока ее действия.

Статья 85

Действие во времени

Действие настоящей Конвенции распространяется и на правоотношения, возникшие до ее вступления в силу.

Статья 86

Порядок присоединения к Конвенции

К настоящей Конвенции после вступления ее в силу могут присоединиться с согласия всех Договаривающихся Сторон другие государства путем передачи депозитарию документов о таком присоединении. Присоединение считается вступившим в силу по истечении тридцати дней со дня получения депозитарием последнего сообщения о согласии на такое присоединение.

Статья 87

Обязанности депозитария

Депозитарий будет незамедлительно извещать все подписавшие настоящую Конвенцию и присоединившиеся к ней государства о

дате сдачи на хранение каждой ратификационной грамоты или документа о присоединении, дате вступления Конвенции в силу, а также о получении им других уведомлений.

Совершено в городе Минске 22 января 1993 года в одном подлинном экземпляре на русском языке. Подлинный экземпляр хранится в Архиве Правительства Республики Беларусь, которое направит государствам — участникам настоящей Конвенции ее заверенную копию.

* * *

Ратифицирована Федеральным Собранием (Федеральный закон от 4 августа 1994 года № 16-ФЗ — Собрание законодательства Российской Федерации, 1994. № 15, ст. 1684).

Конвенция вступила в силу для Российской Федерации 10 декабря 1994 года.

ЕВРОПЕЙСКАЯ КОНВЕНЦИЯ О ВЗАИМНОЙ ПРАВОВОЙ ПОМОЩИ ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ

ПРЕАМБУЛА

Правительства — члены Совета Европы, подписавшие настоящую Конвенцию,

считая, что целью Совета Европы является достижение большего единства между его членами,

убежденные в том, что принятие общих правил в области взаимной правовой помощи по уголовным делам будет способствовать достижению этой цели,

считая, что такая взаимная помощь связана с вопросом о выдаче, который уже является предметом Конвенции, подписанной 13 декабря 1957 года,

согласились о нижеследующем:

РАЗДЕЛ II. ОБЩИЕ ПОЛОЖЕНИЯ

Статья 1

1. Договаривающиеся стороны обязуются оказывать друг другу, в соответствии с положениями настоящей Конвенции, самую широкую правовую помощь на взаимной основе в вопросах уголовного преследования за преступления, наказание за которые на момент просьбы о помощи подпадает под юрисдикцию судебных органов запрашивающей Стороны.

2. Настоящая Конвенция не применяется к задержанию, исполнению приговоров, а также к воинским преступлениям, которые не являются таковыми согласно обычному уголовному праву.

Статья 2

В помощи может быть отказано:

а) если просьба касается преступления, которое запрашиваемая Сторона считает политическим преступлением, преступлением, свя-

занным с политическим преступлением, или фискальным преступлением;

б) если запрашиваемая Сторона считает, что выполнение просьбы может нанести ущерб суверенитету, безопасности, общественному порядку или другим существенно важным интересам ее страны.

РАЗДЕЛ II. СУДЕБНЫЕ ПОРУЧЕНИЯ

Статья 3

1. Запрашиваемая Сторона выполняет в порядке, установленном законодательством, любые судебные поручения, касающиеся уголовных дел и направленные ей судебными органами запрашивающей Стороны в целях получения свидетельских показаний или передачи вещественных доказательств, материалов или документов.

2. Если запрашивающая Сторона желает, чтобы свидетели и эксперты дали показания под присягой, то она специально об этом просит, а запрашиваемая Сторона выполняет эту просьбу, если только законодательство ее государства не запрещает этого.

3. Запрашиваемая Сторона может передать заверенные копии или заверенные фотокопии запрашиваемых материалов или документов, если только запрашивающая Сторона специально не просит о направлении ей оригиналов; в последнем случае запрашиваемая Сторона прилагает все усилия для выполнения просьбы.

Статья 4

По специальной просьбе запрашивающей Стороны запрашиваемая Сторона указывает дату и место исполнения судебных поручений. Официальные и заинтересованные лица могут присутствовать при исполнении поручений, если на то имеется согласие запрашиваемой Стороны.

Статья 5

1. Любая Договаривающаяся Сторона может, в момент подписания настоящей Конвенции или в момент сдачи на хранение своей ратификационной грамоты или документа о присоединении, путем заявления на имя Генерального секретаря Совета Европы, оставить

за собой право исполнять судебные поручения в отношении обыска или наложения ареста на имущество при соблюдении одного или нескольких из следующих условий:

а) преступление, с которым связано судебное поручение, наказуемо как по закону запрашивающей Стороны, так и по закону запрашиваемой Стороны;

б) преступление, с которым связано судебное поручение, является в запрашиваемой Стороне преступлением, в связи с которым предусматривается выдача;

с) исполнение судебного поручения не противоречит законодательству запрашиваемой Стороны.

2. Когда Договаривающаяся Сторона делает заявление в соответствии с пунктом 1 настоящей статьи, любая другая Сторона может применить правило взаимности.

Статья 6

1. Запрашиваемая Сторона может отсрочить передачу запрашиваемых предметов, материалов или документов, если указанные предметы, материалы или документы требуются ей в связи с осуществляемым уголовным преследованием.

2. Любые предметы, а также оригиналы материалов или документов, переданные во исполнение судебных поручений, возвращаются запрашивающей Стороной запрашиваемой Стороне в максимально короткие сроки, если последняя не отказывается от них.

РАЗДЕЛ III. ВРУЧЕНИЕ СУДЕБНЫХ ПОВЕСТОК И ПОСТАНОВЛЕНИЙ. ЯВКА В СУД СВИДЕТЕЛЕЙ, ЭКСПЕРТОВ И ОБВИНЯЕМЫХ

Статья 7

1. Запрашиваемая Сторона осуществляет вручение судебных повесток и постановлений, которые передаются ей для этой цели запрашивающей Стороной.

Вручение может быть произведено путем простой передачи повестки или постановления адресату. Если запрашивающая Сторона специально об этом просит, то вручение производится запрашиваемой

мой Стороной в порядке, установленном ее законодательством для аналогичных документов или в особом порядке, совместимом с таким законодательством.

2. Факт вручения подтверждается распиской, датированной и подписанной адресатом, или заявлением запрашиваемой Стороны о том, что вручение состоялось, с указанием формы и даты вручения. Соответствующий документ незамедлительно направляется запрашивающей Стороне. Запрашиваемая Сторона по просьбе запрашивающей Стороны удостоверяет, что вручение произведено в соответствии с законодательством запрашиваемой Стороны. При невозможности вручения причины незамедлительно сообщаются запрашиваемой Стороной запрашивающей Стороне.

3. Любая Договаривающаяся Сторона может при подписании настоящей Конвенции или при сдаче на хранение ратификационной грамоты или документа о присоединении, путем заявления на имя Генерального секретаря Совета Европы просить о том, чтобы повестка с вызовом в суд обвиняемого, находящегося на ее территории, передавалась ее компетентным органам за определенное время до установленной даты явки в суд. Это время указывается в вышеупомянутом заявлении и не может превышать 50 дней.

Это время учитывается при определении даты явки в суд и при передаче вызова.

Статья 8

Свидетель или эксперт, который не ответил на повестку с вызовом в суд, о вручении которой просила Договаривающаяся Сторона, не может, даже если судебная повестка содержит предупреждение о санкциях, быть подвергнут какому-либо наказанию или ограничению, если только впоследствии он добровольно не окажется на территории запрашивающей Стороны и вновь не будет там должным образом вызван в суд.

Статья 9

Денежные выплаты, включая суточные и транспортные расходы, возмещаемые свидетелю или эксперту запрашивающей Стороной, исчисляются от места его проживания по нормам, по крайней

мере равным нормам, предусмотренным тарифами и правилами, действующими в стране, где должно состояться слушание дела.

Статья 10

1. Если запрашивающая Сторона считает личную явку свидетеля или эксперта в суд особенно необходимой, она указывает это в своей просьбе о вручении повестки, и запрашиваемая Сторона предлагает свидетелю или эксперту явиться в суд.

Запрашиваемая Сторона информирует запрашивающую Сторону об ответе свидетеля или эксперта.

2. В случае, предусмотренном в пункте 1 настоящей статьи, в просьбе или повестке указываются приблизительные размеры денежных выплат, а также возмещаемых транспортных расходов и сумточных.

3. Если запрашивающая Сторона специально об этом просит, запрашиваемая Сторона может выдать свидетелю или эксперту аванс. Сумма аванса указывается в судебной повестке и возмещается запрашивающей Стороной.

Статья 11

1. Лицо, находящееся под стражей, о личной явке которого в качестве свидетеля или для очной ставки просит запрашивающая Сторона, временно передается на территорию, где должно состояться слушание дела, при условии, что оно будет отправлено обратно в сроки, указанные запрашиваемой Стороной, и при соблюдении положений статьи 12 в той мере, в какой они применимы.

В передаче может быть отказано:

- а) если лицо, находящееся под стражей, не дает на это согласие;
- б) если его присутствие необходимо для уголовного преследования на территории запрашиваемой Стороны;
- в) если передача может продлить его содержание под стражей; или
- д) если есть другие веские основания не передавать его на территорию запрашивающей Стороны.

2. С учетом положений статьи 2 в случае, предусмотренном в предыдущем пункте, транзитная перевозка лица, находящегося под

стражей, через территорию третьего государства — стороны настоящей конвенции разрешается на основании ходатайства с приложением всех необходимых документов, адресованных министерством юстиции запрашивающей Стороны министерству юстиции Стороны, у которой запрашивается разрешение на транзит.

Договаривающаяся сторона может отказать в разрешении на транзит ее граждан.

3. Переданное лицо остается под стражей на территории запрашивающей Стороны и, в соответствующем случае, на территории Стороны, у которой запрашивается разрешение на транзит, если только Сторона, у которой запрашивается передача, не потребует его освобождения.

Статья 12

1. Свидетель или эксперт, независимо от его гражданства, представший по судебной повестке перед судебными органами запрашивающей Стороны, не подвергается судебному преследованию, задержанию и другим ограничениям его личной свободы на территории этой Стороны за деяния или на основании приговоров, которые предшествовали его отъезду с территории запрашиваемой Стороны.

2. Лицо, независимо от его гражданства, представшее по судебной повестке перед судебными органами запрашивающей Стороны для ответа за деяния, на основании которых против него было возбуждено судебное дело, не подвергается преследованию, задержанию и другим ограничениям его личной свободы за деяния или на основании приговоров, которые предшествовали его отъезду с территории запрашиваемой Стороны, если это специально не оговорено в судебной повестке.

3. Иммунитет, предусмотренный в настоящей статье, прекращается, если свидетель, эксперт или лицо, привлекаемое к ответственности, имея возможность покинуть территорию запрашивающей Стороны в течение последующих 15 дней после того, как его присутствие более не требуется юридическими органами, остается, тем не менее, на этой территории или же возвращается на нее после отъезда.

РАЗДЕЛ IV. СУДЕБНЫЕ МАТЕРИАЛЫ

Статья 13

1. Запрашиваемая Сторона передает выдержки из судебных материалов и информацию о них, запрашиваемые у нее юридическими органами Договаривающейся Стороны и необходимые для рассмотрения уголовного дела, в том же объеме, в каком они могли бы быть предоставлены ее собственным судебным органам в аналогичном случае.

2. В любом случае, помимо случаев, предусмотренных в пункте 1 настоящей статьи, просьба составляется в соответствии с условиями, предусмотренными законодательством, правилами или практикой запрашиваемой Стороны.

РАЗДЕЛ V. ПРОЦЕДУРА

Статья 14

1. Просьба о взаимной помощи должна содержать следующие данные:

- a) наименование органа, направляющего просьбу,
- b) предмет и причину просьбы,
- c) по возможности, сведения о личности и гражданстве соответствующего лица,
- d) если необходимо, фамилию и адрес этого лица.

2. Кроме того, в судебных поручениях, упомянутых в статьях 3, 4 и 5, указывается состав правонарушения и содержится краткое изложение фактов.

Статья 15

1. Судебные поручения, упомянутые в статьях 3, 4 и 5, а также ходатайства, упомянутые в статье 11, направляются Министерством юстиции запрашивающей Стороны Министерству юстиции запрашиваемой Стороны, и ответы на них возвращаются по тем же каналам.

2. В случаях, не терпящих отлагательства, судебные поручения могут быть направлены непосредственно судебными органами запрашивающей Стороны судебным органам запрашиваемой Сторо-

ны. Ответы на них возвращаются вместе с соответствующими документами по каналам, указанным в пункте 1 настоящей статьи.

3. Просьбы, предусмотренные в пункте 1 статьи 13, могут быть направлены заинтересованными судебными органами непосредственно соответствующим органам запрашиваемой Стороны, и ответы могут быть возвращены непосредственно этими органами. Просьбы, предусмотренные в пункте 2 статьи 13, направляются Министерством юстиции запрашивающей Стороны Министерству юстиции запрашиваемой Стороны.

4. Передача просьб о взаимной помощи, помимо предусмотренных в пунктах 1 и 3 настоящей статьи, и, в частности, просьб о проведении расследований до предъявления обвинения может осуществляться непосредственно между юридическими органами.

5. В тех случаях, когда прямая передача разрешается на основании настоящей Конвенции, она может осуществляться через Международную организацию уголовной полиции (Интерпол).

6. Договаривающаяся Сторона может во время подписания настоящей Конвенции или сдачи на хранение ратификационной грамоты или документа о присоединении посредством заявления на имя Генерального секретаря Совета Европы уведомить о том, что некоторые или все просьбы о помощи должны направляться ей по каналам, иным чем те, которые предусмотрены в настоящей статье, или потребовать, чтобы в случае, предусмотренном в пункте 2 настоящей статьи, копия судебного поручения одновременно передавалась ее Министерству юстиции.

7. Положения настоящей статьи не затрагивают положений двусторонних соглашений или договоренностей, действующих между Договаривающимися Сторонами, в которых предусматривается прямая передача просьб о помощи между их соответствующими органами.

Статья 16

1. При условии соблюдения положений пункта 2 настоящей статьи переводы запросов и прилагаемых документов не требуются.

2. Каждая Договаривающаяся Сторона может во время подписания или сдачи на хранение своих ратификационной грамоты или до-

кумента о присоединении посредством заявления на имя Генерального секретаря Совета Европы сохранить за собой право потребовать, чтобы просьбы и прилагаемые документы направлялись ей вместе с переводом на ее родной язык или на один из официальных языков Совета Европы либо на один из языков, указанных ею. Другие Договаривающиеся Стороны могут применять принцип взаимности.

Статья 17

Свидетельские показания или документы, переданные в соответствии с настоящей Конвенцией, не требуют какого-либо удостоверения подлинности.

Статья 18

Если орган, получивший просьбу о взаимной помощи, не полномочен ее выполнить, то он *ex officio* передает запрос компетентному органу своей страны и информирует об этом запрашивающую Сторону по прямым каналам, если просьба направлена по этим каналам.

Статья 19

Должны быть сообщены причины любого отказа в предоставлении взаимной помощи.

Статья 20

При условии соблюдения положений пункта 3 статьи 10 выполнение просьб о взаимной помощи не влечет за собой возмещения расходов, за исключением расходов, связанных с присутствием экспертов на территории запрашиваемой Стороны или перевозкой взятого под стражу лица, осуществляемой на основании статьи 11.

РАЗДЕЛ VI. ПРЕДОСТАВЛЕНИЕ ИНФОРМАЦИИ В СВЯЗИ С СУДЕБНЫМ РАЗБИРАТЕЛЬСТВОМ

Статья 21

1. Передача информации, предоставляемой Договаривающейся Стороной в связи с разбирательством дел в судах другой Стороны, осуществляется между заинтересованными министерствами юстиции, если только Договаривающаяся Сторона не воспользуется правом выбора, предусмотренным в пункте 6 статьи 15.

2. Запрашиваемая Сторона уведомляет запрашивающую Сторону о любых мерах, принятых ею на основании такой информации, и препровождает копию судебного материала, относящегося к вынесенному приговору.

3. Положения статьи 16 применяются по отношению к информации, предоставляемой в соответствии с пунктом 1 настоящей статьи.

РАЗДЕЛ VII. ОБМЕН ИНФОРМАЦИЕЙ ИЗ СУДЕБНЫХ МАТЕРИАЛОВ

Статья 22

Каждая Договаривающаяся Сторона информирует любую другую Сторону обо всех обвинительных приговорах и последующих мерах в отношении граждан этой последней Стороны, зафиксированных в судебных материалах. Министерства юстиции сообщают друг другу такую информацию, по крайней мере, один раз в год. Если соответствующее лицо считается гражданином двух или более других Договаривающихся Сторон, информация передается каждой из этих Сторон, если только это лицо не является гражданином Стороны, на территории которой оно было осуждено.

РАЗДЕЛ VIII. ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНЫЕ ПОЛОЖЕНИЯ

Статья 23

1. Любая Договаривающаяся Сторона может во время подписания настоящей Конвенции или сдачи на хранение своей ратификационной грамоты или документа о присоединении сделать оговорку в отношении любого положения или положений Конвенции.

2. Любая Договаривающаяся Сторона, которая сделала оговорку, снимает ее, как только это позволят обстоятельства. Снятие оговорки осуществляется путем уведомления Генерального секретаря Совета Европы.

3. Договаривающаяся сторона, которая сделала оговорку в отношении положения Конвенции, может настаивать на применении указанного положения другой Стороной лишь в той степени, в какой она сама согласилась с этим положением.

Статья 24

Договаривающаяся Сторона может во время подписания Конвенции или сдачи на хранение своей ратификационной грамоты или документа о присоединении путем направления заявления на имя Генерального секретаря Совета Европы определить, какие органы для целей Конвенции она будет рассматривать как судебные органы.

Статья 25

1. Настоящая Конвенция применяется к территориям метрополий Договаривающихся Сторон.

2. В отношении Франции она также применяется к Алжиру и заморским департаментам, а в отношении Италии она также применяется к территории Сомали под итальянской администрацией.

3. Федеративная Республика Германии может распространить применение настоящей Конвенции на землю Берлин путем уведомления, направляемого на имя Генерального секретаря Совета Европы.

4. В отношении Королевства Нидерландов Конвенция применяется к его европейской территории. Нидерланды могут распространить применение настоящей Конвенции на Нидерландские Антиль-

ские острова, Суринам и Нидерландскую Новую Гвинею путем уведомления, направляемого на имя Генерального секретаря Совета Европы.

5. По прямой договоренности между двумя и более Договаривающимися Сторонами и с соблюдением условий, изложенных в этой договоренности, применение настоящей Конвенции может быть распространено на любую территорию одной из этих Сторон, помимо территорий, упомянутых в пунктах 1, 2, 3 и 4 настоящей статьи, за международные отношения которой любая такая Страна несет ответственность.

Статья 26

1. При условии соблюдения положений пункта 6 статьи 15 и пункта 3 статьи 16 настоящая Конвенция в отношении стран, к которым она применяется, заменяет собой положения любых договоров, конвенций или двусторонних соглашений, регулирующих взаимную правовую помощь по уголовным делам между любыми двумя Договаривающимися сторонами.

2. Настоящая Конвенция не затрагивает обязательств, взятых в соответствии с условиями любой другой двусторонней или многосторонней международной конвенции, которая содержит или может содержать статьи, регулирующие конкретные аспекты взаимной помощи в данной области.

3. Договаривающиеся Стороны могут заключать между собой двусторонние или многосторонние соглашения о взаимной правовой помощи по уголовным делам лишь с целью дополнения положений настоящей Конвенции или содействия применению содержащихся в ней принципов.

4. В случае, если между двумя или более Договаривающимися Сторонами взаимная правовая помощь по уголовным делам осуществляется на основе единообразного законодательства или специальной системы, предусматривающей обоюдное применение на их соответствующих территориях мер взаимной помощи, эти Стороны, независимо от положений настоящей Конвенции, могут регулировать свои взаимоотношения в этой области исключительно в соответствии с таким законодательством или системой. Договариваю-

щиеся Стороны, которые в соответствии с настоящим пунктом исключают возможность обоюдного применения настоящей Конвенции, соответственно уведомляют об этом Генерального секретаря Совета Европы.

Статья 27

1. Настоящая Конвенция открыта для подписания членами Совета Европы. Она подлежит ратификации. Ратификационные грамоты сдаются на хранение Генеральному секретарю Совета.

2. Конвенция вступает в силу через 90 дней после сдачи на хранение третьей ратификационной грамоты.

3. В отношении любого подписавшего Конвенцию государства, впоследствии ратифицировавшего ее. Конвенция вступает в силу через 90 дней после сдачи на хранение его ратификационной грамоты.

Статья 28

1. Комитет министров Совета Европы может пригласить любое государство, не являющееся членом Совета, присоединиться к настоящей Конвенции при условии, что резолюция, содержащая такое приглашение, получит единогласное одобрение членом Совета, ратифицировавших Конвенции.

2. Присоединение осуществляется путем сдачи на хранение Генеральному секретарю Совета документа о присоединении, который вступает в силу через 90 дней после даты сдачи его на хранение.

Статья 29

Любая Договаривающаяся Сторона может денонсировать настоящую Конвенцию в той мере, в которой это ее касается, направив уведомление Генеральному секретарю Совета Европы. Денонсация вступает в силу через шесть месяцев после даты получения такого уведомления Генеральным секретарем Совета.

Статья 30

Генеральный секретарь Совета Европы уведомляет членов Совета и Правительство любого государства, которое присоединилось к настоящей Конвенции, о:

- а) наименованиях подписавших ее Сторон и сдаче на хранение любой ратификационной грамоты или документа о присоединении;
- б) дате вступления в силу настоящей Конвенции;
- с) любом уведомлении, полученном в соответствии с положениями пункта 1 статьи 5, пункта 3 статьи 7, пункта 6 статьи 15, пункта 2 статьи 16, статьи 24, пунктов 3 и 4 статьи 25 или пункта 4 статьи 26;
- д) любой оговорке, сделанной в соответствии с пунктом 1 статьи 23;
- е) снятию любой оговорки в соответствии с пунктом 2 статьи 23;
- ф) любом уведомлении о денонсации, полученном в соответствии с положениями статьи 29, и о дате вступления в силу такой денонсации.

В удостоверение чего нижеподписавшиеся, должным образом на то уполномоченные, подписали настоящую Конвенцию.

Совершено в г. Страсбурге двадцатого апреля одна тысяча девятьсот пятьдесят девятого года на английском и французском языках, причем оба текста имеют одинаковую силу, в единственном экземпляре, который будет находиться на хранении в архивах Совета Европы. Генеральный секретарь препровождает заверенные копии Конвенции каждому из подписавших ее или присоединившихся к ней правительств.

**ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЙ ПРОТОКОЛ
К ЕВРОПЕЙСКОЙ КОНВЕНЦИИ
О ВЗАИМНОЙ ПРАВОВОЙ ПОМОЩИ
ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ**

Государства — члены Совета Европы, подписавшие настоящий Протокол,

стремясь облегчить применение Европейской конвенции о взаимной правовой помощи по уголовным делам, открытой для подпи-

сания в Страсбурге 20 апреля 1959 года (ниже именуемой «Конвенция»), в случаях нарушения налоговых правил;

считая также желательным дополнить Конвенцию по ряду других вопросов,

согласились о следующем:

ГЛАВА I

Статья 1

Договаривающиеся Стороны не пользуются правом, предусмотренным в статье 2 а) Конвенции, отказывать в помощи только на том основании, что просьба касается правонарушения, которое запрашиваемая Сторона считает нарушением налоговых правил.

Статья 2

1. В случае, когда Договаривающаяся Сторона оговорила исполнение просьб о розыске или аресте имущества тем условием, что правонарушение, являющееся основанием для просьбы, преследуется как по закону запрашивающей Стороны, так и по закону запрашиваемой Стороны, это условие выполняется в отношении нарушений налоговых правил, если правонарушение преследуется по закону запрашивающей Стороны и соответствует такому же по характеру нарушению закона запрашиваемой Стороны.

2. В просьбе не может быть отказано на том основании, что законодательство запрашиваемой Стороны не предусматривает таких же по характеру налогов или сборов или не содержит таких же по характеру положений, касающихся налогов, сборов, пошлин и валютных операций, как и законодательство запрашивающей Стороны.

ГЛАВА II

Статья 3

Конвенция распространяется также на:

а) вручение документов о приведении в исполнение судебного решения, взимании штрафа или оплате судебных издержек;

б) меры, связанные с приостановлением вынесения судебного решения или приведения в исполнение судебного решения или с прекращением такого приведения в исполнение.

ГЛАВА III

Статья 4

Статья 22 Конвенции дополняется следующим текстом, первоначальная статья 22 Конвенции становится при этом пунктом 1, а приводимые ниже положения — пунктом 2:

«2. Кроме того, любая Договаривающаяся Сторона, представившая вышеуказанную информацию, передает заинтересованной Стороне, в отдельных случаях по просьбе последней, копии указанных приговоров и решений о принятии мер, а также любые другие сведения, имеющие к этому отношение, чтобы дать ей возможность рассмотреть вопрос, следует ли принимать по ним какие-либо меры на национальном уровне. Это взаимодействие осуществляется между соответствующими министерствами юстиции.»

ГЛАВА IV

Статья 5

1. Настоящий Протокол открыт для подписания государствами — членами Совета Европы, подписавшими Конвенцию. Он подлежит ратификации, принятию или одобрению. Ратификационные грамоты или документы о принятии или одобрении сдаются на хранение Генеральному секретарю Совета Европы.

2. Протокол вступает в силу через 90 дней после сдачи на хранение третьей ратификационной грамоты или документа о принятии или одобрении.

3. В отношении подписавшего государства, которое ратифицирует, примет или одобрит Протокол после этого, он вступает в силу через 90 дней после сдачи на хранение его ратификационной грамоты или документа о принятии или одобрении.

4. Государство — член Совета Европы не может ратифицировать, принять или одобрить настоящий Протокол, если оно одновременно или ранее не ратифицировало Конвенцию.

Статья 6

1. Любое государство, присоединившееся к Конвенции, может присоединиться к настоящему Протоколу после его вступления в силу.

2. Такое присоединение осуществляется путем сдачи на хранение Генеральному секретарю Совета Европы документа о присоединении, который вступает в силу через 90 дней после его сдачи на хранение.

Статья 7

1. Любое государство может при подписании или сдаче на хранение своей ратификационной грамоты или документа о принятии, одобрении или присоединении указать территорию или территории, на которые распространяется действие настоящего Протокола.

2. Любое государство может при сдаче на хранение своей ратификационной грамоты или документа о принятии, одобрении или присоединении или в любой последующий момент путем заявления на имя Генерального секретаря Совета Европы распространить действие настоящего Протокола на любую другую территорию или территории, указанные в заявлении, за международные отношения которых оно несет ответственность или от имени которых оно уполномочено выступать.

3. Любое заявление, сделанное в соответствии с предыдущим пунктом, может быть отозвано в отношении любой территории, упомянутой в таком заявлении, путем уведомления на имя Генерального секретаря Совета Европы. Такой отзыв вступает в силу через шесть месяцев со дня получения уведомления Генеральным секретарем Совета Европы.

Статья 8

1. Оговорки, сделанные Договаривающейся Стороной в отношении какого-либо положения Конвенции, распространяются также на настоящий Протокол, если эта Сторона не заявит об ином при подписании или сдаче на хранение своей ратификационной грамоты или документа о принятии, одобрении или присоединении. Аналогичная процедура применяется в отношении заявлений, сделанных на основании статьи 24 Конвенции.

2. Любое государство может при подписании или сдаче на хранение своей ратификационной грамоты или документа о принятии, одобрении или присоединении заявить, что оно оставляет за собой право:

а) не принимать главу I или принимать ее только в отношении определенных правонарушений или определенных категорий правонарушений, упомянутых в статье 1, или не удовлетворять просьб о розыске или аресте имущества в связи с нарушениями налоговых правил;

б) не принимать главу II;

в) не принимать главу III.

3. Любая Договаривающаяся Сторона может отозвать заявление, сделанное ею в соответствии с предыдущим пунктом, путем заявления на имя Генерального секретаря Совета Европы, которое вступает в силу со дня его получения.

4. Договаривающаяся Сторона, применившая к настоящему Протоколу оговорку сделанную в отношении какого-либо положения Конвенции, или сделавшая оговорку в отношении какого-либо положения настоящего Протокола, не может требовать применения этого положения другой Договаривающейся Стороной; однако она может, если ее оговорка является частичной или условной, требовать применения этого положения в той мере, в какой оно принято ею самой.

5. Никакие другие оговорки в отношении положений настоящего Протокола не допускаются.

Статья 9

Положения настоящего Протокола не наносят ущерба более подробным положениям двусторонних или многосторонних соглашений, заключенных между Договаривающимися Сторонами во исполнение пункта 3 статьи 26 Конвенции.

Статья 10

Европейский комитет по проблемам преступности Совета Европы информируется о выполнении настоящего Протокола и делает все необходимое с целью содействовать дружественному урегулированию любой проблемы, которая может возникнуть в ходе его осуществления.

Статья 11

1. Любая Договаривающаяся Сторона может в той мере, в какой это ее касается, денонсировать настоящий Протокол путем уведомления на имя Генерального секретаря Совета Европы.

2. Такая денонсация вступает в силу через шесть месяцев после получения такого уведомления Генеральным секретарем.

3. Денонсация Конвенции автоматически влечет за собой денонсацию настоящего Протокола.

Статья 12

Генеральный секретарь Совета Европы уведомляет государств — члены Совета и любое государство, присоединившееся к Конвенции, о:

- а) любом подписании настоящего Протокола;
- б) любой сдаче на хранение ратификационной грамоты или документа о принятии, одобрении или присоединении;
- в) любой дате вступления настоящего Протокола в силу в соответствии со статьями 5 и 6;
- г) любом заявлении, полученном в соответствии с положениями пунктов 2 и 3 статьи 7;
- е) любом заявлении, полученном в соответствии с положениями пункта 1 статьи 8;

ф) любой оговорке, сделанной в соответствии с положениями пункта 2 статьи 8;

г) снятии любой оговорки, осуществленном в соответствии с положениями пункта 3 статьи 8;

h) любом уведомлении, полученном в соответствии с положениями статьи 11, и дате вступления денонсации в силу.

В удостоверение чего нижеподписавшиеся, должным образом на то уполномоченные, подписали настоящий Протокол.

Совершено в Страсбурге 17 марта 1978 года на английском и французском языках, причем оба текста имеют одинаковую силу, в одном экземпляре, который будет храниться в архивах Совета Европы. Генеральный секретарь Совета Европы направляет заверенные экземпляры каждому из подписавших и присоединившихся государств.

ФЕДЕРАЛЬНЫЙ ЗАКОН

О ратификации Европейской конвенции о взаимной правовой помощи по уголовным делам и Дополнительного протокола к ней

Принят Государственной Думой 1 октября 1999 года
Одобен Советом Федерации 13 октября 1999 года

Статья 1. Ратифицировать Европейскую конвенцию о взаимной правовой помощи по уголовным делам от 20 апреля 1959 года, подписанную от имени Российской Федерации в городе Страсбурге 7 ноября 1996 года (далее — Конвенция), со следующими оговорками:

1) «Российская Федерация в соответствии с пунктом 1 статьи 23 Конвенции заявляет, что в дополнение к основаниям, предусмотренным в статье 2 Конвенции, в оказании правовой помощи также может быть отказано в одном из следующих случаев:

а) если лицо, которое в запрашивающем государстве подозревается или обвиняется в совершении правонарушения, находится под судом, либо было осуждено или оправдано в связи с этим правонарушением в Российской Федерации или в третьем государстве, либо в отношении этого лица в Российской Федерации или в третьем государстве вынесено решение об отказе в возбуждении или прекращении производства по делу, по поводу которого поступил запрос о правовой помощи;

б) если преследование или исполнение решения по делу невозможно ввиду истечения срока давности в соответствии с законодательством Российской Федерации.»;

2) «Российская Федерация в соответствии со статьей 3 Конвенции оставляет за собой право отказать в исполнении поручения о получении свидетельских показаний, если соответствующие лица воспользовались предоставленным им законодательством Российской Федерации правом отказаться от дачи показаний вообще или по данному делу.»;

3) «Российская Федерация в соответствии со статьей 5 Конвенции оставляет за собой право исполнять поручения о проведении обыска или наложении ареста на имущество только при соблюдении

условий, предусмотренных в подпунктах «а», «б» и «с» пункта 1 указанной статьи Конвенции.»;

4) «Российская Федерация в соответствии со статьей 7 Конвенции заявляет о необходимости передачи поручения о вручении повестки о явке лица не менее чем за 50 дней до установленной даты явки лица.»;

5) «Российская Федерация в соответствии со статьей 11 Конвенции заявляет, что в запросе о временной передаче содержащегося под стражей лица для допроса в качестве свидетеля или для очной ставки компетентные органы запрашивающего государства должны указать следующие сведения:

а) имя и фамилию лица и, если возможно, место его содержания под стражей;

б) краткое описание преступления, время и место его совершения;

в) обстоятельства, подлежащие выяснению на допросе или очной ставке;

г) время, в течение которого необходимо присутствие данного лица в запрашивающем государстве.»;

6) «Российская Федерация заявляет, что разрешение на транзитную перевозку находящегося под стражей лица на основании пункта 2 статьи 11 Конвенции испрашивается в Генеральной прокуратуре Российской Федерации.»;

7) «Российская Федерация на основании пункта 6 статьи 15 Конвенции заявляет, что при оказании правовой помощи в соответствии со статьями 3, 4 и 5 Конвенции с назначенными органами Договаривающихся Сторон сносятся:

Верховный Суд Российской Федерации — по вопросам судебной деятельности Верховного Суда Российской Федерации и Министерства юстиции Российской Федерации — по вопросам, связанным с работой других судов;

Министерство внутренних дел Российской Федерации — в отношении поручений, не требующих санкции судьи или прокурора, связанных с проведением дознания и предварительного следствия по делам о преступлениях, отнесенных к компетенции органов внутренних дел Российской Федерации;

Федеральная служба безопасности Российской Федерации — в отношении поручений, не требующих санкции судьи или прокурора,

связанных с проведением дознания и предварительного следствия по делам о преступлениях, отнесенных к компетенции органов федеральной службы безопасности;

Федеральная служба налоговой полиции Российской Федерации — в отношении поручений, не требующих санкции судьи или прокурора, связанных с проведением дознания и предварительного следствия по делам о преступлениях, отнесенных к компетенции федеральных органов налоговой полиции;

Генеральная прокуратура Российской Федерации — во всех остальных случаях проведения дознания и предварительного следствия.

В случаях, не терпящих отлагательства, запросы могут быть направлены непосредственно судебными органами запрашивающего государства судебным органам Российской Федерации, как они определены в оговорке к статье 24 Конвенции. При этом копия поручения одновременно передается в соответствующий центральный компетентный орган.

Запросы, предусмотренные в пункте 2 статьи 13 Конвенции, направляются в Министерство юстиции Российской Федерации или Генеральную прокуратуру Российской Федерации.

Верховный Суд Российской Федерации и Генеральная прокуратура Российской Федерации по просьбе учреждения, от которого исходит поручение о правовой помощи, решают вопрос о возможности применения при исполнении поручения процессуального законодательства запрашивающего иностранного государства, если оно не противоречит законодательству Российской Федерации.»;

8) «Российская Федерация заявляет, что направляемые в Российскую Федерацию в соответствии с пунктом 2 статьи 16 Конвенции запросы о правовой помощи и прилагаемые к ним материалы должны сопровождаться переводами на русский язык.»;

9) «Российская Федерация заявляет, что информирование Российской Федерацией в соответствии со статьей 22 Конвенции других Договаривающихся Сторон о мерах, последовавших за осуждением их граждан, будет осуществляться на основе взаимности и только в отношении сведений, признанных официальными в соответствии с законодательством Российской Федерации.»;

10) «Российская Федерация заявляет, что для целей настоящей Конвенции, изложенных в статье 24 Конвенции, в качестве судеб-

ных органов в Российской Федерации рассматриваются суды и органы прокуратуры.»,

а также со следующими заявлениями:

1) «Российская Федерация исходит из того понимания, что положения статьи 2 Конвенции должны применяться таким образом, чтобы обеспечить неотвратимость ответственности за совершение преступлений, подпадающих под действие Конвенции.»;

2) «Российская Федерация исходит из того понимания, что законодательство Российской Федерации не содержит понятия «политические преступления». Во всех случаях при решении вопроса об оказании правовой помощи Российская Федерация не будет рассматривать в качестве «политических преступлений» или «преступлений, связанных с политическими преступлениями», в частности, следующие деяния:

а) преступления против человечества, предусмотренные в статьях II и III Конвенции о предупреждении преступления геноцида и наказании за него (1948 года), статьях II и III Конвенции о пресечении преступления апартеида и наказании за него (1973 года) и статьях 1 и 4 Конвенции против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания (1984 года);

б) преступления, предусмотренные в статье 50 Женевской конвенции об улучшении участи раненых и больных в действующих армиях (1949 года), статье 51 Женевской конвенции об улучшении участи раненых, больных и лиц, потерпевших кораблекрушение, из состава вооруженных сил на море (1949 года), статье 130 Женевской конвенции об обращении с военнопленными (1949 года), статье 147 Женевской конвенции о защите гражданского населения во время войны (1949 года), статье 85 Дополнительного протокола I к Женевским конвенциям от 12 августа 1949 года, касающегося защиты жертв международных вооруженных конфликтов (1977 года), и статьях 1 и 4 Дополнительного протокола II к Женевским конвенциям от 12 августа 1949 года, касающегося защиты жертв вооруженных конфликтов немеждународного характера (1977 года);

в) правонарушения, предусмотренные в Конвенции о борьбе с незаконным захватом воздушных судов (1970 года), Конвенции о борьбе с незаконными актами, направленными против безопасности

гражданской авиации (1971 года), и Протоколе о борьбе с незаконными актами насилия в аэропортах, обслуживающих международную гражданскую авиацию (1988 года), дополняющем упомянутую Конвенцию 1971 года;

г) преступления, предусмотренные в Конвенции о предотвращении и наказании преступлений против лиц, пользующихся международной защитой, в том числе дипломатических агентов (1973 года);

д) преступления, предусмотренные в Международной конвенции о борьбе с захватом заложников (1979 года);

е) правонарушения, предусмотренные в Конвенции о физической защите ядерного материала (1980 года);

ж) правонарушения, предусмотренные в Конвенции Организации Объединенных Наций о борьбе против незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ (1988 года);

з) иные сравнимые преступления, предусмотренные в многосторонних международных договорах, участником которых является Российская Федерация.»

Статья 2. Ратифицировать Дополнительный протокол от 17 марта 1978 года к Европейской конвенции о взаимной правовой помощи по уголовным делам от 20 апреля 1959 года, подписанный от имени Российской Федерации в городе Страсбурге 7 ноября 1996 года.

Статья 3. Настоящий Федеральный закон вступает в силу со дня его официального опубликования.

Президент Российской Федерации Б. ЕЛЬЦИН
Москва, Кремль 25 октября 1999 г. № 193-ФЗ

ЕВРОПЕЙСКАЯ КОНВЕНЦИЯ О ВЫДАЧЕ

Правительства — члены Совета Европы, подписавшие настоящую Конвенцию,

считая, что целью Совета Европы является достижение большего единства между его членами;

считая, что этой цели можно достичь путем заключения соглашений и совместных действий в правовых вопросах;

считая, что принятие единообразных норм в отношении выдачи, возможно, будет содействовать этой работе по унификации, согласились о следующем:

Статья 1. Обязательство в отношении выдачи

Договаривающиеся Стороны обязуются выдавать друг другу при условии соблюдения положений и условий, изложенных в настоящей Конвенции, всех лиц, в отношении которых компетентные органы запрашивающей Стороны ведут уголовное преследование в связи с каким-либо преступлением или которые разыскиваются указанными органами для приведения в исполнение приговора или постановления о задержании.

Статья 2. Преступления, служащие основанием для выдачи

1. Выдача осуществляется в отношении преступлений, наказуемых в соответствии с законодательством запрашивающей Стороны и запрашиваемой Стороны лишением свободы или в соответствии с постановлением о задержании на максимальный срок, по крайней мере в один год, или более серьезным наказанием. В тех случаях, когда осуждение и тюремное заключение или постановление о задержании имеют место на территории запрашивающей Стороны, установленный срок наказания должен составлять не менее четырех месяцев.

2. Если запрос о выдаче включает ряд отдельных преступлений, каждое из которых наказуемо в соответствии с законодательством запрашивающей Стороны и запрашиваемой Стороны лишением свободы или подпадает под постановление о задержании, однако некоторые из которых не отвечают условию в отношении срока на-

казания, которое может быть установлено, запрашиваемая Сторона также имеет право осуществить выдачу за остальные преступления.

3. Любая Договаривающаяся Сторона, закон которой не предусматривает выдачу за некоторые преступления, указанные в пункте 1 настоящей статьи, может в той мере, в которой это ее касается, исключить такие преступления из сферы применения настоящей Конвенции.

4. Любая Договаривающаяся Сторона, которая желает воспользоваться правом, предусмотренным в пункте 3 настоящей статьи, в момент сдачи на хранение своей ратификационной грамоты или документа о присоединении препровождает Генеральному секретарю Совета Европы либо список преступлений, в связи с которыми разрешена выдача, либо список преступлений, в связи с которыми выдача исключается, и в то же время указывает правовые положения, разрешающие или исключающие выдачу. Генеральный секретарь Совета направляет эти списки другим подписавшим Сторонам.

5. Если впоследствии в соответствии с законом какой-либо Договаривающейся Стороны выдача исключается в отношении других преступлений, эта Сторона уведомляет Генерального секретаря. Генеральный секретарь информирует другие подписавшие Стороны. Такое уведомление вступает в силу по истечении трех месяцев с даты его получения Генеральным секретарем.

6. Любая Сторона, пользующаяся правом, предусмотренным в пунктах 4 или 5 настоящей статьи, может в любое время применить настоящую Конвенцию к преступлениям, которые были исключены из сферы ее действия. Она информирует Генерального секретаря Совета о таких изменениях, и Генеральный секретарь информирует другие подписавшие Стороны.

7. Любая Сторона может проявлять взаимность в отношении любых преступлений, исключенных из сферы применения Конвенции в соответствии с настоящей статьей.

Статья 3. Политические преступления

1. Выдача не осуществляется, если преступление, в отношении которого она запрашивается, рассматривается запрашиваемой Стороной в качестве политического преступления или в качестве преступления, связанного с политическим преступлением.

2. То же правило применяется и в том случае, если запрашиваемая Сторона имеет достаточные основания считать, что запрос о выдаче в связи с обычным уголовным преступлением был подан с целью преследования или наказания лица в связи с его расой, религией, национальностью или политическими убеждениями, или что положению этого лица может быть нанесен ущерб по любой из этих причин.

3. Убийство или попытка убийства главы государства или члена его семьи не рассматривается политическим преступлением для целей настоящей Конвенции.

4. Настоящая статья не затрагивает какие-либо обязательства, которые Договаривающиеся стороны могли или могут принять в соответствии с любой другой международной конвенцией многостороннего характера.

Статья 4. Воинские преступления

Выдача в связи с воинскими преступлениями, которые не являются преступлениями в соответствии с обычным уголовным правом, исключается из сферы применения настоящей Конвенции.

Статья 5. Фискальные преступления

Выдача осуществляется в соответствии с положениями настоящей Конвенции в связи с преступлениями, связанными с налогами, пошлинами, таможенными сборами и валютными операциями только в том случае, если Договаривающиеся Стороны приняли об этом решение в отношении любого такого преступления или категории преступлений.

Статья 6. Выдача собственных граждан

1. а) Договаривающаяся Сторона имеет право отказать в выдаче своих граждан;

б) каждая Договаривающаяся Сторона может путем заявления, сделанного в момент подписания или сдачи на хранение своей ратификационной грамоты или документа о присоединении дать определение своего понимания термина «граждане» по смыслу настоящей Конвенции;

с) гражданство определяется в момент принятия решения о выдаче. Однако, если требуемое лицо вначале признается в качестве гражданина запрашиваемой Стороны в течение периода с момента принятия решения и до момента намечаемой передачи, запрашиваемая Сторона может воспользоваться положением, содержащимся в подпункте а) настоящей статьи.

2. Если запрашиваемая Сторона не выдает своего гражданина, она по просьбе запрашивающей Стороны передает дело своим компетентным органам для возбуждения уголовного преследования, если оно будет необходимым. Для этой цели документы, информация и вещественные доказательства, касающиеся преступления, предоставляются бесплатно с помощью средств, предусмотренных в пункте 1 статьи 12. Запрашивающая Сторона информируется о результатах ее запроса.

Статья 7. Место совершения преступлений

1. Запрашиваемая Сторона может отказать в выдаче лица, требуемого в связи с преступлением, которое в соответствии с ее законом считается совершенным полностью или частично на ее территории или в месте, рассматриваемом в качестве ее территории.

2. В тех случаях, когда преступление, в отношении которого запрашивается выдача, было совершено за пределами территории запрашивающей Стороны, в выдаче может быть отказано только в том случае, если закон запрашиваемой Стороны не предусматривает преследования за ту же категорию преступлений в случае совершения за пределами территории последней или не допускает выдачи за указанное преступление.

Статья 8. Незавершенное судебное разбирательство в связи с одними и теми же правонарушениями

Запрашиваемая Сторона может отказать в выдаче требуемого лица, если компетентные органы этой Стороны ведут в отношении его уголовное преследование в связи с преступлением или преступлениями, по поводу которых запрашивается выдача.

Статья 9. NON BIS IN IDEM

Выдача не осуществляется, если компетентные органы запрашиваемой Стороны вынесли окончательное решение в отношении лица, требуемого в связи с преступлением или преступлениями, по поводу которых запрашивается выдача. В выдаче может быть отказано, если компетентные органы запрашиваемой Стороны вынесли решение не возбуждать или прекратить уголовное преследование в отношении того же преступления или преступлений.

Статья 10. Срок давности

Выдача не осуществляется в тех случаях, когда требуемое лицо в соответствии с законом запрашивающей или запрашиваемой Стороны не может быть подвергнуто преследованию или наказанию в связи с истечением срока давности.

Статья 11. Смертная казнь

Если преступление, в связи с которым запрашивается выдача, наказуемо смертной казнью в соответствии с законом запрашивающей Стороны и если в отношении такого преступления смертная казнь не предусматривается законом запрашиваемой Стороны или обычно не приводится в исполнение, в выдаче может быть отказано, если запрашивающая Сторона не предоставит таких гарантий, которые запрашиваемая Сторона считает достаточными, о том, что смертный приговор не будет приведен в исполнение.

Статья 12. Запрос и сопроводительные документы

1. Запрос подается в письменном виде и передается по дипломатическим каналам. На основе прямого соглашения между двумя или более сторонами могут быть предусмотрены другие средства передачи.

2. Запрос должен сопровождаться:

а) подлинником либо заверенной копией обвинительного заключения, приговора или постановления о немедленном задержании, ордера на арест или другого постановления, имеющего ту же силу и выданного в соответствии с процедурой, предусмотренной законом запрашивающей Стороны;

б) указанием преступлений, в связи с которыми запрашивается выдача. Время и место их совершения, их юридическая квалификация и ссылки на соответствующие правовые положения должны быть указаны как можно точнее;

и

с) копией соответствующих законодательных актов или, в тех случаях, когда это невозможно, указанием соответствующего закона и как можно более точными данными и описанием требуемого лица, а также любой другой информацией, которая может способствовать установлению его личности и гражданства.

Статья 13. Дополнительная информация

Если информация, сообщенная запрашивающей Стороной, сочтена недостаточной для того, чтобы запрашиваемая Сторона могла принять решение в соответствии с настоящей Конвенцией, последняя Сторона запрашивает необходимую дополнительную информацию и может установить предельные сроки для ее получения.

Статья 14. Правило конкретности

1. Лицо, которое было выдано, не подвергается уголовному преследованию, не может быть осуждено или задержано в целях исполнения приговора или постановления о задержании за любое преступление совершенное до его передачи, кроме преступления, в связи с которым оно было выдано, и его личная свобода ни по каким иным причинам не ограничивается, за исключением следующих случаев:

а) когда Сторона, передавшая его, согласна на это. Запрос о согласии направляется в сопровождении документов, упомянутых в статье 12, и юридической записки любого заявления, сделанного выданным лицом в связи с соответствующим преступлением. Согласие дается в тех случаях, когда преступление, в связи с которым оно запрашивается, само является основанием для выдачи в соответствии с положениями настоящей Конвенции;

б) когда это лицо, имея возможность покинуть территорию Стороны, которой оно было передано, не сделало этого в течение 45 дней после своего окончательного освобождения или возвратилось на эту территорию после того, как покинуло ее.

2. Запрашивающая Сторона может, однако, принять любые меры, необходимые для выдворения соответствующего лица за пределы своей территории, или любые меры, необходимые согласно его закону, включая уголовное преследование в отсутствие обвиняемого, для предотвращения любых юридических последствий истечения срока давности.

3. Когда состав преступления, в совершении которого предъявлено обвинение, изменяется в ходе уголовного преследования, в отношении выдаваемого лица возбуждается уголовное преследование или ему выносится приговор лишь постольку, поскольку преступление в соответствии со своим новым составом является по своим элементам преступлением, позволяющим осуществить выдачу.

Статья 15. Выдача третьему государству

За исключением предусмотренного в пункте 1 б) статьи 14, запрашивающая Сторона не передает без согласия запрашиваемой Стороны другой Стороне или третьему государству лицо, передаваемое запрашивающей Стороне и разыскиваемое указанной другой стороной или третьим государством в связи с преступлениями, совершенными до его передачи.

Запрашиваемая Сторона может обратиться с запросом о предоставлении документов, упомянутых в пункте 2 статьи 12.

Статья 16. Временный арест

1. В случае, не терпящем отлагательства, компетентные органы запрашивающей Стороны могут обратиться с просьбой о предварительном задержании разыскиваемого лица. Компетентные органы запрашиваемой Стороны принимают решение по данному вопросу в соответствии с ее законом.

2. В просьбе о предварительном задержании указывается, что один из документов, упомянутых в пункте 2 а) статьи 12, существует и что предполагается направить запрос о выдаче. В ней также указывается, в связи с каким преступлением будет направлен запрос о выдаче, где и когда такое преступление было совершено, и приводятся, по возможности, данные и описание разыскиваемого лица.

3. Просьба о предварительном задержании направляется компетентным органам запрашиваемой Стороны по дипломатическим каналам или непосредственно по почте или телеграфу, или через посредство Международной организации уголовной полиции (Интерпол), или с помощью любых других средств, обеспечивающих письменное подтверждение или приемлемых для запрашиваемой Стороны мер. Запрашивающий орган незамедлительно информируется о предпринятых действиях по его запросу.

4. Предварительное задержание может быть отменено, если в течение 18 дней после ареста запрашиваемая Сторона не получила запроса о выдаче и документов, упомянутых в статье 12. В любом случае этот период не превышает 40 дней с даты такого задержания. Возможность временного освобождения в любое время не исключается, однако запрашиваемая Сторона принимает любые меры, которые она считает необходимыми, для предотвращения побега разыскиваемого лица.

5. Освобождение не препятствует повторному аресту и выдаче, если впоследствии получена просьба о выдаче.

Статья 17. Конкурирующие запросы

Если выдача запрашивается одновременно более чем одним государством за одно и то же преступление или за различные преступления, запрашиваемая Сторона принимает свое решение с учетом всех обстоятельств и особенно относительной тяжести и места совершения преступления, соответствующих дат запросов, гражданства требуемого лица и возможности последующей выдачи другому государству.

Статья 18. Передача лица, подлежащего выдаче

1. О своем решении в отношении выдачи запрашиваемая Сторона информирует запрашивающую Сторону с помощью средств, упомянутых в пункте 1 статьи 12.

2. В отношении любого полного или частичного отказа в выдаче указываются причины.

3. В случае удовлетворения запроса запрашивающая Сторона информируется о месте и дате передачи и о периоде времени, в

течение которого требуемое лицо задерживалось с целью передачи.

4. При условии соблюдения положений пункта 5 настоящей статьи, если требуемое лицо не было передано в указанную дату, оно может быть освобождено по истечении пятнадцати дней и в любом случае освобождается по истечении 30 дней. Запрашиваемая Сторона может отказать в его выдаче за одно и то же преступление.

5. Если не зависящие от нее обстоятельства препятствуют Стороне в передаче или приеме лица, подлежащего выдаче, она уведомляет другую Сторону. Обе Стороны договариваются о новой дате передачи, и применяются положения пункта 4 настоящей статьи.

Статья 19. Отсроченная или условная передача

1. Запрашиваемая сторона может, приняв решение в отношении запроса о выдаче, отложить передачу требуемого лица, с тем чтобы в отношении его эта Сторона могла возбудить уголовное расследование или, если это лицо уже осуждено, с тем, чтобы оно могло отбыть свое наказание на территории этой Стороны за преступление иное, чем то, в связи с которым запрашивается выдача.

2. Вместо того, чтобы отложить передачу, запрашиваемая Сторона может временно выдать требуемое лицо запрашивающей Стороне в соответствии с условиями, определяемыми на основе соглашения между Сторонами.

Статья 20. Передача собственности

1. Запрашиваемая Сторона, насколько позволяют ее законы и по просьбе запрашивающей Стороны, конфискует и передает собственность:

а) которая может потребоваться в качестве вещественных доказательств;

или

б) которая была приобретена в результате преступления и которая в момент ареста находилась во владении требуемого к выдаче лица или обнаружена позднее.

2. Собственность, указанная в пункте 1 настоящей статьи, передается даже в том случае, если выдача лица, в отношении которого

была достигнута договоренность, не может быть осуществлена в связи с его смертью или побегом.

3. Когда указанная собственность подлежит аресту или конфискации на территории запрашиваемой Стороны, последняя может в связи с незавершенным уголовным преследованием временно задержать ее или передать ее на условиях возврата.

4. Любые права, которые могли приобрести на указанную собственность запрашиваемая Сторона или третьи стороны, сохраняются. В тех случаях, когда эти права существуют, собственность возвращается безвозмездно запрашиваемой Стороне как можно скорее после суда.

Статья 21. Транзит

1. Транзит через территорию одной из Договаривающихся сторон разрешается по представлении запроса, направленного с помощью средств, упомянутых в пункте 1 статьи 12, при условии, что соответствующее преступление не рассматривается Стороной, у которой запрашивается транзит, в качестве преступления политического или чисто воинского характера, имеющего отношения к статьям 3 и 4 настоящей Конвенции.

2. В транзите гражданина страны, получившей запрос о транзите по смыслу статьи 6, может быть отказано.

3. При условии соблюдения положений пункта 4 настоящей статьи необходимо представить документы, упомянутые в пункте 2 статьи 12.

4. Если используется воздушный транспорт, то применяются следующие положения:

а) когда не предусматривается посадка, запрашивающая Сторона уведомляет Сторону, над территорией которой будет проходить полет, и удостоверяет, что один из документов, упомянутых в пункте 2 а) статьи 12 существует. В случае незапланированной посадки такое уведомление имеет силу запроса на предварительный арест, как это предусмотрено в статье 16, и запрашивающая Сторона представляет официальный запрос о транзите;

б) когда посадка планируется, запрашивающая Сторона представляет официальный запрос о транзите.

5. Однако любая Сторона может в момент подписания или сдачи на хранение своей ратификационной грамоты или документа о

присоединении к настоящей Конвенции заявить, что она будет разрешать транзит какого-либо лица только при соблюдении некоторых или всех условий, на которых она разрешает выдачу. В этом случае может применяться принцип взаимности.

6. Транзит выдаваемого лица не осуществляется через любую территорию, в отношении которой есть основания предполагать, что на ней его жизни или свободе может быть создана угроза в связи с его расой, религией, гражданством или политическими убеждениями.

Статья 22. Процедура

За исключением тех случаев, когда в настоящей Конвенции предусматривается иное, процедура в отношении выдачи и предварительного ареста регулируется исключительно законодательством запрашиваемой Стороны.

Статья 23. Используемый язык

Документы представляются на языке запрашивающей или запрашиваемой Стороны. Запрашиваемая Сторона может потребовать перевода на один из официальных языков Совета Европы по своему выбору.

Статья 24. Расходы

1. Расходы, понесенные на территории запрашиваемой Стороны в связи с выдачей, покрываются запрашивающей Стороной.

2. Расходы, понесенные в связи с транзитом через территорию Стороны, получившей запрос о транзите, покрываются запрашивающей Стороной.

3. В случае выдачи с территории, расположенной за пределами метрополии запрашиваемой Стороны, расходы, связанные с проездом от этой территории до территории метрополии запрашивающей Стороны, покрываются последней. То же правило применяется и к расходам, связанным с проездом от территории, расположенной за пределами метрополии запрашиваемой Стороны, до территории ее метрополии.

Статья 25. Определение термина «постановление о задержании»

Для целей настоящей Конвенции выражение «постановление о задержании» означает любое постановление, предусматривающее лишение свободы и вынесенное уголовным судом в дополнение к приговору о тюремном заключении или вместо него.

Статья 26. Оговорки

1. Любая Договаривающаяся Сторона может при подписании настоящей Конвенции или при передаче своей ратификационной грамоты или документа о присоединении сделать оговорку в отношении любого положения или положений Конвенции.

2. Любая Договаривающаяся Сторона, сделавшая оговорку, снимает ее как только это позволят обстоятельства. Такое снятие оговорки делается путем уведомления Генерального секретаря Совета Европы.

3. Договаривающаяся Сторона, сделавшая оговорку в отношении какого-либо положения Конвенции, не может требовать применения указанного положения другой Стороной, кроме как в той степени, в которой она сама приняла это положение.

Статья 27. Территориальное применение

1. Настоящая Конвенция применяется к территориям метрополий Договаривающихся Сторон.

2. В отношении Франции она применяется также к Алжиру и заморским департаментам, а в отношении Соединенного Королевства Великобритании и Северной Ирландии — к Нормандским Островам и острову Мэн.

3. Федеративная Республика Германии может распространить применение настоящей Конвенции на землю Берлин путем направления уведомления на имя Генерального секретаря Совета Европы, который уведомляет другие Стороны о таком заявлении.

4. На основе прямой договоренности между двумя или более Договаривающимися Сторонами применение настоящей Конвенции может быть распространено при условии соблюдения условий, из-

ложенных в договоренности, на любую территорию таких Сторон, помимо территорий, которые упомянуты в пунктах 1, 2, и 3 настоящей статьи, и ответственность за международные отношения которых несет любая такая Сторона.

Статья 28. Отношения между настоящей Конвенцией и двусторонними соглашениями

1. Настоящая Конвенция в отношении тех стран, к которым она применяется, заменяет собой положения любых двусторонних договоров, конвенций или соглашений, регулирующих выдачу между любыми двумя Договаривающимися Сторонами.

2. Договаривающиеся стороны могут заключить между собой двусторонние или многосторонние соглашения только для того, чтобы дополнить положения настоящей Конвенции или облегчить применение содержащихся в ней принципов.

3. В тех случаях, когда между двумя или более Договаривающимися Сторонами выдача осуществляется на основе единообразных норм, Стороны свободны регулировать свои взаимные отношения касательно выдачи исключительно в соответствии с такой системой независимо от положений настоящей Конвенции. Тот же принцип применяется и в отношениях между двумя или более Договаривающимися Сторонами, каждая из которых имеет действующий закон, предусматривающий исполнение на ее территории ордеров на арест, выданных на территории другой Стороны или Сторон. Договаривающиеся Стороны, которые исключают или могут в будущем исключить применение настоящей Конвенции между собой в соответствии с настоящим пунктом, должным образом уведомляют Генерального секретаря Совета Европы. Генеральный секретарь информирует другие Договаривающиеся Стороны о любом уведомлении, полученном в соответствии с настоящим пунктом.

Статья 29. Подписание, ратификация и вступление в силу

1. Настоящая Конвенция открыта для подписания членами Совета Европы. Она подлежит ратификации. Ратификационные грамоты сдаются на хранение Генеральному секретарю Совета.

2. Конвенция вступает в силу через 90 дней после даты сдачи на хранение третьей ратификационной грамоты.

3. В отношении любой подписавшей Стороны, впоследствии ратифицирующей Конвенцию, она вступает в силу через 90 дней после даты сдачи на хранение ее ратификационной грамоты.

Статья 30. Присоединение

1. Комитет министров Совета Европы может пригласить государство, не являющееся членом Совета, присоединиться к настоящей Конвенции при условии, что резолюция, содержащая такое приглашение, получит единогласное одобрение членов Совета, ратифицировавших Конвенцию.

2. Присоединение осуществляется путем сдачи на хранение Генеральному секретарю Совета документа о присоединении, которое вступает в силу через 90 дней после его сдачи на хранение.

Статья 31. Денонсация

Любая Договаривающаяся Сторона может денонсировать настоящую Конвенцию в той мере, в какой она ее касается, направив уведомление Генеральному секретарю Совета Европы. Денонсация вступает в силу через шесть месяцев после даты получения такого уведомления Генеральным секретарем Совета.

Статья 32. Уведомление

Генеральный секретарь Совета Европы уведомляет членов Совета и правительство каждого государства, присоединившегося к настоящей Конвенции, о:

- a) передаче на хранение любой ратификационной грамоты или документа о присоединении;
- b) дате вступления в силу настоящей Конвенции;
- c) любом заявлении, сделанном в соответствии с положениями пункта 1 статьи 6 и пункта 5 статьи 21;
- d) любой оговорке, сделанной в соответствии с пунктом 1 статьи 26;
- e) снятии любой оговорки в соответствии с пунктом 2 статьи 26;

г) любом уведомлении о денонсации, полученном в соответствии с положениями статьи 31 и о дате, когда такая денонсация вступает в силу.

В удостоверение чего нижеподписавшиеся, должным образом на то уполномоченные, подписали настоящую Конвенцию.

Совершено в Париже 13 декабря 1957 года на английском и французском языках, причем оба текста имеют одинаковую силу, в единственном экземпляре, который будет находиться на хранении в архивах Совета Европы. Генеральный секретарь Совета Европы препровождает заверенные копии Конвенции подписавшим ее правительствам.

ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЙ ПРОТОКОЛ К ЕВРОПЕЙСКОЙ КОНВЕНЦИИ О ВЫДАЧЕ

Государства — члены Совета Европы, подписавшие настоящий Протокол,

учитывая положения Европейской Конвенции о выдаче, открытой для подписания в Париже 13 декабря 1957 года (ниже именуемой «Конвенция»), и, в частности, ее статьи 3 и 9;

считая желательным дополнить эти статьи с целью усиления защиты человечества и отдельных лиц, согласились о следующем:

ГЛАВА I

Статья I

Для целей применения статьи 3 Конвенции следующие преступления не считаются политическими преступлениями:

а) преступления против человечества, указанные в Конвенции о предупреждении преступления геноцида и наказании за него, принятой Генеральной Ассамблеей Организации Объединенных Наций 9 декабря 1948 года;

б) нарушения, указанные в статье 50 Женевской конвенции об улучшении участи раненых и больных в действующих армиях

1949 года, статье 51 Женевской конвенции об улучшении участи раненых, больных и лиц, потерпевших кораблекрушение, из состава вооруженных сил на море 1949 года, статье 130 Женевской конвенции об обращении с военнопленными 1949 года и статье 147 Женевской конвенции о защите гражданского населения во время войны 1949 года;

с) любые сравнимые нарушения законов войны, действующих при вступлении настоящего Протокола в силу и обычаев войны, существующих на это время, которые еще не предусмотрены вышеупомянутыми положениями Женевских конвенций.

ГЛАВА II

Статья 2

Статья 9 Конвенции дополняется следующим текстом, первоначальная статья 9 Конвенции становится при этом пунктом 1, а приводимые ниже положения — пунктами 2, 3 и 4;

«2. Выдача лица, по делу которого было вынесено окончательное решение в третьем государстве, являющемся участником Конвенции, в связи с преступлением или преступлениями, в отношении которых это дело было возбуждено, не производится:

а) если вышеупомянутое решение освобождает его от ответственности;

б) если срок заключения или другая мера наказания, вынесенная в его отношении:

i) была полностью применена;

ii) стала полностью или в отношении непримененной части предметом помилования или амнистии;

с) если суд осудил преступника без наложения санкций.

3. Вместе с тем, в случаях, упоминаемых в пункте 2, решение о выдаче может быть принято:

а) если преступление, в отношении которого было вынесено судебное решение, было совершено против лица, учреждения или любого субъекта, имеющего государственный статус в запрашивающем государстве;

б) если лицо, в отношении которого было вынесено судебное решение, имело государственный статус в запрашивающем государстве;

с) если преступление, в отношении которого было вынесено судебное решение, было совершено полностью или частично на территории запрашивающего государства или в месте, рассматриваемом как его территория.

4. Положения пунктов 2 и 3 не препятствуют применению более широких внутренних положений, касающихся действия принципа *ne bis in idem*, в отношении судебных решений по уголовным делам, вынесенных в другом государстве».

ГЛАВА III

Статья 3

1. Настоящий Протокол открыт для подписания государствами — членами Совета Европы, подписавшими Конвенцию. Он подлежит ратификации, принятию или одобрению. Ратификационные грамоты или документы о принятии или одобрении сдаются на хранение Генеральному секретарю Совета Европы.

2. Протокол вступает в силу через 90 дней после сдачи на хранение третьей ратификационной грамоты или документа о принятии или одобрении.

3. В отношении подписавшего государства, которое ратифицирует примет или одобрит Протокол после этого, он вступает в силу через 90 дней после сдачи на хранение его ратификационной грамоты или документа о принятии или одобрении.

4. Государство — член Совета Европы не может ратифицировать, принять или одобрить настоящий Протокол, если оно одновременно или ранее не ратифицировало Конвенцию.

Статья 4

1. Любое государство, присоединившееся к Конвенции, может присоединиться к настоящему Протоколу после вступления его в силу.

2. Такое присоединение осуществляется путем сдачи на хранение Генеральному секретарю Совета Европы документа о присоединении, который вступает в силу через 90 дней после сдачи его на хранение.

Статья 5

1. Любое государство может при подписании или сдаче на хранение своей ратификационной грамоты или документа о принятии, одобрении или присоединении указать территорию или территории, на которые распространяется действие настоящего Протокола.

2. Любое государство может при сдаче на хранение своей ратификационной грамоты или документа о принятии, одобрении или присоединении или в любой последующий момент путем заявления на имя Генерального секретаря Совета Европы распространить действие настоящего Протокола на любую другую территорию или территории, указанные в заявлении, за международные отношения которых оно несет ответственность или от имени которых оно уполномочено выступать.

3. Любое заявление, сделанное в соответствии с предыдущим пунктом, может быть отозвано в отношении любой территории, упомянутой в таком заявлении, в соответствии с процедурой, предусмотренной в статье 8 настоящего Протокола.

Статья 6

1. Любое государство может при подписании или сдаче на хранение своей ратификационной грамоты или документа о принятии, одобрении или присоединении заявить, что оно не принимает главу I или II.

2. Любая Договаривающаяся Сторона может отозвать заявление, сделанное ею в соответствии с предыдущим пунктом, путем заявления на имя Генерального секретаря Совета Европы, которое вступает в силу со дня его получения.

3. Никакие оговорки в отношении положений настоящего Протокола не допускаются.

Статья 7

Европейский комитет по проблемам преступности Совета Европы информируется о выполнении настоящего Протокола и делает все необходимое с целью содействовать дружественному урегулированию любой проблемы, которая может возникнуть в ходе его осуществления.

Статья 8

1. Любая Договаривающаяся Сторона может в той мере, в какой это ее касается, денонсировать настоящий Протокол путем уведомления на имя Генерального секретаря Совета Европы.

2. Такая денонсация вступает в силу через шесть месяцев после получения такого уведомления Генеральным секретарем.

3. Денонсация Конвенции автоматически влечет за собой денонсацию настоящего Протокола.

Статья 9

Генеральный секретарь Совета Европы уведомляет государства — члены Совета и любое государство, присоединившееся к Конвенции, о:

- а) любом подписании;
- б) любой сдаче на хранение ратификационной грамоты или документа о принятии, одобрении или присоединении;
- в) любой дате вступления настоящего Протокола в силу в соответствии с его статьей 3;
- г) любом заявлении, полученном в соответствии с положениями статьи 5, и любом отзыве такого заявления;
- д) любом заявлении, сделанном в соответствии с Положениями пункта 1 статьи 6;
- е) отзыве любого заявления, осуществленном в соответствии с пунктом 2 статьи 6;
- ж) любом уведомлении, полученном в соответствии с положениями статьи 8, и дате вступления денонсации в силу.

В удостоверение чего нижеподписавшиеся, должным образом на то уполномоченные, подписали настоящий Протокол.

Совершено в Страсбурге 15 октября 1975 года на английском и французском языках, причем оба текста имеют одинаковую силу, в одном экземпляре, который будет храниться в архивах Совета Европы. Генеральный секретарь Совета Европы направляет заверенные экземпляры каждому из подписавших и присоединившихся государств.

ВТОРОЙ ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЙ ПРОТОКОЛ К ЕВРОПЕЙСКОЙ КОНВЕНЦИИ О ВЫДАЧЕ

Государства — члены Совета Европы, подписавшие настоящий Протокол,

стремясь облегчить применение Европейской конвенции о выдаче открытой для подписания в Париже 13 декабря 1977 года (ниже именуемой «Конвенция») в случаях нарушений налоговых правил;

считая также желательным дополнить Конвенцию по ряду других вопросов,

согласились о следующем:

ГЛАВА I

Статья 1

Дополнить пункт 2 статьи 2 Конвенции следующим положением:

«Это право распространяется также на правонарушения, наказуемые лишь денежными санкциями».

ГЛАВА II

Статья 2

Заменить статью 5 Конвенции нижеследующими положениями:

«Нарушения налоговых правил

1. За правонарушения в связи с налогами, сборами, пошлинами и валютными операциями выдача преступников осуществляется между Договаривающимися Сторонами в соответствии с положениями Конвенции, если такое правонарушение, согласно законодательству запрашиваемой Стороны, соответствует правонарушению того же характера.

2. В выдаче не может быть отказано на том основании, что законодательство запрашиваемой Стороны не предусматривает таких же по характеру налогов или сборов или не содержит таких же по характеру положений, касающихся налогов, сборов, пошлин и валютных операций, как и законодательство запрашивающей Стороны.»

ГЛАВА III

Статья 3

Дополнить Конвенцию нижеследующими положениями:

«Постановления в отсутствие ответчика

1. Когда одна Договаривающаяся Сторона просит другую Договаривающуюся Сторону о выдаче лица для целей приведения в исполнение приговора или постановления о задержании лица в соответствии с решением, вынесенным в отношении него в его отсутствие, запрашиваемая Сторона может отказать в выдаче для этой цели, если, по ее мнению, процедура, повлекшая за собой указанное постановление, не удовлетворяла минимальным правам на защиту, признанным за любым лицом, обвиняющимся в уголовном деянии. Однако выдача осуществляется, если запрашивающая Сторона представляет заверения, считающиеся достаточными, чтобы гарантировать лицу, в отношении которого имеется просьба о выдаче, право на повторное судебное разбирательство, обеспечивающее соблюдение прав на защиту. Это решение даст право запрашивающей Стороне либо обеспечить выполнение данного постановления, если обвиняемое лицо против этого не возражает, либо, в случае возражений с его стороны, возбудить уголовное преследование против выдаваемого лица.

2. Когда запрашиваемая Сторона сообщает лицу, в отношении которого имеется просьба о выдаче, о приговоре, вынесенном ему в его отсутствие, запрашивающая Сторона не рассматривает это сообщение как официальное уведомление, имеющее последствия для уголовно-процессуальной процедуры в этом государстве.»

ГЛАВА IV

Статья 4

Конвенция дополняется следующими положениями:

«Амнистия

Выдача не производится в случае преступления, в отношении которого в запрашиваемом государстве была объявлена амнистия и

по которому это государство обладало компетенцией возбуждать судебное преследование согласно собственному уголовному законодательству.»

ГЛАВА V

Статья 5

Пункт 1 статьи 12 Конвенции заменяется следующими положениями:

«Просьба представляется в письменном виде и направляется министерством юстиции запрашивающей Стороны министерству юстиции запрашиваемой Стороны,

однако не исключается использование дипломатических каналов. Другие виды сношений могут быть оговорены в прямом соглашении между двумя или более сторонами.»

ГЛАВА VI

Статья 6

1. Настоящий Протокол открыт для подписания государствами — членами Совета Европы, подписавшими Конвенцию. Он подлежит ратификации, принятию или одобрению. Ратификационные грамоты или документы о принятии или одобрении сдаются на хранение Генеральному секретарю Совета Европы.

2. Протокол вступает в силу через 90 дней после сдачи на хранение третьей ратификационной грамоты или документа о принятии или одобрении.

3. В отношении подписавшего государства, которое ратифицирует, примет или одобрит Протокол после этого, он вступает в силу через 90 дней после сдачи на хранение его ратификационной грамоты или документа о принятии или одобрении.

4. Государство — член Совета Европы не может ратифицировать, принять и одобрить настоящий Протокол, если оно одновременно или ранее не ратифицировало Конвенцию.

Статья 7

1. Любое государство, присоединившееся к Конвенции, может присоединиться к настоящему Протоколу после его вступления в силу.
2. Такое присоединение осуществляется путем сдачи на хранение Генеральному секретарю Совета Европы документа о присоединении, который вступает в силу через 90 дней после его сдачи на хранение.

Статья 8

1. Любое государство может при подписании или сдаче на хранение своей ратификационной грамоты или документа о принятии, одобрении или присоединении указать территорию или территории, на которые распространяется действие настоящего Протокола.
2. Любое государство может при сдаче на хранение своей ратификационной грамоты или документа о принятии, одобрении или присоединении или в любой последующий момент путем заявления на имя Генерального секретаря Совета Европы распространить действие настоящего Протокола на любую другую территорию или территории, указанные в заявлении, за международные отношения которых оно несет ответственность или от имени которых оно уполномочено выступать.
3. Любое заявление, сделанное в соответствии с предыдущим пунктом, может быть отозвано в отношении любой территории, упомянутой в таком заявлении, путем уведомления на имя Генерального секретаря Совета Европы. Такой отзыв вступает в силу через шесть месяцев со дня получения такого уведомления Генеральным секретарем Совета Европы.

Статья 9

1. Оговорки, сделанные государством в отношении какого-либо положения Конвенции, распространяются также на настоящий Протокол, если только это государство не заявит об ином при подписании или сдаче на хранение своей ратификационной грамоты или документа о принятии, одобрении или присоединении.
2. Любое государство может при подписании или при сдаче на хранение своей ратификационной грамоты или документа о приня-

тии, одобрении или присоединении заявить о том, что оно оставляет за собой право:

- a) не принимать главу I;
- b) не принимать главу II или принимать ее лишь в отношении определенных правонарушений или определенных категорий правонарушений, упомянутых в статье 2;
- c) не принимать главу III или принимать лишь пункт 1 статьи 3;
- d) не принимать главу IV;
- e) не принимать главу V.

3. Любая Договаривающаяся Сторона может снять оговорку, сделанную ею в соответствии с предыдущим пунктом, путем заявления на имя Генерального секретаря Совета Европы, которое вступает в силу со дня его получения.

4. Договаривающаяся Сторона, применившая к настоящему протоколу оговорку, сделанную в отношении какого-либо положения Конвенции, или сделавшая оговорку в отношении какого-либо положения настоящего Протокола, не может требовать применения этого положения другой Договаривающейся Стороной; однако она может, если ее оговорка является частичной или условной, требовать применения этого положения в той мере, в какой оно принято ею самой.

5. Никакие другие оговорки в отношении положений настоящего протокола не допускаются.

Статья 10

Европейский комитет по проблемам преступности Совета Европы информируется о выполнении настоящего Протокола и делает все необходимое с целью содействовать дружественному урегулированию любой проблемы, которая может возникнуть в ходе его осуществления.

Статья 11

1. Любая Договаривающаяся Сторона может в той мере, в какой это ее касается, денонсировать настоящий Протокол путем уведомления на имя Генерального секретаря Совета Европы.

2. Такая денонсация вступает в силу через шесть месяцев после получения такого уведомления Генеральным секретарем.

3. Денонсация Конвенции автоматически влечет за собой денонсацию настоящего Протокола.

Статья 12

Генеральный секретарь Совета Европы уведомляет государства — члены Совета и любое государство, присоединившееся к Конвенции, о:

- а) любом подписании настоящего Протокола;
- б) любой сдаче на хранение ратификационной грамоты или документа о принятии, одобрении или присоединении;
- в) любой дате вступления настоящего Протокола в силу в соответствии со статьями 6 и 7;
- д) любом заявлении, полученном в соответствии с положениями пунктов 2 и 3 статьи 8;
- е) любом заявлении, полученном в соответствии с положениями пункта 1 статьи 9;
- ф) любой оговорке, сделанной в соответствии с положениями пункта 2 статьи 9;
- г) снятии любой оговорки, осуществленном в соответствии с положениями пункта 3 статьи 9;
- h) любом уведомлении, полученном в соответствии с положениями статьи 11, и дате вступления денонсации в силу.

В удостоверение чего нижеподписавшиеся, должным образом на то уполномоченные, подписали настоящий Протокол.

Совершено в Страсбурге 17 марта 1978 года на английском и французском языках, причем оба текста имеют одинаковую силу, в одном экземпляре, который будет храниться в архивах Совета Европы. Генеральный секретарь Совета Европы направляет заверенные экземпляры каждому из подписавших и присоединившихся государств.

ФЕДЕРАЛЬНЫЙ ЗАКОН
О ратификации Европейской конвенции о выдаче,
Дополнительного протокола
и Второго дополнительного протокола к ней

Принят Государственной Думой 1 октября 1999 года
Одобен Советом Федерации 13 октября 1999 года

Статья 1. Ратифицировать Европейскую конвенцию о выдаче от 13 декабря 1957 года, подписанную от имени Российской Федерации в городе Страсбурге 7 ноября 1996 года (далее — Конвенция), со следующими оговорками:

1) «Российская Федерация в соответствии со статьей 1 Конвенции оставляет за собой право отказать в выдаче:

а) если выдача лица запрашивается в целях привлечения к ответственности в чрезвычайном суде или в порядке упрощенного судопроизводства либо в целях исполнения приговора, вынесенного чрезвычайным судом или в порядке упрощенного судопроизводства, когда имеются основания полагать, что в ходе такого судопроизводства этому лицу не будут или не были обеспечены минимальные гарантии, предусмотренные в статье 14 Международного пакта о гражданских и политических правах и в статьях 2, 3 и 4 Протокола № 7 к Конвенции о защите прав человека и основных свобод. При этом в понятия «чрезвычайный суд» и «порядок упрощенного судопроизводства» не включается какой-либо международный уголовный суд, полномочия и компетенция которого признаны Российской Федерацией;

б) если имеются серьезные основания полагать, что лицо, в отношении которого поступил запрос о выдаче, было или будет подвергнуто в запрашивающем государстве пыткам или другим жестоким, бесчеловечным или унижающим достоинство видам обращения или наказания либо что этому лицу в процессе уголовного преследования не были или не будут обеспечены минимальные гарантии, предусмотренные в статье 14 Международного пакта о гражданских и политических правах и в статьях 2, 3 и 4 Протокола № 7 к Конвенции о защите прав человека и основных свобод;

в) исходя из соображений гуманности, когда имеются основания полагать, что выдача лица может повлечь для него серьезные ос-

ложнения по причине его преклонного возраста или состояния здоровья.»;

2) «Российская Федерация в соответствии с пунктами 3 и 4 статьи 2 Конвенции оставляет за собой право не выдавать лиц, выдача которых может нанести ущерб ее суверенитету, безопасности, общественному порядку или другим существенно важным интересам. Преступления, в связи с которыми выдача не может быть произведена, устанавливаются федеральным законом.»;

3) «Российская Федерация не несет ответственности по искам о возмещении материального и (или) морального ущерба, вызванного применением в Российской Федерации временного ареста лица в соответствии со статьей 16 Конвенции.»;

4) «Российская Федерация в соответствии с пунктами 4 и 5 статьи 18 Конвенции не несет ответственности по искам о возмещении материального и (или) морального ущерба, связанным с отсрочкой или отменой передачи лиц, в отношении которых принято решение о выдаче.»;

5) «Российская Федерация заявляет, что в соответствии со статьей 23 Конвенции при направлении в Российскую Федерацию документов, относящихся к выдаче, требуется их заверенный перевод на русский язык.»;

а также со следующими заявлениями:

1) «Российская Федерация исходит из того понимания, что положения статьи 3 Конвенции должны применяться таким образом, чтобы обеспечить неотвратимость ответственности за совершение преступлений, подпадающих под действие Конвенции.»;

2) «Российская Федерация исходит из того понимания, что законодательство Российской Федерации не содержит понятия «политические преступления». Во всех случаях при решении вопроса о выдаче Российская Федерация не будет рассматривать в качестве «политических преступлений» или «преступлений, связанных с политическими преступлениями» наряду с преступлениями, указанными в статье 1 Дополнительного протокола 1975 года к Европейской конвенции о выдаче 1957 года, в частности, следующие деяния:

а) преступления против человечества, предусмотренные в статьях II и III Конвенции о пресечении преступления апартеида и наказании за него (1973 года) и в статьях 1 и 4 Конвенции против пыток

и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания (1984 года);

б) преступления, предусмотренные в статье 85 Дополнительного протокола I к Женевским конвенциям от 12 августа 1949 года, касающегося защиты жертв международных вооруженных конфликтов (1977 года), и в статьях 1 и 4 Дополнительного протокола II к Женевским конвенциям от 12 августа 1949 года, касающегося защиты жертв вооруженных конфликтов немеждународного характера (1977 года);

в) правонарушения, предусмотренные в Конвенции о борьбе с незаконным захватом воздушных судов (1970 года), Конвенции о борьбе с незаконными актами, направленными против безопасности гражданской авиации (1971 года), и Протоколе о борьбе с незаконными актами насилия в аэропортах, обслуживающих международную гражданскую авиацию (1988 года), дополняющем вышеупомянутую Конвенцию 1971 года;

г) преступления, предусмотренные в Конвенции о предотвращении и наказании преступлений против лиц, пользующихся международной защитой, в том числе дипломатических агентов (1973 года);

д) преступления, предусмотренные в Международной конвенции о борьбе с захватом заложников (1979 года);

е) правонарушения, предусмотренные в Конвенции о физической защите ядерного материала (1980 года);

ж) правонарушения, предусмотренные в Конвенции Организации Объединенных Наций о борьбе против незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ (1988 года);

з) иные сравнимые преступления, предусмотренные в многосторонних международных договорах, участником которых является Российская Федерация.»;

3) «Российская Федерация по подпункту «а» пункта 1 статьи 6 Конвенции заявляет, что согласно статье 61 (часть 1) Конституции Российской Федерации гражданин Российской Федерации не может быть выдан другому государству.»;

4) «Российская Федерация заявляет, что в соответствии со статьей 21 Конвенции транзитная перевозка по территории Российской Федерации выданного лица разрешается при соблюдении условий, установленных для выдачи.»;

5) «Российская Федерация разделяет мнение, выраженное в заявлениях Правительства Федеративной Республики Германия от 4 февраля 1991 года, Правительства Австрийской Республики от 4 июня 1991 года и Правительства Швейцарской Конфедерации от 21 августа 1991 года, относительно оговорки, сделанной Португалией 12 февраля 1990 года к статье 1 Конвенции. Оговорка, сделанная Португалией к статье 1 Конвенции, совместима с объектом и целью Конвенции только в случае, если отказ в выдаче лиц, которые совершили правонарушения, наказуемые пожизненным заключением, или для которых судом в качестве меры пресечения было избрано содержание под стражей, не носит абсолютного характера. Это позволит трактовать указанную оговорку таким образом, что выдача не будет осуществляться только в том случае, если законодательством запрашивающего государства не предусматривается возможность судебного пересмотра дел тех лиц, которые были осуждены на пожизненное заключение и отбыли определенную часть этого срока или провели часть времени под стражей, на предмет их условно-досрочного освобождения.».

Статья 2. Ратифицировать Дополнительный протокол от 15 октября 1975 года к Европейской конвенции о выдаче от 13 декабря 1957 года, подписанный от имени Российской Федерации в городе Страсбурге 7 ноября 1996 года, со следующим заявлением:

«Российская Федерация с учетом заявления, сделанного ею по статье 3 Европейской конвенции о выдаче от 13 декабря 1957 года, не считает исчерпывающим содержащийся в статье 1 Дополнительного протокола от 15 октября 1975 года к Европейской конвенции о выдаче от 13 декабря 1957 года перечень преступлений, которые не являются «преступлениями политического характера.».

Статья 3. Ратифицировать Второй дополнительный протокол от 17 марта 1978 года к Европейской конвенции о выдаче от 13 декабря 1957 года, подписанный от имени Российской Федерации в городе Страсбурге 7 ноября 1996 года, со следующей оговоркой:

«Российская Федерация оставляет за собой право не применять главу V Второго дополнительного протокола от 17 марта 1978 года к Европейской конвенции о выдаче от 13 декабря 1957 года.».

Статья 4. Назначенным органом Российской Федерации для рассмотрения вопросов о выдаче является Генеральная прокуратура Российской Федерации.

Решение компетентных органов Российской Федерации о выдаче может быть обжаловано лицом, в отношении которого принято решение о выдаче, в судебном порядке в соответствии с законодательством Российской Федерации.

Статья 5. Настоящий Федеральный закон вступает в силу со дня его официального опубликования.

Президент Российской Федерации Б. ЕЛЬЦИН
Москва, Кремль 25 октября 1999 г. № 190-ФЗ

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	5
Глава I. Исторический аспект правовых международных отношений России	11
Глава II. Общепризнанные принципы и нормы международного права и проблемы их применения в уголовном процессе России	35
1. Конституционные положения о соотношении норм международного права и национального законодательства.....	—
2. Понятие общепризнанных принципов и норм международного права.....	46
3. Возможность применения общепризнанных принципов и норм международного права в российском уголовном процессе.....	62
Глава III. Международный договор как источник уголовно-процессуального права	75
1. Понятие международного договора РФ.....	—
2. Создание и вступление в силу международных договоров РФ.....	85
3. Международный договор и уголовно-процессуальное законодательство Российской Федерации.....	94
Глава IV. Практика применения норм международного права в российском уголовном процессе	123
1. Общие положения.....	—
2. Применение иностранного законодательства в российском уголовном процессе.....	147
3. Направление и выполнение процессуальных поручений в порядке оказания правовой помощи.....	156
4. Выдача.....	182
5. Уголовное преследование.....	236
6. Передача предметов.....	243
7. Передача осужденных иностранными судами в страну гражданства.....	—
Заключение	252

Приложение	267
Конвенция о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам.....	—
Европейская конвенция о взаимной правовой помощи по уголовным делам.....	302
Дополнительный протокол к Европейской конвенции о взаимной правовой помощи по уголовным делам.....	315
О ратификации Европейской конвенции о взаимной правовой помощи по уголовным делам и Дополнительного протокола к ней: Федеральный закон.....	322
Европейская конвенция о выдаче.....	327
Дополнительный протокол к Европейской конвенции о выдаче.....	341
Второй дополнительный протокол к Европейской конвенции о выдаче.....	346
О ратификации Европейской конвенции о выдаче, Дополнительного протокола и Второго дополнительного протокола к ней: Федеральный закон.....	352

АССОЦИАЦИЯ ЮРИДИЧЕСКИЙ ЦЕНТР

191028, Санкт-Петербург, ул. Моховая, д. 15.
Телефон: (812) 275 88 60, 275 88 49, 275 88 50, 273 15 33
Факс: (812) 327 35 01 E-mail: yrcenter@hotmail.com

ЮРИДИЧЕСКИЙ ЦЕНТР - НАУКА

- НАУЧНО-КОНСУЛЬТАЦИОННЫЙ ОТДЕЛ
- ОТДЕЛ ОБОБЩЕНИЯ ЮРИДИЧЕСКОЙ ПРАКТИКИ

ЮРИДИЧЕСКИЙ ЦЕНТР ПРЕСС

ЮРИДИЧЕСКИЙ ЦЕНТР - АДВОКАТ

ЮРИДИЧЕСКИЙ ЦЕНТР - АУДИТ

ЮРИДИЧЕСКИЙ ЦЕНТР - ФОНД

ЮРИДИЧЕСКИЙ ЦЕНТР - СЕРВИС

- ИНФОРМАЦИОННО - РЕГИСТРАЦИОННЫЙ ОТДЕЛ
- ОТДЕЛ ПАСПОРТНО - ВИЗОВОГО ОБСЛУЖИВАНИЯ
- ТУРИСТИЧЕСКИЙ ОТДЕЛ
- ОТДЕЛ ПЕРЕВОДОВ

ЮРИДИЧЕСКИЙ ЦЕНТР- НАУКА

- Экспертная оценка нормативных актов
- Научно-консультационные заключения по конкретным делам
- Квалифицированные юридические услуги на русском, английском, французском, немецком, испанском, итальянском языках и языках стран СНГ
- Устное и письменное консультирование по вопросам текущего законодательства и практики его применения
- Чтение лекций и проведение семинаров по актуальным правовым вопросам, подготовка законопроектов
- Представление интересов физических и юридических лиц в Российской Федерации и странах Европы
- Абонементное информационно-правовое обслуживание

ЮРИДИЧЕСКИЙ ЦЕНТР - ПРЕСС

- Кодексы и сборники нормативных правовых актов
- Комментарии законодательства
- Материалы юридической практики
- Учебники и учебные пособия
- Учебно-методические пособия
- Научная литература
- Словари
- Практикумы

ЮРИДИЧЕСКИЙ ЦЕНТР - СЕРВИС

Информационно - регистрационный отдел

- Нотариальные услуги
- Информационно - аналитические услуги
- Регистрация предприятий и организаций

Отдел паспортно - визового обслуживания

- Оказание содействия в оформлении заграничных паспортов
- Оказание содействия в визовой поддержке для иностранных граждан
- Оказание содействия в оформлении виз и мультивиз

Туристический отдел

- Продажа туров во все страны мира
- Оказание содействия в страховании выезжающих за рубеж
- Заказ и доставка авиабилетов

Отдел переводов

- Перевод документов и юридической литературы на иностранные языки и с иностранных языков
- Устный последовательный перевод на встречах и переговорах
- Предоставление переводчиков для предварительного следствия, судебного процесса
- Синхронный перевод телефонных переговоров
- Нотариальное удостоверение переводов и легализация документов (апостиль)

ЮРИДИЧЕСКИЙ ЦЕНТР - АДВОКАТ

Юридическая консультация № 65
Санкт-Петербургской городской
коллегии адвокатов

- Правовое сопровождение коммерческой деятельности
- Юридическая помощь по арбитражным делам юридическим лицам, в том числе иногородним и иностранцам по делам:
о несостоятельности (банкротстве); договорное право; ипотека; залог, недвижимость; сделки, собственность; иные виды споров
- Разовое и постоянное обслуживание
- Подготовка и экспертиза документов юридического характера
- Представление юридических и физических лиц в органах власти и управления, арбитражном суде
- Консультации по всем отраслям права
- Защита и представительство по уголовным делам в судах
- Составление деловых бумаг

**Профессионализм, высокая квалификация,
конфиденциальность и надежность**

ЮРИДИЧЕСКИЙ ЦЕНТР - АУДИТ

- Проведение аудиторских проверок финансово-хозяйственной деятельности
- Инициативный аудит
- Постановка и восстановление бухгалтерского учета
- Ведение бухгалтерского учета
- Налоговое планирование
- Защита интересов в ГНИ и арбитражном суде
- Анализ финансового состояния предприятия, оценка и переоценка фондов
- Письменные и устные консультации по вопросам налогообложения, права и бухгалтерского учета, юридическая экспертиза договоров
- Консалтинговые услуги, составление бизнес-планов и инвестиционных проектов

ЮРИДИЧЕСКИЙ ЦЕНТР - РИЭЛТЕР

- Оказание услуг по купле-продаже объектов нежилого фонда
- Оказание услуг по приобретению прав аренды на объекты нежилого фонда
- Доверительное управление объектами коммерческой недвижимости
- Оказание услуг в проведении приватизации и доприватизации предприятий
- Юридическая помощь в подготовке документов для регистрации права собственности и других вещных прав на недвижимое имущество
- Подготовка документов для регистрации предприятий
- Подготовка документов для регистрации изменений в учредительные документы предприятий
- Консультации по вопросам недвижимости

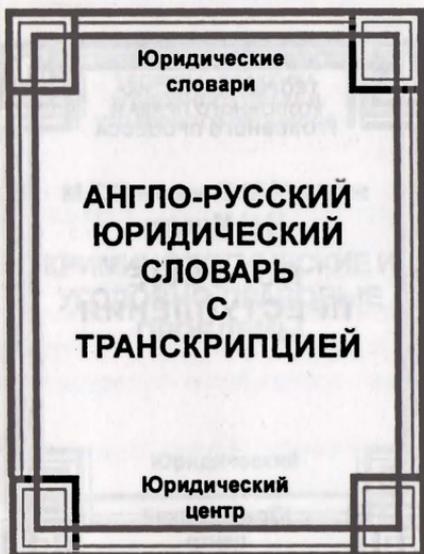
ЮРИДИЧЕСКИЙ ЦЕНТР - ФОНД

- Осуществление благотворительных мероприятий и акций, направленных на защиту интересов и социальную поддержку студентов и ветеранов юридической науки и практики
- Проведение мероприятий, направленных на поиск и привлечение средств российских и иностранных юридических и физических лиц, необходимых для реализации программ и проектов Фонда
- Учреждение премий и стипендий Фонда

ЮРИДИЧЕСКИЙ ЦЕНТР ПРЕСС ЮРИДИЧЕСКИЙ КНИЖНЫЙ ВЕСТНИК

Вышли в свет

“Англо-русский юридический словарь с транскрипцией”. Под редакцией доц. И.В. Мироновой.

Словарь является первым англо-русским словарем с транскрипцией. В него включена общеправовая, отраслевая и общепринятая латинская юридическая терминология, а также терминология смежных с юриспруденцией областей. Издание снабжено списком сокращений, принятых в англоязычной юридической литературе.

Словарь подготовлен преподавателями, имеющими многолетний опыт работы в СПбГУ.

“Гражданское общество: истоки и современность”. Научный редактор проф. И.И. Кальной.

В издании рассматривается исторический аспект возникновения идеи гражданского общества, различные его измерения, проблемы правового и государственного регулирования в системе “государство – гражданское общество”, экономические, политические и социокультурные основания его формирования применительно к современной России.

ЮРИДИЧЕСКИЙ ЦЕНТР ПРЕСС ЮРИДИЧЕСКИЙ КНИЖНЫЙ ВЕСТНИК

Готовятся к изданию в I полугодии
2001 г.

ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА
УГОЛОВНОГО ПРАВА И
УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССА

Р.М.Асланов

**ПРЕСТУПЛЕНИЯ
ПРОТИВ
ГОСУДАРСТВЕННОЙ
ВЛАСТИ**

Юридический
центр

ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА
УГОЛОВНОГО ПРАВА И
УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССА

Н.И.Мащнев

**ПОЛОВЫЕ
ПРЕСТУПЛЕНИЯ**

Юридический
центр

ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА
УГОЛОВНОГО ПРАВА И
УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССА

А.И.Бойцов

**ПРЕСТУПЛЕНИЯ
ПРОТИВ
СОБСТВЕННОСТИ**

Юридический
центр

ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА
УГОЛОВНОГО ПРАВА И
УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССА

Р.Д. ШАРАПОВ
**ФИЗИЧЕСКОЕ НАСИЛИЕ
В УГОЛОВНОМ ПРАВЕ**

Юридический
центр

ЮРИДИЧЕСКИЙ ЦЕНТР ПРЕСС
ЮРИДИЧЕСКИЙ КНИЖНЫЙ ВЕСТНИК

Готовятся к изданию в I полугодии
2001 г.

ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА
УГОЛОВНОГО ПРАВА И
УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССА

М.Г.Миненок, Д.М.Миненок
КОРЫСТЬ.
КРИМИНОЛОГИЧЕСКИЕ И
УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ
ПРОБЛЕМЫ

Юридический
центр

ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА
УГОЛОВНОГО ПРАВА И
УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССА

О.В.Старков, С. Ф. Милоков
НАКАЗАНИЕ:
УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ И
КРИМИНОПЕНОЛОГИЧЕСКИЙ
АСПЕКТ

Юридический
центр

ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА
УГОЛОВНОГО ПРАВА И
УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССА

С.Д.Шестакова
СОСТЯЗАТЕЛЬНОСТЬ В
УГОЛОВНОМ
ПРОЦЕССЕ

Юридический
центр

ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА
ГРАЖДАНСКОГО ПРАВА И
ГРАЖДАНСКОГО ПРОЦЕССА

А.В.Коновалов
ВЛАДЕНИЕ И
ВЛАДЕЛЬЧЕСКАЯ
ЗАЩИТА В
ГРАЖДАНСКОМ ПРАВЕ

Юридический
центр

ЮРИДИЧЕСКИЙ ЦЕНТР ПРЕСС ЮРИДИЧЕСКИЙ КНИЖНЫЙ ВЕСТНИК

Серия «Законодательство зарубежных стран»

В серии предложен высококвалифицированный перевод зарубежного уголовного законодательства, осуществленный совместно правоведами и филологами. Представлен сравнительный анализ и научный комментарий российского и зарубежного уголовного законодательства.

Вышли из печати:

Уголовный кодекс Голландии. Научный редактор профессор Б. В. Волженкин. Перевод с английского И. В. Мироновой. Второе издание.

Издание открывает серию «Законодательство зарубежных стран». Впервые переведенный на русский язык УК Голландии предлагается вниманию работников органов юстиции, судей, адвокатов, преподавателей, ученых, студентов, а также всех интересующихся вопросами уголовного права. Перевод сделан с текста кодекса, переведенного на английский язык и изданного в США в 1997 году.

Уголовный кодекс Китайской Народной Республики. Научный редактор проф. А. И. Коробеев. Перевод с китайского Д. И. Вичикова.

1 октября 1997 г. вступил в силу Уголовный кодекс Китайской Народной республики в редакции от 14 марта 1997 г.; пришедший на смену УК КНР 1978 г. Впервые переведен на русский язык.

В I-III кварталах 2001 г. готовятся к печати и выйдут в свет следующие издания: **Уголовный кодекс Турции.** Научный редактор проф. И. М. Рагимов. Перевод с турецкого И. В. Кулиевой.

Уголовный кодекс Индии. Научный редактор доц. Н. И. Мацнев. Перевод с английского И. В. Мироновой.

Уголовный кодекс Германии. Научный редактор проф. Д. А. Шестаков. Перевод с немецкого С. О. Ивановой.

Уголовно-процессуальный кодекс Израиля. Научный редактор доц. Ю. С. Меркулова. Перевод с английского В. А. Саакян.

Уголовный кодекс Франции. Научный редактор проф. Б. В. Волженкин, Перевод с французского Е. Р. Шубиной.

Уголовный кодекс Чехии. Научный редактор доц. Р. М. Асланов. Перевод с чешского Н. И. Куликовой.

Уголовно-процессуальный кодекс Испании. Научный редактор доц. Т. А. Алексеева. Перевод с испанского Е. Р. Шубиной.

Серия
«Теория и практика уголовного права и уголовного процесса»
Основана в 1999 г.

Научно-практическое издание

Валентина Михайловна Волженкина

**НОРМЫ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА
В РОССИЙСКОМ УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ**

Издательство «Юридический центр Пресс»

Директор А. Ш. Кецаба

Исполнительный директор О. Ю. Филиппов

Главный редактор Г. Я. Панова

Лицензия: ЛП № 000361 от 28.12.1999 г.

Адрес

Издательство «Юридический центр Пресс»

Россия, 191028, Санкт-Петербург, ул. Моховая, 15

Телефоны: (812) 275 88 48, 275 88 49, 275 88 50, 275 88 60, 327 35 02

Факс: (812) 327 35 01 E-mail: izdat@hotmail.com, izdatspb@mail.ru

Санкт-Петербургский юридический институт Генеральной прокуратуры РФ

Начальник редакционно-издательского отдела Н. В. Бибикина

Корректор Ю. А. Веселова

Компьютерная верстка Н. В. Валерьяновой

Лицензия: ИД № 01501 от 10 апреля 2000 г.

Адрес

Россия, 191104, Санкт-Петербург, Литейный пр., 44

Телефон (812) 272 27 59 Факс (812) 279 80 21

Лицензия: ЛП № 000361 от 28.12.1999 г.

Подписано в печать 16.01.2001 г.

Формат 60×90/16. Бумага офсетная. Гарнитура Таймс.

Печать офсетная. Усл. п. л. 23. Уч.-изд. л. 23,5.

Тираж 1000 экз. Заказ № 3575. Цена свободная.

Отпечатано с оригинал-макета
в Академической типографии «Наука» РАН
199034, Санкт-Петербург, 9 линия, 12